

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 22. № 5

2023

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Главная тема номера: / Mainstream issue:

«Лингвокультурные, семиотические и прагматические аспекты медиатизации»
“Linguocultural, semiotic and pragmatic dimensions of mediatization”

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

Volume 22. No. 5

2023

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78163** of March 13, 2020)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78163** от 13 марта 2020 г.)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

The journal is included into **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **MLA** (USA), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **ProQuest** (USA), **CiteFactor** (Canada), **COPAC*** (Great Britain), **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **JournalSeek** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), **OCLC WorldCat®** (USA), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **MIAR** (Spain), **ZDB** (Germany), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **ProQuest** (США), **CiteFactor** (Канада), **COPAC*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat®** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2023

Том 22. № 5

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2023

Volume 22. No. 5

18+

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2023. Vol. 22. No. 5

Academic Periodical

First published in 1996

6 issues a year

Mainstream issue:

“Linguocultural, semiotic and pragmatic dimensions of mediatization”

Editorial Staff:

Assoc. Prof., Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)

Prof., Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)

Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary (Volgograd)

Cand. *O.S. Volkova* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *R.S. Alikaev* (Nalchik);

Prof., Dr. *N.S. Bolotnova* (Tomsk);

Prof., Dr. *D. Voyvodich* (Novi Sad, Serbia);

Prof., Dr. *V.Z. Demyankov* (Moscow);

Leading Researcher, Dr. *N.N. Zapolskaya* (Moscow);

Prof., Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd);

Prof., Dr. *V.I. Karasik* (Volgograd);

Prof., Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);

Prof., Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia);

Prof., Dr. *E.I. Koriakowcewa* (Siedlce, Poland);

Prof., Dr. *L.P. Krysin* (Moscow);

Prof., Dr. *O.A. Leontovich* (Volgograd);

Prof., Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Moscow);

Prof., Dr. *O.N. Prokhorova* (Belgorod);

Prof., Dr. *V.I. Terkulov* (Donetsk, DPR);

Dr. Phil., Prof. of Slavonic Philology *V.S. Tomelleri*
(Turin, Italy);

Assoc. Prof., Dr. *E. Hoffmann* (Vienna, Austria);

Prof., Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd);

Prof., Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland);

Dr. *R. Schmitt* (Mannheim, Germany);

PhD, Assoc. Prof. *Yan Kai* (Zhuhai, China)

Editors, Proofreaders: *M.V. Gayval, I.V. Smetanina*

Editors of English texts: *O.S. Volkova, D.A. Novak*

Making up and technical editing *O.N. Yadykina*

Passed for printing on Oct. 2, 2023.

Date of publication: Dec. 26, 2023. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 18.6. Published pages 20.0.

Number of copies 500 (1st duplicate 1–32).

Order 144. «C» 32.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal website: <https://l.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2023. Т. 22. № 5

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Главная тема номера:

«Лингвокультурные, семиотические и прагматические аспекты медиатизации»

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шептухина* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)
д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)
канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. филол. наук *О.С. Волкова* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);
д-р филол. наук, проф. *Д. Войводич* (г. Нови Сад, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва);
д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград);

д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);
д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);
д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *Е.И. Коряковцева* (г. Седльце, Польша);
д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохвятилова* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, ДНР);
д-р филологии, проф. слав. филологии *В.С. Томеллер* (г. Турин, Италия);
д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);
д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);
д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шипелевич* (г. Варшава, Польша);
д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия);
PhD (филология), доц. *Янь Кай* (г. Чжухай, Китай)

Редакторы, корректоры: *М.В. Гайваль,*
И.В. Сметанина

Редакторы английских текстов: *О.С. Волкова, Д.А. Новак*
Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ябыкиной*

Подписано в печать 02.10 2023 г.

Дата выхода в свет: 26.12 2023 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 18,6.

Уч.-изд. л. 20,0. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–32).

Заказ 144. «С» 32.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство

Волгоградского государственного университета

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <https://l.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

Кочетова Л.А. Лингвокультурная специфика репрезентации искусственного интеллекта в англоязычном медиадискурсе: корпусный подход [На англ. яз.] 6

Ильинова Е.Ю., Волкова О.С. Динамика медиатизации транскультурного концепта «Индивидуальная мобильность»: корпусно-ориентированное исследование 19

Соколова Н.В. Идеологема *Artificial Intelligence* в мультимодальном маркетинговом дискурсе сферы информационных технологий: корпусно-ориентированное исследование [На англ. яз.] 40

Трошченкова Е.В. «Коммуникативный паразитизм» в российском сегменте телеграм-каналов 53

Стеблецова А.О., Торубарова И.И., Линакер Т. Язык здорового образа жизни в британских и российских цифровых СМИ: сопоставительное исследование [На англ. яз.] 72

Чернявская В.Е. Типографический ландшафт и прагматика типографической вариативности 89

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Королева И.А. Синонимические отношения в сфере глагольной лексики смоленского диалекта XVII–XVIII веков 101

Ильин Д.Ю., Сидорова Е.Г. Специфика номинаций географических объектов как отражение общенационального и регионального компонентов 112

Питина С.А., Таскаева А.В. Региональные особенности героизации и дегероизации южноуральских коммеморативов [На англ. яз.] 125

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

Крстич М.Р. Особенности глаголов с деструктивным значением в русском и сербском языках 135

Медведева С.Н. Функционально-семантический потенциал конструкций ‘noun + go / sit / lay + negative Participle II’ и способы их перевода на русский язык 145

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Кравцов С.М., Соловьева Е.А. Названия военных операций: мотивация номинации (на материале французских военных текстов) 156

Юдина Н.В., Котане Л.В. Семантика слова «кукла» в русском языке (динамический аспект) 166

ДИСКУССИИ

Кунавин Б.В. Nominativus absolutus в истории русского языка 178

Токарев Г.В. Трансфер функций культуры в систему лингвокультуры 190

CONTENTS

MAINSTREAM ISSUE

Kochetova L.A. Linguocultural Specifics of Artificial Intelligence Representation in the English Language Media Discourse: Corpus-Based Approach 6

Ilyinova E.Yu., Volkova O.S. Transcultural Concept “Individual Mobility”: Mediatization Dynamics Through Corpus-Based Study 19

Sokolova N.V. The *Artificial Intelligence* Ideologeme in the Multimodal IT Marketing Discourse: A Corpus-Assisted Study 40

Troshchenkova E.V. “Communicative Parasitism” in the Russian Segment of Telegram Channels 53

Stebletsova A.O., Torubarova I.I., Linaker T. The Language of Health Promotion in British and Russian Digital Media: A Comparative Study 72

Chernyavskaya V.E. Typographic Landscape: Pragmatics of Typographic Variation 89

EVOLUTION AND FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Koroleva I.A. Synonymic Relations in Verbal Lexis of the Smolensk Dialect in the 17th – 18th Centuries 101

Ilyin D.Yu., Sidorova E.G. Specificity of Nominating the Geographical Objects: The Reflection of National and Regional Components 112

Pitina S.A., Taskaeva A.V. Regional Peculiarities of Glorification and Deglorification in South Ural Commemorative Names 125

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES

Krstich M.R. Characteristics of Verbs with Destructive Meaning in Russian and Serbian Languages 135

Medvedeva S.N. Functional and Semantic Potential of ‘Noun + Go/Sit/Lay + Negative Participle II’ Constructions and the Ways of Translating Them 145

MATERIALS AND REPORTS

Kravcov S.M., Solovyova E.A. Names
of Military Operations: Motivation of Nomination
(On the Material of French Military Texts) 156

Yudina N.V., Kotane L.V. Semantics of the Word
Kukla (Doll) in the Russian Language (Dynamic Aspect) ... 166

DISCUSSIONS

Kunavin B.V. Nominativus Absolutus
in the History of the Russian Language 178

Tokarev G.V. The Transfer
of Cultural Functions
into the Linguacultural System 190

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.1>

UDC 811.111'42
LBC 81.432.1-51

Submitted: 15.02.2023
Accepted: 05.06.2023

**LINGUOCULTURAL SPECIFICS
OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE REPRESENTATION
IN THE ENGLISH LANGUAGE MEDIA DISCOURSE:
CORPUS-BASED APPROACH¹**

Larisa A. Kochetova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article deals with the discursive construction of artificial intelligence (AI) in the English-language media discourse. Corpus methods establish semantic, figurative-perceptual and axiological specificity in the media representation of AI in various media segments, such as tabloids and broadsheet papers. Corpus-assisted discourse analysis includes: 1) identification of unique semantic domains that determine discourse interpretations of this socially significant phenomenon, followed by an analysis of their dispersion in narratives about AI; 2) analysis of the figurative-evaluative and value content of its media representation; 3) investigation of the specifics of broadsheet media and tabloid media representations of the AI concept. It was found that AI receives multiple media representations, in which its conceptual features represented by the lexical items of the semantic fields “Knowledge”, “Ability”, “Information and Computer Technologies” are supplemented and enriched by the lexical units of the semantic fields “Safety/Danger”, “Transformation”, “Ethics”. In media narratives about AI, the concept of “imitation of human abilities” is often associated with fake news, plagiarism, warfare, crime, climate change, and unemployment. Corpus data revealed that in the narratives about AI in broadsheet media, the lexical items of the semantic field “Robots” emphasize the similarity of AI with anthropomorphic entities; the semantic field “Competition” represents the idea of a rivalry between a human and a machine, as well as between countries, governments and companies; the semantic field “Warfare” actualizes the pragmatics of warning related to collective security and expressing public concern about the possible negative consequences of the development of AI. Popular media emphasize the androgenic nature of AI, its entertainment potential (“Games”), practical values related to health care (“Medicines and Treatment”); and the pragmatics of warning related to individual safety (“Crime”). The evaluative media representation of AI is formed mainly by ethical and practical, often negative, evaluative features transmitted through metaphoric images, intertextual references, and cultural models that determine the behavioural patterns of the discursive community members.

Key words: corpus-assisted discourse analysis, keyword analysis, artificial intelligence, concept, metaphoric model, evaluation, cultural specifics.

Citation. Kochetova L.A. Linguocultural Specifics of Artificial Intelligence Representation in the English Language Media Discourse: Corpus-Based Approach. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 5, pp. 6-18. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.1>

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ: КОРПУСНЫЙ ПОДХОД¹

Лариса Анатольевна Кочетова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье дискурсивное конструирование искусственного интеллекта (ИИ) в англоязычном медиадискурсе рассматривается в лингвокультурном аспекте. Методами корпусной лингвистики проанализирована семантическая, образно-перцептивная и аксиологическая специфика медиарепрезентации ИИ в различных сегментах СМИ: таблоидах и широкоформатных изданиях. В результате корпусного дискурсивного анализа установлены ключевые семантические домены, определяющие дискурсивную интерпретацию ИИ как социально значимого феномена; образно-оценочное и ценностное содержание медиарепрезентации ИИ; особенности способов медиарепрезентации доменов концепта ИИ в исследуемых сегментах СМИ. Показано, что ИИ получает множественные медиарепрезентации, в которых его концептуальные признаки, выраженные лексическими единицами семантических полей «Знание», «Способность», «Информационные и компьютерные технологии», дополняются за счет лексических единиц семантических полей «Безопасность / Опасность», «Трансформация», «Этика» и др. Выявлено, что в медийных нарративах понятийный признак «имитация человеческих способностей» ассоциируется с фейковыми новостями, плагиатом, военными действиями, преступностью, изменением климата и безработицей; в нарративах об ИИ широкоформатных СМИ доминируют единицы: семантического поля «Роботы», акцентирующие сходство ИИ с антропоморфными сущностями; семантического поля «Конкуренция», репрезентирующие идею соперничества между человеком и машиной, а также между странами и компаниями; семантического поля «Война», актуализирующие прагматику предупреждения, связанную с коллективной безопасностью и выражающую общественную обеспокоенность возможными негативными последствиями развития ИИ. Популярные СМИ подчеркивают андрогенную природу ИИ, его развлекательный потенциал («Игры»), утилитарные ценности, относящиеся к заботе о здоровье («Лекарства и лечение»), и содержат прагматику предупреждения, относящуюся к сфере индивидуальной безопасности («Преступление»). Оценочная медиарепрезентация ИИ формируется в основном этическими и утилитарными, чаще негативными оценочными, характеристиками, которые выражаются посредством метафорических образов, интертекстуальных отсылок, культурных моделей, обуславливающих поведенческие паттерны членов дискурсивного сообщества.

Ключевые слова: корпусный анализ дискурса, метод ключевых слов, искусственный интеллект, концепт, метафорическая модель, оценка, лингвокультурная специфика.

Цитирование. Кочетова Л. А. Лингвокультурная специфика репрезентации искусственного интеллекта в англоязычном медиадискурсе: корпусный подход // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 5. – С. 6–18. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.1>

Introduction

Emerging technologies, such as artificial intelligence (hereinafter – AI), are subject to framing across multiple domains, including academic discourses, business and management, culture, politics, and governance. News media is assumed to integrate and convey different expert views to a general audience, who are affected by it, and, directly or indirectly, contribute to the acceptance of new technologies by citizens and consumers/users [Groves T., Figuerola,

Groves M.A., 2015]. In addition, the media influence the consciousness of the discursive community members and shape various domains of public discourse through the so-called mediatization. As researchers point out, concepts formed in institutional discourse types, when formatted in the media discourse, significantly complicate their conceptual structure by acquiring new meanings and evaluations. They turn into media concepts, and it opens the possibility of considering the conceptual significance of the mediatization process [Klushina, 2014; Kondratyeva, Ignatova,

2021], defined as the process of qualitative changes in discourse space caused by the influence of media, which, from an institutional phenomenon that reflects excerpts of reality, is transforming into a factor that determines the essential features of societal life [Shmeleva, 2015, pp. 145-146]. Media reporting draws attention to specific aspects of its perceived impact and constructs propositions for the meaning of particular issues [Chong, Druckman, 2007; De Vreese, 2005; Entman, 1993; Nguyen, 2022]. In this way, media discourse can turn terms into media concepts that acquire new conceptual features and obtain new meanings and evaluations, which is part and parcel of the mediatization process. As a result, mass media not only communicate concepts, giving them prominence, but also make them more salient by shaping their content, modifying evaluation, and forming perceptions in the mind of the discursive community. The way in which media discursively construe emerging technology may influence perceptions, preconceptions, and judgments in public discourse and among audiences.

Earlier mass media focused its attention on novel technologies, such as nanotechnology [Cutcliffe, Pense, Zvalaren, 2012], cloning [Holliman, 2004], gene modification [Tucker, 2012], and digital technology [Guzman, Jones, 2014], playing a crucial role in commenting and interpreting facts and acting as a powerful tool of persuasion.

While AI technologies, whose fast-growing implementation has triggered discussions regarding their benefits, potentials and risks, have become the focus of media coverage, only a few studies investigate the role of news media reporting in shaping individual views on big data, AI, technology companies, and data practices. News reporting makes trends visible, influences public discourses, contributes to the discursive construction of benefits and risks [Lupton, 2017], and shapes technology perception [Pentzold, Landinez, Baaken, 2019]. Even though there is growing research on the public perception of automation, only a few studies have explored how media discursively construe and give meaning to this technology. One recent contribution, based on an array of texts retrieved from various sources across different cultures, including reports and analytical materials of UNESCO, the European Commission, the Royal Society of London,

Stanford University, normative documents of the Russian Federation, public opinion polls (VCIOM, Rambler & Co), Russian, European and American media, revealed the two polar societal perceptions of the artificial intelligence concept, which is portrayed as a tool for control and (or) for development [Kolianov, 2022]. By contrast to this cross-cultural and cross-genre investigation, several media discourse studies on artificial intelligence technologies are confined to the US media [Fast, Horvitz, 2017; Garvey, Maskal, 2020]. The analysis shows a lack of research into linguistic resources employed to communicate AI technology to lay public and audiences and its semiosis in semantic and pragmatic dimensions. As media discourse influenced by the corporate policy of the publication recruits themes, images, evaluations and tones specific to media segments that address particular audiences, the specifics of the discourse representations of AI across the different sectors of media discourse require a separate study.

AI is regarded as a vital sociotechnical institution of the twenty-first century [Bareis, Katzenbach, 2021]. Dictionaries define AI as 1) a branch of computer science dealing with the simulation of intelligent behaviour in computers; 2) the capability of a machine to imitate intelligent human behaviour (MWOED); the study of how to make computers do intelligent things that people can do, such as think and make decisions (LDOCE); the study of how to produce machines that have some of the qualities that the human mind has, such as the ability to understand language, recognize pictures, solve problems, and learn (CDOEL) (here and below see the list of dictionaries). The definitions show that the concept under investigation includes the following sets of semantic features: 1) a set of technical devices and software; 2) imitation of human cognitive functions; 3) focus on the result, as close as possible to the human. From a cognitive-linguistic viewpoint [Lakoff, Johnson, 2003], AI is possibly a metaphorically more concrete concept than Big Data since it is often associated with robots, cyborgs, and other anthropomorphic entities [Darling, 2015].

Media can play a significant role in shaping the structuring and course of discourses, thus influencing the perception and opinions of the recipients on various issues. The way in which the media shape the news allows one to draw

different conclusions [Entman, 1993, p. 52]. Mass media recruit information and knowledge on AI derived from academic, political, business, law, and cultural discourse, to construe topical content and represent AI technology to lay audiences within a specific framework that presents an excerpt of reality using nuances and evaluations that can affect public perception of the phenomenon and generate public debate. As a result, how news media discuss artificial intelligence technologies matters to a large degree since journalists can influence public opinion; how the media cover this emerging technology may also influence recipients' attitudes towards it, creating demands, reservations, or even fear [McCombs, Shaw, 1972]. Media outlets, particularly online news articles, may help provide a framework for the debate on artificial intelligence for those who feel insecure or doubtful about this technology. To this end, the study examines the journalistic contents of widely read British newspapers regarding issues relating to artificial intelligence technology to uncover hidden interpretation patterns. Generally, AI implementation causes concerns, worries and distrust towards this emerging technology in various social groups. As a result, to reduce these barriers, it is vital to convey accurate information to the public, so how the news media cover artificial intelligence is of primary importance.

As part of this evolving research area, this study analyzes artificial intelligence news representation in British broadsheets and tabloid press. Our main objective is to reveal prevalent semantic domains in news reporting on artificial intelligence that shape its conceptual structure and to explore what journalists and experts contribute to the media discourse. Therefore, the study aims to examine different perspectives on the media portrayal of artificial intelligence technologies in British media discourse to provide insight into how it represents this emerging technology.

The question is, then, what semantic domains are used in the media coverage of AI technology across the different media segments, and how they shape the concept of this emerging technology. Since mass media are not neutral observers and articulate opinions and ideas that are politicized and ideology-oriented, the question is what evaluation AI receives in the different media segments, to

which degree AI is embedded in the media discourse in terms of the expectations attached to it, functions it is supposed to perform, and future scenarios that media envision to be achieved by AI; what values these descriptions imply and what patterns of behavior they set.

Material and methods

Discourse analysis is a complex and rigorous qualitative methodology; to make sense of our approach, we describe analytical moves with associated illustrative examples from the texts included in our study. The research interprets textual references to AI regarding contexts employed to form its situated meaning, intertextuality, evaluation, conceptual metaphors, and value characteristics. Recently, corpus linguistics has generated several research designs that attempt to trace a path from data to theory. The study employs corpus-assisted discourse analysis to identify semantic domains recruited to represent AI, explore the type of interpretation patterns and understand the structure of news stories that inform the public about artificial intelligence technologies. The study uses the corpus-assisted approach to identify how the media discourse represents and conceptually shapes the AI concept, and what evaluation AI receives through metaphoric models, intertextual references and figured worlds employed to conceptualize the technology and the specifics of the cultural representation of the technology.

For the research, we compiled a corpus comprising text samples from the websites of the national British broadsheet and tabloids, presented in Table 1.

The study used the functionalities of CQP web (CQPweb v3.3.17) [Hardie, 2012], a web-based corpus manager that enables downloading a corpus and supplying it with morphological and semantic annotation. To retrieve the semantic fields embedded in the discursive practices about AI across the different media segments, we used the keyword function to extract key semantic tags, and reveal the unique semantic classes of lexical units employed in each corpus under study. The obtained results allowed us to analyze the topical content of the texts, identify metaphoric models that draw on the semantic fields, and describe evaluation types and the pragmatic effects of discursive practices.

Table 1. The structure of the AI corpus (2022–2023)

Broadsheet papers	The number of words	An average number of words	The number of texts	Tabloid papers	Number of words	An average number of words	The number of texts
Guardian	270,725	1,547	175	Daily Mail	142,169	947	150
Independent	90,090	546	165	Daily Mirror	57,278	561	102
Observer	189,702	1,405	135	Express	37,653	436	86
				Daily Star	41,196	542	76
				Sun	41,844	565	74
Total	550,517	1,159	475	Total	320,140	656	488

Results and discussion

A useful linguistic concept to be aware of in the analysis of discursive construing of the AI concept is that of the semantic field, defined more specifically as “a set of lexemes which cover a certain conceptual domain and which bear certain specifiable relations to one another” [Lehrer, 1985]. CQPweb allows us to supply a downloaded corpus with semantic annotation and use the keyword function to extract semantic fields, i.e. groups of semantic items, which are unique for the focus corpus compared with a reference corpus. Table 2 presents the unique semantic fields in the AI discursive construction in the British media discourse, where categories that do not coincide in the two media news outlets are printed in bold. Table 2 presents statistics on Keyness of the semantic categories, defined by comparing the

focus corpus with the reference corpus *British English 2006*. The choice of the corpus was determined by its similar regional and genre variety and the availability on the CQPweb. The table contains the statistical metric Log Ratio, which is an effect-size metric available on the CQPweb. Log Ratio is the binary logarithm of the ratio of normalized frequencies of an item (in our case, a group of items). Equal normalized frequencies in the focus and reference corpora are indicated by a value of ‘0’, whereas an increase of one indicates a doubling of the frequency differences [Gabrielatos, 2018, p. 236].

We also look at the dispersion of the semantic classes of words in the corpora, i.e. the degree to which occurrences of a word (a group of words) are distributed throughout a corpus evenly or unevenly/clumpily [Gries, 2020]. The simplest measure of dispersion is the range, i.e. the number

Table 2. Unique semantic fields in the AI corpus compared to the British English 2006

№	Broadsheet media			Popular Media		
	Semantic domain	Log Ratio	Range	Semantic domain	Log Ratio	Range
1	Knowledge	10.93	468	Knowledge	11.26	448
2	Transformation	10.26	475	Transformation	9.86	358
3	Importance	9.37	347	Importance	8.86	258
4	Decision	8.48	238	Decision	8.2	179
5	Safety/Danger	6.29	238	Ability	6.48	378
6	Permission	6.15	296	Safety/Danger	6.30	209
7	Ability	6.04	435	Permission	6.07	248
8	Ethics	4.33	316	Ethics	4.43	239
9	IT & Computing	3.97	475	Crime	4.10	84
10	Industry	3.60	197	IT & Computing	4.05	478
11	Science & Technology	3.13	445	Work & Employment	3.63	79
12	Measurement: Size	2.93	405	Science & Technology	3.05	408
13	Robots	2.83	257	Games	2.90	39
14	Work & Employment	2.65	197	Time: Future	2.70	110
15	Warfare	2.55	110	Business	2.68	308
16	Measurement: Speed	2.43	286	Measurement: Speed	2.28	258
17	Competition	2.36	178	Business	2.23	176
18	Business	2.21	356	Health and Disease	2.14	169
19	Time: early/late	4.32	158	Medicines and medical treatment	1.87	179
20	Health and Disease	1.88	197			
	Total number of texts		475	Total number of texts		488

of corpus parts in which the element in question, here *a*, is attested, which is computed as in (1): (1) range: number of parts containing *a* = 5.

We have identified 20 and 19 semantic classes across the two media outlets. As statistics show, these semantic classes of words are dispersed unevenly across the corpora, they occur in particular combinations to shape the imageries of AI and ascribe evaluations and metaphorical implications to it.

The discourse analysis examines textual references for specific meanings ascribed to AI within the context of the focus corpus to highlight their situated meanings. Media texts under study construe AI technology as *a large language model, machine, machine-based, self-aware, goal-directed, generative, digital, software, program, dataset, neural network*, and ascribe mental abilities to it that are typical of humans, such as decision-making ability. A group of lexemes used to describe AI's ability include *outsmart, master, capability, capable, skills*, etc. The retrieved data show that across the corpus AI was variously associated with the semantic domain "Knowledge" comprising lexemes *know, expert, data, information, news, identify, recognize, database, warn, knowledge, recognition*.

It is noteworthy that all of the texts in our corpus, regardless of the media segment, contain the semantic domain of "Transformation" that includes the lexemes *become, change, adapt, affect, modify, replace, develop, dynamic, development, evolution*, etc. The lexemes highlight diversification of societal domains affected by AI transformations, such as industry, business, media, education, healthcare system, and labour market, e.g.,

(1) There'll be none more important than that devised by Sheffield University scientists to speed up the diagnosis of heart disease. Astonishingly, they've got it down to one minute (The Daily Mirror, 02.03.2023).

The media accentuates speed, scale and importance of changes through the use of lexemes belonging to the semantic field of "Speed", such as *unprecedented, radical, fast, fast-moving, rapid* and the semantic field of "Importance", which is formed by the lexical items and phrases *major turning point, important shift, groundbreaking, monumental, prominence*,

etc., and "Size" that include the lexemes *at scale, big, huge, large, vast, enormous, tremendous, massive, exponential, gigantic* and etc. The idea of societal transformation allows two perspectives, positive outcomes of AI implementation and less optimistic pictures. However, most of these change-associated meanings are dystopian and negative in tone, e.g.,

(2) In many cases, we have wiped out species just because we wanted resources. We chopped down rainforests because we wanted palm oil; our goals didn't align with the other species, but because we were smarter they couldn't stop us. That could easily happen to us (The Guardian, 07.07.2023).

Utilitarian evaluation of the idea of transformation qualifies it as bearing risk and danger (the semantic field "Safety/Danger"), on the one hand, and providing benefits for economy, health care etc., on the other, e.g.,

(3) Generative AI is already being used to design products much more quickly, test them virtually as a "digital twin", and manufacture them more quickly (The Guardian, 18.02.2023a).

Interestingly, texts from the two media segments employ different strategies to accentuate change and transformation. Broadsheet media often contrast past and present, where automation of the past receives favourable evaluation when it brought liberation from mundane tasks, whereas, at present, automated decision-making bears risks for humans, e.g.,

(4) **Previously**, machines replaced manual labour, leaving jobs that required cognitive skills to humans (The Guardian, 18.02.2023b).

The implications of this utterance is that now machines can replace people in high-paid jobs that require decision-making and other cognitive abilities, which takes a negative stance. Several texts accentuate the idea that over time, machines have acquired resemblance to humans, e.g.,

(5) **Early** voice-activated booking systems for restaurants are **now** in widespread use and at least some of them can be difficult to distinguish from a human operator (The Independent, 15.09.2022).

However, the fact that machines can produce things undistinguishable from human products seems to receive negative evaluation, e.g.,

(6) ChatGPT is a large language model that is trained on a huge amount of text data. This allows it to generate **eerily** human-like text in response to a given prompt. These were my first, lofty thoughts last week when buzz began building about ChatGPT, a newly released artificial intelligence chatbot that is **causing panic** in academia due to its ability to generate text that looks like it had been produced by a human (The Daily Mail, 09.12.2022).

By contrast, tabloids employ the strategy of predicting the future and constructing scenarios that sometimes include concrete dates and figures, e.g.,

(7) A new report has found that 38 percent of US jobs will be replaced by robots and artificial intelligence by the early 2030s (The Daily Mail, 24.03.2017).

Table 2 shows that media raise ethical challenges related to societal and individual risks arising from AI development. Shared by the two corpora, the semantic field of ethics includes lexical items *cheating, misuse, integrity, ethics, fair, trick, fool, moral*, etc., which relate to education, information disorder, and algorithmic biases, e.g.,

(8) ChatGPT first attracted a lot of attention because it was being used to cheat in university essays. This also prompted some schools to consider changing homework or at-home assessments to prevent students from cheating (The Daily Mirror, 08.03.2023).

It is stressed in the texts that violation of ethics due to the growing use of AI will breach societal norms and generate disorder and chaos, e.g.,

(9) Experts fear a wave of disinformation and scams as the technology becomes more available; AI art replicated inequity at scale (The Guardian, 23.02.2023).

Among other adverse effects, broadsheet media emphasize the dangers of using AI to influence elections, e.g.,

(10) OpenAI CEO Sam Altman has sounded his fears about AI-powered election interference, telling a congressional hearing on Tuesday that the technology needs to be regulated to protect voting integrity (The Independent, 17.05.2023).

The above mentioned concerns imply the idea of AI control and regulation that is supported

by the semantic field “Permission” comprised by the lexemes *allow, ban, prohibit, rights, let, suppress*, etc.

At the same time, the media segments differ in AI conceptualization and topics to which they give prominence. The unique semantic domains for the broadsheet media corpus include “Warfare”, which contains news content specifically addressing militaristic uses of automation in novel defense systems; “Robots”, which cover innovations in specific fields of application; “Competition”, which highlights the idea of the unfolding contest between AI and humans in various spheres; all of them can cumulate within one text, e.g.,

(11) ...From armed robot dogs to target-seeking drones, the use of artificial intelligence in warfare presents an ethical dilemma that urgently needs addressing. <...> ...A force of hackable robot warriors would be the most obvious targets for cyber-attack by an enemy, which could turn them against their makers and scrub all ethics from their microchip race (The Guardian, 20.11.2022).

As the discourse fragments suggest, in the broadsheet media, AI is associated with anthropomorphic entities that share ethical values and are prone to being targets of cyberattacks.

Finally, AI broadsheet media representation stresses the idea that, on the one hand, there is an international contest for AI leadership which involves countries, governments, and companies, e.g.,

(12) ...There is competition between governments, universities and companies all seeking to advance the technology, meaning there is now an AI arms race (The Guardian, 08.04.2023).

On the other hand, there is a rivalry between AI and humans. The following segment highlights the notion that AI is competing with humans in multiple domains and is likely to prevail in the competition., e.g.,

(13) With machines doing all our daily mental tasks for us, our brains will become literally thoughtless, our minds a haven for endless daydreaming (The Guardian, 19.06.2023).

The unique semantic domains for the tabloid corpus are “Medicines and medical treatment”, “Games”, and “Crime”. News content connects science-related progress in the use of AI for

medical purposes with their economic potential. Tabloids accentuate AI benefits by emphasizing potential entertaining value of the emerging technology, e.g.,

(14) The first AI-created sport: Researchers unveil six-player ‘Speedgate’ created by combining rules of 400 other games. AI is exercising his knowledge of sports by creating its own game. Users of GPT-4 were also able to generate games like Pong and Snake in minutes, just by describing them and specifying a coding language (The Daily Mail, 16.04.2019).

Tabloids highlight forms of cyber-crime, or cyber warfare, where AI technology becomes a tool for malicious activities or the target of digital attacks. The use of artificial intelligence is included in hacking attacks, bot-attacks, and other criminal activities, e.g.,

(15) ChatGPT could help scammers write perfect emails. ChatGPT removes language barrier for cybergangs. Badly-spelled phishing emails will be a thing of the past; This type of AI could be misused in countless ways, from furthering misinformation and hateful content to stealing the copyrighted work of published authors to upending the entire education system (The Daily Mail, 11.03.2023).

The analysis also shows the trend to anthropomorphize AI in a variety of ways, either by having robots show even the slightest recognizable human features or by giving them distinct gendered human bodies as opposed to an androgynous figure, which enables media debates. The way robots are depicted and the fact that they learn from biased material, which results in stereotype-based images, receive negative evaluations. The following media text assigns AI human features such as sexism, racism, and genderism, e.g.,

(16) Female robots were sexualised with large breasts and tiny waists. The algorithm misinterpreted “strong women” as “massive biceps”. But if you ask for images of a CEO, it’s generally an older white male. Nurses? Almost all female. And if you don’t specify skin colour, the bots default to white people. While humans are inherently biased, technology is replicating inequity at scale. We need to master this technology before it enslaves us (The Guardian, 23.02.2023).

Risks brought by AI that are frequently pointed to in news reporting include environmental

danger related to increased consumption of resources, e.g.,

(17) Self-driving cars, for example, are estimated to use up to 20% more energy than conventional cars. If self-driving cars and aeroplanes become commonplace, and soldiers and judges are eventually replaced by AI equivalents, the power requirements would be huge (The Daily Star, 15.03.2023).

Semiotic resources used to evaluate AI include intertextuality, which reflects the extent to which media texts relate to previous or other texts. The analysis of the positive appeal ‘*But new technology should be embraced, not feared*’ shows that the phrase is repeatedly used in other texts where the collocation *new technology* is replaced by another social phenomenon such as *being alone, uncertainty, change*, etc. It means that the text uses a social language associated with another identity, in our case psychology, popular lore, and advertising.

In tabloids, AI receives utilitarian evaluation in terms of danger coming from AI, which is supported by the allusion to the well-known science fiction novel by Arthur Clark, e.g.,

(18) The artificial intelligence character in Arthur C. Clarke’s *Space Odyssey* that opts to kill astronauts to save itself. When asked to open the pod bay doors to let the astronauts return to the spacecraft, Hal says ‘I’m sorry Dave, I’m afraid I can’t do that’ (The Daily Mail, 12.02.2022).

The analysis of the projected social imaginaries and how they were evoked within the texts in the two media segments showed that in the broadsheet papers, the number of contexts with imageries that idealize the future is quite limited, e.g.,

(19) The world of tomorrow could include a friend in your pocket (The Independent, 15.09.2022).

Generally, most contexts evoke concerns by projecting less attractive and even apocalyptic imageries of the future, which vary from ethical concerns to a global existential threat to humanity, e.g.,

(20) Weaponised applications of these newly capable robots will also **harm public trust** in the technology in ways that damage the tremendous benefits they will bring to society. Advanced artificial intelligence could **pose a catastrophic risk**

to humanity and **wipe out entire civilisations**, a new study warns (The Guardian, 20.11.2022).

Several texts emphasize the dystopian technocratic future of the world where a social system is controlled by experts in science or technology, e.g.,

(21) ...A small group of people controlling powerful systems could “make AI a centralising force”, leading to “value lock-in”, an eternal caste system between ruled and rulers (The Guardian, 25.05.2023).

In order to quantify the effects media have on the general public, we counted the proportion of texts with a negative and positive stance. As a result, the share of texts that convey negative social imageries, raising social alertness towards the technology, comprised 85 per cent in our corpus, which reflects the prevalence of warning pragmatics in the media segment under study.

The analysis of the tabloid press shows that they tend to represent exaggerated expectations about the future and make sensational claims, e.g.,

(22) Futurist Ray Kurzweil believes immortality will be reached by 2030 and will coincide with AI reaching singularity, having previously made correct predictions about other technological advancements (The Daily Mirror, 23.03.2023).

The persuasive function is reinforced by using reference to earlier correct predictions, e.g.,

(23) ...His previously accurate predictions include saying that in 1990 that within 10 years a computer could beat the world’s best chess player (The Daily Mirror, 23.03.2023).

Negative scenarios employed by tabloids also often comprise exaggerated claims with references to authorities, e.g.,

(24) Advanced artificial intelligence could one day “kill everyone” – and there would be nothing we could do to stop it, MPs have been warned (The Daily Mail, 25.01.2023).

Cultural attitudes to particular areas of human activity can often be seen in the choices of metaphor used when that activity is discussed [Carter, 2001]. Texts often draw on the semantic field “People” and use the metaphoric model “AI is human” to discuss ethical issues. The following extract metaphorically compares AI training to raising a child, e.g.,

(25) My book, *Man-Made*, is about stereotypical images and words in databases being used to train algorithms. These baby biases become troublesome teenagers through machine learning. AI systems can build in human biases, risking the perpetuation of stereotypes and discrimination as they [databases] often encode human biases in unforeseen ways (The Guardian, 23.02.2023).

The metaphoric model “AI is human” is employed to conceptualize the issue of climate change, e.g.,

(26) ChatGPT data centres are consuming a staggering amount of water, study warns Conversation of 20-50 questions with AI chatbot may ‘drink’ 500ml of water (The Independent, 13.04.2023).

Utilitarian evaluation of AI recruits conceptual metaphors that highlight the benefits of AI implementation using the metaphoric model “Artificial Intelligence is Assistant/Supporter”, e.g.,

(27) Almost 40% of domestic tasks could be done by robots ‘within decade’. Chores such as shopping likely to have most automation, while caring for young or old least likely to be affected, says report (The Guardian, 24.02.2023).

The metaphoric model “AI is Warfare”, which implies that humans have to have control, draws on the corresponding semantic field, e.g.,

(28) The philosopher Nick Bostrom, who heads the Future of Humanity Institute at the University of Oxford, says that humans trying to build AI are “like children playing with a bomb”, and that the prospect of machine sentience is a greater threat to humanity than global heating. Senator tells tech boss artificial intelligence is like a ‘bomb in a china shop’ (The Guardian, 29.11.2021).

The metaphoric model “Artificial Intelligence is Enemy” draws on a warfare model and implies that humans have to protect themselves, e.g.,

(29) If we build something so powerful, we had better be confident it will not turn on us. For the people seriously concerned about this, the argument goes that since this is a potentially extinction-level problem, we should devote resources now to combating it (The Guardian, 29.11.2021).

As we see, as a symbol AI is evaluated from ethical point of view (it is biased) and from the utilitarian position (it is dangerous and unsafe, on

the one hand, but on the other hand, it is used in industry, medicine, business and governance). Although AI is defined as ‘imitation of human abilities’ in media discourse, the desired outcome often receives a negative stance as it is associated with fake news, plagiarism, warfare, crime, climate change, and unemployment.

Conclusion

To sum up, this study focuses on the media coverage of the AI concept, building on the textual semantics to capture how the image of the emerging technology is discursively construed in media discourse. The corpus-assisted discourse analysis of the semantic domains reveals the way in which AI is described in the different segments of English-language media texts, providing an insight into how AI is represented to lay audiences. It turns out that media recruits lexemes of the semantic fields “Knowledge”, “Ability”, and “IT and Computing” that represent its conceptual features. They are accompanied by lexical items belonging to the semantic fields of “Safety/Danger”, “Ethics”, and “Transformation”, which are closely associated with speed, resemblance to humans, and scale.

The research shows that news media cover the technologies with a focus on utilitarian values that juxtapose economic benefits versus societal, environmental, and individual risks. Both news outlets portray AI as a relevant and competent solution to a range of public problems, from medical diagnosis and renewable energy to driverless cars and coffee delivery. They both discuss ethics, including discrimination, algorithmic bias and privacy, and highlight that AI technology implementation bears risk for society; they put AI in negative contexts by raising issues of crime, energy consumption and unemployment.

Media coverage of AI is being politicized: broadsheet papers highlight issues of warfare, election and competition, which imply societal values; tabloids highlight themes of entertainment, medication and crime related to individual values.

We can conclude that overemphasizing AI humanoid representation, accompanied by exaggerated expectations and fears, can affect

public confidence and perceptions. Consequently, this may contribute to a misinformed debate, which could have significant implications for AI research, funding, regulation, and acceptance. Overall, the paper provides valuable insights into the public’s views and attitudes towards AI, and how it is portrayed in the media. While the media often portrays AI as a tool for progress and a force for good, the public’s views may be more nuanced and complex. Understanding these attitudes is essential for the adoption and use of AI technologies.

This sample contains only English-language, U.K.-based news outlets. Broader, more international sampling would reveal cultural differences in media representation and perceptions of artificial intelligence. We see the study potential in cross-cultural comparisons that would allow us to learn more about how different cultures and regions perceive the risks and benefits of artificial intelligence and how the narrative influences shaping those perceptions.

NOTE

¹ The study is supported by Russian Science Foundation, № 23-28-00509, <https://rscf.ru/project/23-28-00509/>

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00509, <https://rscf.ru/project/23-28-00509/>

REFERENCES

- Bareis J., Katzenbach C., 2021. Talking AI into Being: The Narratives and Imaginaries of National AI Strategies and Their Performative Politics. *Science, Technology, & Human Values*, vol. 47, iss. 5. DOI: <https://doi.org/10.1177/01622439211030007>
- Carter R., 2001. *Working With Texts: A Core Introduction to Language Analysis*. New York, Routledge. 291 p.
- Chong D., Druckman J.N., 2007. Framing Theory. *Annual Review of Political Science*, vol. 10, pp. 103-126. DOI: 10.1146/annurev.polisci.10.072805.103054
- Cutcliffe S.H., Pense C.M., Zvalaren M., 2012. Framing the Discussion: Nanotechnology and the Social Construction of Technology – What STS Scholars Are Saying. *NanoEthics*, vol. 6, iss. 2, pp. 81-99. DOI: 10.1007/s11569-012-0149-z

- Darling K., 2015. 'Who's Johnny?' Anthropomorphic Framing in Human-Robot Interaction, Integration, and Policy. Lin P., Bekey G., Abney K., Jenkins R., eds. *ROBOTETHICS 2.0*, Oxford University Press. 22 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2588669>
- De Vreese C.H., 2005. News Framing: Theory and Typology. *Information Design Journal*, vol. 13, iss. 1, pp. 51-62. DOI: 10.1075/idjdd.13.1.06vre
- Entman R.M., 1993. Framing. Toward Clarification of a Fractured Paradigm. *Journal of Communication*, vol. 43, iss. 4, pp. 51-58. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x
- Fast E., Horvitz, E., 2017. Long-Term Trends in the Public Perception of Artificial Intelligence. *Proceedings of the AAAI Conference on Artificial Intelligence*, vol. 31, no. 1. DOI: <https://doi.org/10.1609/aaai.v31i1.10635>
- Gabrielatos C., 2018. Keyness Analysis: Nature, Metrics and Techniques. Taylor Ch., Marchi A., eds. *Corpus Approaches to Discourse: A Critical Review*. New York, Routledge, pp. 225-258.
- Garvey Sh., Maskal Ch., 2020. Sentiment Analysis of the News Media on Artificial Intelligence Does Not Support Claims of Negative Bias Against Artificial Intelligence. *Omics: A Journal of Integrative Biology*, vol. 24, iss. 5. DOI: 10.1089/omi.2019.0078
- Groves T., Figuerola C.G., Groves M.A., 2015. Ten Years of Science News. A Longitudinal Analysis of Scientific Culture in the Spanish Digital Press. *Public Understanding of Science*, vol. 25, iss. 6, pp. 691-705. DOI: 10.1177/0963662515576864
- Gries St.Th., 2020. Analyzing Dispersion. Paquot M., Gries St.Th., eds. *A Practical Handbook of Corpus Linguistics*. Berlin, New York, Springer, pp. 99-118.
- Guzman A.L., Jones S., 2014. Napster and the Press. Framing Music Technology. *First Monday*, vol. 19, no. 6. DOI: <https://doi.org/10.5210/fm.v19i10.5545>
- Hardie A., 2012. CQPweb – Combining Power, Flexibility and Usability in a Corpus Analysis Tool. *International Journal of Corpus Linguistics*, vol. 17, iss. 3, pp. 380-409. DOI: 10.1075/ijcl.17.3.04har
- Holliman R., 2004. Media Coverage of Cloning: A Study of Media Content, Production and Reception. *Public Understanding of Science*, vol. 13, iss. 2, pp. 107-130. DOI: <https://doi.org/10.1177/0963662504043862>
- Klushina N.I., 2014. Mediatizatsiya sovremennoy kultury i russkiy natsionalnyi stil [Mediatization of Modern Culture and Russian National Style]. *Russkaya rech* [Russian Speech], no. 1, pp. 66-73.
- Kolianov A.Yu., 2022. Semiozis iskusstvennogo intellekta i sotsialnoe razvitie [Semiosis of Artificial Intelligence and Social Development]. *Diskurs* [Discourse], vol. 8, no. 2, pp. 88-97. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-2-88-97>
- Kondratyeva O.N., Ignatova Yu.S., 2021. Strategii mediatizatsii yuridicheskikh kontseptov v rossiyskikh massmedia XXI veka (na primere kontseptov LEGITIMNOST) [Strategies for the Mediatization of Legal Concepts in Russian Mass Media of 21st Century (Concept LEGITIMACY)]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], no. 3, pp. 69-85. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-3-69-85>
- Lakoff G., Johnson M., 2003. *Metaphors We Live By*. Chicago, University of Chicago Press. 256 p.
- Lehrer A., 1985. The Influence of Semantic Field on Semantic Change. Fisiak J., ed. *Historical Semantics. Historical Word-Formation*. Berlin, New York, Amsterdam, Mouton de Gruyter, pp. 283-296.
- Lupton D., 2017. Feeling Your Data: Touch and Making Sense of Personal Digital Data. *New Media & Society*, vol. 19, iss. 10, pp. 1599-1614. URL: <https://doi.org/10.1177/1461444817717515>
- McCombs M.E., Shaw D.L., 1972. The Agenda-Setting Function of Mass Media. *The Public Opinion Quarterly*, vol. 36, no. 2, pp. 176-187.
- Nguyen D., 2022. The News Framing of Artificial Intelligence: A Critical Exploration of How Media Discourses Make Sense of Automation. *AI & Society*, 2022, 23 June. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00146-022-01511-1>
- Pentzold N., Landinez L., Baaken Th., 2019. Disruptive Innovation from a Process View: A Systematic Literature Review. *Creativity and Innovation Management*, vol. 28, iss. 2, pp. 157-174. DOI: 10.1111/caim.12313
- Shmeleva T.V., 2015. Mediatizatsiya kak fenomen sovremennoy kultury i obyekт issledovaniya [Mediatization as the Phenomenon of Modern Culture and Object of Research]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universite-ta im. Jaroslava Mudrogo* [Vestnik of Novgorod State University], no. 7 (90), pp. 145-148.
- Tucker C., 2012. Using Social Network Analysis and Framing to Assess Collective Identity in the Genetic Engineering Resistance Movement of Aotearoa New Zealand. *Social Movement Studies*, vol. 12, iss. 1, pp. 81-95. DOI: <https://doi.org/10.1080/14742837.2012.679065>

SOURCES

- The Daily Mail, 24.03.2017 – *Watch Out America, Robots Are Coming for Your Jobs: Report Finds 38 % of US Jobs Will Be Automated by 2030*. URL: <https://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-4347630/Report-finds-38-jobs-lost-robots-2030.html>
- The Daily Mail, 16.04.2019 – *The First AI-Created Sport: Researchers Unveil Six-Player 'Speedgate' Created by Combining Rules of 400 Other Games*. URL: <https://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-6925629/The-sport-created-artificial-intelligence-combining-rules-400-sports.html>
- The Daily Mail, 12.02.2022 – *'I'm Sorry, Dave. I'm Afraid I Can't Do That': Artificial Intelligence Expert Warns That There May Already Be a 'Slightly Conscious' AI out in the World*. URL: <https://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-10503703/Artificial-Intelligence-expert-warns-slightly-conscious-AI.html>
- The Daily Mail, 09.12.2022 – *What Is ChatGPT? Everything You Need to Know About the New AI Chatbot That Garnered More Than One Million Users in Its First WEEK Thanks to Its Eerily Human-Like Responses*. URL: <https://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-11521261/What-ChatGPT-need-know-Elon-Musks-new-AI-chatbot.html>
- The Daily Mail, 25.01.2023 – *Artificial Intelligence Could Kill Off the Human Race and Make Mankind Extinct, MPs Are Warned*. URL: <https://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-11677653/Artificial-intelligence-kill-human-race-make-mankind-extinct-MPs-warned.html>
- The Daily Mail, 11.03.2023 – *ChatGPT Could Help Scammers Write Perfect Phishing Emails – Here's Your Guide to Spotting Them*. URL: <https://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-11834711/Five-signs-help-spot-phishing-emails-generated-ChatGPT.html>
- The Daily Mirror, 02.03.2023 – *'Artificial Intelligence Can Save NHS Time and Money with Heart Scans'*. URL: <https://www.mirror.co.uk/news/health/artificial-intelligence-can-save-nhs-29357299>
- The Daily Mirror, 08.03.2023 – *All You Need to Know About ChatGPT – From How It Works to Job Losses Threat*. URL: <https://www.mirror.co.uk/tech/you-need-know-chatgpt-how-29407807>
- The Daily Mirror, 23.03.2023 – *Quest for Eternal Life Could Be Achieved in Just Seven Years Time, Scientist Claims*. URL: <https://www.mirror.co.uk/science/quest-eternal-life-could-achieved-29529026>
- The Daily Star, 15.03.2023 – *Artificial Intelligence Breakthrough Using Human Brain Cells Is 'Exciting Next Step'*. URL: <https://www.dailystar.co.uk/news/weird-news/artificial-intelligence-breakthrough-using-human-29462766>
- The Guardian, 29.11.2021 – *The Big Idea: Should We Worry About Artificial Intelligence?* URL: <https://www.theguardian.com/books/2021/nov/29/the-big-idea-should-we-worry-about-artificial-intelligence>
- The Guardian, 20.11.2022 – *'Part of the Kill Chain': How Can We Control Weaponised Robots?* URL: <https://www.theguardian.com/technology/2022/nov/20/part-of-the-kill-chain-how-can-we-control-weaponised-robots>
- The Guardian, 18.02.2023a – *From Retail to Transport: How AI Is Changing Every Corner of the Economy*. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2023/feb/18/from-retail-to-transport-how-ai-is-changing-every-corner-of-the-economy>
- The Guardian, 18.02.2023b – *The AI Industrial Revolution Puts Middle-Class Workers Under Threat This Time*. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2023/feb/18/the-ai-industrial-revolution-puts-middle-class-workers-under-threat-this-time>
- The Guardian, 23.02.2023 – *AI Art Replicates Inequity at Scale. We Need to Learn About Its Biases – and Outsmart the Algorithm*. URL: <https://www.theguardian.com/books/2023/feb/24/ai-art-replicates-inequity-at-scale-we-need-to-learn-about-its-biases-and-outsmart-the-algorithm>
- The Guardian, 24.02.2023 – *Everything You Wanted to Know About AI – But Were Afraid to Ask*. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2023/feb/24/ai-artificial-intelligence-chatbots-to-deepfakes>
- The Guardian, 08.04.2023 – *As AI Weaponry Enters the Arms Race America Is Feeling Very, Very Afraid*. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/apr/08/as-ai-weaponry-enters-the-arms-race-america-is-feeling-very-very-afraid>
- The Guardian, 25.05.2023 – *OpenAI Leaders Call for Regulation to Prevent AI Destroying Humanity*. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2023/may/24/openai-leaders-call-regulation-prevent-ai-destroying-humanity>
- The Guardian, 19.06.2023 – *The Big Idea: Will AI Make Us Stupid?* URL: <https://www.theguardian.com/books/2023/jun/19/the-big-idea-will-ai-make-us-stupid>
- The Guardian, 07.07.2023 – *Five Ways AI Might Destroy the World: 'Everyone on Earth Could Fall over Dead in the Same Second'*. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2023/jul/07/five-ways-ai-might-destroy-the-world>

www.theguardian.com/technology/2023/jul/07/five-ways-ai-might-destroy-the-world-everyone-on-earth-could-fall-over-dead-in-the-same-second
The Independent, 15.09.2022 – *Will Artificial Intelligence Chatbots Become Our New Best Friends?* URL: <https://www.independent.co.uk/independentpremium/long-reads/chat-box-artificial-intelligence-sentience-b2162576.html>
The Independent, 13.04.2023 – *ChatGPT Data Centres Are Consuming a Staggering Amount of Water, Study Warns*. URL: <https://www.independent.co.uk/tech/chatgpt-data-centre-water-consumption-b2318972.html>
The Independent, 17.05.2023 – *ChatGPT Creator Sam Altman 'Nervous' About AI Election*

Manipulation. URL: <https://www.independent.co.uk/tech/chatgpt-sam-altman-ai-elections-b2340413.html>

DICTIONARIES

CDOEL – *Cambridge Dictionary of the English Language*. URL: <https://dictionary.cambridge.org>
LDOCE – *Longman Dictionary of Contemporary English*. URL: <https://www.ldoconline.com>
MWOED – *Merriam-Webster Online English Dictionary*. URL: <https://www.merriam-webster.com>

Information About the Author

Larisa A. Kochetova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Leading Researcher, Department of Translation Studies and Linguistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, kochetova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5278-7373>

Информация об авторе

Лариса Анатольевна Кочетова, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры теории и практики перевода и лингвистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, kochetova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5278-7373>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.2>

UDC 81'1:070
LBC 81.003

Submitted: 20.02.2023
Accepted: 10.05.2023

TRANSCULTURAL CONCEPT “INDIVIDUAL MOBILITY”: MEDIATIZATION DYNAMICS THROUGH CORPUS-BASED STUDY ¹

Elena Yu. Ilyinova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Olga S. Volkova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The research is relevant due to the interest of linguistics in studying Russian-language mediatization discursive practices, which contribute to the perception and evaluation of the contemporarily implemented concepts envisioned as a new social reality in media communication. The article introduces the mechanism of transcultural concept mediatization exemplified by the concept “Individual Mobility” that is emerging in the Russian language consciousness. The paper substantiates corpus linguistic methodology applicability to research into the scrutiny of the current media practices. The dynamic nature of introduction and inculcation of ideas upon the significance of mobility provided by personal transporters as the fashionable way of life, represented in the thesaurus of media texts corpus, proves research outcomes novelty. By applying the corpus methods, the linguistic mechanisms of the concept “Individual Mobility” mediatization are revealed as being represented in the dominance of translingual units in the key concept domain nominations and chronological variability in the nominative density of their implementation; the thematically heterogeneous nature of thesaurus of the texts corpus governs the perception of the contemporarily implemented concept by Russian-speaking actors of mass media discourse. The evaluation vector in conceptualization of the socially significant phenomenon under study in the Russian media discourse is determined, its specificity is described. The concept “Individual Mobility” mediatization is being traced in the hybridization of the thematic layer of media texts corpus, in particular, in the presence of administrative discourse vocabulary whilst the relative stability of terminology that nominates fashionable personal transporters and their users. The presence of lexical units, which comprise the thematic group “Risk of injury” accompanied by legal and administrative vocabulary, indicates the dynamic formation of mass critical and negative comprehension of the concept “Individual Mobility” domain accomplished by means of the chosen vectors of mediatization.

Key words: discourse-corpus methodology, mediatization, transcultural concept “Individual Mobility”, Russian media discourse, thesaurus, translingual unit, linguistic adaptation.

Citation. Ilyinova E. Yu., Volkova O.S. Transcultural Concept “Individual Mobility”: Mediatization Dynamics Through Corpus-Based Study. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 5, pp. 19-39. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.2>

УДК 81'1:070
ББК 81.003

Дата поступления статьи: 20.02.2023
Дата принятия статьи: 10.05.2023

ДИНАМИКА МЕДИАТИЗАЦИИ ТРАНСКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА «ИНДИВИДУАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ»: КОРПУСНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ¹

Елена Юрьевна Ильинова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Ольга Сергеевна Волкова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

© Ильинова Е.Ю., Волкова О.С., 2023

Аннотация. Актуальность проведенного исследования обусловлена интересом лингвистики к изучению русскоязычных дискурсивных практик медиатизации, формирующих и направляющих восприятие и оценку транскультурных концептов как новой социальной реальности в пространстве медийной коммуникации. Статья посвящена описанию механизма медиатизации транскультурного концепта «Индивидуальная мобильность», формирующегося в русском языковом сознании. В фокусе внимания находится обоснование ценности использования методологии корпусной лингвистики при изучении актуальной медийной практики. Новизна результатов работы состоит в аргументации положения о динамичном характере внедрения и адаптации представлений о значимости индивидуальной мобильности как популярном стиле жизни, отраженном в тезаурусе корпуса медийных текстов. Методами корпусной лингвистики установлены языковые механизмы медиатизации изучаемого концепта, проявляющиеся в доминировании транслингвальных единиц при номинации ключевых понятий концептуального домена, хронологическом варьировании номинативной плотности их реализации, в тематически неоднородном наполнении тезауруса корпуса текстов, управляющем восприятием новых концептов русскоязычными акторами массмедийного дискурса. Определена специфика ценностного вектора концептуализации рассматриваемого социально значимого феномена, задающего ориентиры и специфику его воздействия в русскоязычном медийном дискурсе. Показано, что медиатизация концепта «Индивидуальная мобильность» реализуется в гибридизации тематического состава лексики в тезаурусе корпуса медийных текстов, в частности при относительной стабильности терминологического пласта лексики, номинирующего модные персональные средства передвижения и их пользователей, выделена лексика, посредством которой формируется массовая негативная оценка по отношению к индивидуальной мобильности с помощью избранных векторов медиатизации.

Ключевые слова: дискурсивно-корпусная методология, медиатизация, транскультурный концепт «Индивидуальная мобильность», русскоязычный медийный дискурс, тезаурус, транслингвальная единица, лингвистическая адаптация.

Цитирование. Ильинова Е. Ю., Волкова О. С. Динамика медиатизации транскультурного концепта «Индивидуальная мобильность»: корпусно-ориентированное исследование // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 5. – С. 19–39. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.2>

Введение

Медийный дискурс, обладающий огромным потенциалом воздействия, является социально значимым виртуальным пространством, в котором при участии языка обретают форму, трансформируются и модифицируются лингвокультурные концепты, или смысловые образования, определяющие понятийную структуру картины мира, оценки и ориентиры поведения членов социума (о термине см.: [Карасик, 2002; 2010; 2022]). Процесс формирования актуальности отдельного социально значимого явления в общем информативном пространстве сегодня именуется медиатизацией [Silverstone, 2006; Hodkinson, 2011; Ивченков, 2018; 2019; Кириллова, 2005; Лушинская, 2021; Якоба, 2019; и др.].

Термин «*медиатизация*» был предложен в XX в. Дж.Б. Томпсоном для указания на особую роль медиа как институционально организованной структуры, транслирующей не столько информацию, сколько образцы и модели восприятия информации или поведения,

оказывающие влияние на ценностные ориентации и общезначимые смыслы. Созданию коммуникативной теории медиатизации способствовал ряд публикаций зарубежных специалистов (см., например: [Corner, 2018; Couldry, Hepp, 2013; Deacon, Stanyer, 2014; Flew, 2017; Hodkinson, 2011; Silverstone, 2006]), в которых активно обсуждались степень участия института медиа в конструировании информационного потока и потенциал его влияния на практики социализации и идеологию (см., например: [Hepp, Hjarvard, Lundby, 2015]). Механизмы медиатизации в условиях цифровой медиакommunikation рассматриваются в специализированных журналах (см., например: [Finnemann, 2011; Nölleke, Scheu, Birkner, 2021; и др.]).

Сообщество российских философов, культурологов, политологов, лингвистов и журналистов активно включилось в обсуждение содержания понятия «*медиатизация*». Результаты анализа многочисленных публикаций указывают на признание медиатизации двусторонним процессом, в границах которого профессионалы медиа и специалисты разных сфер социаль-

но-общественной практики совместно занимаются построением информационного потока, активно влияющего на модели восприятия, модели поведения отдельных групп и эмоциональное состояние общества в целом [Гуреева, 2016; Гуреева, Кузнецова, 2021; Мамонова, 2021]. Медиатизацию определяют как процесс формирующего влияния медиа на современное общество [Примаков, 2019], как социокультурный тренд, характеризующий современное информационно-телекоммуникационное пространство. В более узком смысле ее рассматривают как процесс создания, распространения и совершенствования средств сбора, хранения и распространения информации [Лебедева и др., 2018; Викку, Лебедева, 2022; Шмелева, 2015], поскольку все современные институциональные медиасредства (ТВ, радио, пресса, Интернет) вовлечены в общий поток символов социальной жизни [Викку, Лебедева, 2022]. В отечественной коммуникативно-дискурсивной парадигме представление о медиатизации, в первую очередь, обсуждается в журналистике, где ее описывают как «процесс качественной трансформации массовой коммуникации, спровоцированный влиянием СМИ, которые из социального института, отражающего в информационном потоке реальность, становятся инструментом серьезного влияния на жизнь социума в целом и на отдельного индивида» [Викку, Лебедева, 2022, с. 200]. Характеризуя функциональную значимость процесса медиатизации, исследователи отмечают, что сегодня массовые каналы коммуникации управляют информацией, диктуя миру, каким ему предстать в фокусе их освещения, так как поток информации и предлагаемый анализ событий формируются с учетом требуемого ракурса их отражения в зеркале средств массовой информации [Донцов, Асланов, 2022]. Последствия тренда медиатизации видятся в его влиянии на отношение людей к окружающему их миру, социокультурному пространству их бытия в целом и на отдельные аспекты в жизни отдельного человека в частности.

В теории медийной коммуникации толкование этого метатермина находится на стадии уточнения и конкретизации, что связано со сложной и многопрофильной природой номинируемого им процесса (см., например: [Артамонова, Володенков, 2021; Викку, Лебеде-

ва, 2022; Гуреева, Кузнецова, 2021; Мамонова, 2021; Федотова, 2022; и др.]). Как деятельность по выбору форм продвижения информации о текущих событиях, медиатизация – это процесс воздействия на мышление индивидов, «выражающийся в формировании картины мира посредством специфических медийных когнитивов» [Рогозина, 2003, с. 121]. Медиа, по мнению, Н.Б. Кирилловой, это «целая среда, в которой производятся, эстетизируются и транслируются культурные коды» [Кириллова, 2005, с. 12], иными словами, сама информация, форма ее подачи оказывает социокультурное влияние на сознание общества. Эксперты подчеркивают, что процесс медиатизации создает особую медиасоциальную реальность [Примаков, 2019, с. 236], которая, используя медиаресурсы, конструирует специфическое социально-дискурсивное пространство. В нем в ходе социальных интеракций определяются и реализуются нормы и ценности общества в целом или модели поведения его отдельных групп, складываются общие образы социокультурных отношений и ценностей или персональные образы человека.

В целях эффективной организации лингвистического изучения практики медиатизации исследователи предлагают учитывать прагматические цели медиатизации, в частности, А.Н. Гуреева и В.С. Кузнецова указывают на прикладную значимость двух вариантов медийной практики – институционального и социально-конструктивистского, а также предлагают учитывать уровни и формы медиатизации [Гуреева, Кузнецова, 2021, с. 195–197]. Различия определяются в зависимости от сферы медийной практики. Так, институциональной традиции придерживаются преимущественно традиционные массмедиа, призванные формировать общий информационный поток для всего общества; социально-конструктивистская практика применяется для создания мнений и оценок в повседневных коммуникативных практиках, связанных с цифровыми медиа и личным сетевым общением. При этом специалисты отмечают, что в реальной медийной коммуникации выделенные варианты реализуются параллельно и в условиях конкретного контекста конструируют заранее заданные черты и признаки восприятия мира, а изучение

этих практик позволяет отслеживать изменения в формах медиатизации фактов и событий, фиксировать формирование и изменение ценностного отношения к ним.

Приведенный краткий обзор точек зрения объясняет актуальность изучения современной информационно-коммуникативной среды в аспекте анализа дискурсивных практик медиатизации, влияющих на восприятие информации об актуальных событиях и явлениях, на мнение об институтах, отдельных личностях и их ценности для современного общества. Процесс медиатизации характеризуется такими признаками, как инкорпорирование социальных объектов (образов общества в целом, его отдельных представителей, групп, явлений и событий) в медиaprостранство; формирование информационного потока, в котором факты и события переводятся в медианарратив, способный мистифицировать или эмотивно-оценочно подавать информацию с целью реализации неких социальных концепций или идей. При медиатизации информации рождаются образы и истории, способные не столько информировать, сколько оказывать влияние на характер восприятия информации и ее оценку.

Поддерживая представление о достаточно высокой степени манипулятивности практик медиатизации, мы предлагаем уточнение к фактору функционально-прагматической значимости. Полагаем, что медиатизация – это не только коммерчески или идеологически оправдываемый прием подачи информации (так называемая манипуляция общественным мнением, мистификация), медиатизация способна выполнять и социально полезную функцию, например информировать общество о появлении новых предметов, трендов модного образа жизни, формировать их ценностные образы, сообщая о проблемах, связанных с ними, о тех дискуссиях, которые активировали интерес к ним, о мнениях и действиях, которые могут помочь обществу в их разумном применении и устранении социальных разногласий. Такой тип медиатизации нацелен на институционализацию нового объекта (явления, понятия, ситуации), имеющего социальную значимость для отдельных групп или общества в целом.

Представленная позиция сформировалась в результате корпусно-ориентированно-

го исследования особенностей дискурсивной медиатизации в русскоговорящем социуме модного сегодня концепта «Индивидуальная мобильность» (далее – «ИМ»), который в данный момент проходит стадию институционализации, то есть концептуального внедрения в общую картину мира (в глобальном и локальном исполнении как представление о форме поведения, популярном тренде образа жизни в городе) и стадии языковой и дискурсивно-текстовой адаптации в русскоязычном дискурсивном пространстве.

Отметим, что концептуальное образование «ИМ» следует отнести к событийному концепту транскультурного типа, поскольку его появление в российском социуме объясняется интересом к новым техническим средствам передвижения и активной медийной популяризацией идеи индивидуальной транспортной мобильности как поведенческого тренда жителя большого города в XXI веке. В термине «*транскультурность*» фиксируется особенность внедрения концептуальности индивидуальной мобильности – благодаря глобализованному маркетингу и параллельной медиатизации поведенческого тренда, технические средства личной мобильности, созданные отдельными производителями, получили одномоментное распространение в разных точках нашей планеты. Медиатизированные информацией о популярности и практичности, эти относительно новые технические средства быстро попадают к пользователям, объявляются символом модного образа жизни, который динамично внедряется в модели социального поведения жителей столиц и крупных городов. Именно медиатизированная адаптация данного транскультурного концепта формирует событийно-ситуативное представление об индивидуальной мобильности, уточняя векторы социально одобряемого и неодобряемого поведения и его ценность. В частности, оценка транскультурного концепта «ИМ» жителями урбанизированного города варьируется от не критичного восторженного принятия до резкого осуждения, что отражается в медийной информационной среде, делая мобильность актуальной темой лингвистического описания.

В данной работе концепт «ИМ» рассматривается как социально значимое явление,

которое активно инкорпорируется в общую социальную картину бытия посредством техник медиатизации, информирующих не столько о технических характеристиках средств индивидуальной мобильности (далее – СИМ), их функциональных возможностях, социальной полезности, сколько об их опасности и травматичности, неоднозначном отношении к ним жителей города и представителей администрации. Целью проведенного исследования стало выявление приемов медиатизации популярного транскультурного концепта «ИМ» через составление тезауруса корпуса медийных сообщений о СИМ на русском языке, отражающего в особенностях языковой фиксации специфику информирования и формирования оценочного отношения к транскультурному концепту «ИМ» в медийном контенте на русском языке.

Материал и методы

Актуальность обращения к корпусно-дискурсивному анализу медиатизации на примере транскультурного концепта «Индивидуальная мобильность» обусловлена рядом факторов.

Во-первых, сегодня этот процесс неизбежно нацелен на формирование ценностей современного глобализированного сообщества людей, которое часто называют «глобальной деревней» (от англ. *global village*). Это понятие было предложено миру в начале 60-х гг. XX в. канадским мыслителем Маршалом МакЛуаном [McLuhan, 1962]. В своей концепции социальной теории медийных технологий он подчеркивал значительный рост объединяющего влияния печатных средств массовой информации на потребителей – людей, проживающих в разных точках планеты, имеющих разную социальную и этническую принадлежность, но общие модели массового потребления. Он полагал, что ежедневное медийное информирование по унифицированным моделям влияет на мышление человека, делая его типизированным и общим. МакЛуан утверждал, что унификация средств информирования способна изменить социальную типологию (имидж) человека. Томас Фридман внес уточнение: глобализация связывает жизнь человека с коммерцией; в обширных границах общества массового потребления она ускоряет

и унифицирует рыночные процессы, снижая значимость индивидуальности [Friedman, 2005]. Соответственно, медиатизация способствует распространению маркетинговой информации, влияющей на унификацию современного образа жизни. С гуманитарной точки зрения некоторые современные философы оценивают процесс глобализации в современном мире как мечту о бесконфликтном сосуществовании людей, имеющих равный доступ ко всем достижениям цивилизации, нормальный уровень благосостояния, равные возможности. Отметим, что эта мечта пока недостижима, но у представителей разных сообществ наблюдается потребность разумно оценивать положительные и отрицательные последствия медиатизации (см., например: [Nölleke, Scheu, Birkner, 2021]). Лингвистический анализ механизмов медиатизации позволяет установить систему единиц языка, указывающих на разные приемы представления социально значимых концептов.

Во-вторых, избранный для изучения концепт «ИМ» является актуальным продуктом медийной коммуникации. Транскультурный по содержанию, он в настоящее время формируется в русскоязычном дискурсивном пространстве, реализуясь в разных формах, в частности рекламно-коммерческой, юридической, административной, обретает основные концептуальные признаки, получая обобщенное отражение и в медийном дискурсе, предназначенном для массового читателя.

В-третьих, благодаря сиюминутности внедрения темы «Индивидуальная мобильность» в ситуативный контекст русскоговорящего социума, мы получили уникальную возможность проводить ежедневный мониторинг новостных сообщений в официальных СМИ о СИМ (как символах индивидуальной мобильности в городе) и их обсуждение в сетевых ресурсах, собирать и регулярно пополнять текстовый контент, проводить тематический (семантический) и синтагматический анализ единиц языка, номинирующих СИМ, их пользователей, процессуальные и иные признаки ситуаций, ассоциируемых с индивидуальной транспортной мобильностью. С опорой на параметры хронологического датирования и медийной фиксации сообщений о СИМ в период с 2018 по 2023 г. был проведен лингвистичес-

кий анализ таких сообщений, позволивший реконструировать тематический тезаурус собранного корпуса, выявить специфику языкового введения концепта «ИМ» как вербального отражения механизма его медиатизации.

Теоретическую базу исследования определяет опора на положения конструктивистской теории дискурса, в границах которой он представлен как набор текстов и речевых конструкций, составляющих социальный контекст отдельного явления и формирующий идеологию или образ мышления [Laclau, 1995]; на положения общей аксиологии дискурса и прагматики медиатекста [Карасик, 2002; 2022; Кириллова, 2005; Федотова, 2022]; на лингвистический взгляд на дискурс как содержательно-тематическую общность текстов, отражающих в языковых единицах формы социальной практики [Чернявская, 2017; Кочетова, Ильинова, 2023]; на возможности объективизации результатов дискурсивного анализа с помощью инструментов корпусного анализа, основанного на методике извлечения ключевых слов [Кочетова, Кононова, 2019; и др.]; на методику категориально-семантической реконструкции дискурсивного тезауруса [Ильинова, 2016].

Применение корпусной методологии обеспечивает точность и объективность полученных результатов [Чернявская, 2017; Кочетова, Кононова, 2019]. С ее помощью дополняется традиционный дискурсивно-интерпретативный подход к анализу коммуникативной практики, поскольку, верифицируя статистическими инструментами научные гипотезы, корпусные методы создают возможности для преодоления субъективизма каче-

ственных методов, основанных на интуиции ученого.

В данном исследовании с помощью инструментов корпусного анализа [Gabrielatos, 2018] были построены конкордансы и проведен контекстуальный поиск, позволивший с опорой на полученные статистические данные выделить ключевые единицы, образующие семантическое ядро и тематическое зоны тезауруса собранного корпуса текстов. Применялись методы систематизации, типологизации средств лексической репрезентации компонентов изучаемой концептосферы, проводилось моделирование семантических пластов лексики, реализуемых в дискурсивных практиках, с последующим выявлением векторов медиатизации социально актуального концепта «Индивидуальная мобильность».

Для проведения исследования использовался специализированный, репрезентирующий средства индивидуальной мобильности тематический корпус, включающий медийные тексты, предназначенные для широкой аудитории (табл. 1). Тексты отбирались из медиаконтента, размещенного на официальных информационно-аналитических порталах России².

Корпус медийных сообщений о средствах индивидуальной мобильности на медийном портале (www.iz.ru) за период 2018–2023 гг. включает 311 документов. Объем корпуса составляет 71 969 слов при среднем количестве слов в тексте, равном 231 слову. Как следует из таблицы 1, самым активным годом появления новостных сообщений о СИМ является 2021 г. (121 текст), с последующим снижени-

Таблица 1. Структура и характеристики тематического корпуса медийных сообщений о средствах индивидуальной мобильности

Table 1. The structure and characteristics of the thematic corpora of media texts about individual mobility devices

Год	Количество текстов	Количество слов	Среднее количество слов в тексте	Количество словоформ	Коэффициент лексического разнообразия
2018	4	1 497	374	726	0.5070
2019	7	3 335	476	1 425	0.5560
2020	16	3 313	207	1 341	0.4993
2021	121	27 588	228	13 409	0.5156
2022	86	18 834	219	9 275	0.4925
2023	77	17 402	226	8 772	0.5041
<i>Всего</i>	311	71 969	231	5 825	0.5124

ем до 86 в 2022 г. и предполагаемым увеличением количества сообщений в 2023 г. (за половину текущего 2023 г. зафиксировано 77 текстов). По коэффициенту лексического разнообразия следует отметить максимальную величину в 2019 г. (0.5560 в момент активизации обсуждения темы СИМ) и 2021 г. (0.5156, год, когда наблюдается увеличение разнообразия обсуждаемых проблем, вызванных внедрением СИМ в жизнь большого города).

Собранный корпус подвергался компьютерной обработке при помощи встроенного функционала сервиса CQPweb (Corpus query processor)³, предлагающего инструмент загрузки собственного корпуса. Использовались: функция определения ключевых слов корпуса; функция построения списка слов; функция, позволяющая осуществлять поисковые запросы; функция построения коллокаций. Список ключевых слов и словосочетаний формировался вокруг таких стержневых единиц, как гипероним *средство индивидуальной мобильности* и его гипонимы-эквонимы (*электросамокат*, (*электро*)*велосипед*, *моноколесо*, *сигвей*, (*электро*)*скутер*, (*электро*)*скейтборд*, *гироборд*, *гиробайк*, *кикборд* и др. Далее с опорой на функцию выявления коллокаций был установлен список других единиц, тематически связанных с проблемами использования СИМ в большом городе.

Предложенная методика дискурсивно-корпусного анализа медиатизации концепта, впервые выполненная на материале собственной коллекции медийных текстов, позволила выявить векторы институционализации транскультурного концепта «ИМ» при его внедрении и адаптации к общим нормам жизни российского общества, неоднозначность оценочного восприятия разными представителями русскоязычного дискурсивного сообщества этого ставшего социально значимым феноменом популярного поведения.

Результаты и обсуждение

Описание полученных данных и выявленных тенденций предварим вводным объяснением событийно-ситуативной специфики концепта «Индивидуальная мобильность» в англоязычной и русскоязычной социальных картинах мира.

Понятийная основа концепта «ИМ» в англоязычной картине мира идентифицируется двумя сферами. Во-первых, это концептуальная зона PERSONAL MOBILITY AIDS (PMA), она отражает общую гуманистическую идею о равных возможностях человека в аспекте транспортировки, инклюзии людей с особенностями и ограниченными физическими возможностями (*mobility impairment*) в общее социальное пространство:

(1) **Personal Mobility Aids (PMAs) refer to devices such as wheelchairs, motorised wheelchairs or mobility scooters which are designed to carry an individual who is unable to walk or has walking difficulties;**

(2) **Mobility scooters, also known as personal mobility aids (PMAs), are designed for the elderly or people with difficulties walking or standing for a long period of time**⁴.

Во-вторых, под влиянием активного развития инженерной мысли и массового производства средств индивидуального перемещения, способствующих улучшению транспортных условий в большом городе, сформировалась вторая понятийная зона PERSONAL TRANSPORTATION DEVICE (PTD), представленная в английском языке гиперонимом *personal transporter* в окружении эквонимов – номинаций вариантов таких средств (*segway*, *scooter*, *skateboard* и др.). Поскольку именно средство индивидуальной мобильности символизирует транспортную независимость, то одной из значимых характеристик концепта «ИМ» является динамическая процессуальность, предполагающая наличие активного агента. Он использует СИМ в качестве инструмента для личного перемещения на большие расстояния, и, соответственно, в концептуальный домен включаются количественные и качественные признаки движения, что указывает на ситуативный характер центрального конституента «СИМ», с которым тесно связываются различные позитивные и негативные события, ассоциируемые с динамикой процесса использования СИМ в городе и его оценкой.

В русскоговорящем социуме активно приживается и проходит дискурсивную адаптацию второй конституент изучаемой концептосферы – представление о средстве личной

транспортной мобильности горожанина как символе популярного стиля жизни. Формирование общего представления о ситуативности и событийности концепта «ИМ», осознание его ценности и социальной значимости для русскоязычного сообщества в большой степени проходит с помощью приемов медиатизации СИМ, которые получают языковую объективацию в тематическом составе тезауруса корпуса медийных текстов. Его лексические пласты отражают этапы внедрения и неоднозначную адаптацию конституента СИМ к моделям поведения в современном городе. Говоря о внедрении, мы выражаем следующую гипотезу: вхождение нового концепта в массовое сознание предполагает формирование системы языковых знаков, номинирующих концепт, его признаки, свойства и характеристики, то есть создание тематического ядра будущего тезауруса отдельного сегмента дискурсивной практики, в ходе которой представители определенного сообщества обсуждают (в устной и письменной форме) возникновение нового явления, его использование, последствия, вызванные его появлением. На этом этапе участники дискуссий выбирают дополнительные языковые знаки для передачи своих мыслей и оценок, чему активно способствуют медийные практики информирования о новом явлении и его институционализации как позитивно или негативно влияющих на практику бытия. Представляется, что данные о составе тезауруса корпуса текстов, полученные с опорой на корпусные методы извлечения информации, отражают тематическое своеобразие отдельного сегмента дискурсивной практики, создают объективную основу для интерпретативного анализа содержания текстов, вводящих концепт в когнитивно-дискурсивное сознание общества.

Основным приемом выявления понятийных и ценностных признаков компонента «СИМ» как репрезентанта концепта «ИМ» стало моделирование тезауруса на основе собственной коллекции текстов, что предполагало сбор данных о тематико-семантических особенностях их лексического состава с опорой на функции построения списка слов корпуса и выделения ключевых слов, на понятийный анализ высокочастотных единиц, составляющих номинативное ядро и разноуд-

ленные по степени ассоциативных связей группировки слов в нем. Анализ номинативной плотности ключевых слов показал, что исследованный корпус характеризуется понятийной близостью лексем, называющих транспортные средства и лица, их использующие (тематические группы «СИМ» и «Лица, использующие СИМ»), к ним примыкают объединения единиц, обозначающих транспортную активность, события, связанные с проблемами при использовании СИМ в городе (тематические группы «Активное движение», «Травмоопасность», «Административное регулирование»). Такой состав тезауруса указывает на разные векторы медиатизации этого нового социально-популярного тренда на российских новостных порталах.

Значительная часть слов, образующих номинативное ядро тезауруса в исследованном русскоязычном корпусе медийных текстов, является полностью или частично заимствованными транслингвальными единицами, номинирующими разные виды СИМ (о транслингвальных единицах см.: [Кочетова, Ильинова, 2020; Волкова, 2021]). Этимологический анализ этих лексических единиц подтверждает, что они пришли в русскоязычную среду вместе с заимствованными концептами СИМ и сегодня входят в терминологическое ядро тезауруса изучаемого корпуса текстов (см. табл. 2).

Представленные в таблице 2 русскоязычные аналоги заимствованных терминов, обозначающих СИМ, отражают быстрое прохождение всех основных этапов транслингвального перехода в систему русской лексики. Начальным этапом считается фонетическая и графическая адаптация материальной формы заимствованной единицы к нормам русского языка, что предполагает изменение звукового облика слов в соответствии с фонетическими законами принимающего языка и его письменную фиксацию с выбором одного из вариантов написания (транскрибирования, транслитерации) или калькирования. Изучение приемов выбора графической формы заимствованных единиц, номинирующих СИМ, указывает на доминирование транслитерации, которая в отдельных случаях дополняется транскрибированием, что объясняется фонологическими различиями между английским и русским языками. Приведем примеры.

Таблица 2. Английские номинации средств индивидуальной мобильности и их русскоязычные аналоги

Table 2. English nominations of individual mobility devices and their Russian equivalents

Аутентичная англоязычная номинация	Закрепившиеся русскоязычные аналоги
Personal transporter, personal mobility device, portable personal vehicle, electric rideable device	Средство индивидуальной мобильности, средство персональной мобильности
Motorized scooter	Электроскутер
Electric standing scooter	Электросамокат
Electric skateboard	Электроскейтборд
Self-balancing scooter	Электросамокат
Gyroboard	Гироборд
Gyroscooter	Гироскутер
Gyrocycle	Гироцикл
Gyrobike	Гиробайк
Kikboard	Кикборд
Segway	Сигвей
Electric unicycle	Моноколесо
Balance board	Балансборд
Fatbike	Фэтбайк

По нормам русского языка перед гласным [э] должен произноситься мягкий согласный: [хов'э́рборт] = *ховерборд*, [с'игв'эй] = *сигвей*, но чаще встречаются и варианты с твердым согласным – [с'игвэй], в письменной форме принимается нормативный вариант русского написания *сигвей*. Наблюдаются варианты значительной редукции произнесения английской гласной в ударном слоге. Так, при адаптации сложносоставных терминов с префиксоидной корневой морфемой *gyro-* происходит фонетическая ассимиляция: если в английском варианте данная префиксоидная корневая морфема произносится как ['dʒaɪərəɪ], то в русском транслитерированном (а не транскрибированном варианте) происходит подчинение звуковой формы законам русского языка и слово уже звучит [гиро]. Традиционно дифтонг *oa* с нейтральным *r* произносится в английском языке как ассимилированный вариант [ɔ:], но английская морфема *board* как одна из корневых морфем в сложных словах (например, *kikboard*, *gyroboard* и др.) в русском аналоге передается через частичную имитацию и транскрибирование [bɔ:d] – [борд], ср.: *skateboard*, *kickboard* – *скейтборд*, *кикборд*.

Особого внимания заслуживают результаты графического оформления заимствованных словоформ в текстах. В первую очередь это написание заимствованного англоязычно-

го названия кириллицей (см. табл. 2), однако в медийной практике отмечается использование несвойственного для русского языка приема графического включения в русский текст латинизированной формы слова с элементами капитализации (написание с заглавных букв) каждого из компонентов сложносоставного слова, например при обозначении бренда или модели: *GyroCycle* должен поступить в продажу в 2017 году; Как сообщается на сайте компании, *GyroCycle* оборудован маховиками, которые создают гироскопический эффект и удерживают его от падения⁵.

Семантическая адаптация транслингвальных форм предполагает уточнение объема семантического значения слов в новой языковой среде. Иноязычное слово, занимая свое место в семантическом поле языка-реципиента (русского в данном случае), устанавливает системные отношения с другими языковыми единицами, вступая в гиперо-гипонимические иерархические отношения. В современной русскоязычной практике система номинаций СИМ прошла стадию понятийной систематизации. Эти единицы образовали тематическую подгруппу, основанную на гиперо-гипонимических отношениях. Центральными являются калькированные с английского языка словосочетания *средство индивидуальной мобильности* (*personal mobility device*)

и индивидуальное транспортное средство (*personal transporter*), их дополняют терминологические словосочетания *вид транспорта, аппарат, изделие, модель, агрегат, (электрическое) устройство, средство передвижения*, а также транскрибированный эквивалент от английского названия *девайс*. Логическими отношениями с ними связаны эквонимы, уточняющие разновидности транспортных средств личной мобильности. Наряду с привычными словами *велосипед, самокат, электросамокат* в списке значится транслингвальная номинация СИМ, прошедшая процедуру частичного калькирования, – *моноколесо* (от *unicycle*), остальные единицы – это заимствования из английского языка, прошедшие процедуру транслитерации: *электроскутер, электроскейтборд, ролики, гироскутер, сигвей, фэтбайк, кикборд, гиросикл, хOVERкарт* и др. Наблюдается требуемая для транслингвальных единиц грамматическая адаптация форм, предполагающая их подчинение нормам формоизменения существительных в соответствии с грамматическими категориями рода, числа, падежа, склонения в русском языке. Приведем пример. Отсутствующая в английском языке полноценная система падежного словоизменения появляется у русскоязычных аналогов: *Одно из колес гироскутера въехало в ямку* (муж. р., ед. ч., род. п.), *о роллерборде можно говорить бесконечно* (муж. р., ед. ч., предл. п.). Заимствованные единицы грамматически согласуются с характеризующими их прилагательными: *многофункциональные девайсы, модному сигвею*.

Результаты анализа процесса адаптивного словообразования показали, что преобладающее большинство транслингвальных единиц, номинирующих СИМ, прошли основные этапы языковой адаптации, хотя в текстах встречаются варианты с внешним лексическим компонентом, указывающим на принадлежность заимствованной номинации к средствам индивидуальной мобильности, например: *Компания Thrustcycle разработала электрический мотоцикл GyroCycle, обладающий функцией самостоятельной балансировки*⁶.

В моделируемом тезаурусе выделяется вторая тематическая группа слов. Она номинирует лица, использующие / владеющие

СИМ. Наряду с принятыми в русском языке словами *пешеход, водитель*, для точности обозначения агента как компонента концепта «ИМ» используются более широкие номинации лиц (*гражданин, гражданка, девушка, мужчина, молодой человек, человек, товарищ*) с опциональным добавлением вида транспорта, на котором они передвигаются, например: *девушка на гироскутере, гражданин на электроскейтборде*. Указанные единицы, ввиду их обобщенного значения, дополняются некоторым количеством номинаций лица, конкретизирующих разновидность избранных СИМ, – существительными, образованными от названия вида транспорта, например: *(электро)самокат – самокатчик; электросамокатчик; велосипед – велосипедист; мотоцикл – мотоциклист*. При этом поскольку в лексическом слое тезауруса присутствуют заимствованные из английского языка и адаптированные наименования СИМ, то они становятся основой для деривационных процессов, в ходе которых к иноязычной корневой морфеме присоединяются русские суффиксы *-ист, -чик*, призванные обозначать деятеля (лицо, совершающее действие): *гироскутер – гироскутерист; (электро)скутер – (электро)скутерист; сигвей – сигвейист; самокат – самокатчик*; для обозначения лица, перемещающегося на моноколесе, создано слово-гибрид *моноколесист*.

В список слов входят единицы *скейтер, байкер, райдер, роллер*, являющиеся транслитерацией английских слов *skater, biker, rider, roller*. Квазисуффикс *-ер* не относится к типичным для русского языка морфемам, он заимствован из системы словообразования английского языка, где посредством его присоединения к глагольному корню создается существительное, обозначающее лицо, совершающее действие, выраженное глаголом. Именно поэтому в русскоязычном медийном контенте наблюдается графическая адаптация единиц, полностью совпадающих по форме и звучанию и частично по семантическому наполнению лексем с единицами языка-донора. Например, *скейтер* от англ. *skater*: 1 – a person who skates = человек, который катается на коньках; 2 – same as skateboarder (*скейтбордист*) (COED). Следует отметить, что при использовании квазиморфемы *-ер* но-

сители русского языка применяют деривационную модель [наименование СИМ + суффикс *-er*] для обозначения человека, который катается на роликах, – *роллер*, но в исходном английском варианте – *rollerblader*.

Для номинации лица используются средства, указывающие на гендерные различия: в грамматике русского языка – суффиксы и окончания. Так, к некоторым наименованиям СИМ созданы пары для обозначения гендерного признака лица, управляющего СИМ: *самокатчик* – *самокатчица*, *сигвеист* – *сигвеист-ка*, *скутерист* – *скутерист-ка*. Выявлены стилистически маркированные варианты маскулятивов и феминитивов – слов, обозначающих лицо мужского или женского пола с признаком отрицательной (критичной) оценки, например: *роллер* – *роллерша*; *самокатчик* – *самокатчица*; *моноколесист*, *моноколесник* – *моноколесист-ка*. Для повышения стилистической нейтральности в информационных сообщениях избираются варианты обозначения через супплетивную (внешнюю) единицу и предлог (*девушка на электросамокате*); встречаются феминитивы, образованные от субстантивированных прилагательных (*неизвестная на электросамокате*) или двойная феминитизация (*девушка-самокатчица*).

Отмеченные выше приемы гибридизации транслингвальных номинаций для обозначения СИМ (*скейтборд*, *кикборд* и др.) становятся основой для образования нового существительного, номинирующего лицо, например *маунтинборд* (доска с четырьмя колесами для передвижения по холмистой местности) как производное от заимствованного из английского *маунтин* (англ. *mountain* – гора). Активно используются производные от заимствованных из греческого и латинского языков корневые морфемы *мотор-* (лат. *motor* – приводящий в движение), *гиро-* (греч. *gyros* – круг), *элект-* (греч. *ēlektron* – смола, янтарь), *моно-* (греч. *monos* – один, единый) в сочетании со второй корневой морфемой (СИС): *-борд*, *-скутер*, *-колесо* (*мото-борд*, *электро-лонг-борд*, *мотор-колесо*). Двусоставная структура слов (сложение корневых основ) не мешает дальнейшей суффиксальной деривации по модели русского языка: *электро-само-кат-чица*, *электро-скейт-борд-ист*.

Интересными представляются случаи творчества в словообразовании – частично-го словосложения, когда имя бренда или марки СИМ переводится с помощью транскрибирования в корневую морфему, номинирующую модель самоката. Например, английский вариант названия *Inmotion L8F* обозначен в текстах в полной (*это по ощущениям отличается от **инмоушена***) и редуцированной формах как конститuent слова-гибрида: *инмокат*; *Сяокат* – самокат Xiaomi Mi365 (название производителя Xiaomi произносится как *Сяоми*).

Транслингвальные единицы, вошедшие в тезаурус медийного корпуса, демонстрируют свой деривационный потенциал. В нашем материале наблюдается появление единиц, построенных по транслингвальной деривационной аналитической модели, характерной для английского языка. Так, производящая основа, например, *скейт*, *самокат*, минуя традиционные аффиксальные деривационные формулы русского языка, используется для порождения слов-гибридов. В препозиции к определяемому слову помещается существительное (дескриптор) по аналогии с англоязычной моделью [noun + noun]: *роллер-центр*, *самокат-школа*, *самокат-комьюнити*, *самокат-клуб*.

Приведенные сведения и примеры отражают языковые процессы образования единиц, номинирующих ключевые понятия концептуального домена «ИМ», с опорой на нормы словообразования русского языка и некоторые приемы языковой адаптации транслингвальных единиц (универсальных словоформ, обозначающих популярные СИМ и принимаемых в своей графической форме и со своим терминологическим значением во многие языки мира). В них отражаются и попытка пройти языковые этапы адаптации к нормам русского языка, и попытка привнести в систему русского словообразования иноязычные модели.

Корпусный анализ наличия выделенных ключевых номинаций СИМ и лиц, владеющих ими, в собственной коллекции текстов с использованием временного критерия и значения нормализованной частоты представлен в таблице 3 и отражает различия по временным точкам включения этих единиц в медийный

контекст. Словосочетания, обобщающие разновидности СИМ, демонстрируют различия: значительный рост использования гиперонимов *средство индивидуальной мобильности, лицо (владеющее средством индивидуальной мобильности)* к 2023 г. и значительное уменьшение востребованности варианта *средство передвижения*.

Активно востребованными в информационно-новостном контенте являются следующие наименования разновидностей СИМ: *электросамокат* (от 9850.75 в 2019 г. до 11864.020 в 2023 г.); *самокат* демонстрирует флуктуационные изменения (4225.77 и 4220.853 в 2020 и 2023 гг., двойной рост до 8815.80 в 2021 г.); *велосипед* показывает сходную тенденцию – рост в 2019–2022 гг. от 1985.07 до 4613.36. В отдельные годы проявляется мода на *моноколесо* (2089.55 в 2019 г. и 2855.89 в 2022 г.), *мопед* (1492.53 в 2019 г. и 1757.70 в 2022 г.) и *гироскутер* (1492.53

в 2019 г.). Значительный рост нормализованной частотности указывает на периоды, когда в публичном медийном пространстве началось активное обсуждение вопросов безопасности присутствия СИМ в городе. Этим объясняется и периодический рост востребованности единиц *владелец СИМ* (3880.59 в 2019 г.) и *лицо* с последующим уточнением транспортного средства (2181.542 в 2023 г.), а также некоторых групп пользователей СИМ в 2023 г.: *самокатчик* (до 2167.425), *электросамокатчик* (1597.080), *велосипедист* (1597.080). Езда на скутере не попало в модный тренд, изредка оно упоминалось в 2020, 2022 гг., а *микромобильность* и *кикшеринг*, отражающие закрепление тренда модного образа жизни, отмечены в 2021 и 2023 годах.

На основе выделенных ключевых единиц был проведен дистрибутивный корпусный анализ текстового материала, позволивший выявить более точный тематический спектр единиц язы-

Таблица 3. Динамика использования лексики, обозначающей средства индивидуальной мобильности, лиц, их использующих, и процессы в дискурсивном тезаурусе (с указанием нормализованной частоты)

Table 3. Dynamics of the use of lexical items that nominate individual mobility devices, their users and activities in the discourse thesaurus under study (with relative frequencies)

Существительные, номинирующие СИМ и их пользователей	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Средство индивидуальной мобильности (СИМ)	–	694.03	2716.57	2288.71	2416.52	3650.468
Средство передвижения	2004.01	3283.58	1509.21	1780.114	1977.15	228.154
Электросамокат	4676.02	9850.75	15695.74	10087.31	14499.22	11864.020
Электрокат	–	895.52	–	–	–	–
Самокат	4008.02	4761.19	4225.77	8815.80	5931.46	4220.853
Велосипед	7020.04	1985.07	2414.73	3814.53	4613.36	114.017
Моноколесо	668.00	2089.55	–	1101.975	2855.89	456.309
Мопед	–	1492.53	2112.89	847.673	1757.70	342.231
Гироскутер	1336.01	1492.53	905.524	762.906	1537.77	342.231
Сигвей	–	895.52	–	423.837	1977.15	228.154
Скутер	–	–	905.524	84.767	219.68	114.077
Электроскутер	–	–	–	84.767	1	228.154
Девайс	–	–	–	–	878.73	114.077
Владелец СИМ	1336.01	3880.59	2112.89	254.302	1537.78	114.077
Лицо	–	–	905.52	1271.51	–	2181.542
Самокатчик	–	1194.03	–	593.37	–	2167.425
Электросамокатчик	–	–	–	508.604	219.68	1597.080
Велосипедист	3020.04	895.52	603.68	1186.742	1318.10	1597.080
Скутерист	–	–	–	–	219.68	–
Райдер	–	–	2	–	–	–
Экстремал	–	895.522	–	–	–	–
Микромобильность	–	298.507	–	2288.78	439.37	114.077
Кикшеринг	–	–	–	1441.04	1098.49	684.463

ка, используемых для медиативного представления зоны транспортной мобильности концепта «ИМ» в русскоязычном дискурсе. Она получает событийно-ситуативное отражение с помощью специфического подбора глагольных единиц, объединенных в тематическую группу «Активное движение» (табл. 4). Это небольшой список глаголов с семантикой движения (18 единиц) – от нейтральных (*ехать, ездить, проехать, отъехать, выехать, двигаться, передвигаться, управлять*) до описательных (*кататься, лавировать, устраивать гонки*) и образно-оценочных, передающих отношение к лицам, использующим СИМ (*мчаться, проноситься, нестись, гонять, гнать, рассекать, лихачить*).

Как следует из данных о нормализованной частоте, из нейтральных глаголов в текстах стабильно доминируют *ехать / ездить* (от максимума 5074.62 в 2019 г. до 3080.08 в 2023 г.), востребованы *управлять* и *двигаться / передвигаться* (максимум в 2020 г. 3622.09 и 3018.41 соответственно). Отметим рост описательных и образно-оценочных глаголов в период 2021–2023 гг., что отражает рост сообщений о происшествиях, связанных с бессистемным и нерегулируемым перемещением на СИМ, желание публично обсудить инструменты регулирования:

(3) Возмущают любители **погонять на борде**. **Гоняют** на бульваре на своих самокатах. Операто-

ры кикшеринга располагают средствами, позволяющими следить за теми, кто **лихачит** и наказывать их за нарушения штрафами и блокировкой⁷.

Медиатизация изучаемого явления транспортной микромобильности в корпусе текстов в период с 2018 по 2023 г. отражает актуальность объективного описания разных социальных аспектов этого явления. На это указывает изменение тематики и тональности информационных сообщений: до 2018 г. появлялись статьи, описывающие преимущества средств индивидуальной мобильности в большом городе (примеры (4), (5)), сообщающие о создании в городах инфраструктуры для аренды СИМ (пример (6)), о проведении общегородских акций и велопробегов (пример (7)):

(4) Развитие **микромобильности** – это все-таки один из путей повышения **безопасности** дорожного движения;

(5) Есть еще одно решение – пересечь на **компактный электротранспорт** в теплое время года. И если с **электровелосипедами** все более-менее понятно, про них многие из нас слышали, то про **мотосамокаты** и **электроскейтборды** знают единицы;

(6) Количество поездок на **арендованных самокатах** выросло в восемь раз в Москве и в 30 раз в других городах страны. За это время **кикшерингом** клиенты пользовались почти 17 тыс. раз;

Таблица 4. Динамика использования глагольной лексики, обозначающей перемещение на средствах индивидуальной мобильности, в дискурсивном тезаурусе (с указанием нормализованной частоты)

Table 4. Dynamics of the use of lexical items that nominate individual mobility devices in the discourse thesaurus under study (with relative frequencies)

Глаголы с семантикой движения	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Ехать / ездить	1336.00	5074.62	4225.77	1949.64	2636.20	3080.08
Проехать	–	298.50	603.68	169.53	–	684.46
Отъехать	–	597.01	–	–	–	597.01
Выехать	–	597.01	301.84	114.77	113.26	–
Управлять (СИМ)	670.00	597.01	3622.09	1695.34	1537.78	2851.92
Двигаться / передвигаться	2004.00	1194.03	3018.41	1610.57	878.73	1140.77
Кататься	–	–	–	1456.67	–	1345.87
Лавировать	–	190.70	277.23	348.12	1198.70	1280.47
Мчаться	–	–	–	–	–	1130.23
Проноситься	–	–	726.48	2458.38	3761.64	2184.45
Устроить / устраивать гонки	–	–	301.84	1151.17	1392.41	1726.76
Нестись	–	–	298.50	1214.56	1345.87	1478.90
Гонять / гнать	–	190.70	301.84	1875.37	1246.23	1345.67
Рассекать	–	–	1546.78	1856.89	2008.56	2457.89
Лихачить	–	623.14	1876.56	2789.73	3486.21	2895.34

(7) Давайте премировать баллами за участие в **велопробегах** за безопасную езду и **индивидуальную транспортную мобильность**.

С 2018 г. отмечаются рост сообщений о травмоопасности СИМ на улицах города, озабоченности представителей администрации и жителей, призывах к представителям органов правопорядка предложить юридические меры регулирования движения на СИМ:

(8) В 2022 году случилось 976 ДТП с участием **средств индивидуальной мобильности**, в них **пострадал** 941 человек и **погибли** 19. В 2021 году таких случаев было 704 (**672 пострадавших** и **20 погибших**);

(9) За последние годы **ездоки на моноколеесах, электросамокатах и других модных персональных средствах передвижения** стали в Москве привычным зрелищем. **Высокая мобильность и способность развивать скорость 20–50 км/ч** сделали эти устройства популярными среди горожан. Но в стране по-прежнему **отсутствует законодательная база**, регулирующая использование такой техники, поэтому **владельцы лихо лавируют между прохожими, пересекают по велодорожкам и проезжей части, часто создавая опасные ситуации**. <...> Найти выход уже давно пытаются и чиновники, и общественность.

На рост тревожности и осознание неоднозначности позитивного отношения к появлению СИМ в городе с 2018 г. указывают дан-

ные корпуса, в тезаурусе присутствуют лексеммы, которые можно объединить в тематическую группу «Травмоопасность» (табл. 5). Эти слова (существительные, причастия, глаголы) активируют признаки негативного отношения к СИМ, поскольку сообщают о травмоопасных происшествиях: авариях, дорожных инцидентах, наездах, госпитализациях, вреде здоровью, смертельных исходах.

В информационном потоке ежедневно встречается информация об опасности, о некорректном поведении пользователей СИМ:

(10) В Москве 48-летнюю женщину **госпитализировали с переломами** после **наезда самоката**. Об этом сообщил источник «Известий» 21 июля. **Инцидент** произошел около 23:20 вечера на ул. Летчика Бабушкина. Сразу после **наезда на женщину самокатчик скрылся**. После столкновения она обратилась в **травмпункт**, где ее **ушибы** квалифицировали как повторный **перелом ребер**. Обстоятельства происшествия устанавливаются. Проводится проверка. Днем ранее в Санкт-Петербурге 29-летний **электросамокатчик наехал** на первоклассника, в результате чего мальчик **получил сотрясение головного мозга**. Школьника с раной на лице **госпитализировали**. **Медики** также **диагностировали** закрытую черепно-мозговую **травму**.

Рост сообщений о травмоопасности СИМ на улицах города, несомненно, вызыва-

Таблица 5. Динамика использования лексики с семантикой травмоопасности в дискурсивном тезаурусе (с указанием нормализованной частоты)

Table 5. Dynamics of the use of lexical items that nominate injury risk in the discourse thesaurus under study (with relative frequencies)

Список слов	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Безопасность	610.01	895.22	–	1356.27	2636.30	1711.57
Опасность	610.01	895.22	603.68	593.37	439.36	570.38
Происшествие	–	–	1207.36	1186.74	1318.10	228.15
Авария	–	–	301.84	3560.22	1757.46	1597.08
Наезд	–	298.507	–	593.37	219.68	1254.84
Инцидент	–	597.015	603.68	678.13	–	456.30
Травма (-тизм)	1336.00	895.22	603.68	1695.34	659.05	1483.00
Травмировать	–	–	–	–	–	114.07
Повреждение	–	–	–	678.13	–	798.54
Повредить	–	–	–	169.53	–	–
Пострадавши(-й/-е)	–	–	301.84	423.83	1219.68	456.31
Погибши(-й/-е)	–	447.11	–	–	1098.41	–
Угроза (здоровью / жизни)	–	447.11	–	–	–	553.22
Риск / риски (для имущества / взрыва / возгорания)	–	–	–	254.30	659.05	570.38
Источник повышенной опасности	335.01	–	301.341	169.53	111.53	342.23

ет негативную реакцию жителей города и представителей власти, что отражается в появлении информации об обсуждениях проблемы повышения безопасности, поиске юридических приемов контроля. В таблицах 6 и 7 представлены лексемы, указывающие на медиатизацию темы «Административное регулирование».

Как следует из таблицы 6, поддержка СИМ и одобрение их присутствия в городе (*разрешение, разрешать*) были максимальными в 2019 г. (2089.55), к 2023 г. отмечается стабильное снижение частоты упоминания этого административного действия и увеличение числа лексических единиц с семантикой контроля, запрета и ограничения: *ограничить, ужесточить, запрещать, наложить штраф*. В корпусе текстов представлено значительное количество сообщений об этом:

(11) В РФ предложили **запретить электросамокаты** на пешеходных улицах. В Брянске **запретят** парковать **самокаты** где попало;

(12) Пешим ходу: **электросамокатчиков** впишут в КоАП и начнут **штрафовать**. Знай свое место: пользователей **электросамокатов** хотят **приструнить**;

(13) Губернатор Архангельской области поддержал ограничение скорости электросамокатов.

Отметим, что в 2023 г. доминирует рациональный подход к решению проблемы безопасности и порядка в городе, поскольку уменьшается количество упоминаний требования *ограничить* (от 3814.52 и 3954.30 в 2021 и 2022 гг. до 1483.00 в 2023 г.), *запретить* (от 3320.25 в 2020 г. до 912.61 в 2023 г.) и увеличивается частотность требования *контролировать* (от 905.52 в 2020 г. до 1228.154 в

2023 г.), *регулировать* (от 597.01 в 2019 г. до 1798.54 в 2023 г.).

В медийном контенте наблюдается рост сообщений о предложениях представителей власти по контролю за действиями пользователей СИМ, о разработке законодательных и административных документов, определяющих степень нарушения правил движения, степень ущерба, процедуры определения наказания. На появление тематики административного контроля и юридического обеспечения наказания указывают данные таблицы 7.

Отметим доминирование в дискурсивном тезаурусе административных терминов *нарушать, нарушение, нарушитель* (до 7072.78 в 2023 г.), *наказать, наказывать, наказание* (1597.08 в 2023 г.), *вводить (штраф, ограничения, регистрацию и пр.)* (1254.84 в 2023 г.), *оштрафовать* (3320.25 в 2020 г.), *составить протокол* (1509.20 в 2020 г.), *возбуждать уголовное дело* (1026,69 в 2023 г.), *правонарушение* (1026.69 в 2023 г.), упоминание об административной ответственности.

Таким образом, тематическая организация составленного тезауруса демонстрирует гибридный характер лексики, используемой для институционализации концепта «ИМ» в проанализированном медийном контенте. Тематическое ядро тезауруса («Средства индивидуальной мобильности», «Номинации лиц, использующих средства индивидуальной мобильности») дополняется лексикой, характеризующей процессуальность концептосферы («Активное движение»). При этом в число доминирующих по частотности единиц, кроме лидирующих к 2023 г. *электросамокат* (11864.020), *самокат* (4220.853), *средство индивидуальной мобильности, СИМ* (3650.468),

Таблица 6. Динамика использования лексем с семантикой контролирующих мер в дискурсивном тезаурусе (с указанием нормализованной частоты)

Table 6. Dynamics of the use of lexical items with the semantics of control in the discourse thesaurus under study (with relative frequencies)

Список слов	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Разрешение / разрешать	668.00	2089.55	905.52	762.90	878.73	456.30
Запрет / запрещать	668.00	597.01	3320.25	1356.27	1757.46	912.61
Регулирование / регулировать	–	597.01	–	1780.11	659.05	1798.54
Ограничение / ограничивать	668.00	2686.56	1509.20	3814.52	3954.30	1483.00
Контроль / контролировать	–	–	905.52	678.139	439.36	1228.154
Ужесточение / ужесточить	–	–	–	–	–	114.077
Наложение / налагать (штраф)	–	–	301.841	–	–	402.111

Таблица 7. Динамика использования административно-юридических терминов в дискурсивном тезаурусе (с указанием нормализованной частоты)

Table 7. Dynamics of the use of administrative and legalistic terms in the discourse thesaurus under study (with relative frequencies)

Список слов	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Нарушать / нарушение / нарушитель	1336.00	895.52	3320.25	678.13	1537.78	7072.78
Наказывать / наказывать / наказание	–	597.01	–	254.30	–	1597.08
Вводить (штраф / регистрацию / ограничение / нормы / сертификацию)	668.003	2089.55	–	932.44	1318.10	1254.84
Правонарушение	–	–	603.68	84.76	–	1026.69
Возбуждать (уголовное дело)	–	–	301.84	84.76	219.68	1026.69
Составить протокол	–	1194.03	1509.20	169.56	1318.10	1026.69
(О)штрафовать	–	2388.06	3320.25	423.83	439.36	6730.55
(За)регистрировать / регистрация (транспорт / ДТП)	13360.0	1492.53	–	254.30	219.68	570.38
Полагается штраф	–	–	–	–	–	228.15
Выписать / установить штраф	–	1194.03	905.52	–	219.68	228.15
Установить (административную ответственность)	–	–	–	–	–	228.15
Назначить (штраф / проверку / экспертизу)	–	–	–	–	219.68	114.07
Осудить	–	–	–	–	–	114.07
Приговорить	–	–	301.84	339.06	–	–

ехать, ездить (3080.08), *управлять* (2851.92), входят *нарушать, нарушение, нарушитель* (7072.78), *(о)штрафовать* (6730.55), *лихачить* (2895.34), *устраивать гонки* (1726.76), *наказывать, наказывать, наказание* (1597.08), *ограничивать* (1483.00), *травма / травматизм* (1483.00), *наезд* (1254.84), *вводить (штраф, регистрацию и пр.)* (1254.84). Эти данные указывают на варьирование оценочного отношения к СИМ: использованию средств транспортной мобильности в 2018–2020 гг. присваивалась в основном позитивная оценка («Активное движение»), но с 2020 г. фиксируется рост отрицательных знаков оценки: опасность (тематическая группа «Травмоопасность»), требование общества об обеспечении безопасности жителей города и намерение административно регулировать поведение владельцев СИМ и пользователей системы их аренды («Административное регулирование»). В целом в медийном пространстве формируется негативный образ пользователей СИМ: они характеризуются как беспечные, безответственные люди, нарушающие правила дорожного движения, создающие опасность, наносящие увечья пешеходам, уклоняющиеся от наказаний, средства индивидуальной мобильности ассоциируются с неприятностями, скандалами, конфликтами, травмоопасностью.

Заключение

Представленные данные о специфике медиатизации относительно нового транскультурного концепта «Индивидуальная мобильность», основанные на предложенной методике корпусно-дискурсивного анализа медийного контента и гипотезе о динамичной институционализации как одной из форм объективно ориентированной медиатизации концепта в массовом сознании, указывают на некоторые векторы динамичного включения изучаемой инородной концептосферы в понятийную (бытийную) картину жителей России в период с 2018 по 2023 год.

Концепт «Индивидуальная мобильность» как социально важный знак популярного стиля жизни инкорпорируется в общую русскоязычную медийную картину посредством информирования о СИМ, их технических характеристиках, функциональных возможностях, социальной полезности и утилитарной ценности для горожан (в первую очередь к 2018 г.). Однако регулярное описание травмоопасных событий с 2021 г. (ДТП, наездов, увечий, ранений), ассоциируемых с использованием СИМ, указывает на формирование негативного отношения к СИМ на улицах города. Их дополняют сообщения о требовании горожан

к представителям администрации упорядочить присутствие пользователей СИМ на улицах города. В корпусе отмечается рост упоминаний об административно-юридических мерах, предлагаемых для обеспечения безопасности людей на улицах городов России.

На динамичность усиления или уменьшения значимости разнонаправленных векторов социальной оценки внедряемой концептосферы указывают данные о нормализованной частотности единиц, составляющих основу тезауруса собственной коллекции текстов медийных сообщений о СИМ. При его когнитивно-семантической реконструкции было выделено терминологическое ядро «СИМ», объединяющее номинации транспортных средств персональной мобильности и лиц, их использующих, и понятийно близкие глагольные номинации активных транспортных перемещений; оно стало семантической базой для публичного обсуждения социальной полезности СИМ в городе.

На динамику и специфику медиатизации оценочного представления о внедряемом транскультурном концепте «Индивидуальная мобильность» указывает возрастающая по годам частотность включения в сообщения лексики, относящейся к теме «Травмоопасность» (*авария, травма, наезд* и др., особенно в 2021–2023 гг.), что влияет на формирование негативного отношения горожан к внедряемому популярному стилю жизни. Об осознании опасности и потребности обеспечить безопасное пребывание людей на улицах города свидетельствует рост частотности лексики, номинирующей введение контролирующих мер и административно-юридических норм в 2022–2023 гг. (*нарушить, нарушение, нарушитель, наказать, наказывать, наказание, штрафовать, контролировать, ограничивать, запрещать* и др.). К середине 2023 г. в медийном контенте выявляется доминирование критического отношения к пользователям СИМ, которое проецируется на СИМ и ассоциируемый с ними модный стиль жизни.

Предложенная методика выявления динамики употребления лексических единиц, составивших тезаурус коллекции текстов, которая опирается на корпусные методы сбора и количественный анализ данных, может быть использована при мониторинге разных концеп-

тов (транскультурных, этнокультурных), прошедших или проходящих процедуру медиатизации как дискурсивной стратегии трансляции образцов поведения и моделей восприятия информации, способных оказать влияние на ценностные ориентации и общезначимые смыслы современного социума.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00509, <https://rscf.ru/project/23-28-00509/>.

The study is supported by Russian Science Foundation, project number 23-28-00509, <https://rscf.ru/project/23-28-00509/>.

² В статье представлены данные анализа одного сектора корпуса текстов – полный состав новостных сообщений о средствах индивидуальной мобильности за период 2018–2023 гг. на медийном портале www.iz.ru.

³ URL: <https://cqpweb.lancs.ac.uk/>.

⁴ Источник примеров (1), (2): <https://mobot.sg/product-category/mobility-scooters-personal-mobility-aid/>.

⁵ Источник примеров: <https://www.techinsider.ru/vehicles/297122-pervyy-v-mire-mototsikl-kotoryy-ne-padaet/>.

⁶ Источник примера: Там же.

⁷ Здесь и далее источник примеров: <https://iz.ru/>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артамонова Ю. Д., Володенков С. В., 2021. Медиатизация как исследовательский концепт: основные предпосылки, формирование и возможности дальнейшего развития // ПРАКСЕМА: проблемы визуальной семиотики. № 2 (28). С. 9–27.
- Вакку Г. В., Лебедева С. Э., 2022. Медиатизация как современный социокультурный тренд // Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию В.Д. Потаповой. Донецк : Донец. нац. ун-т. С. 198–204.
- Волкова О. С., 2021. Лингвопрагматика английских заимствований в русскоязычном дискурсе массовой коммуникации (на материале названий обуви) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 20, № 6. С. 134–145. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.12>

- Гуреева А. Н., 2016. Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. № 6. С. 192–208. URL: www.vestnik.journ.msu.ru/books/2016/6/teoreticheskoe-ponimanie-mediatizatsii-v-usloviyakh-tsifrovoy-sredy/
- Гуреева А. Н., Кузнецова В. С., 2021. Концептуализация феномена медиатизации политики: основные теоретические подходы // Вопросы теории и практики журналистики. Т. 10, № 1. С. 191–205.
- Донцов А. И., Асланов И. А., 2022. Термин «репрезентация» в дискурсе медиаисследователей: попытка концептуализации термина // Медиаскоп. Вып. 2. DOI: 10.30547/mediascope.2.2022.1
- Ивченков В. И., 2018. Медиадискурс современности: стилистические приоритеты и экстралингвистические факторы // Актуальные проблемы стилистики. № 4. С. 71–76.
- Ивченков В. И., 2019. Новые модели коммуникации и стилистические приоритеты современного медиадискурса // Медиалингвистика. Т. 6, № 1. С. 135–144.
- Ильинова Е. Ю., 2016. Семантическая категоризация при реконструкции тематического содержания текста новостного сообщения // Когнитивные исследования языка. № 26. С. 537–539.
- Карасик В. И., 2002. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена. 477 с.
- Карасик В. И., 2010. Языковая кристаллизация смысла. Волгоград: Парадигма. 421 с.
- Карасик В. И., 2022. Языковая лестница познания. М.: Гос. ин-т рус. яз. 462 с.
- Кириллова Н. Б., 2005. Медиакультура: от модерна к постмодерну. М.: Акад. проект. 448 с.
- Кочетова Л. А., Ильинова Е. Ю., 2023. Лингвокультурная специфика дискурсивных практик репрезентации кибербезопасности в русскоязычном медийном пространстве: корпусный подход // Научный диалог. № 12 (3). С. 134–152. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-3-134-152>
- Кочетова Л. А., Кононова И. В., 2019. Когнитивно-корпусный подход к анализу конструирования ценностных смыслов в рекламном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. № 2. С. 65–74.
- Лебедева С. Э., Вакку Г. В., Степанова С. Е., Касаткина А. Е., 2018. Основные тенденции медиатизации современного социокультурного пространства // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. № 4. С. 69–76.
- Лушинская О. В., 2021. Структурно-организационные и содержательные характеристики медийного дискурса на примере веб-сайта «The Guardian» // Филология и человек. № 3. С. 158–173. DOI: 10.14258/filichel(2021)3-13
- Мамонова Н. В., 2021. Медиадискурс как глобальное коммуникативное пространство // Гуманитарные исследования. История и филология. № 3. С. 68–74. DOI: <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2021-3-68-74>
- Примаков В. Л., 2019. Медиатизация как теоретический концепт // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. № 3. С. 221–238.
- Рогозина И. В., 2003. Медиа-картина мира: сущность, структура, категории и функции // Аспекты исследования картины мира: коллектив. моногр. Барнаул: Изд-во АГТУ. С. 59–130.
- Федотова Н. А., 2022. Процесс медиатизации: подходы к пониманию // Знак: проблемное поле медиаобразования. № 2 (44). С. 61–66. DOI: <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2022-10208>
- Чернявская В. Е., 2017. Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 50. С. 135–148. DOI: 10.17223/19986645/50/9
- Шмелева Т. В., 2015. Медиатизация как феномен современной культуры и объект исследования // Вестник НовГУ им. Ярослава Мудрого. № 90. С. 145–148.
- Якоба И. А., 2019. Внешние и внутренние параметры медийного дискурса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. № 3 (180). С. 94–100.
- Corner J., 2018. Mediatization: Media Theory's Word of the Decade. URL: <https://mediatheoryjournal.org/john-corner-mediatization/>
- Couldry N., Hepp A., 2013. Conceptualizing Mediatization: Contexts, Traditions, Arguments // Communication Theory. № 23 (3). P. 191–202.
- Deacon D., Stanyer J., 2014. Mediatization: Key Concept or Conceptual Bandwagon? // Media, Culture & Society. № 36 (7). P. 1032–1044.
- Gabrielatos C., 2018. Keyness Analysis: Nature, Metrics and Techniques // Corpus Approaches to Discourse: A Critical Review. Oxford: Routledge. P. 225–258.
- Finnemann N. O., 2011. Mediatization Theory and Digital Media. URL: https://www.researchgate.net/publication/272537215_Mediatization_theory_and_digital_media
- Flew T., 2017. The 'Theory' in Media Theory // Media Theory. № 1 (1). P. 43–56.
- Friedman Th., 2005. The World is Flat: A Brief History of the Twenty-First Century. N. Y.: Farrar, Straus, Giroux. 488 p.
- Hepp A., Hjarvard S., Lundby K., 2015. Mediatization: Theorizing the Interplay Between Media, Culture

- and Society // Media, Culture & Society. № 37 (2). P. 314–324.
- Hodkinson P., 2011. Media, Culture and Society. L. : SAGE. 320 p.
- Kochetova L. A., Ilyinova E. Yu., 2020. English Academic Discourse in Translinguistic Context: Corpus-Based Study of Lexical Markers // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 19, № 5. P. 25–37. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.3>
- Laclau E., 1995. The Time is out of Joint // Diacritics. Vol. 25, № 2. P. 85–96.
- McLuhan M., 1962. The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. Toronto : University of Toronto Press. 293 p.
- Nölleke D., Scheu A. M., Birkner Th., 2021. The Other Side of Mediatization: Expanding the Concept to Defensive Strategies // Communication Theory. Vol. 31, iss. 4. P. 737–757. URL: <https://doi.org/10.1093/ct/qtaa011>
- Silverstone R., 2006. Media and Morality: On the Rise of the Mediapolis. Cambridge : Polity Press. 224 p.
- Volkova O.S., 2021. Lingvopragmatika angliyskikh zaïmstvovaniy v russkoyazychnom diskurse massovoy kommunikatsii (na materiale nazvaniy obuvi) [Linguistic Pragmatics of English Borrowings in Russian Mass Communication Discourse]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 20, no. 6, pp. 134–145. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.12>
- Gureeva A.N., 2016. Teoreticheskoe ponimanie mediatizatsii v usloviyakh tsifrovoy sredy [Theoretical Understanding of Mediatization in the Digital Environment]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, no. 6, pp. 192–208. URL: www.vestnik.journ.msu.ru/books/2016/6/teoreticheskoeponimanie-mediatizatsii-v-usloviyakh-tsifrovoy-sredy/
- Gureeva A.N., Kuznetsova V.S., 2021. Kontseptualizatsiya fenomena mediatizatsii politiki: osnovnye teoreticheskie podkhody [Key Theoretical Approaches to Conceptualizing Mediatization of Politics]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* [Theoretical and Practical Issues of Journalism], vol. 10, no. 1, pp. 191–205.
- Dontsov A.I., Aslanov I.A., 2022. Termin «reprezentatsiya» v diskurse mediaïssledovatelye: popytka kontseptualizatsii temina [Term Representation in the Discourse of Media Researchers: Attempt of Conceptualization of the Term]. *Mediascop* [Mediascope], iss. 2. DOI: <http://www.mediascope.ru/2769>
- Ivchenkov V.I., 2018. Mediadiskurs sovremennosti: stilisticheskiye priority i ekstralingvisticheskiye faktory [Media Discourse of Modernity: Stylistic Priorities and Extralinguistic Factors]. *Aktualnyye problem stilistiki* [Actual Problems of Stylistics], no. 4. pp. 71–76.
- Ivchenkov V.I., 2019. Novye modeli kommunikatsii i stilisticheskiye priority sovremennogo mediadiskursa [New Models of Communication and Stylistic Priorities of Contemporary Media Discourse]. *Medialingvistika* [Medialinguistics], vol. 6, no. 1, pp. 135–144.
- Ilyinova E.Yu., 2016. Semanticheskaya kategorizatsiya pri rekonstruktsii tematicheskogo soderzhaniya teksta novostnogo soobshcheniya [Reconstructing Thematic Content of the News Story Text via Semantic Categorization]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], no. 26, pp. 537–539.
- Karasik V.I., 2002. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena Publ. 477 p.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Известия : [медийный портал]. URL: <https://iz.ru/>
- СИС – Словарь иностранных слов. М. : Рус. яз., 1988. 608 с.
- COED – Collins Online English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/>

REFERENCES

- Artamonova Ju.D., Volodenkov S.V., 2021. Mediatizatsiya kak issledovatel'skiy kontsept: osnovnye predposylki, formirovaniye i vozmozhnosti dalneyshego razvitiya [Mediatization as a Research Concept: Main Prerequisites of the Formation and Possibilities for Further Development]. *PRAKSEMA: problemy vizualnoy semiotiki* [PRAXEMA. Journal of Visual Semiotics], no. 2 (28), pp. 9–27.
- Vakku G.V., Lebedeva S.E., 2022. Mediatizatsiya kak sovremennyy sotsiokulturnyy trend [Mediatization as a Modern Socio-Cultural Phenomenon]. *Lichnostnye i situatsionnye determinanty povedeniya i deyatelnosti cheloveka: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 80-letiyu V.D. Potapovoy* [Personal and Situational Determinants of Persons Behaviour and Activity. Proceedings of Scientific Practical Conference Dedicated to 80th Anniversary of V.D. Potapova]. Donetsk, Donets. nats. un-t, pp. 198–204.

- Karasik V.I., 2010. *Yazykovaya kristallizatsiya smysla* [Linguistic Crystallization of Meaning]. Volgograd, Paradigma Publ. 421 p.
- Karasik V.I., 2022. *Yazykovaya lestnitsa poznaniya* [Language Stairway of Experience]. Moscow, Gos. in-t rus. yaz. 462 p.
- Kirillova N.B., 2005. *Mediakultura: ot moderna k postmodernu* [Mediaculture: from Modern to Postmodern]. Moscow, Akad. proekt Publ. 448 p.
- Kochetova L.A., Ilyinova E.Yu., 2023. Lingvokulturnaya spetsifika diskursivnykh praktik reprezentatsii kiberbezopasnosti v russkoyazychnom mediynom prostranstve: korpusnyy podkhod [Linguocultural Specifics of Cybersecurity Discursive Practices Representation in Russian Media Communication: Corpus-Assisted Approach]. *Nauchnyi dialog*, no. 12 (3), pp. 134-152. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-3-134-152>
- Kochetova L.A., Kononova I.V., 2019. Kognitivno-korpusnyy podkhod k analizu konstruirovaniya tsennostnykh smyslov v reklamnom diskurse [Cognitive-Corpus Approach to the Analysis of the Construction of Value Meanings in Advertising Discourse]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Questions of Cognitive Linguistics], no. 2, pp. 65-74.
- Lebedeva S.E., Vakku G.V., Stepanova S.E., Kasatkina A.E., 2018. Osnovnye tendentsii mediatizatsii sovremennoogo sotsiokulturnogo prostranstva [Main Trends in Mediatization of Modern Socio-Cultural Space]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva* [I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin], no. 4, pp. 69-76.
- Lushchinskaya O.V., 2021. Strukturno-organizatsionnye i sodержatelnye kharakteristiki mediynogo diskursa na primere veb-sayta «The Guardian» [Structural and Organizational and Content Characteristics of Media Discourse on the Example of Web-Site “The Guardian”]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human], no. 3, pp. 158-173. DOI: [10.14258/filichel\(2021\)3-13](https://doi.org/10.14258/filichel(2021)3-13)
- Mamonova N.V., 2021. Mediadiskurs kak globalnoe kommunikativnoe prostranstvo [Media Discourse as a Global Communicative Space]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanitarian Studies. History and Philology], no. 3, pp. 68-74. DOI: <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2021-3-68-74>
- Primakov V.L., 2019. Mediatizatsiya kak teoreticheskiy kontsept [Mediatization as a Theoretical Concept]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennyye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], no. 3, pp. 221-238.
- Rogozina I.V., 2003. Media-kartina mira: sushchnost, struktura, kategorii i funktsii [Media Picture of the World: Essence, Structure, Categories and Functions]. *Aspekty issledovaniya kartiny mira: kollektiv. monogr.* [Aspects of the World-View Study. Col. Monograph]. Barnaul, Izd-vo AGTU, pp. 59-130.
- Fedotova N.A., 2022. Process mediatizatsii: podkhody k ponimaniyu [The Mediatization Process: Approaches to Understanding]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, no. 2 (44), pp. 61-66. DOI: <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2022-10208>
- Chernyavskaya V.E., 2017. Metodologicheskie vozmozhnosti diskursivnogo analiza v korpusnoy lingvistike [Towards Methodological Application of Discourse Analysis in Corpus-Driven Linguistics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], no. 50, pp. 135-148. DOI: [10.17223/19986645/50/9](https://doi.org/10.17223/19986645/50/9)
- Shmeleva T.V., 2015. Mediatizatsiya kak fenomen sovremennoy kultury i obyekt issledovaniya [Mediatization as a Phenomenon of Modern Culture and Object of Study]. *Vestnik NovGU im. Yaroslava Mudrogo* [Vestnik NovGU Named After Yaroslav the Wise], no. 90, pp. 145-148.
- Iakoba I.A., 2019. Vneshnie i vnutrennie parametry mediynogo diskursa [Outer and Inner Parametres of Media Discourse Smart Tuning]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Academic Journal Proceedings of Petrozavodsk State University], no. 3 (180), pp. 94-100.
- Corner J., 2018. *Mediatization: Media Theorists Word of the Decade*. URL: <https://mediatheoryjournal.org/john-corner-mediatization/>
- Couldry N., Hepp A., 2013. Conceptualizing Mediatization: Contexts, Traditions, Arguments. *Communication Theory*, no. 23 (3), pp. 191-202.
- Deacon D., Stanyer J., 2014. Mediatization: Key Concept or Conceptual Bandwagon? *Media, Culture & Society*, no. 36 (7), pp. 1032-1044.
- Gabrielatos C., 2018. Keyness Analysis: Nature, Metrics and Techniques. *Corpus Approaches to Discourse: A Critical Review*. Oxford, Routledge, pp. 225-258.
- Finnemann N.O., 2011. *Mediatization Theory and Digital Media*. URL: https://www.researchgate.net/publication/272537215_Mediatization_theory_and_digital_media
- Flew T., 2017. The Theory in Media Theory. *Media Theory*, no. 1 (1), pp. 43-56.

- Friedman Th., 2005. *The World is Flat: A Brief History of the Twenty-first Century*. New York, Farrar, Straus, Giroux. 488 p.
- Hepp A., Hjarvard S., Lundby K., 2015. Mediatization: Theorizing the Interplay Between Media, Culture and Society. *Media, Culture & Society*, no. 37 (2), pp. 314-324.
- Hodkinson P., 2011. *Media, Culture and Society*. London, SAGE. 320 p.
- Kochetova L.A., Ilyinova E.Yu., 2020. English Academic Discourse in Translinguistic Context: Corpus Based Study of Lexical Markers. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 5, pp. 25-37. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.3>
- Laclau E., 1995. The Time is out of Joint. *Diacritics*, vol. 25, no. 2, pp. 85-96.
- McLuhan M., 1962. *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. Toronto, University of Toronto Press. 293 p.
- Nölleke D., Scheu A.M., Birkner Th., 2021. The Other Side of Mediatization: Expanding the Concept to Defensive Strategies. *Communication Theory*, vol. 31, iss. 4, pp. 737-757. URL: <https://doi.org/10.1093/ct/qtaa011>
- Silverstone R., 2006. *Media and Morality: On the Rise of the Mediapolis*. Cambridge, Polity Press. 224 p.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Izvestiya: mediynny portal* [Izvestia: Media Portal]. URL: <https://iz.ru/>
- Slovar inostrannykh slov* [Dictionary of Foreign Words]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1988. 608 p.
- Collins Online English Dictionary*. URL: <https://www.collinsdictionary.com/>

Information About the Authors

Elena Yu. Ilyinova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Translation Studies and Linguistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, ilyinov@volsu.ru, english_philology@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3310-4020>

Olga S. Volkova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Translation Studies and Linguistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, olgavolkova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2163-7129>

Информация об авторах

Елена Юрьевна Ильинова, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода и лингвистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, ilyinov@volsu.ru, english_philology@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3310-4020>

Ольга Сергеевна Волкова, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода и лингвистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, olgavolkova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2163-7129>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.3>

UDC 81'42:339.138
LBC 81.055.51.3

Submitted: 23.11.2022
Accepted: 10.05.2023

**THE ARTIFICIAL INTELLIGENCE IDEOLOGEME
IN THE MULTIMODAL IT MARKETING DISCOURSE:
A CORPUS-ASSISTED STUDY**

Natalia V. Sokolova

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

Abstract. The article focuses on investigating the specifics of the Artificial Intelligence (AI) ideologeme in the website discourse of software vendors. The material of the study is the website discourse of *Microsoft*. The linguo-conceptual and discursive analyses have resulted in identifying the most frequent lexemes in dictionary entries and constructing the nominative field of the AI concept. We have carried out a corpus-assisted study of the linguistic representation of the AI ideologeme in the *Microsoft* discourse using *AntConc* and extracted keywords and collocations, including metaphorical ones, which make the ideologeme explicit through keywords such as *responsible, businesses, change, etc.*, collocations: *AI-ready culture, AI-human partnership, etc.*, metaphors based on the actions of living beings such as *drive, dive, etc.* The keywords and collocations create the intention-driven positive ideologeme of AI as a phenomenon regulated by competent bodies and empowering businesses to drive the positive change, along with amplifying the capabilities of human beings. The nonverbal means of the AI ideologeme have been described within the representative and interactive dimensions such as pictures of living beings, colors of nature such as green and blue, and metaphorical perspectives contributing to the discursive affinity of AI and nature. The corpus-assisted study has resulted in identifying the discursive representation of the AI ideologeme which is different from that of the dictionary entries describing AI as a machine capability to copy the human behavior.

Key words: ideologeme, concept, artificial intelligence, multimodal discourse, corpus-assisted study.

Citation. Sokolova N.V. The *Artificial Intelligence* Ideologeme in the Multimodal IT Marketing Discourse: A Corpus-Assisted Study. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 5, pp. 40-52. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.3>

УДК 81'42:339.138
ББК 81.055.51.3

Дата поступления статьи: 23.11.2022
Дата принятия статьи: 10.05.2023

**ИДЕОЛОГЕМА ARTIFICIAL INTELLIGENCE
В МУЛЬТИМОДАЛЬНОМ МАРКЕТИНГОВОМ ДИСКУРСЕ
СФЕРЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ:
КОРПУСНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Наталья Владимировна Соколова

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, г. Пермь, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению идеологемы «искусственный интеллект» (ИИ) в дискурсе веб-сайтов производителей программных продуктов. Исследование проведено на материале дискурса веб-сайта компании Microsoft. С применением лингвоконцептуального и дискурсивного анализа установлены наиболее употребительные лексемы, использованные в словарных толкованиях ИИ, для построения номинативного поля концепта ИИ. Проведен корпусный анализ лингвистической репрезентации идеологемы ИИ в дискурсе веб-сайта Microsoft с помощью инструмента AntConc, и определены ключевые слова и коллокации, в том числе метафорические, которые эксплицируют идеологему ИИ: среди них ключевые *responsible, businesses,*

change и др., коллокации *AI-ready culture*, *AI-human partnership* и др., метафоры, основанные на сходстве с действиями живых существ: *drive*, *dive* и др. Выявлены ключевые слова и коллокации, употребление которых способствует формированию согласно интенции адресанта положительной идеологемы ИИ как явления, регулируемого компетентными органами и позволяющего компаниям добиться позитивных изменений, расширяя возможности человека. Охарактеризованы невербальные средства представления идеологемы ИИ в рамках репрезентативного и интерактивного измерений: к таким средствам построения идеологемы отнесены изображения живых существ, оттенки природных цветов (зеленого и синего), перспектива на фотографиях, формирующие дискурсивную связь ИИ и природы. В результате корпусно-ориентированного исследования дискурса описаны особенности идеологемы ИИ, отличающие ее от представлений, отраженных в словарных дефинициях, согласно которым ИИ определяется как способность компьютера имитировать человеческое поведение.

Ключевые слова: идеологема, концепт, искусственный интеллект, мультимодальный дискурс, корпусно-ориентированное исследование.

Цитирование. Соколова Н. В. Идеологема *Artificial Intelligence* в мультимодальном маркетинговом дискурсе сферы информационных технологий: корпусно-ориентированное исследование // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 5. – С. 40–52. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.3>

Introduction

These days, Artificial Intelligence (hereinafter – AI) is an undeniably important phenomenon. It has an impact on the minds of people concerned with its influence on every aspect of our life.

The term *AI* is fixed in dictionaries. However, software vendors are making every effort to formulate and make public new principles regulating the use of AI-powered products via their websites transcending an image of AI that may extend far beyond descriptions of its technical features and capabilities.

As compared to dictionaries, such discourses are supposed to play a meaningful role in building a qualitatively different, evolving vision of AI while corpus-assisted studies could contribute to extracting quantitatively significant outcomes. To construct this new image of AI, modern websites employ both verbal and nonverbal means as opposed to dictionaries focusing on linguistic aspects.

First and foremost, this paper aims at investigating the contemporary representation of AI in the multimodal discourse of an IT vendor with the help of the corpus analysis tools and techniques of exploring the nonverbal means. Nevertheless, to make it comprehensive, conventional dictionary concepts of AI must be considered as well.

Theoretical framework

Critical discourse analysis has been in the spotlight of linguistic studies [Chernyavskaya,

2017; 2018] due to its potential to unravel the ideology-driven social practices in the discourse [Fairclough, 2003; Wodak, 2015]. Norman Fairclough describes discourses as “different perspectives on the world” [Fairclough, 2003, p. 124] emphasizing that they “not only represent the world as it is (or rather is seen to be), they are also projective, imaginary... and tied in to projects to change the world in particular directions” [Fairclough, 2003, p. 124]. This idea is crucial when dealing with discourses since they result from the intention of the locutionary source to create some ‘vision’ or ‘projection’.

Such assumptions fit well into the anthropocentric paradigm as the human factor turns out to be at the center of linguistic analysis of the social activity [Usmonova, 2019, p. 210; Kubryakova, 1995]. This factor is intrinsically intertwined with the persuasive, or perlocutionary, intention [Klushina, 2008] of the locutionary source.

These statements could underpin the studies of corporate discourses projecting images of products and services via websites – the marketing [Borisova, 2016, p. 140] discourse reaching out to customers to convey the idea of value [Scott, 2017] embedded in some product or service. This paper deals with the marketing discourse of the *Microsoft* website providing insights into the benefits of AI products created by one of the world’s leading software vendors. Such discourses are collections of texts [Borisova, 2016, p. 140; Klushina, 2016, p. 82] delivering some ideologemes [Klushina, 2016].

This paper does not attempt to make a full review of the heterogeneous approaches to the notions of concept and ideologeme defined by a variety of scholars [Bulakhtina, 2009; Lylo, 2017; Samsitova, Tashbulatova, 2015; etc.]. Instead, it relies on the proven cognitive approach [Pavilenis, 1983; Popova, Sternin, 2005] identifying concepts as “information about the actual or possible state of things in the world” [Pavilenis, 1983, pp. 101-102]. To investigate dictionary entries, the methodology makes use of the linguistic representation of a specific mental concept – AI in this respect – and provides for identifying its nominative field [Popova, 2006, p. 46] consisting of key nominations, or frequently used lexemes.

As for the ideologeme, it is a more global discourse-related category – the key ideas to be projected through the discourse as a result of fulfilling the intention of the locutionary source [Klushina, 2012]. Such discourse-embedded ideologemes might be imaginary and projective as compared to the concepts fixed in dictionary entries and supposed to reflect the *status quo*.

Being part and parcel of cognitive linguistics, concepts are existing stereotypes within some society while ideologemes are stereotypes to be embedded in the society [Klushina, 2008]. This understanding makes the analysis of ideologemes a specific part of the communicative stylistics dealing with the intention of the locutionary source to produce some impact on the locutionary target. This paper relies on the definition of ideologemes as the representation of some key values to create a new sustainable ideology for ‘propping up’ the society [Klushina, 2008]. This is a viable way to differentiate between dictionary concepts and discursive ideologemes. It is crucial to focus on dictionary entries first to progress to the vendor-specific discursive representation of AI since it is the cognitive meaning that underlies it all.

The methodology for exploring discursive manifestations of ideologemes also includes investigating nominations and tonality [Klushina, 2008]. This is when quantitative lexicographic and corpus-based discourse studies could add value to the research outcomes based on massive sets of texts and their typical features. Cutting-edge software applications [Shutova, 2018, p. 22] equip linguists with tools for conducting complex corpus-assisted investigations.

AntConc is a freeware corpus analysis toolkit for text analysis and concordancing. It can be used to extract keywords (Keyword List) and collocations (Concordance). Keywords are particularly relevant since they are the most frequently used words that shed the light on the ‘message’ and can be utilized to build the nominative fields of concepts and nominations of ideologemes. As for the concordance feature, the ‘keyword-in-context’, or ‘KWIC’, option enables researchers to set limitations for exploring node word collocations. It also provides for investigating the tonality being evident from concordancing and shaping the semantic prosody [Partington, 1998, p. 68].

Nonverbal means of creating discourses attract an ever-growing interest due to their role and potential [Bi, 2019]. The discourse under study is multimodal. It demonstrates the presence of both verbal, or textual, means and nonverbal ones such as videos, photos, and colors [Kress, Leeuwen, 2006; Bateman, 2016].

Relying on the visual grammar methodology [Kress, Leeuwen, 2006], this paper will also focus on images and colors. The scholars [Kress, Leeuwen, 2006] identify the representative and the interactive visual dimensions. The former one is represented by people, places, and things in images while the latter deals with meanings encoded into such images via the gaze of the represented participant, the distance from the viewer, and the angle from which the participant is seen, along with the modality involving colors [Kress, Leeuwen, 2002; Leeuwen, 2013]. Colors play an important role in building multimodal discourses and contribute to a textual cohesion [Kress, Leeuwen, 2002, pp. 348-349].

Material and research methodology

The material under study is the multimodal marketing discourse of *Microsoft* website in the amount of 29,140 characters and 40 images. To analyze the nominative field of the AI concept, several online dictionary entries have been selected from *Cambridge*, *Dictionary.com*, *Macmillan*, *Merriam-Webster*, and *Oxford* in the amount of nearly 9,000 characters.

The research relies on the methodologies spanning the domains of critical discourse analysis [Chernyavskaya, 2017; Fairclough, 2003; Klushina,

2008], marketing discourse [Borisova, 2016], corpus-assisted discourse studies [Chernyavskaya, 2017], concepts and nominative fields within the framework of cognitive linguistics [Popova, Sternin, 2005] and ideologeme-related provisions of the communicative stylistics [Klushina, 2008] as well as visual semiotics [Kress, Leeuwen, 2006].

The anthropocentric paradigm provides for relying on the qualitatively-oriented critical discourse analysis exploring discourses as the reflection of the social life [Fairclough, 2003] by the locutionary source, or an IT vendor in this respect. The quantitative techniques of corpus-assisted studies will be used to build the nominative field of the AI concept fixed in dictionaries and to extract the dominant nominations and KWIC collocations demonstrating the tonality when it comes to the discursive AI ideologeme. The visual grammar [Kress, Leeuwen, 2006] is used to deal with the visual material.

The website discourse is aimed at potential customers who may or may not be IT professionals. The function is not only to inform of IT products but also to convey their value. The comprehensive methodology of the linguo-conceptual and discursive analysis involves the following steps: creating a corpus of dictionary entries to identify the nominative field of the AI concept; creating a corpus of *Microsoft* website texts highlighting AI benefits; conducting the

AntConc-powered corpus-assisted study to extract keywords (Keyword List), collocations and metaphorical expressions shaping the discourse tonality (Concordance) in line with the intention of the locutionary source; analyzing the nonverbal material in terms of the visual grammar, that is: the representative dimension of portraying living beings and settings and the interactive dimension involving the gaze, distance, and angle from which the participant is seen, along with colors; formulating the *Microsoft*-specific discursive representations of the AI ideologeme.

Results

The AI concept in dictionaries

This section focuses on identifying the nominative field of the AI concept in the dictionaries since any discursive ideologemes are originally built on information about the actual or possible state of things [Pavilenis, 1983].

The *Word List* feature of *AntConc* demonstrates words such as *computer(s)*, *human*, *capacity*, *intelligent*, *mechanical*, *programmed*, *behavior*, etc. as shown in Figure 1.

AI is linked to computers or other programmed devices, including mechanical ones, which have the capacity to copy the intelligent

Rank	Freq	Word
1	14	the
2	12	of
3	9	to
4	7	and
5	6	computer
6	5	a
7	4	artificial
8	4	human
9	4	intelligence
10	4	or
11	4	other
12	3	capacity
13	3	computers
14	3	in
15	3	intelligent
16	3	mechanical
17	3	programmed
18	3	that
19	2	behavior
20	2	branch
21	2	can
22	2	development
23	2	device

Fig. 1. Dictionary entries: *Word List* results

human behavior. Similar definitions are typical of all the dictionaries analyzed:

(1) ...The study and development of computer systems that can copy intelligent human behaviour (Oxford); the use of computer technology to make computers and other machines think and do things in the way that people can (Macmillan); the capability of a machine to imitate intelligent human behavior (Merriam-Webster); the capacity of a computer, robot, or other programmed mechanical device to perform operations and tasks analogous to learning and decision making in humans, as speech recognition or question answering; a computer, robot, or other programmed mechanical device having this humanlike capacity (Dictionary.com).

Some entries also mention the study or the branch of knowledge:

(2) ...The study of how to make computers that have some of the qualities of the human mind, for example, the ability to understand language, recognize pictures, solve problems, and learn (Cambridge); a branch of computer science dealing with the simulation of intelligent behavior in computers (Merriam-Webster).

The cognitive layers of the AI nominative field could be differentiated between as follows: connections with computers or other programmed machines and devices; such devices are incapacitated or programmed; and, finally, such

devices are programmed to imitate the human behavior. One more layer can be linked to the branch of knowledge exploring AI. It is obvious that such dictionary entries are devoid of any positive or negative connotations.

The verbal aspects of the AI ideologeme in the marketing discourse of the Microsoft website: keywords

This section will attempt to construct the representation of the AI ideologeme in the marketing discourse of the Microsoft website. The *AntConc* keyword threshold was specified to be Top 100 out of the available Top 100 – Top 1000 range. The first 40 relevant keywords are given below: *AI, Microsoft, responsible, systems, business, organizations* fall within the range of 1–10; *earth and health* within the range of 10–20; *culture, era, accountability, intelligent, safety, change* within the span of 20–30; and *partner, partnership, safely, transformation, etc.* within the ranks of 30 up to 40. Prepositions, pronouns, and articles have not been considered in this respect. Derivatives are also present such as *leaders, leadership; partner, partnership; safety, safely; organization, organizations*.

To narrow down the research focus, 20 most frequent keywords are shown in Figure 2. *AI, Microsoft, responsible, systems, and business* are in the top five.

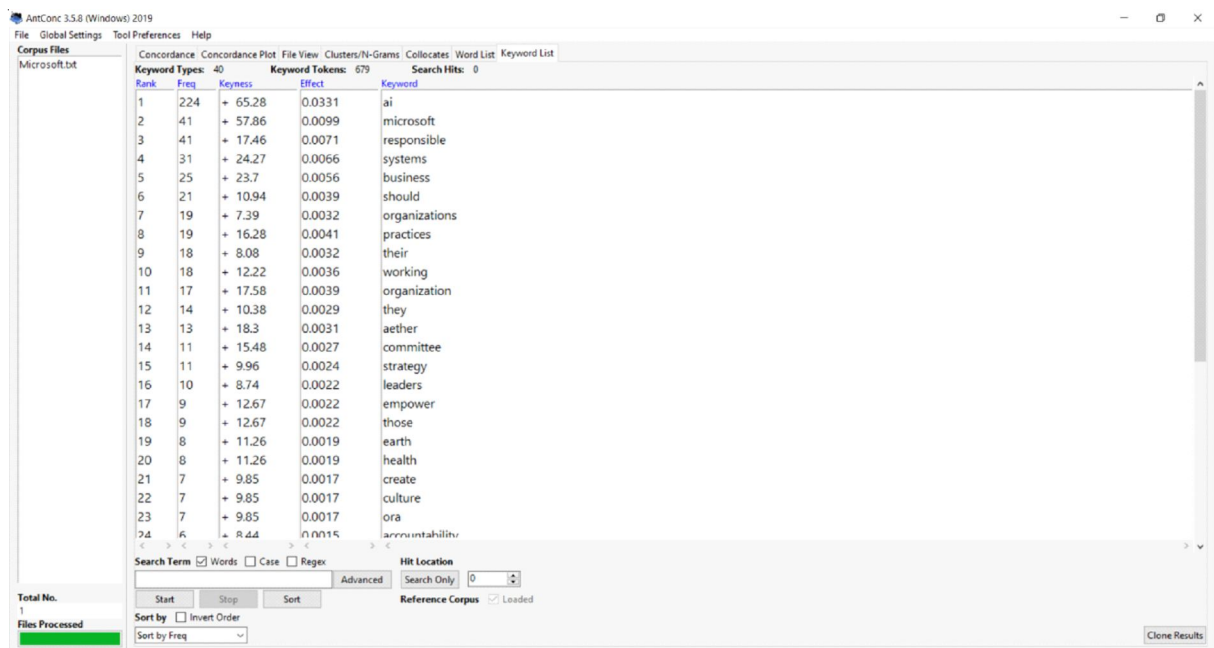

Fig. 2. Top 20 keywords

The most frequently used keyword *AI* is followed by the brand name *Microsoft* and the adjective *responsible* which makes it evident that AI-powered solutions and systems follow the principles of responsibility outlined in the excerpts below:

(3) Our approach to **responsible AI**. We believe that, when designed with people at the center, AI can extend your capabilities, free you up for more creative and strategic endeavors, and help you or your organization achieve more (AISS);

(4) **Responsible AI**. We are committed to the advancement of AI driven by ethical principles that put people first (RAIP).

The keywords *practice(s)* and *committee* are also within the Top 20 rank conveying the vision of AI as a phenomenon diligently regulated by competent committees, in particular, the *AETHER Committee* abbreviated from *AI, Ethics, and Effects in Engineering and Research* – the 13th most frequent keyword:

(5) Microsoft AI principles. We put our **responsible AI** principles into **practice** through the Office of Responsible AI (ORA) and **the AI, Ethics, and Effects in Engineering and Research (Aether) Committee**. The **Aether Committee** advises our leadership on the challenges and opportunities presented by AI innovations (RAIP).

The principles of responsible AI are to be implemented, and modality comes to the foreground. The verb *should* is the 6th most frequent keyword repeated in the six core principles developed by *Microsoft* to guide their approach to Responsible AI:

(6) Fairness. AI systems **should** treat all people fairly.

Reliability & Safety. AI systems **should** perform reliably and safely.

Privacy & Security. AI systems **should** be secure and respect privacy.

Inclusiveness. AI systems **should** empower everyone and engage people.

Transparency. AI systems **should** be understandable.

Accountability. People **should** be accountable for AI systems (RAIP).

The responsible solutions are envisaged to empower *businesses* and *organization(s)*, with

these keywords and their word forms holding the ranks of 5,7, and 11 respectively.

(7) **Responsible AI at your organization**. Find resources to build principles and a governance model in your **organization**, as well as resources, best practices, and tools (ARAI).

AI is envisaged to be beneficial in a variety of sectors – the words *health* and *culture* hold the ranks of 20 and 22 – while the word *earth* is number 21 since *AI for Health, Earth, etc.* are parts of the *Responsible AI initiatives*:

(8) AI for **Health**. AI for **Health empowers** researchers and **organizations** with AI to improve the **health** of people and communities around the world (AIFG);

(9) AI for **Earth**. AI for **Earth** puts AI technology and cloud software in the hands of those working to solve global climate issues (AIFG).

While most of the keywords are nouns, the Top 20 list also includes the verb *create* to emphasize the potential of AI in creating a better world, along with the verb *empower*:

(10) AI for Good. Providing technology, resources, and expertise to **empower** those working to solve humanitarian issues and **create** a more sustainable and accessible world (AIFG).

The verbal aspects of the AI ideologeme: concordance

To investigate the use of *AI* in the context, the KWIC feature has been utilized. The KWIC sort settings are enabled to highlight the two words to the left and one word to the right of the keyword as shown in Figure 3 demonstrating the first 24 results.

The KWIC study has helped us to identify the following types of collocations:

– AI + nouns such as *AI adoption, AI development, AI innovations, AI models, AI principles, AI reliability and safety, AI strategy, AI systems, AI success, AI tools, AI transformation, AI trends, AI vision, etc.*;

– adjective + AI + noun such as *holistic AI strategy, intelligent-edge AI, responsible AI advocates and teams, responsible AI-ready culture, responsible AI practices, responsible AI solution, responsible AI principles,*

Fig. 3. AI concordance analysis results

responsible AI practices. These collocations are positively charged and yield the positive tonality.

Hyphenated AI collocations are typical such as *AI-ready culture*, *AI-ready organization*, *AI-ready culture content*, *AI-powered organization*, *Human-AI interaction*, *AI-human partnership*, etc.:

(11) Enabling an **AI-ready culture**. Drive the key changes that are necessary to become an **AI-ready organization** with solutions for finance, marketing, sales, and customer service (AIBS).

It is of particular interest that such collocations are utilized to construct affinity of AI and human beings such as *AI-human partnership*:

(12) The future as **AI-human partnership**. Microsoft Chief Scientific Officer Dr. Eric Horvitz shares his thoughts on the evolving relationship between humans and machines, and how AI trends have more to do with creating synergies than competition with humans (RAIP).

Prepositional phrases *AI + for + word* such as: *AI for Good*, *AI for Earth*, *AI for Health*, *AI for Humanitarian Action*, and *AI for Accessibility* are instrumental in shaping the discursive image of AI spanning across sectors and industries.

One of the keywords – the verb *empower* – forms the following collocations: *empower everyone*, *empower people*, *empower researchers and organizations*, *empower those working*, etc.

delivering the idea of AI benefits provided not only to organizations but also to individuals.

The verbal aspects of the AI ideologeme: metaphors

The discourse demonstrates not only cognitive but also figurative interplays of lexical means employing metaphors associated with actions of living beings. For example, the collocation *dive into the latest advancements* compares the use of AI with diving.

One more metaphor – *drive* – can be seen in the following excerpts:

(13) AI for business. Use AI to **drive digital transformation** with accelerators, solutions, and practices that empower your organization (AISS);

(14) Enabling an AI-ready culture. **Drive the key changes** that are necessary to become an AI-ready organization with solutions for finance, marketing, sales, and customer service (AIBS);

(15) **AI drives innovation**. Learn how others are using Microsoft AI technologies to transform their business (AIBS).

Metaphors associated with driving such as *fueling* can be found in the example below:

(16) In education, AI is **fueling transformation** in learning outcomes and improving student

engagement, accelerating innovation and overall effectiveness across schools and campuses (RAIP).

As for word forms used metaphorically, *-ing* forms are used such as *unlocking*, *jumping off point*:

(17) **Unlocking** innovations to address tough issues (AIFG);

(18) AI is driving efficiency in manufacturing and resource management. Data insights can enhance worker safety, improve efficiency, and deliver better yields – creating a **jumping off point** for more advanced AI adoption (AIBS).

Eventually, gaining AI insights and benefits is compared with a *journey*:

(19) Brad Smith, President and Chief Legal Officer at Microsoft, shares what Microsoft is learning in our own **AI journey** (AIBS).

The metaphor *game-changer* demonstrates the ultimate role of AI in contributing to positive shifts:

(20) At Microsoft, we firmly believe everyone should benefit from intelligent technology, meaning it must incorporate and address a broad range of human needs and experiences. For the 1 billion people with disabilities around the world, AI technologies can be a **game-changer** (GPRAI).

While such metaphors create the affinity of AI and positive shifts, one more metaphor – *people at the center* – seems crucial in this context:

(21) We believe that, when designed with **people at the center**, AI can extend your capabilities, free you up for more creative and strategic endeavors, and help you or your organization achieve more. We are putting our principles into practice by **taking a people-centered approach** to the research, development, and deployment of AI. To achieve this, we embrace diverse perspectives, continuous learning, and agile responsiveness as AI technology evolves (RAIP).

In the end, the verbal discourse links AI with the idea of *physically moving* towards positive transformations while people are envisaged to be at the heart of this positive shift.

The visual aspects of the AI ideologeme

The representative dimension of the visual discourse landscape is made explicit by portraying both males, females, and children of different races as seen below in Figure 4.

The settings range from natural to typical working environments where participants are actively involved in amicable negotiations as demonstrated in Figure 5.

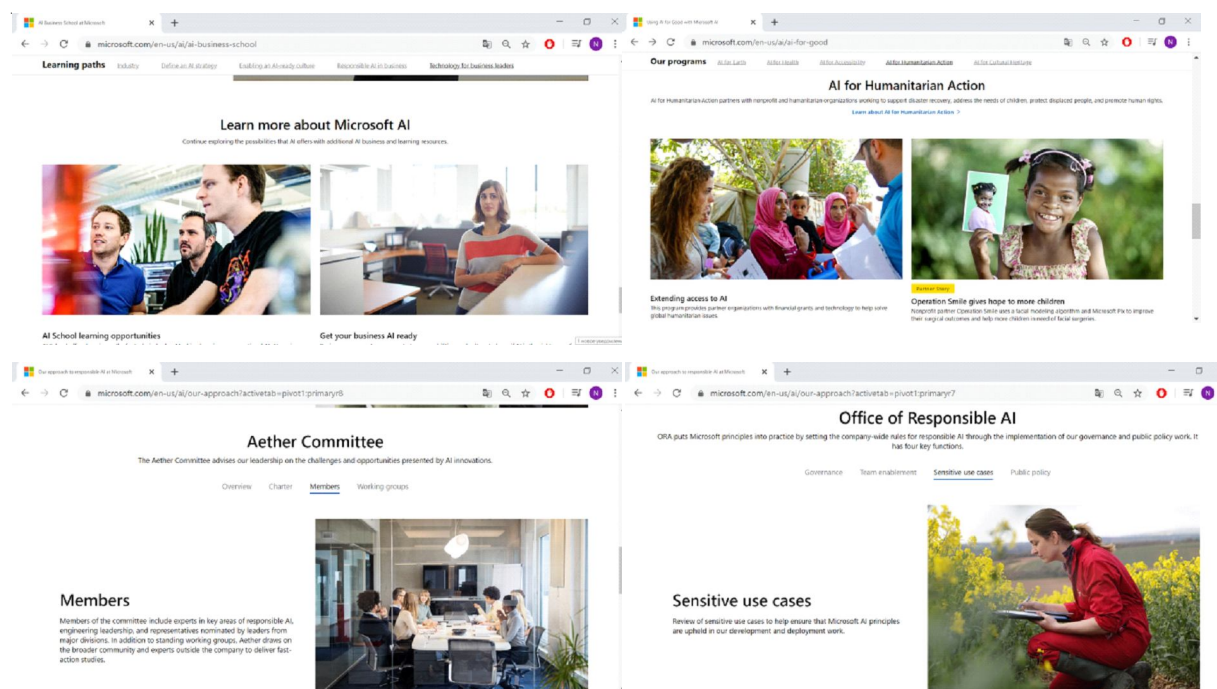

Fig. 4. Visual landscape screenshots

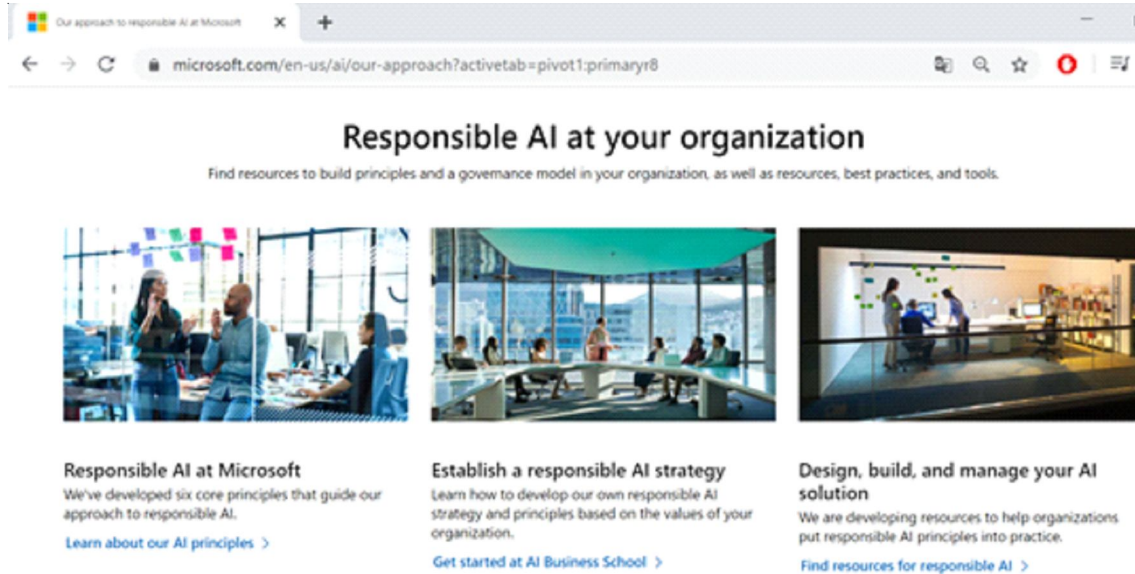

Fig. 5. Responsible AI at your organization screenshots

While the use of business settings is self-evident visualizing the keywords *business*, *organizations*, *committee*, etc., the photos in Figure 6 below feature natural settings as well as vegetation, the sky, and animals in motion.

The representative dimension intertwines Artificial Intelligence on the one part and the nature and living beings on the other part. The color modality of the interactive dimension manifests itself through shades of blue and green as seen in the figures above and considered to be the colors

of nature. As for the gaze, distance, and angle, the participants in the photos above maintain the eye contract and look friendly.

The idea of amplifying the human capabilities with the power of AI also stands out in the *AI for Health* and *AI for Accessibility* sections. The *AI for Accessibility* pictures in Figure 7 below show people with disabilities holding devices.

The representative dimension of the visual landscape also shows architecture as depicted in Figure 8.

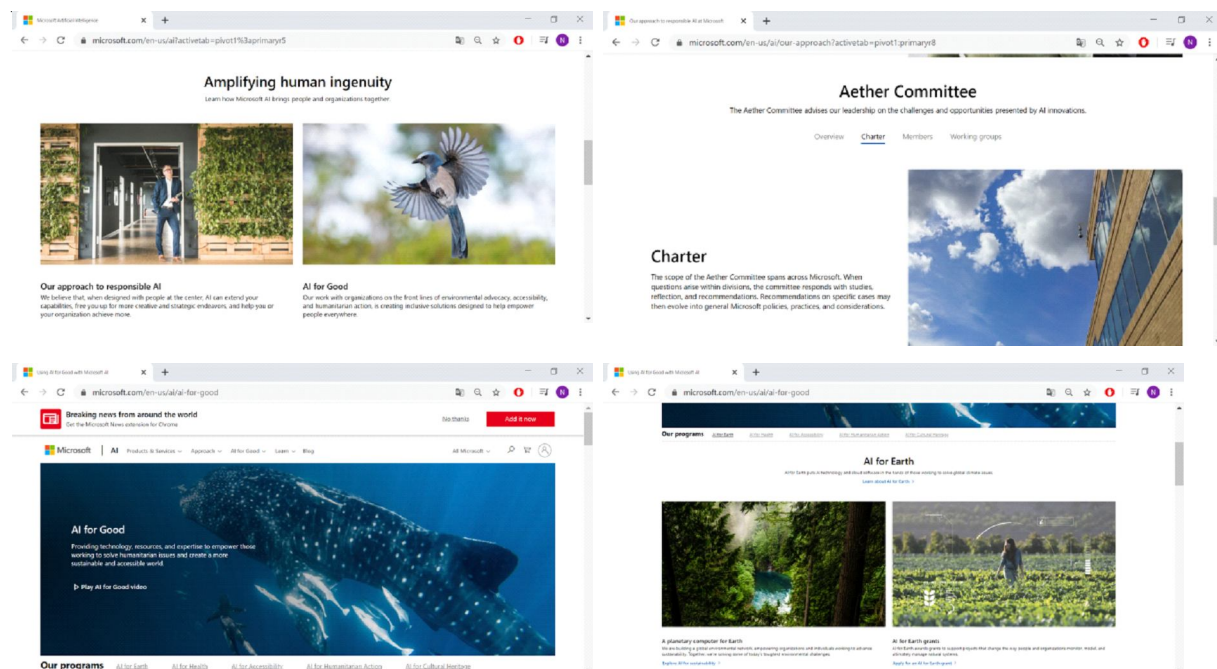

Fig. 6. AI for Good and AI for Earth screenshots

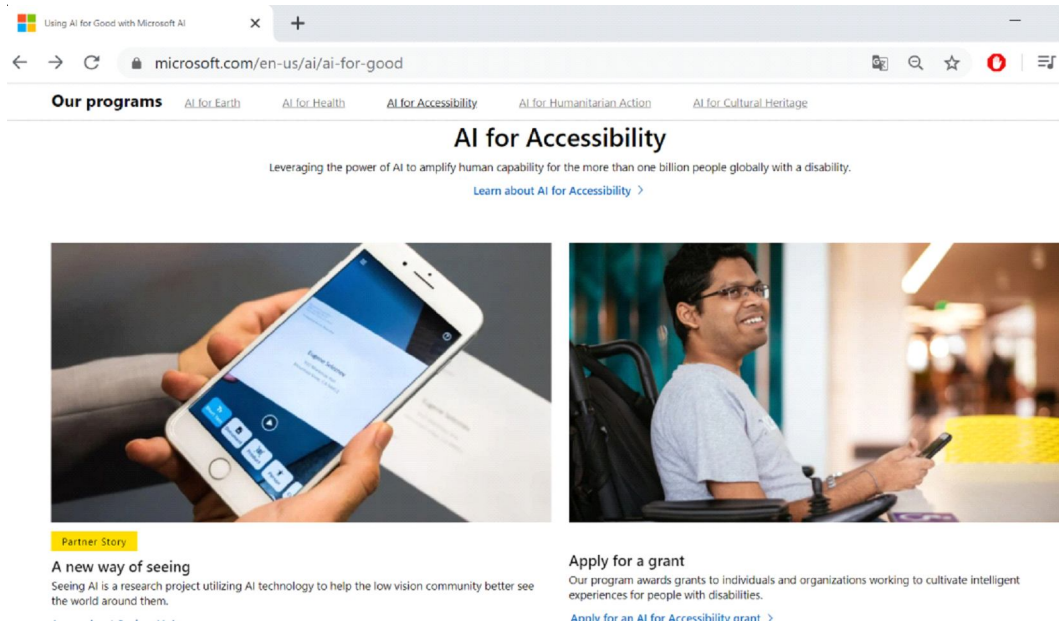

Fig. 7. AI for Accessibility screenshots

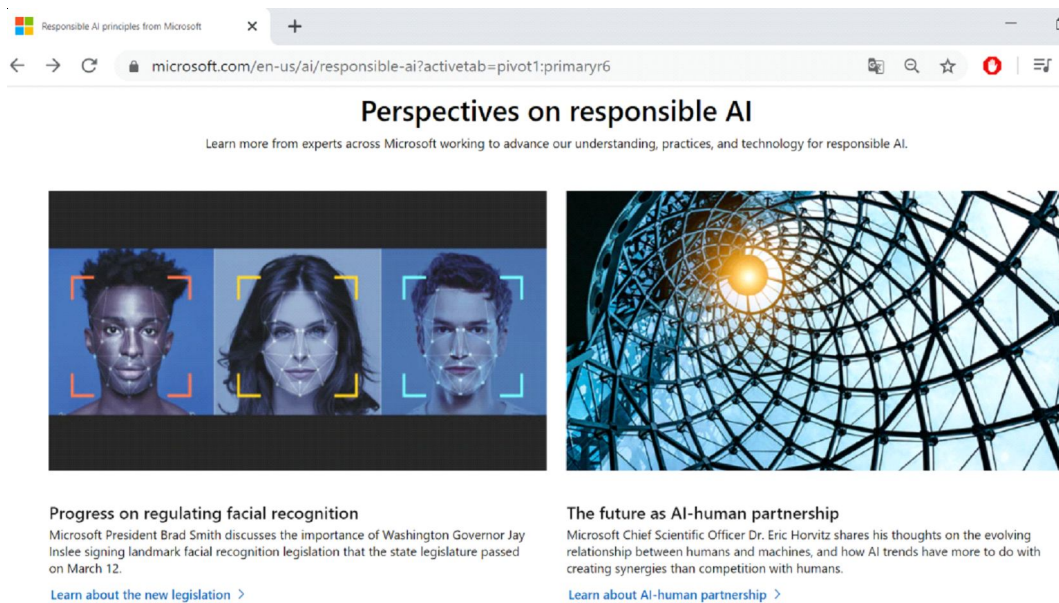

Fig. 8. Perspectives on responsible AI screenshots

The perspective in the photo above captioned *The future as AI-human partnership* is capped with a glass dome through which the sun or some other light is shining as if symbolizing the future of this AI-human interaction. It makes us believe that it embodies the visual metaphor of positive changes and shifts.

The same metaphorical use of visual perspectives can be traced in Figure 9 below captioned *Put responsible AI into action* and *Establish a responsible AI strategy* where a moving

staircase symbolizes taking actions and heading for the *AI-ready* future.

Thus, the visual discourse enhances the message of responsible and regulated AI empowering organizations and humans through portraying living beings in a variety of business and natural settings. As compared to the verbal discourse, the idea of linking AI benefits and the nature stands out more prominently in the visual discourse due to the use of the techniques identified.

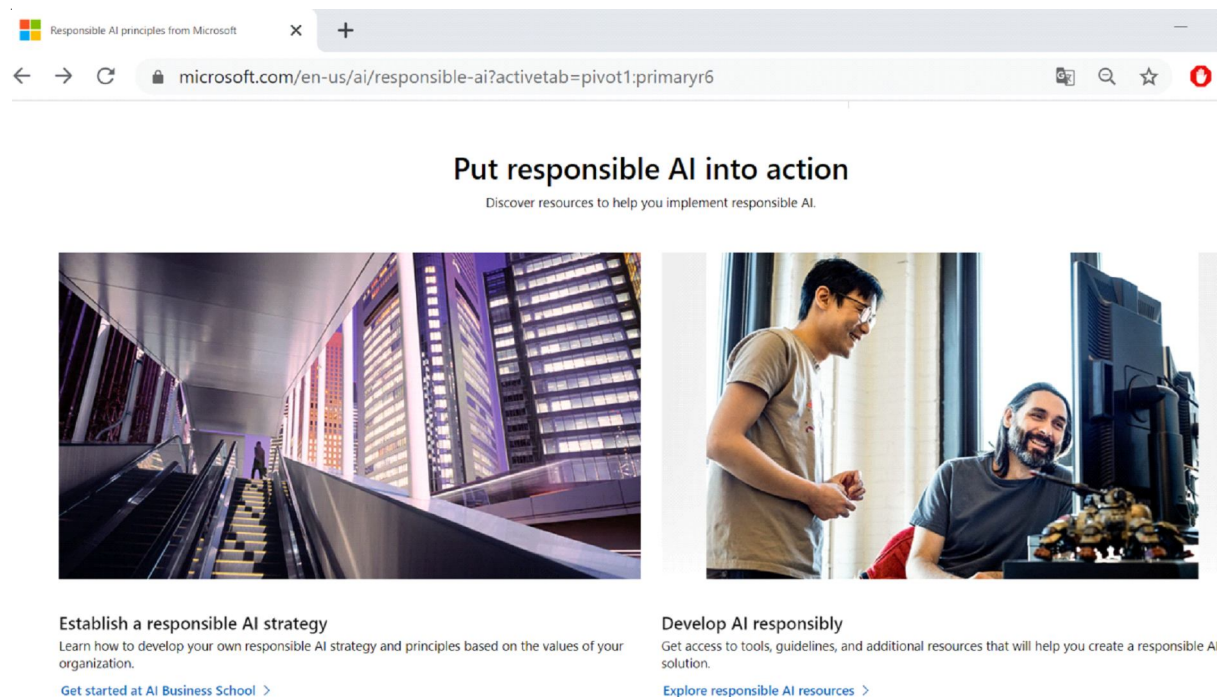

Fig. 9. Put the responsible AI into action screenshots

Conclusion

Artificial Intelligence arouses a great number of expectations. This is the time when dictionary entries focusing on the concepts of machines copying humans are no longer sufficient in terms of providing a multi-faceted picture of AI that can be portrayed differently in corporate discourses.

Cutting-edge ways of exploring discourses via corpus analysis tools and multimodal anthropocentric paradigms have enabled us to shed the light on the picture of AI in the contemporary website discourse driven by the intention of the software vendor *Microsoft* to construct a positive and augmented ideologeme of AI using both verbal means and visualizations.

The *Microsoft* discourse delivers an evolving ideologeme of responsible AI envisioned not to emphasize conventional artificial vs. natural juxtapositions but to amplify the human abilities and assist organizations and businesses in making the world better.

The discourse features top keywords *responsible, business, organizations, earth, health, culture, accountability, intelligent, safety, change, strategy, committee*, etc. Responsible AI is portrayed as regulated by fully competent bodies of professionals and delivering benefits to everyone. The KWIC analysis also

demonstrates a variety of hyphenated collocations such as *AI-ready culture, AI-human partnership, Human-AI interaction*, etc. The positive change associated with this vision of AI is made explicit through metaphorically used verbs of movements such as *drive, dive, jump off*, etc. The ideologeme of positive, people-centered responsible AI is backed up through photos, colors, and metaphorically arranged perspectives creating a sort of simile between artificial and natural things.

Ultimately, extending far beyond dictionary definitions of AI, the verbal and visual landscapes of the multimodal marketing discourse of the *Microsoft* website deliver the global discursive ideologeme of AI as a human- and society-centered phenomenon adding value to performance while the visual vistas span further to build the affinity of AI and living beings and to project a viable ideology of AI-human partnership.

REFERENCES

- Bateman J., 2016. From Narrative to Visual Narrative to Audiovisual Narrative: The Multimodal Discourse Theory Connection. *7th Workshop on Computational Models of Narrative (CMN 2016)*. DOI: 10.4230/OASICS.CMN.2016.1
- Bi M., 2019. Multimodal Discourse Analysis of News Pictures. *Theory and Practice in Language*

- Studies*, vol. 9, no. 8, pp. 1035-1039. DOI: 10.17507/tpls.0908.23
- Borisova E.G., 2016. Marketingovaya lingvistika: napravleniya i perspektivy [Marketing Linguistics: Prospects and Trends]. *Verhnevolzhskiy filologicheskiy vestnik* [Verhnevolzhski Philological Bulletin], no. 4, pp. 140-143.
- Bulakhtina N.A., 2009. *Aktualizatsiya kontsepta "kompyuter" v nemetskoj yazykovoy kartine mira: dis. ... kand. filol. nauk* [Actualization of the Concept of "Computer" in the German Language Picture of the World. Cand. philol. sci. diss.]. Kemerovo. 218 p.
- Chernyavskaya V.E., 2017. Metodologicheskiye vozmozhnosti diskursivnogo analiza v korpusnoy lingvistike [Towards Methodological Application of Discourse Analysis in Corpus-Driven Linguistics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal of Philology], no. 50, pp. 135-148. DOI: 10.17223/19986645/50/9
- Chernyavskaya V.E., 2018. Diskursivnyy analiz i korpusnye metody: neobkhodimoye dokazatelnoye zveno? Obyasnitelnye vozmozhnosti kachestvennogo i kolichestvennogo podkhodov [Discourse Analysis and Corpus Approaches: A Missing Evidence-Based Link? Towards Qualitative and Quantitative Approaches in Language Studies]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], iss. 2, pp. 31-37. DOI: 10.20916/1812-3228-2018-2-31-37
- Fairclough N., 2003. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London, New York, Routledge. 270 p.
- Klushina N.I., 2008. *Intentsionalnye kategorii publitsisticheskogo teksta (na materiale periodicheskikh izdaniy 2000–2008 gg.): dis. ... d-ra filol. nauk* [The Intentional Categories of the Publicistic Style (Based on the Material of Periodicals from 2000 to 2008. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow. 352 p.
- Klushina N.I., 2012. Intentsionalnyi metod v sovremennoy lingvisticheskoy paradigme [Intentional Method in the Modern Linguistic Paradigm]. *Mediastilistika* [Media Stylistics], iss. 4. URL: <http://mediascope.ru/node/1242>
- Klushina N.I., 2016. Diskurs-analiz i stilistika: integrativnye metody issledovaniya media kommunikatsii [Discourse and Stylistics: Integrative Methods of Research of Media Communication]. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 20, no. 4, pp. 78-90.
- Kress G., Leeuwen van Th., 2002. Colour as a Semiotic Mode: Notes for a Grammar of Colour. *Visual Communication*, vol. 1, iss. 3, pp. 343-368. DOI: 10.1177/147035720200100306
- Kress G., Leeuwen van Th., 2006. *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. New York, Routledge. 312 p.
- Kubryakova E.S., 1995. Evolyutsiya lingvisticheskikh idey vo vtoroy polovine XX veka (opyt paradigmalnogo analiza) [The Evolution of Linguistic Ideas in the Second Half of the 20th Century (Paradigm Analysis)]. Stepanov Yu.S., ed. *Yazyk i nauka kontsa XX veka: sb. st.* [Language and Science at the End of the 20th Century: Collection of Articles]. Moscow, Russian State University, pp. 144-238.
- Leeuwen van Th., 2013. Colour Schemes. Boeck M., Pachler N., eds. *Multimodality and Social Semiosis: Communication, Meaning-Making, and Learning in the Work of Gunther Kress*. London, Routledge, pp. 62-71.
- Lylo T., 2017. Ideologeme as a Representative of the Basic Concepts of Ideology in the Media Discourse. *Social Communication*, vol. 3, iss. 1, pp. 14-20. DOI: 10.1515/sc-2017-0002
- Partington A., 1998. *Patterns and Meanings*. Amsterdam, Philadelphia, Benjamins. vii, 162 p.
- Pavilenis R.I., 1983. *Problema smysla: sovremenniy logiko-filosofskiy analiz yazyka* [Problems of Meaning: Modern Logical and Philosophical Analysis of Language]. Moscow, Mysl Publ. 286 p.
- Popova Z.D., 2006. *Semantiko-kognitivnyi analiz yazyka* [The Semantic-Cognitive Language Analysis]. Voronezh, Istoki Publ. 250 p.
- Popova Z.D., Sternin I.A., 2005. Polevaya model kontsepta [The Field Model of the Concept]. *Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku* [Introduction to Cognitive Linguistics]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, pp. 12-43. (Seriya: Kontseptualnye issledovaniya; t. 4 [Series: Conceptual Studies; vol. 4]).
- Samsitova L.Kh., Tashbulatova R.M., 2015. Kontsept v sovremennoy lingvisticheskoy literature: Osnovnye podkhody i napravleniya ego izucheniya [The Definition, Approaches and Structure of Concepts in the Modern Linguistic-Themed Literature]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, vol. 20, no. 1, pp. 220-225.
- Scott D., 2017. *The New Rules of Marketing and PR: How to Use Social Media and Viral Marketing to Reach Buyers Directly*. West Sussex, Wiley. 320 p.
- Shutova T.I., 2018. *Diskurs protivodeistviya terrorizmu v amerikanskoj politicheskoy ritorike (1972–2012 gg.): dis. ... kand. filol. nauk* [The Counter-Terrorism Discourse in the U.S. Political Rhetoric (1972–2012)]. Cand. philol. sci. diss.]. Nizhny Novgorod. 167 p.
- Usmonova D., 2019. Antropotsentricheskaya model diskursa [Anthropocentric Model of Discourse]. *Bulleten nauki i praktiki* [Bulletin of Science

and Practice], vol. 5, no. 8, pp. 209-217. DOI: 10.33619/2414-2948/45/23

Wodak R., 2015. Critical Discourse Analysis, Discourse-Historical Approach. Tracy K., Ilie C., Sandel T., eds. *The International Encyclopedia of Language and Social Interaction*. Chichester, John Wiley & Sons, Inc., pp. 1-14. DOI: 10.4135/9780857028020.d6

SOURCES

AIBS – *AI Business School Artificial Intelligence Courses*. URL: <https://www.microsoft.com/en-us/ai/ai-business-school>

AIFG – *AI for Good*. URL: <https://www.microsoft.com/en-us/ai/ai-for-good>

AISS – *Artificial Intelligence Solutions and Services*. URL: <https://www.microsoft.com/en-us/ai?activetab=pivot1%3aprimar6>

ARAI – *Our Approach to Responsible AI at Microsoft*. URL: <https://www.microsoft.com/en-us/ai/our-approach?activetab=pivot1:primaryr8>

GPRAI – *Identify Guiding Principles for Responsible AI*. URL: <https://docs.microsoft.com/en-us/learn/>

modules/responsible-ai-principles/4-guiding-principles

RAIP – *Responsible AI Principles from Microsoft*. URL: <https://www.microsoft.com/en-us/ai/responsible-ai?activetab=pivot1%3aprimar6>

DICTIONARIES

Cambridge – Artificial Intelligence. *Cambridge Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/artificial-intelligence>

Dictionary.com – Artificial Intelligence. *Dictionary.com*. URL: <https://www.dictionary.com/browse/artificial-intelligence>

Macmillan – Artificial Intelligence. *Macmillan Dictionary*. URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/artificial-intelligence>

Merriam-Webster – Artificial Intelligence. *Merriam-Webster*. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/artificial%20intelligence>

Oxford – Artificial Intelligence. *Oxford Learner's Dictionaries*. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/artificial-intelligence>

Information About the Author

Natalia V. Sokolova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation, Perm National Research Polytechnic University, Prosp. Komsomolsky, 29, 614990 Perm, Russia, ntlk0@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0550-2272>

Информация об авторе

Наталья Владимировна Соколова, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, просп. Комсомольский, 29, 614990 г. Пермь, Россия, ntlk0@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0550-2272>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.4>

UDC 81'42:004.738.5

LBC 81.055.51.3

Submitted: 15.02.2023

Accepted: 15.06.2023

“COMMUNICATIVE PARASITISM” IN THE RUSSIAN SEGMENT OF TELEGRAM CHANNELS

Ekaterina V. Troshchenkova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article examines manifestations of “communicative parasitism” as a variant of communicative alignment in Russian-language Telegram channels. It examines how the adjustment to other people’s communication products begins to serve fundamentally different interests and values. The peculiarities of new media and conditions of technologically mediated communication such as interactivity, recombinitiveness, multimodality, etc., as well as the specificity of high conflict nature of social-and-political discourse, which plays a significant role in the processes of using power and struggling for it, are taken into account. “Communicative parasitism” is analyzed within both the description of Telegram channel and the subscribers’ posts and comments. It was found out that when “communicative parasitism” is used by a Telegram channel to build its own brand and promote itself at someone else’s expense, parasitic manifestations are usually limited to elements of design. However, there are often more complex cases in the ideological confrontation of social groups, where this phenomenon is exploited to consolidate one’s own group, represent it in a positive way and distance it from the opposing group, which is being discredited. Thus, “communicative parasitism” becomes an integral part of defense-attack strategies realized by a whole group of users for a long time. In this situation, a large number of customers are involved in a kind of language game with intertwining and interacting borrowings, contributing to the formation of group identity.

Key words: communicative alignment, “communicative parasitism”, new media, social media, Telegram, social-and-political discourse.

Citation. Troshchenkova E.V. “Communicative Parasitism” in the Russian Segment of Telegram Channels. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 5, pp. 53-71. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.4>

УДК 81'42:004.738.5

ББК 81.055.51.3

Дата поступления статьи: 15.02.2023

Дата принятия статьи: 15.06.2023

«КОММУНИКАТИВНЫЙ ПАЗИТИЗМ» В РОССИЙСКОМ СЕГМЕНТЕ ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛОВ

Екатерина Владимировна Трощенко

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются проявления «коммуникативного паразитизма» как варианта коммуникативной координации в пространстве русскоязычных телеграм-каналов. Исследуется то, как подстройка под чужую коммуникативную продукцию начинает служить принципиально иным интересам и ценностям. Учитываются особенности новых медиа и условий технологически опосредованной коммуникации, а именно: интерактивность, рекомбинативность, мультимодальность и др., а также специфика высокой конфликтности общественно-политического дискурса, играющего значимую роль в процессах реализации власти и борьбы за нее. «Коммуникативный паразитизм» анализируется как в элементах описания телеграм-канала, так и внутри постов и комментариев подписчиков. Обнаружено, что, когда «коммуникативный паразитизм» используется каналом для построения собственного бренда и продвижения своего информационного ресурса за чужой счет, его проявления обычно ограничиваются элементами оформления. Установлено, что в идеологическом противостоянии отдельных социальных групп встречаются более сложные случаи, где «коммуникативный паразитизм» используется каналом для консолидации своей группы, ее положительной самопрезентации на фоне дистанцирования от противостоящей группы и ее дискредитации. В этих случаях «коммуникативный паразитизм» становится неогем-

лемой частью защитно-атакующих стратегий, длительно реализуемых группой коммуникантов. В результате большое количество пользователей вовлекается в своеобразную языковую игру из переплетающихся и взаимодействующих заимствований, способствующую формированию групповой идентичности.

Ключевые слова: коммуникативная координация, «коммуникативный паразитизм», новые медиа, социальные медиа, Telegram, общественно-политический дискурс.

Цитирование. Трощенко Е. В. «Коммуникативный паразитизм» в российском сегменте телеграм-каналов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 5. – С. 53–71. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.4>

Введение

Изучение различных аспектов коммуникативного взаимодействия пользователей в социальных сетях представляет особый интерес в свете того, какую роль новые медиа приобрели в формировании общественно-политического ландшафта. Социальные медиа наиболее ярко и полно демонстрируют те характерные черты, которые медиа в целом приобрели в последние десятилетия. Прежде всего это смена фокуса с однонаправленной, вертикально ориентированной трансляции информации из центра на периферию на горизонтальные коммуникативные структуры. При такой организации медиа все связано со всеми и функции установления повестки и контроля распространения информации получают – помимо лидеров мнений – рядовые пользователи, которые не только потребляют информацию, но и начинают активно участвовать в производстве и вирусном распространении контента (подробно об этом см.: [Трощенко, 2020, с. 13–14]).

Новые медиа – это новый формат технологически опосредованного существования средств массовой информации, которые постоянно доступны на цифровых устройствах; от традиционных медиа их отличают гипертекстуальность, мультимедийность, трансграничность и интерактивность, связанные с особенностями Интернета как канала распространения информации. Г.Ю. Богданович, А.Ю. Федорова справедливо отмечают, что именно интерактивность в полном смысле слова, достигшая уровня истинной двусторонности, – наиболее значимая отличительная черта новых медиа [Богданович, Федорова, 2020, с. 200, 204].

Отметим, что уже в 90-е гг. XX в. Д. Рашкофф, описывая распространение медиа вирусов в новой инфосреде, определил роль рекомбинирования и коллажа в ней и назвал их «иг-

рой в скорлупки» (shell game). Идеи и образы, однажды попав в информационное пространство новых медиа, становятся материалом для постоянной переработки и перетасовки, так что авторство и авторские права требуют переосмысления в новых условиях среды [Rushkoff, 1996, p. 171–175]. Л. Манович говорит о вариативности новых медиа, в которых объекты – вместо привычного для старых медиа массового тиражирования идентичных копий – принципиально существуют в состоянии незавершенности, открытости к изменениям, созданию множества самоподобных версий и их рекомбинированию, «пересборке тех же элементов в другие ассамбляжи» [Манович, 2017, с. 69]. Если логика старых медиа, по мнению автора, соответствовала логике индустриального массового общества, логика новых медиа соответствует логике постиндустриального общества индивидуального выбора [Манович, 2017, с. 16, 69; 2018, с. 71–77].

Одна из сторон рекомбинативности – возможность использовать созданное другими пользователями в собственных интересах. Так, Д. Рашкофф подробно разбирает случаи кооптации чужих вирусов (например, запущенных политическими оппонентами) в собственные избирательные кампании [Rushkoff, 1996, p. 70–85]. Это особенно важно для обсуждения явления «коммуникативного паразитизма», который в нашей статье рассматривается как особый вид коммуникативной координации, связанный с конфликтностью и соревновательностью общественно-политического пространства.

Политика – это прежде всего борьба за власть, доминирование, разворачивание конфликта интересов, но также и кооперация в рамках «своей» группы. Многие исследователи подчеркивают существенную роль языковой коммуникации в этих процессах: политика предполагает примирение разногласий путем обсуждения и убеждения, поэтому ком-

муникация занимает центральное место в ней [Hague, Harrop, 2004, p. 3]; политическая активность невозможна без использования языка наряду с физическим принуждением, так как именно использование языка способно создавать эффекты авторитетности, легитимности, консенсуса [Chilton, 2004, p. 3–6]; «политическая коммуникация не просто опосредована средствами массовой информации, но СМИ фактически являются основной средой ее существования» [Шейгал, 2005, с. 31].

Цель статьи состоит в том, чтобы с учетом особенностей новых медиа охарактеризовать феномен «коммуникативного паразитизма» в общественно-политическом дискурсе и его проявления в российском сегменте популярного приложения Telegram.

Материал и методы

Telegram создан в 2013 г. как мессенджер для мгновенного обмена сообщениями, однако предоставляемая им возможность вести «каналы», по сути микроблоги, способствовала тому, что он быстро приобрел черты не только мессенджера, но и полноценной социальной сети, что дополнительно способствовало взрывному росту его популярности в последние годы (см. статистику использования Telegram в 2021 г. в русскоязычном сегменте [Исследование аудитории...]). В 2022 г. Telegram вошел в топ-5 самых загружаемых приложений в мире, а количество активных пользователей мессенджера превысило 700 миллионов человек в месяц [700 Million Users..., 2022].

Исследование общественно-политических дискуссий в новых медиа методологически предполагает учет того, что процессы коммуникативной координации и подстройки обычно представляют собой продолжающиеся, развивающиеся во времени явления, изучение которых наиболее продуктивно при длительном мониторинге, хотя бы в несколько месяцев. В рамках такого мониторинга и дискурс-анализа должен приниматься во внимание широкий событийный, политический, идейный контекст, связи между различными каналами и даже межплатформенные взаимодействия. Это позволяет учесть гипертекстуальность и трансграничность информации новых медиа.

Методика проведения исследования включает анализ различных составляющих телеграм-каналов: аватар, название, описание, содержание постов, содержание реакций и комментариев пользователей (при наличии соответствующих опций, активизированных владельцем канала); рассмотрение вербальных и иконических составляющих и их кросс-модальное взаимодействие; обнаружение следов заимствования вербальных или иконических элементов и проведение их прагматического анализа, позволяющего выявить использование этих элементов в новой функции; установление и описание типичных схем таких заимствований; обобщение данных о причинах и следствиях «паразитической» коммуникативной подстройки.

Результаты и обсуждение

«Коммуникативный паразитизм» как вид коммуникативной координации

Коммуникативная координация – это явление, которое уже давно привлекает внимание ученых, оно представляет собой в первую очередь спонтанную и постепенную корректировку языкового поведения на нескольких уровнях, осуществляемую собеседниками в процессе общения [Борисова, 2009; Pickering, Ferreira, 2008; Pickering, Garrod, 2004]. Речь, таким образом, идет об основанном на имитации изменении языкового поведения коммуникантов, которое предполагает взаимные адаптации и повторения в речевой деятельности языковых элементов (фонетических, лексических, морфологических, синтаксических), использованных собеседником. Часто коммуникативная координация понимается расширительно. Исследователи, говоря о разных уровнях координативного взаимодействия, рассматривают координацию и на уровне ментальных репрезентаций. Например, исследуется координация моделей ситуации у участников общения [Pickering, Garrod, 2004, p. 172–174]; предполагается, что язык позволяет людям координировать свои индивидуальные когнитивные системы, это приводит к возникновению интерперсональных синергий, новых, более сложных когнитивных систем, возможности которых выше, чем у когнитивных сис-

тем индивидов, в них участвующих [Fusaroli, Gagopadhyay, Tylén, 2014, p. 34]. Обычно также отмечается, что динамическая адаптация и координация наблюдаются не только в языковом, но и в невербальном поведении [Bergmann, Branigan, Kopp, 2015], в частности в акустико-просодических особенностях речи, в использовании жестов, мимики, поз и т. п. Англоязычная терминология, применяемая для описания явлений взаимной адаптации участников коммуникации, весьма разнообразна: *convergence*, *accommodation*, *interactional synchrony*, *entrainment*, *mimicry*, *adaptation*, *repetition*, *alignment* (см. об этом: [Bergmann, Branigan, Kopp, 2015]).

Учитывая существующие подходы в этой области исследований, споры относительно механизмов координации и психических процессов, лежащих в ее основе, для разных аспектов такой координации, можно отметить, что это явление вызывает живейший интерес ученых. Для эффективного обсуждения «коммуникативного паразитизма» следует упомянуть, что чаще всего коммуникативная координация изучается:

– в кооперативной коммуникации, а не в высоко конфликтном и соревновательном общении, которое характерно для общественно-политических онлайн-дискуссий;

– в устных диалогах, как правило, с 2 участниками, а не в больших группах, где осуществляется полилогическое взаимодействие пользователей, в большинстве случаев незнакомых друг с другом и сохраняющих значительную анонимность;

– иногда с использованием корпусных данных, но чаще в экспериментах, где успешность совместного выполнения задания требует коммуникативного взаимодействия участников.

Результаты изучения общественно-политического дискурса позволяют утверждать, что коммуникативная координация реализуется и в конфронтационном общении, причем она весьма значима, но имеет ряд особенностей, связанных со спецификой и медиа, и политической конкуренции. Например, в онлайн-комментариях к статьям в качественной американской прессе можно наблюдать, как участники дискуссий, конкурируя друг с другом, отстаивают противоположные позиции и пред-

ставляют оппозиционные социальные группы. При этом в таком взаимодействии наблюдается координативная подстройка к оппоненту в форме параллелизма синтаксических конструкций с повтором лексики, использованной в реплике оппонента, отзеркаливание аргументативных схем для продвижения собственных идей, иногда подхваты, радикально меняющие смысл реплик оппонента [Троценкова, 2017]. В поликодовых сообщениях в сети Twitter видно, как символика, политические слоганы и популярные хештеги одной партии миметизируются другой партией и начинают использоваться в собственных интересах для негативизации образа оппонента и активизации собственных сторонников [Троценкова, 2018; 2022].

При обсуждении «коммуникативного паразитизма» нас интересует общение, некооперативное по отношению к исходной группе, хотя внутри группы, подстраивающей свое поведение под действия исходной группы, вполне можно наблюдать консолидационные процессы и коммуникативную кооперацию.

Исследование проведено на материале социальных сетей¹, где осуществляется технологически опосредованная онлайн-коммуникация в больших группах лично не знакомых друг с другом людей, вклад в которую вносят как общепризнанные лидеры мнений, так и рядовые пользователи.

«Коммуникативный паразитизм» рассматривается по аналогии с тем, как паразитизм осмысливается в биологии. В биологическом смысле явление паразитизма предполагает, что организм-паразит начинает использовать организм другого вида в качестве источника обеспечения собственной жизнедеятельности, сохраняя более или менее длительную связь с ним и зачастую нанося существенный вред организму-хозяину.

«Коммуникативный паразитизм» часто наблюдается в ситуации борьбы за власть в условиях технологически опосредованной коммуникации, при этом субъект является коллективным – это группа пользователей, объединенных по какому-либо признаку, например по интересам. В этих условиях некоторые пользователи (субъект 2) формально на уровне используемых вербальных и иконических средств воздействия согласуют свои действия с тем, что уже делалось некой группой

(субъект 1). Однако в действительности они решают собственные, часто прямо противоположные задачи и – на уровне ментальных репрезентаций – формируют принципиально иные разделяемые своей группой когнитивные структуры.

**Проявления
«коммуникативного паразитизма»
в оформлении телеграм-каналов**

Создание телеграм-канала начинается с оформления нескольких составляющих (см. рис. 1):

1) название канала, которое в идеале должно отражать направленность канала, тематику публикаций;

2) аватар (логотип канала) – иконический элемент (хотя изображение может дополнительно включать и вербальный компонент). В списке каналов у пользователей аватар будет отражаться в виде статичной картинки, но в действительности может быть коротким видео, что обнаруживается при открытии развернутой информации о канале;

3) описание канала. Канал получает @login и ссылку-приглашение в форматах t.me/username и QR-кода, эта информация видна пользователям при открытии описания. Кроме того, в описание могут быть добавлены короткий текст поясняющего характера, раскрывающий идею канала, иногда дополненный эмодзи; ссылки на ботов для обратной связи, предложений, рекламе и иных видах сотрудничества; ссылки на другие социальные сети и медиаресурсы владельцев канала; данные банковских карт для желающих оказать донатную поддержку каналу и пр.

«Коммуникативный паразитизм» проявляется при оформлении каналов в том, что ряд из них заимствует разработанную для других каналов и получившую широкую узнаваемость символику в части как визуальных, так и вербальных элементов, репрезентирующих канал.

Рассмотрим примеры, в которых каналы различной направленности, политической или юмористической (иногда политико-юмористической), обыгрывают названия и логотипы таких медиа, как «Дождь»^{*1}, «Медуза»^{*2}, «Эхо Москвы», «Радио Свобода»^{*3}, Первый канал (см. рис. 2).

В приведенных примерах символика каналов-доноров не заимствуется целиком и в неизменном виде, а подвергается креативным трансформациям (блендирование названия, контраст визуального и вербального компонентов), которые часто демонстрируют позицию администраторов нового канала, радикально отличную от пародируемого. В описаниях дополнительно встречаются дисклеймеры, призванные направить интерпретацию пользователей в желаемое русло. Например, Last channel, заменив *first* на *last* и перевернув логотип Первого канала, подчеркивает миссию канала – высмеивать актуальные новости. «Радио Стыдоба», обыгрывая ассоциацию с «Радио Свобода», заменяет изображение статуи Свободы с факелом из официального логотипа на ее изображение без факела, добавляя жест «фейспалм», который в виде эмодзи в Сети часто используется как реакция на явную глупость или ложную информацию: канал публикует новости, связанные с критической и часто саркастической оценкой действий западных стран по отношению к России.

Важно, что в среде новых медиа, где наблюдается активная борьба за ограниченный ресурс внимания аудитории, стратегия применения игровой формы и эксплуатации символов, уже укрепившихся в сознании пользователей за счет вложений в дизайн и раскрутку оригинальных медиа ресурсов, позволяет продвигать новый канал с экономией средств. Показателен пример канала о маркетинге и рекламе «Креатив зарешал», который в момент создания использовал для своего логотипа короткое видео, где происходила

^{*1} Данное СМИ включено в единый реестр физических лиц и организаций, признанных иностранными агентами в Российской Федерации.

^{*2} Данное СМИ включено в единый реестр физических лиц и организаций, признанных иностранными агентами в Российской Федерации.

^{*3} Данное СМИ включено в единый реестр физических лиц и организаций, признанных иностранными агентами в Российской Федерации.

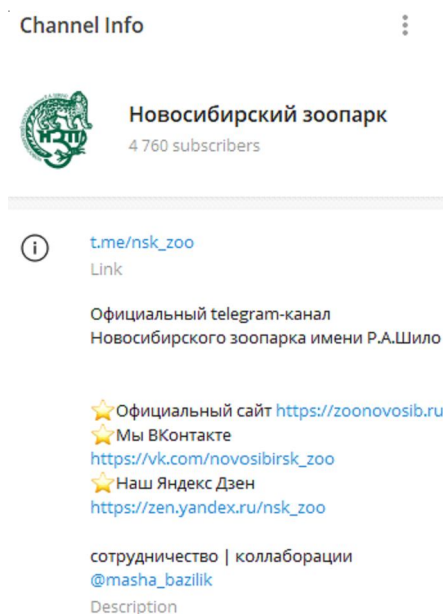

Рис. 1. Пример оформления описания телеграм-канала
 Fig. 1. Example of the description of a Telegram channel

трансформация нового логотипа *Вкусно – и точка*, активно обсуждавшегося на тот момент в Сети, в собственный, более провокационный логотип, сохранявший тем не менее цветовые решения и общие контуры оригинала (см. рис. 3). Затем в январе 2023 г., когда «прошел хайп» от ухода McDonald’s с российского рынка, канал «Креатив зарешал», набравший на тот момент уже более 50 тысяч подписчиков, сменил логотип.

Чаще всего выбор источника для пародийного паразитирования неслучаен: подчеркивает тематическую связь между источником заимствования символики и продвигаемым телеграм-каналом (например, спорный случай ребрендинга / канал о маркетинге и рекламе; новостное медиа с одними политическими убеждениями / новостное медиа с противоположными политическими убеждениями). Однако встречается и простая эксплуатация громких событий медиасферы, например использование ребрендинга McDonald’s небольшим военным каналом «ZВерства и тОчка». Выскажем предположение, что плотность изначальной тематической привязки, (не)сохранение актуальности инфоповода и узнаваемость ресурса, использовавшего «коммуникативный паразитизм» в своей раскрутке, влияют на то, насколько легко впоследствии

канал может изменить элементы оформления на непаразитические.

Апроприация стереотипов в постах и комментариях

Характеризуя паразитические коммуникативные практики в постах телеграм-каналов и, в случае наличия подключенного чата, ответных пользовательских комментариях, обратим внимание на специфический их тип, который мы назовем апроприацией стереотипа со сменой знака оценки. Имеется в виду вариант глобальной коллективной защитной коммуникативной стратегии (о понятии глобальной стратегии см.: [Трошенкова, 2016, с. 34–35]), когда подвергшаяся стереотипизации группа вместо того, чтобы прибегнуть к более распространенной защитной стратегии дестереотипизации, формально как бы соглашается с предложенным оппонентом видением себя, начинает мультиплицировать этот имидж и коммуникативные средства, использованные для его создания, однако постепенно меняет знак оценки с негативного на нейтральный или даже позитивный. Тем самым средства, изначально использованные для негативизации образа оппонента, начинают применяться с иными целями – положительной самопрезентации и активации «своей» группы.

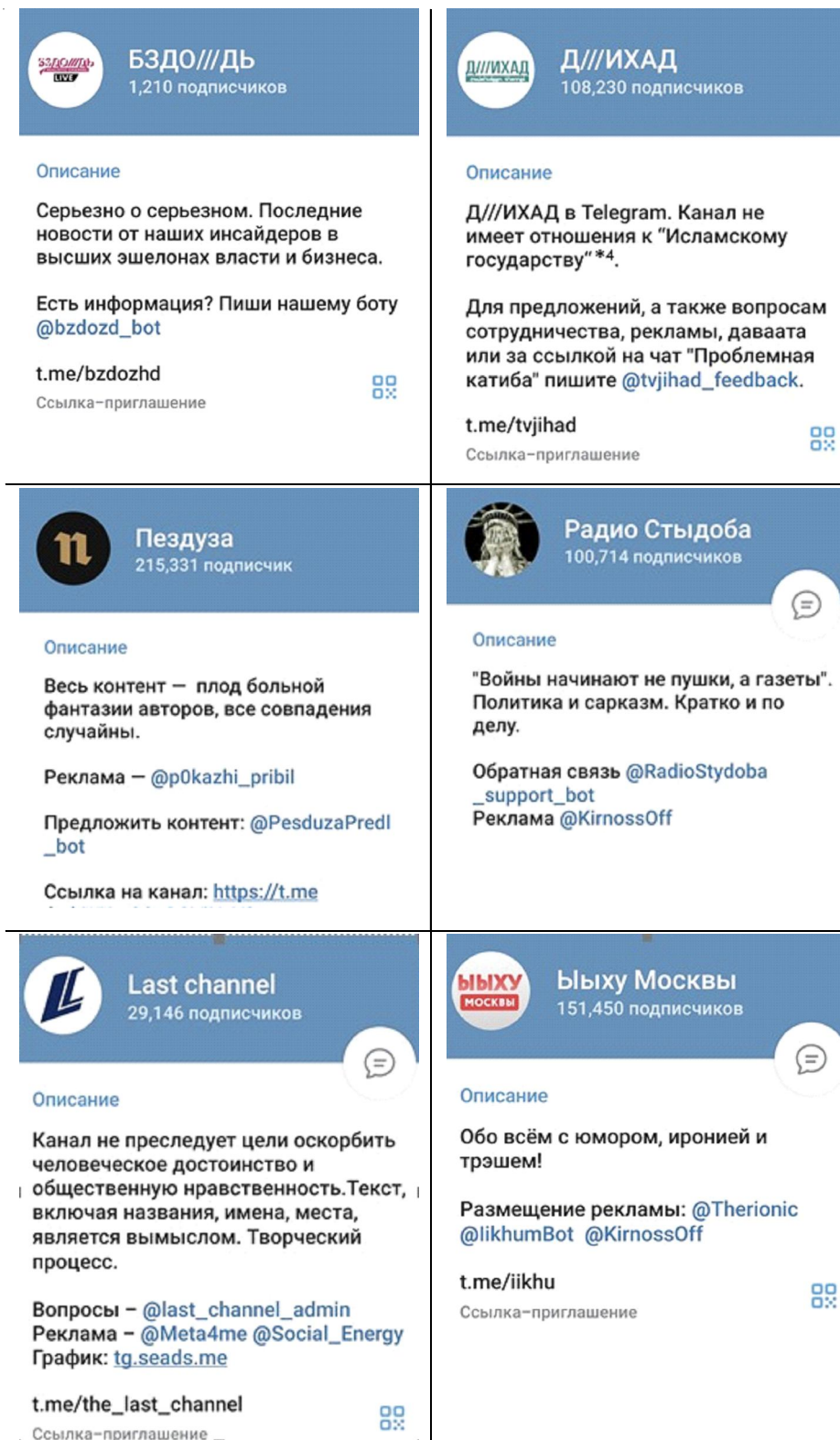

Рис. 2. Заимствование символики в аватаре и названии канала
 Fig. 2. Borrowing of symbols in the avatar and the channel name

*4 Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

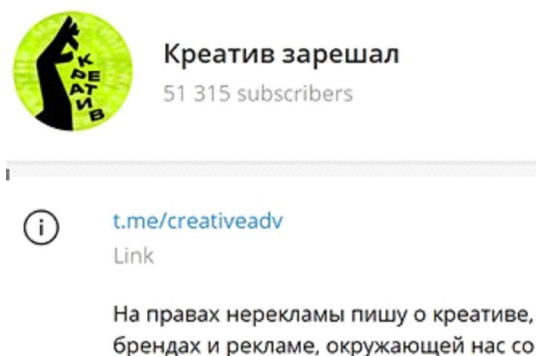
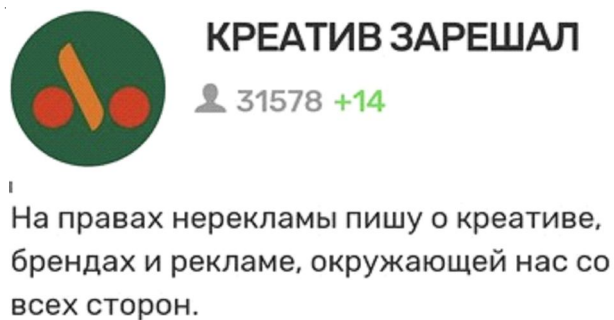

Рис. 3. Смена логотипа канала
Fig. 3. Changing the channel logo

Известными случаями реализации такого процесса можно считать, во-первых, названия британских политических партий «тори» и «виги», возникшие в XVII в. как оскорбительные [Whig and Tory], сегодня «тори» регулярно используется как альтернативное нейтральное обозначение Консервативной партии; во-вторых, появление осла как официального символа Демократической партии США, который вырос из карикатуры XIX в. в *Nagreg's Weekly*, высмеивавшей безответственную, непродуманную и граничащую с предательством политическую позицию, а впоследствии превратился в позитивный символ упорства в достижении целей.

В данной статье разберем подробно только один широко распространенный и сложноразветвленный кейс, охватывающий деятельность значительной сети русскоязычных телеграм-каналов военной, политической и развлекательной направленности на протяжении нескольких месяцев 2022–2023 гг., который кратко обозначим как «Мордор / Орда». Еще до начала горячей фазы российско-украинского конфликта и особенно после начала специальной военной операции в украинском общественно-политическом пространстве Россия и граждане РФ начали репрезентироваться сквозь призму соответствующего комплекса ассоциаций: исторические ассоциации с монголо-татарским нашествием на Русь XIII в. и вхождением территорий русских княжеств в состав Улуса Джучи (Золотой Орды), литературные ассоциации со вселенной Дж.Р.Р. Толкина (Мордор как владения Саурона на протяжении Второй и Третьей Эпох и орки как одна из рас Средиземья у него службе) и геймерские ассоциации со вселенной

Warcraft (противостояние между Альянсом и Ордой, орки как одна из игральных рас). Приведем примеры применения ярлыка «орки» к противнику на военных украинских телеграм-каналах (см. рис. 4).

Типичный ответ на стереотипизацию в общественно-политических дискуссиях такого рода – дестереотипизация, предполагающая эксплицитный анализ манипулятивных стратегий оппонентов, вскрытие использованных приемов специфического фрейминга ситуации с последующим рефреймингом в свою пользу. В рассматриваемом кейсе часть такой стратегии реализуется, например, в следующем посте:

(1) Автор материала небезызвестный «военный эксперт» Юлиан Репке мастерски **играет на нервах читателя, следуя важнейшему принципу военной пропаганды – поляризация образов**, когда свои – «светлые эльфы», а противник – «темные орки» (t.me/osvedomitell анализирует статью Bild. – *Примеч. авт.*).

Однако в пространстве российских телеграм-каналов наблюдается и апроприация предложенного стереотипа со сменой знака оценки. Например:

(2) Хохлы рисуют наш демонический облик для своих хозяев. Для чего нам отказываться от демонического облика? Чтобы переубедить их хозяев? (t.me/Paddysay).

В предложенной стереотипизации ряд акторов видит потенциал создания сильного и угрожающего образа, который можно было бы использовать для формирования общественного мнения в своих интересах:

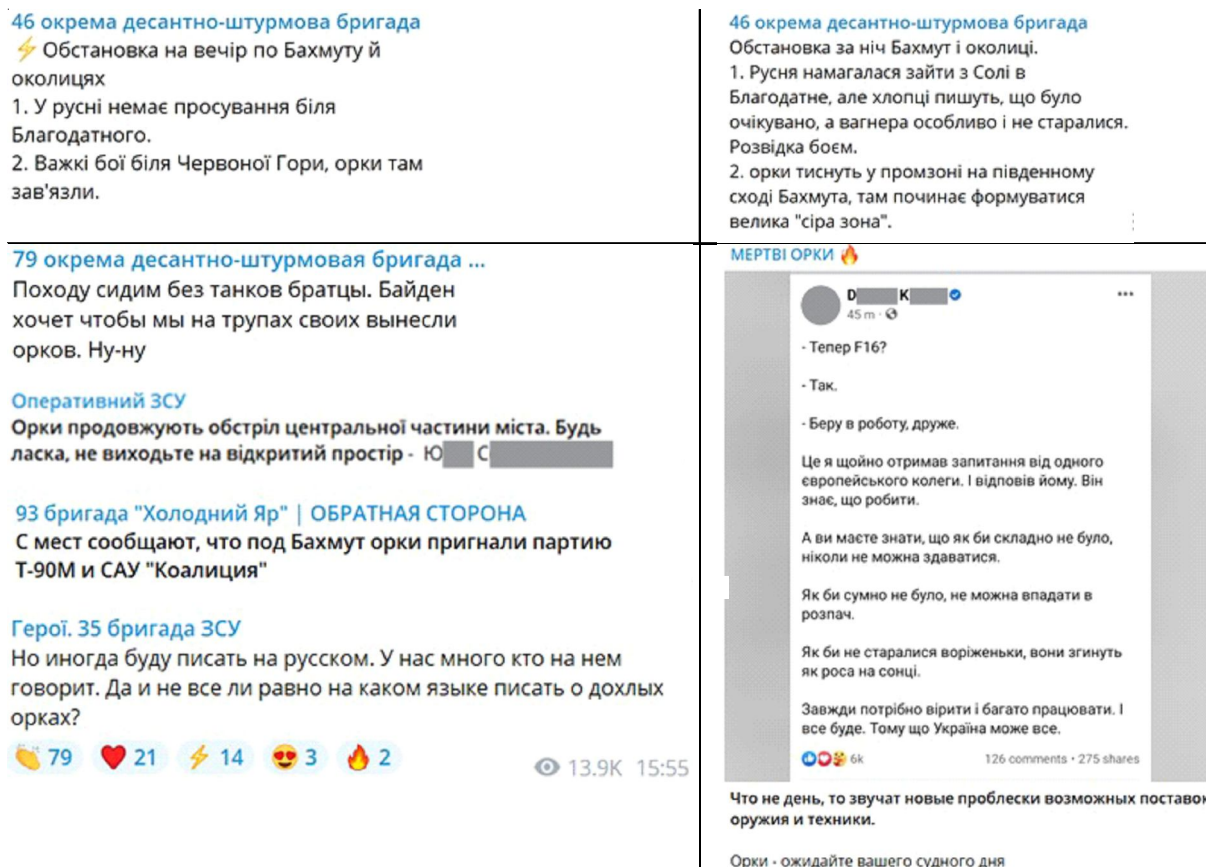

Рис. 4. Ярлык «орки» для негативной стереотипизации военного противника

Fig. 4. The label "orks" for negative stereotyping of the military enemy

(3) Часто, общаясь с нашими солдатами и офицерами, обсуждаем со смехом прозвище, которое всем нам дал противник – «орки». Реакция у всех нормальная: «Да, мы злые и воинственные орки! Пусть боятся и знают, что мы будем приходить к ним не только на поле боя, но и во снах». Но самый главный посыл в том, что «Мы не белые и пушистые пони, которыми нас выставляют дипломаты и официальные спикеры. Лучше мы будем орками!» (t.me/NeoficialniyBeZsonoV);

(4) Мы же агрессоры, держим марку, скалим зубы.

Вежливость нам не мешает оставаться грубыми.

Какой восторг – я русский, Держава полземли трясла.

Да, мы – империя зла! (<https://t.me/russkiegramoty>).

В связи с этим, во-первых, появилось несколько каналов, поместивших соответствующую аллюзию в элементы оформления (см. рис. 5). Сходным образом были апропрированы и другие стереотипы, которые не будут подробно рассмотрены в статье. Упомя-

нем лишь, что в ответ на ярлыки «ватники / вата», «колорады» и т. п. были созданы такие каналы, как «Несахарная вата», «Ветка Ватки», «Ватник в Америке», «Колорад».

Во-вторых, в постах ряда каналов соответствующие вербальные элементы начали появляться на постоянной основе в подписи к постам. Так, канал t.me/orde_mordora каждый пост завершает выражением [*Орда*] – родная, злобная, твоя; канал t.me/imsindi_z утренние посты сопровождает подписью *Добрутра, Мордорь!*; канал t.me/The_Forge_of_the_Mordor использует открывающие посты обращения *Добрый вечер / день, дорогие злые орки!*

В-третьих, апропрированный стереотип начинает обыгрываться в мемах, что свидетельствует о его саркастичном осмыслении и в такой трансформированной форме, примененной по отношению к группе ранее подвергшейся негативной стереотипизации, вирусно распространяться в социальных сетях (см. рис. 6).

Всплеск подобной активности каналов и комментирующих пользователей вызвал подарок

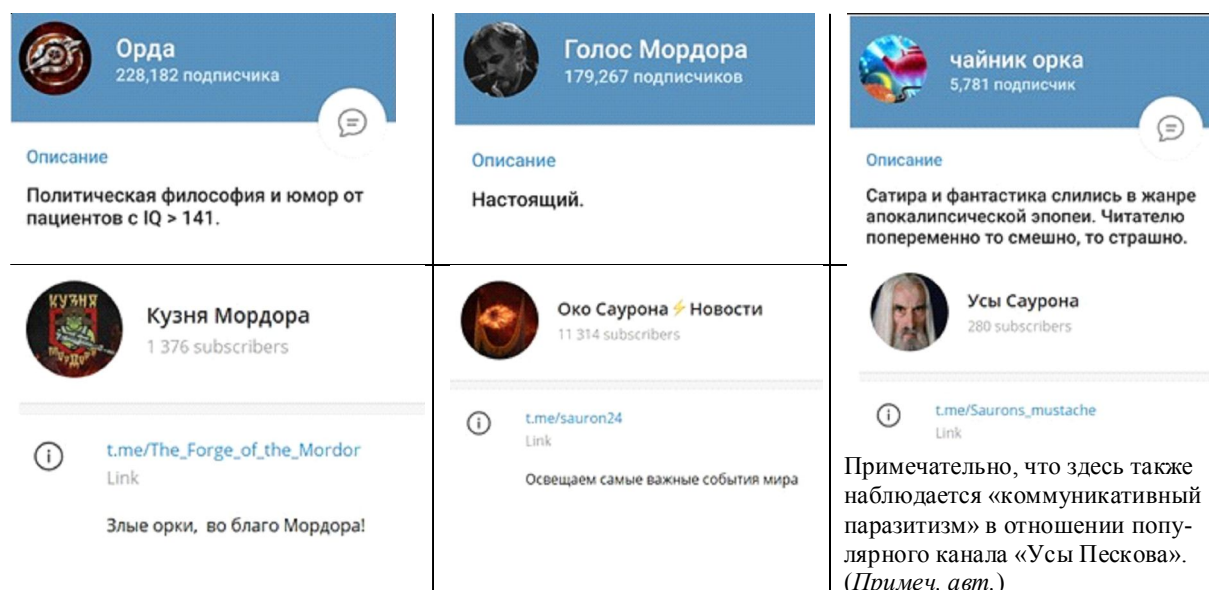

Рис. 5. Апроприация стереотипа в оформлении канала
 Fig. 5. Appropriation of a stereotype in channel design

девяти колец лидерам стран СНГ после встречи в конце 2022 г., акция была ассоциирована с кольцами власти – магическими артефактами Средиземья – и хорошо легла в русло уже достаточно развитых на тот момент процессов апроприации соответствующего стереотипа (см. рис. 7).

В-четвертых, апроприация стереотипа приобретает характер языковой игры и начинает поддерживаться не только авторами каналов, но и пользователями, оставляющими свои комментарии к постам (см. рис. 8).

Развитие апроприации стереотипа «орки» приводит к тому, что противоположной стороне от противного присваивается ярлык «эльфы» (см. рис. 9).

Как показывают результаты исследования общих механизмов «коммуникативного паразитизма», в этот процесс включаются обе стороны конфликта. В отличие от биологических отношений «хозяин – паразит», в общественно-политическом дискурсе эти роли не жестко заданы и могут меняться. Так, рассматриваемый кейс позволяет наблюдать, как украинская сторона начинает апроприировать уже образ «эльфы». Наиболее показателен в этом отношении случай, когда один из украинских телеграм-каналов (t.me/vanek_nikolaev) опубликовал пост, обращенный к российским военным, в котором назвал их «эльфами», и в ответ получил многочисленные корректирующие комментарии от украинской аудитории. Реакция была настолько бурной, что че-

рез несколько минут канал выпустил еще один пост, в котором формулировалась позиция администратора, чем вызвал втрое больше комментариев, посвященных обсуждению собственной украинской идентичности в контексте литературных стереотипов и их использования противником. Причем комментарии ко второму посту разнообразием реакций демонстрируют разную степень готовности аудитории принять / не принять / далее трансформировать стереотип и его языковые репрезентации (см. рис. 10, 11).

В процессе апроприации стереотипа, начиная от посылки группы 1 через его освоение и трансформацию группой 2 к его возвращению в дискурсивное пространство группы 1, развивается изначально заложенная в нем концептуальная метафора. Опорные проекции из исходных доменов (история / литературное произведение / компьютерная игра) на территорию (Мордор) и ее население (орда, орки) дополняются проекциями: лидер (Темнейший, Саурон), значимые локации (Око Саурана над Лахта центром / Москва-Сити), действия (раздача колец), противники (эльфы, Заокраинный Запад) и т. д. При этом в процесс языковой игры вовлекается большое количество как лидеров мнений, так и рядовых пользователей, мультиплицирующих соответствующие ассоциации и выступающих в роли усилителей сигнала и источников креативных трансформаций смыслов.

чайник орка

Племя орков проголосовало за празднование нового года. В центр пещеры было решено поставить ёлку. Получилось нарядно.

👍 133 🗳️ 18 🏆 11 🔥 3

2474 20:01

Немного выброшенной из цивилизованного сообщества и задавленной санкциями предновогодней Москвы.

👍 502 ❤️ 112 🍷 32 🍕 17 🤪 4 🤡 2 👁️ 9665 13:15

305 comments

ХтоШо

ХтоШо

Немного выброшенной из цивилизованного сообще...
Сегодня нашу субботнюю рубрику загибающегося Мордора мы одолжим у Миши)

👍 321 ❤️ 19

9712 13:16

WarGonzo

Дрон-камикадзе Switchblade «на разборке» в мастерской ДНР.

«Бэггинд!!!». «Хозяин предал НАС!». Это крики Горлума – противоречивого героя романа Джорджа Руала Толкина «Властелин колец». Тёмный Властелин, орки, эльфы – всё это уже в мемах СВО. К чему это? В руки «орков», – так называют на Украине российскую армию, попался дрон-камикадзе Switchblade. Вполне себе кусающаяся зараза. Причём, больно – смотри FAQ. Запускается с плеча любого «эльфа» – это уже мем про бойцов ВСУ. Поражает даже бронированные цели. «Допросом» будут заниматься специалисты. Что понятно? Место запуска, маршрут полёта и цель. Другие детали за экспертами. Факт, что этот «Горлум» после изучения отправится на дно Огненной реки. А в России, надеемся, появятся «Орлы».

Несахарная Вата

Ну мы

@sugarwataZ

😄 196 🔥 86 ❤️ 16 👍 10 🤪 1

4953 20:42

Переданный клип на песню ЧВК Вагнер Групп «Лето и арбалеты» с танцем в костюмах орков. (Примеч. авт.)

Рис. 6. Обыгрывание апроприированного стереотипа в мемах
Fig. 6. Playing with the appropriated stereotype in memes

Пездуга

Для неформальной встречи лидеров стран СНГ подготовлено 9 клубных колец с поздравлением к Новому году!

1. РОССИЯ - ПУТИН Владимир Владимирович
2. АЗЕРБАЙДЖАН - АЛИЕВ Ильхам Гейдарович
3. АРМЕНИЯ - ПАШИНЯН Никол Вовасевич
4. БЕЛОРУССИЯ - ЛУКАШЕНКО Александр Григорьевич
5. КАЗАХСТАН - ТОКАЕВ Касым-Жомарт Кемелевич
6. КИРГИЗСТАН - ЖАПАРОВ Садыр Нургожоевич
7. ТАДЖИКИСТАН - Эмомали РАХМОН
8. ТУРКМЕНИСТАН - БЕРДЫМУХАМЕДОВ Сердар Гурбангулыевич
9. УЗБЕКИСТАН - МИРЗИЁЕВ Шавкат Миромонович

⚡ Кремль переименовал СНГ в «Содружество Назгульских Государств»

Пездуга

👍 1066 🗨️ 279 🏆 57 👏 56 😬 25 🤪 24 🍷 23

🔥 13 🤡 12 🍆 10 🤩 3 👁️ 97K edited 15:41

Пездуга

⚡ В Москве началось возведение башни для установки «Ока президента»

Такое неофициальное название получил новейший огромный радар. Президент Владимир Путин рассказал о планах его строительства главам стран СНГ после вручения им девяти колец.

Мордор есть Мордор. Не кичимся, но и не палимся особо. 👁️ 3609 18:59 ✓

Forwarded from Д [redacted]

Родился орком - защитай мордор! 👍 19:00 ✓

Forwarded from Д [redacted]

Всё, Назгулы есть, когда Око над Лахта-центром зажигать будем ? 😬 19:00 ✓

Forwarded from [redacted]

кольца то хоть - кизлярские? 19:00 ✓

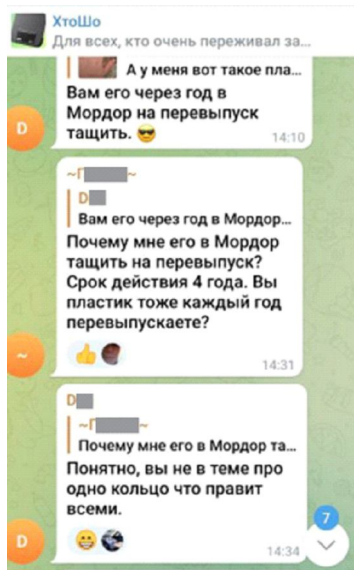
чайник орка

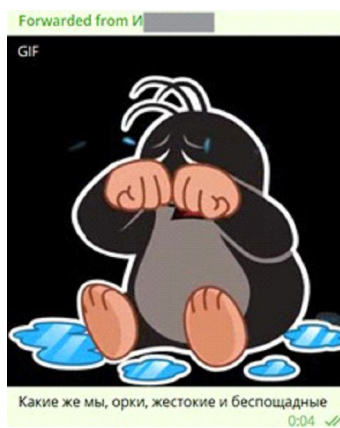

Эти глаза напротив калейдоскоп огней!
Эти глаза напротив Мордора нет родней!

👍 161 😬 90 🔥 14 👁️ 3514 11:02

Рис. 7. Мем «Кольца всевластия»
Fig. 7. The “Rings of Omnipotence” meme

Обсуждение платежного кольца метро.
(Примеч. авт.)

Обыгрывание мема про кротовуху.
(Примеч. авт.)

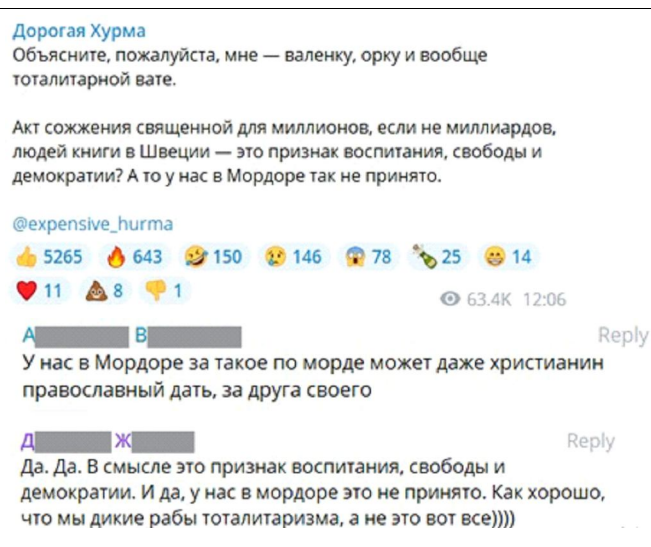
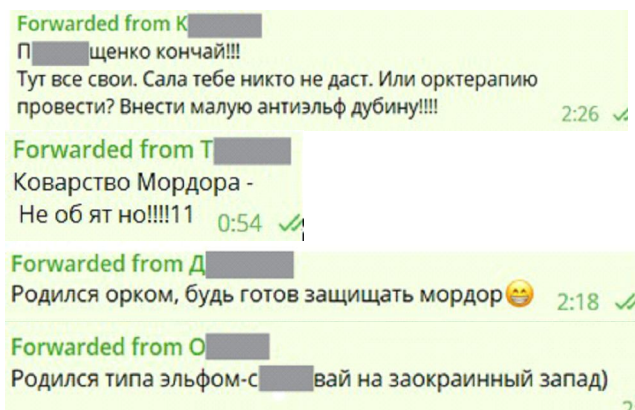
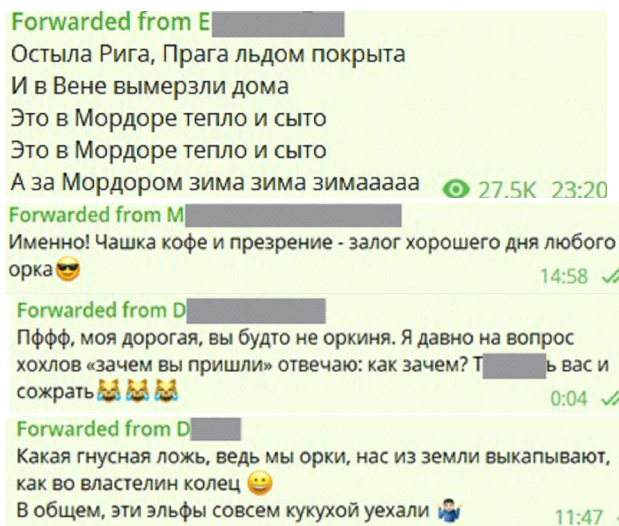

Рис. 8. Использование элементов апроприированного стереотипа в комментариях рядовых пользователей
Fig. 8. Elements of the appropriated stereotype in comments of ordinary users

<p>DONTSTOPWAR Сегодня на остров высаживались три лодки эльфов. Сразу накрыли их лодки и личный состав. Эльфы если успели загрузить тела и соскочить. Сутки наши. Победа будем за нами!</p>	<p>Добрый Русский 19 871 subscribers</p> <p>● Леопарды получили теперь надо туда кого-то запихнуть. Эльфы, если будете в такой ситуации, разворачиваете в башню назад и с криками хотим жить, едите в нашу сторону.</p> <p>Перепост украинского видео. (Примеч. авт.)</p>
<p>Добрый Русский 19 871 subscribers</p> <p>● Настрой эльфов, которые едут в сторону Соледача. Ждем видео из плена, если повезет.</p> <p>Перепост украинского видео. (Примеч. авт.)</p>	<p>ПУЛЯ 18+</p> <p>Бойцы армейской разведки Южного военного округа отправляются на охоту на сказочных персонажей - на эльфов.</p> <p>Славной охоты вам, парни 🍗</p> <p>Видео российской стороны. (Примеч. авт.)</p>

Рис. 9. Использование ярлыка «эльфы» для описания Вооруженных сил Украины
 Fig. 9. Using the label “elves” to describe the Ukrainian military forces

Н [redacted] В [redacted]
 шо вы там в лесу сидите

эльфы е [redacted] е

7691 👍 634 🐱 366 😂 284 🇺🇦 107 🙄 101 🔥 55
 ❤️ 44 🙈 14 👁️ 214.4K 20:13

286 comments

<p>К [redacted] Орки 👍 24 20:1</p> <p>А [redacted] Р [redacted] Они орки) 👍 34</p>	<p>D [redacted] T [redacted] Мы ведь эльфы, а они орки. Орки за толкіном це спяплужені ельфи.</p>	<p>Е [redacted] П [redacted] Орки 20:14</p> <p>Н [redacted] Они не эльфы , а орки 👍 4 20:14</p>
<p>a [redacted] f [redacted] Мы ведь эльфы, а они орки. Во-во)) 20</p>	<p>D [redacted] A [redacted] D [redacted] M [redacted] 🔥 😂 А в Хоббите они сомнительные очень, там гномы норм 😊 А у Терри Пратчета эльфи взагалі стрьомні, за описом - типова русня 😂 20:59</p>	<p>R [redacted] Эльфы за нас 👍 9 20:1</p>
<p>N [redacted] Y [redacted] рашисти эльфами называют ЗСУ 🇺🇦</p>	<p>Вообще то, во всех русских tg каналах, нас эльфами называют, более того если эльфы так то выигрывают, а это [redacted] пусть и дальше орками остаюсь, им это больше идёт...особенно после нашей с некоторыми представителями пф.... 21:4</p>	<p>V [redacted] Они орки. Орки в норки 👍 6 edited 20:14</p>

Рис. 10. Реакция украинской аудитории на ошибочное использование ярлыка «эльфы»
 Fig. 10. Reaction of the Ukrainian audience to the erroneous use of the label “elves”

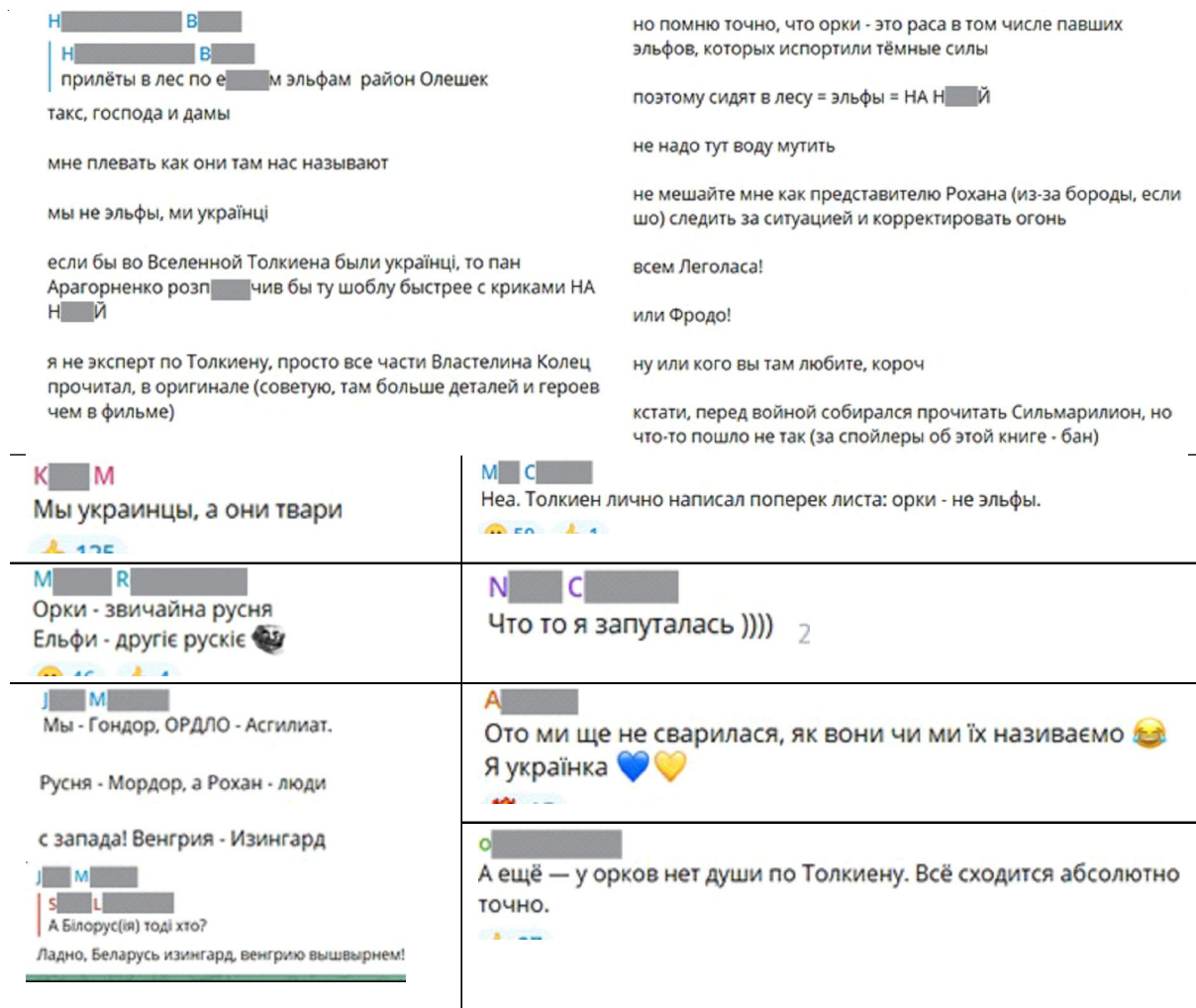

Рис. 11. Развитие реакции украинской аудитории на использование ярлыка «эльфы»
 Fig. 11. Development of the Ukrainian audience reaction to the use of the label “elves”

Апроприация конкретного стереотипа протекает в тесной связи с развитием параллельных защитно-атакующих стратегий: обыгрыванием популярных на тот или иной момент мемов (кротовуха, кизлярские ножи), актуальных событий, становящихся яркими инфоповодами (встреча лидеров стран СНГ, сожжение Корана в Копенгагене и Стокгольме, набор заключенных в ЧВК «Вагнер»), аллюзиями на другие информационные продукты (песни, новогодние поздравления) и т. д.

Таким образом, отдельное проявление «коммуникативного паразитизма» может быть вычленено из общей дискурсивной практики лишь условно с целью теоретического осмысления, в действительности же мы имеем дело с континуумом, в котором сложным образом переплетаются паразитические и непаразитические элементы конфликтной коммуникации.

Заключение

Проявления «коммуникативного паразитизма» в сфере конфронтационного общения в таких социальных медиа, как телеграм-каналы, достаточно частотны и разнообразны по форме и функции. Мультиmodalность новых медиа накладывает отпечаток на то, что участники осуществляют подстройку и в вербальных, и в иконических элементах, заимствуемые зрительные образы тесно переплетаются с повторяемыми лексическими средствами и синтаксическими моделями. То, что было в развернутом виде использовано одной группой пользователей, может у разных пользователей другой группы начать эксплуатироваться в элементах разных модальностей (например, одни заимствуют цветовую гамму и дизайн логотипа, а другие – форму слогана компании для продвижения своих каналов). В комплексных случаях групповой консолидации, как показали результаты анализа большого количества реакций от разных пользователей на разных каналах, реализуется кросс-модальное взаимодействие элементов для достижения единой цели (например, создания определенного имиджа группы).

Имеет значение то, в какой части канала наблюдается «коммуникативный парази-

тизм». В случаях, когда «коммуникативный паразитизм» используется каналом для построения собственного бренда и продвижения своего информационного ресурса за чужой счет, его проявления обычно ограничиваются элементами оформления. Причем со временем, когда цель повышения узнаваемости у целевой аудитории достигнута, канал может отказаться от использования паразитических элементов, если связь с источником не задумывалась как основополагающая и определяющая суть канала.

В случаях, когда осуществляется собственно конфронтационное общение двух групп, где проявления «коммуникативного паразитизма» встречаются в постах и комментариях и служат целям консолидации своей группы, ее положительной самопрезентации на фоне дистанцирования от противостоящей группы и ее дискредитации, происходит не разовое заимствование. Здесь паразитирование на коммуникативной продукции другой группы пользователей приобретает характер глобальной защитно-атакующей стратегии, которая коллективно реализуется в течение длительного времени параллельно на многих площадках.

Этот процесс коммуникативной координации в форме «паразитизма» создает континуум переплетающихся и взаимодействующих заимствований, обладающих потенциалом для непрерывного выстраивания групповой идентичности. Он способен вовлекать в языковую игру и ту группу, чья коммуникативная продукция послужила источником «паразитизма». В результате обе группы так или иначе осуществляют коммуникативную подстройку друг под друга, преследуя каждая собственные интересы.

Те вербальные и иконические элементы сообщений, которые были одними представителями группы заимствованы у противоположной группы паразитическим образом, с точки зрения взаимодействия внутри группы «своих» легко становятся проявлениями обычной кооперативной коммуникативной координации. Новые пользователи, вовлекаясь в языковую игру, могут делать это независимо от источника и даже не имея о нем представления, а лишь повторяя те языковые средства, которые видят в сообщениях других членов своей

группы. Таким образом, изначально речь может идти только о паразитическом взаимодействии двух групп, основанном на радикальной смене целей и ценностных ориентиров. То, что служило интересам одной группы, начинает служить интересам другой. Однако далее заимствованные элементы могут стать источником уже кооперативного согласования ментальных репрезентаций и способов их оформления (вербального и иконического) при коммуникации внутри второй группы. На длительной временной дистанции развития дискурса паразитическое и непаразитическое всегда сочетаются в коммуникативной координации обеих противостоящих групп.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Представленный в статье языковой материал извлечен из открытых источников, используется исключительно в научных целях – для изучения коммуникативной координации. Мнение исследователя не совпадает с мнением авторов телеграм-каналов и пользователей, комментирующих их информацию. Автор осуждает пропаганду насилия, терроризма и экстремизма, проявляемую в любых формах коммуникации, и выступает против разжигания национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды. В целях этичности исследования псевдонимы и имена пользователей телеграм-каналов, а также нецензурная лексика в приводимых примерах заретушированы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богданович Г. Ю., Федорова А. Ю., 2020. Новые медиа и медиаконвергенция как современная платформа восприятия медиапродукта // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. Т. 6 (72), № 1. С. 199–210.
- Борисова И. Н., 2009. Русский разговорный диалог : Структура и динамика. М. : ЛИБРОКОМ. 320 с.
- Исследование аудитории Telegram. 2021 / [Проценко А. и команда TGStat.ru]. URL: <https://tgstat.ru/research-2021>
- Манович Л., 2017. Теории софт-культуры. Н. Новгород : Красная ласточка. 208 с.
- Манович Л., 2018. Язык новых медиа. М. : Адмаргинемпресс. 400 с.
- Трощенко Е. В., 2016. Глобальные коммуникативные стратегии как фактор координации социокультурного знания: ценности и партийные стереотипы в ходе праймериз в США // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1. С. 33–42.
- Трощенко Е. В., 2017. Лексико-грамматическая координация в конфликтных диалогических единствах в общественно-политических дискуссиях // Когнитивные исследования языка. Вып. 31. С. 313–320.
- Трощенко Е. В., 2018. Кросс-модальная координация в твиттах как средство консолидации группы // Когнитивные исследования языка. Вып. 34. С. 660–664.
- Трощенко Е. В., 2020. Координационные паттерны глобальных стратегий в условиях электронного участия пользователей в политической борьбе // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1. С. 12–21. DOI: 10.20916/1812-3228-2020-1-12-21
- Трощенко Е. В., 2022. Превращение слогана оппонента в оружие политической борьбы: меметизация Build Back Better // Когнитивные исследования языка. № 3 (50). С. 410–415.
- Шейгал Е. И., 2005. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. М. 440 с.
- Bergmann K., Branigan H. P., Kopp S., 2015. Exploring the Alignment Space – Lexical and Gestural Alignment with Real and Virtual Humans // *Frontiers in ICT*. Vol. 2, iss. 7. DOI: 10.3389/fict.2015.00007
- Chilton P., 2004. *Analysing Political Discourse: Theory and Practice*. L. ; N. Y. : Routledge. 226 p.
- Fusaroli R., Gagopadhyay N., Tylén K., 2014. The Dialogically Extended mind: Language as Skillful Intersubjective Engagement // *Cognitive Systems Research*. Vol. 29-30. P. 31–39. DOI: 10.1016/j.cogsys.2013.06.002
- Hague R., Harrop M., 2004. *Comparative Government and Politics : An Introduction*. Basingstoke ; N. Y. : Palgrave Macmillan. 335 p.
- Pickering M. J., Ferreira V. S/2008. Structural Priming: A Critical Review // *Psychological Bulletin*. Vol. 134, iss. 3. P. 427–459. DOI: 10.1037/0033-2909.134.3.427
- Pickering M. J., Garrod S., 2004. Toward a Mechanistic Psychology of Dialogue // *Behavioral and Brain Sciences*. № 27. P. 169–226. DOI: 10.1017/S0140525X04000056
- Rushkoff D., 1996. *Media Virus! Hidden Agendas in Popular Culture*. N. Y. : Ballantine books. 345 p.
- 700 Million Users and Telegram Premium / The Telegram Team. 2022. 19 June. URL: <https://telegram.org/blog/700-million-and-premium?ln=r>
- Whig and Tory. URL: <https://www.britannica.com/topic/Whig-Party-England>

REFERENCES

- Bogdanovich G.Yu., Fedorova A.Yu., 2020. Novye media i mediakonvergentsiya kak sovremennaya platforma vospriyatiya mediaprodukta [New Media and Media Convergence as a Modern Platform for Media Product Perception]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. Nauchnyy zhurnal* [Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences. Scientific Journal], vol. 6 (72), no. 1, pp. 199-210.
- Borisova I.N., 2009. *Russkiy razgovornyy dialog: Struktura i dinamika* [Russian Conversational Dialogue: Structure and Dynamics]. Moscow, LIBROKOM. 320 p.
- Issledovanie auditorii Telegram. 2021* [Telegram Audience Study. 2021]. URL: <https://tgstat.ru/research-2021>
- Manovich L., 2017. *Teorii soft-kultury* [Theories of Soft Culture]. Nizhniy Novgorod, Krasnaya lastochka Publ. 208 p.
- Manovich L., 2018. *Yazyk novykh media* [New Media Language]. Moscow, Admarginempress Publ. 400 p.
- Troshchenkova E.V., 2016. Globalnye kommunikativnye strategii kak faktor koordinatsii sotsiokulturnogo znaniya: tsennosti i partiynye stereotipy v khode praymeriz v SShA [Global Communicative Strategies as a Factor in the Coordination of Socio-Cultural Knowledge: Values and Party Stereotypes in the US Primaries]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Problems of Cognitive Linguistics], no. 1, pp. 33-42.
- Troshchenkova E.V., 2017. Leksiko-grammaticheskaya koordinatsiya v konfliktnykh dialogicheskikh edinstvakh v obshchestvenno-politicheskikh diskussiyakh [Lexico-Grammatical Coordination in Conflicting Dialogical Unities in Socio-Political Discussions]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], iss. 31, pp. 313-320.
- Troshchenkova E.V., 2018. Kross-modalnaya koordinatsiya v tvittakh kak sredstvo konsolidatsii gruppy [Cross-Modal Coordination in Tweets as a Means of Group Consolidation]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], iss. 34, pp. 660-664.
- Troshchenkova E.V., 2020. Koordinatsionnye patterny globalnykh strategiy v usloviyakh elektronnoy uchastiya polzovateley v politicheskoy borbe [Coordinating Patterns of Global Strategies in Electronic User Participation in Political Struggle]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Problems of Cognitive Linguistics], iss. 1, pp.12-21. DOI: 10.20916/1812-3228-2020-1-12-21
- Troshchenkova E.V., 2022. Prevrashchenie slogana opponenta v oruzhie politicheskoy borby: memetizatsiya Build Back Better [Turning an Opponent's Slogan into a Weapon of Political Struggle: The Memeticization of Build Back Better]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], no. 3 (50), pp. 410-415.
- Sheygal E.I., 2005. *Semiotika politicheskogo diskursa: diss. ... d-ra filol. nauk* [Semiotics of Political Discourse. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow. 440 p.
- Bergmann K., Branigan H.P., Kopp S., 2015. Exploring the Alignment Space – Lexical and Gestural Alignment with Real and Virtual Humans. *Frontiers in ICT*, vol. 2, iss. 7. DOI: 10.3389/fict.2015.00007
- Chilton P. 2004. *Analysing Political Discourse: Theory and Practice*. London, New York, Routledge. 226 p.
- Fusaroli R., Gagopadhyay N., Tylén K., 2014. The Dialogically Extended Mind: Language as Skillful Intersubjective Engagement. *Cognitive Systems Research*, vol. 29/30, pp. 31-39. DOI: 10.1016/j.cogsys.2013.06.002
- Hague R., Harrop M., 2004. *Comparative Government and Politics: An Introduction*. Basingstoke, New York, Palgrave Macmillan. 355 p.
- Pickering M.J., Ferreira V.S., 2008. Structural Priming: A Critical Review. *Psychological Bulletin*, vol. 134, iss. 3, pp. 427-459. DOI: 10.1037/0033-2909.134.3.427
- Pickering M.J., Garrod S., 2004. Toward a Mechanistic Psychology of Dialogue. *Behavioral and Brain Sciences*, no. 27, pp. 169-226. DOI: 10.1017/S0140525X04000056
- Rushkoff D., 1996. *Media Virus! Hidden Agendas in Popular Culture*. New York, Ballantine books. 345 p.
- 700 Million Users and Telegram Premium*, 2022. 19 June. URL: <https://telegram.org/blog/700-million-and-premium?n=r>
- Whig and Tory*. URL: <https://www.britannica.com/topic/Whig-Party-England>

Information About the Author

Ekaterina V. Troshchenkova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of English Language and Cultural Studies, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7/9, 199034 Saint Petersburg, Russia, e.troschenkova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2498-3086>

Информация об авторе

Екатерина Владимировна Трощенко, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и лингвокультурологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7/9, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия, e.troschenkova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2498-3086>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.5>

UDC 81'42:070
LBC 81.055.51.5

Submitted: 24.01.2023
Accepted: 10.05.2023

THE LANGUAGE OF HEALTH PROMOTION IN BRITISH AND RUSSIAN DIGITAL MEDIA: A COMPARATIVE STUDY

Anna O. Stebletsova

N.N. Burdenko Voronezh State Medical University, Voronezh, Russia

Irina I. Torubarova

N.N. Burdenko Voronezh State Medical University, Voronezh, Russia

Tanya Linaker

King's College London, London, United Kingdom

Abstract. The research explores the language of health promotion used in *Health matters* and *Tak zdorovo* – the national healthcare websites of the UK and Russia. The objective is to assess readability of the British and Russian texts as well as to reveal language properties and cultural implications of health promotion in national digital media. The comparative design of the study involves qualitative (contextual and interpretative) and quantitative (Compleat Lexical Tutor v.8.5 and Flesch-Kincaid grade) methods. The topic distribution results show that *physical activity, healthy eating and weight control, tobacco smoking, alcohol dependence, mental health* are raised in both cultures, however, the British corpus puts more emphasis on mental health issues compared to the Russian one. There are differences in ‘positive’ vs ‘negative’ approach in covering alcohol consumption issues. The findings on readability reveal higher rates of lexical density and lexical variety in the Russian corpus in comparison to the British one. However, the overall lexical coverage and readability index in the British (K-3) and Russian corpora (SIS – 8.68) are equally low, which means that the language of health promotion in both cultures is easy to understand. The Russian language of advice demonstrates frequent use of imperatives. The British corpus employs less categorical recommendation forms including modal verbs, create partnering communication styles and demonstrate a higher use of visual forms of health promotion. The findings revealing differences in rhetoric strategies (rational reasoning in British digital media vs emotional reasoning in Russian digital media) can be attributed to national and cultural implications.

Key words: language of health promotion, national digital media, readability, topic distribution, advice, rhetorical strategies, cultural implications.

Citation. Stebletsova A.O., Torubarova I.I., Linaker T. The Language of Health Promotion in British and Russian Digital Media: A Comparative Study. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 5, pp. 72-88. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.5>

УДК 81'42:070
ББК 81.055.51.5

Дата поступления статьи: 24.01.2023
Дата принятия статьи: 10.05.2023

ЯЗЫК ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В БРИТАНСКИХ И РОССИЙСКИХ ЦИФРОВЫХ СМИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Анна Олеговна Стеблецова

Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко, г. Воронеж, Россия

Ирина Ивановна Торубарова

Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко, г. Воронеж, Россия

Таня Линакер

Королевский колледж Лондона, г. Лондон, Соединенное Королевство

Аннотация. Настоящая работа посвящена изучению языка здорового образа жизни на материале порталов *Health matters* и *Так здорово* министерств здравоохранения Великобритании и России. Цель исследования заключается в определении читабельности британских и российских текстов, выявлении языковых и культурных особенностей пропаганды здорового образа жизни в национальных цифровых СМИ. Сопоставительный анализ текстов включал качественные (контекстуальные и интерпретативные) методики, а также сопровождался статистической обработкой данных (Compleat Lexical Tutor v.8.5 и индекс Флэша-Кинкейда). Результаты тематической дистрибуции показали, что темы *физическая активность, здоровое питание и контроль веса, табакокурение, алкогольная зависимость, душевное здоровье* затрагиваются в обеих культурах. Пропорциональный вес темы *душевное здоровье* значительно выше в британском корпусе, чем в русском. Отмечена национальная специфика в использовании «позитивного» / «негативного» воздействия на аудиторию при освещении вопросов потребления алкоголя. Результаты анализа читабельности свидетельствуют, что при более высоких показателях лексической плотности и лексического разнообразия в русском корпусе, средние индексы лексической сложности в обоих корпусах невысоки (К-3 в британском корпусе и SIS – 8.68 в русском корпусе), что означает высокую доступность текстов для понимания. Специфика русскоязычных текстов в жанре совета проявилась в частотности императивов. В британском корпусе обнаружено доминирование менее категоричных способов выражения рекомендаций с помощью модальных глаголов, а также использование инфографики как средства визуального воздействия на аудиторию. Обнаруженные различия в использовании риторических стратегий (рациональное убеждение в британских цифровых СМИ vs эмоциональное убеждение в российских цифровых СМИ) может быть обусловлено национально-культурными особенностями. Вклад авторов. А.О. Стеблецовой разработана общая концепция и методология исследования, проведена аналитическая обработка результатов; И.И. Торубаровой выполнен отбор материала для анализа, его статистическая обработка; Т. Линакер интерпретированы результаты проведенного коллективного исследования.

Ключевые слова: язык здорового образа жизни, национальные цифровые СМИ, читабельность, тематическая дистрибуция, совет, риторические стратегии, культурные особенности.

Цитирование. Стеблецова А. О., Торубарова И. И., Линакер Т. Язык здорового образа жизни в британских и российских цифровых СМИ: сопоставительное исследование // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 5. – С. 72–88. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.5>

Introduction

Health promotion as ‘the process of enabling people to increase control over, and to improve their health’ [Health Promotion Glossary, 1998, p. 11] is defined in the Ottawa Charter of 1986, the first internationally adopted health promotion document. One of the basic health promotion strategies included in the charter advocates for the factors improving health. The document confirms that language is one of the most powerful advocating means of health promotion with modern digital media providing a global channel for dissemination of health knowledge [Health Promotion Glossary, 1998].

Grounded in public health studies, health promotion is regarded as part of primary care, which mainly involves general practitioners and nurses. Several studies examining health promotion discourse in different ethnocultural

settings [Havelock, Schofield, Tapsfield, 1994; Ashcroft, 2015; Fry, 2020; Kubheka, Carter, Mwaura, 2020] demonstrate the correlation between respectful management of health promotion [Maijala, Tossavainen, Turunen, 2015] delivered by primary care givers and improved health outcomes for the patients.

Alongside the public health approach to promoting healthy behaviours, there is growing attention to the language of health promotion coming from medical communities [Levinson, Lesser, Epstein, 2010; Vermeir et al., 2015; Dickinson et al., 2017]. Medical practitioners highlight the language impact on successful doctor-patient communication and its role in disseminating the knowledge of healthy life style [Srivastava, 2019]. They call for clear language recommendations to avoid discrimination, stigmatization and judgment while talking about patient conditions to make alternative emphasis

on positive motivation and freedom to choose healthy lifestyle options leading to better health outcomes. This campaign under the slogans ‘Language matters’, ‘Words matter’ has resulted in a number of consensus reports and statements comprising guiding principles for health communication and healthy behaviour promotion [National Institutes..., 2016; Language Matters..., 2018; Banasiak et al., 2020] as well as practical advice on word choice in particular medical fields, i.e. psychology, psychiatry [Lilienfeld et al., 2015], and diabetes care [Dickinson et al., 2017; Cooper et al., 2018]. For health professionals the recommended vocabulary is based on empathy and understanding, e.g. ‘*it sounds as though your diabetes is really hard to manage at the moment*’, encouragement and collaboration, e.g. ‘*I can see the effort you’re putting in, keep up the great work*’, ‘*let me talk you through the different medications and then see what you think would suit you best*’ [Language Matters..., 2018, p. 9].

Implementing language practices in healthcare has become an international trend reflected in research [Lilienfeld et al., 2015; Mikels et al., 2016; Liu, Mikels, Stine-Morrow, 2021; Dolgova, Plisov, 2021]. Language barriers in healthcare have been discussed recently in Russian professional and academic domains. As a result, the Russian Ministry of Health has developed the national guidance on making appointments in primary care via call centres and federal digital service [Kamkin et al., 2022]. This document contains practical recommendations according to which common ‘conflict provoking phrases’ should be avoided. These phrases include impersonal addresses, e.g. *man, woman, girl, young man*, diminutive suffixes, negative responses, e.g. ‘*don’t know*’, ‘*can’t help you*’, ‘*no idea who told you this*’, ‘*we don’t provide this information*’ showing refusal to help, responsibility avoidance and other well-known colloquial phrases including those putting the blame on the patient [Kamkin et al., 2022].

This trend has indicated that the issues of health promotion have gone far beyond public health studies. Along with the general understanding of the language impact on effective health promotion, the cognitive and communicative mechanisms of this impact have yet to be thoroughly explored.

The language of disease prevention has been the topic of investigation in a number of studies exploring the discourse of cancer prevention campaigns [Enkova, Stebletsova, 2016; Stebletsova, Karpova, Dorokhov, 2017], weight control and healthy eating programmes [Girko, Stebletsova, 2019; 2021]. This topic is significant due to the fact that health promotion in media campaigns relies heavily on the message appeal which is largely dependent on effective rhetoric and attractive visual images they employ [Stebletsova, Sternin, 2019].

Several recent studies [Buckton, Lean, Combet, 2015; Robinson, Smith, 2022; Boylan, Louie, Gill, 2012] have broadly explored the problem of public perception of health messages resulting in misunderstanding and confusion due to inappropriate language use. In the psycholinguistic experiment or ‘word-association exercise’ Christina H. Buckton et al. (2015) find that abundance of similar terms, e.g., ‘*healthy eating*’, ‘*eating for health*’, ‘*balanced diet*’ and ‘*nutritional balance*’ inconsistently used in popular health-related discourse, could lead to adverse effects in public perception, i.e., desensitisation and antipathy to health messages [Buckton, Lean, Combet, 2015].

Liu X et al. (2021) have approached the issue of health messages efficacy from the frame analysis perspective. The authors classify physical exercise promoting messages ‘*in terms of the benefits of engaging in healthy behaviors* (i.e., *gain-framed, GF*) or the costs of not doing so (i.e., *loss-framed, LF*)’ and ‘*in terms of attaining desirable health outcomes (GF-D)... or the attainment of undesirable outcomes (LF-U)*’ [Liu X et al. 2021, p. 202] and assess their comprehension by participants of the study. The results of the neurolinguistic experiment show that messages focusing on health benefits and desirable outcomes were better processed, recognized and produced a more positive affect than those focusing on health losses and undesirable health outcomes. Similar findings in [Liu, Mikels, Stine-Morrow, 2019; Mikels et al., 2016; van’t Riet et al., 2010] may have practical implications for structuring information in health messages: the language of health campaigns should be focused on positive outcomes of healthy behaviours rather than on negative ones.

Today health promotion is mainly delivered through digital media, which comprises a large spectrum of Internet formats, i.e. medical institution and healthcare bodies' websites, academic and popular e-journals, disease prevention campaigns, social networking and blogs, YouTube channels and podcasts, etc. They all create and spread health-related content with digital services and devices, which determine its high accessibility and interactivity [Kreps, Neuhauser, 2010; Lupton, 2015; Shamshurin, 2018]. Digital media has become a universal tool in health promotion and education [Brooks, 2001]. World Health Organization (WHO), national medical institutions and healthcare bodies use their official websites to raise health awareness and promote healthy lifestyle creating and disseminating reliable health-related information.

While healthcare discourse in general has had a longstanding tradition of linguistic research [Shamne, Shishkina, 2017; Stepanova, 2019], the language of health promotion in digital media still needs thorough investigation. Additionally, the global health promotion defined by World Health Organization as enhancing 'people's wellbeing and reduce their health risks associated with tobacco use, alcohol consumption and physical inactivity' [Health Promotion. World Health Organization] might have national and ethnocultural implications reflected in the language. These ethnocultural implications may be associated with the readability of health-related information, i.e. the clarity of the text contributing to its better perception, and communicative impact, i.e. the power of language to support healthy behaviours. Both aspects are crucial for health promotion, they might be ethnoculturally specific and can be identified and examined by comparative analysis. Our literature review shows that these aspects have been discussed in only a few studies addressing a limited range of issues [Enkova, Stebletsova, 2016; Stebletsova, Karpova, Dorokhov, 2017; Girko, Stebletsova, 2019; 2021; Shamne, Shishkina, 2018; Ugwuegede, Eze, Okoli, 2021].

This study aims to explore the language of health promotion in the official websites of the UK and Russian governmental bodies with regard to its readability and rhetoric strategies. The specific research questions are as follows:

1. What health topics do the English and Russian texts promote and how are they distributed in each corpus?

2. What do the English and Russian health promotion texts demonstrate in terms of readability?

3. Does health promotion in the UK and Russian digital media differ if compared by the language of advice, rhetoric strategies and infographics?

Methods

Digital sources and material selection

Health promotion is the main target of the national healthcare institutions and organizations, so their official websites publish reliable content aimed at medical professionals and general public. We used Health and Social Care Department (Public health) of the UK Government (gov.uk) and Ministry of Health of the Russian Federation (minzdrav.ru) as the digital sources of health promotion material selected for this study. Both websites have specific portals – Health matters (<https://www.gov.uk/government/collections/health-matters-public-health-issues>) and Takzdorovo (<https://www.takzdorovo.ru>), which publish health-related content. The texts from these portals comprise British and Russia corpora (10 texts each) with the total word count of 42955. The texts collected during November 2022 – February 2023 represent the current health promotion discourse. The topic selection corresponds to the basic components of WHO definition of physical health: *healthy eating and weight control, alcohol and smoking behaviour, physical activity, proper sleep and mental wellbeing*.

Data analysis

The data analysis was based on the following parameters: lexical diversity, lexical density, lexical coverage, sentence length, passive sentence number [Torubarova, Stebletsova, 2022]. Lexical diversity and lexical density [Johansson, 2008] have proven effective to assess complexity of the text. Lexical diversity shows how many words of different roots (word families) are used in the text. Lexical density shows the proportion of content words to the total number of words [Johansson, 2008]. Lexical coverage is defined as the proportion of running words in the text familiar to the readers [Nation, 2006]. This proportion is

compared to the General Word List (see: [Batia, 1989; Nation, 2006]) and is expressed by the *frequency level* coefficients, e.g. *K-5 frequency level* means that a reader needs 5000 words to understand 95% of the text. These parameters were measured with Compleat Lexical Tutor v.8.5 software [Cobb].

To assess general readability for Russian corpus we used Flesch-Kincaid grade (FKG) which is similar to lexical coverage used for the English corpus. Flesch-Kincaid grade (FKG) was applied for a technical reason: lexical coverage can only be used for the English language while FKG was modified (FKG mod) [Ivanov, Solnyshkina, Solovyev, 2018] and used for Russian language. Nevertheless, both lexical coverage and FKG mod are equally applicable to text readability assessment. The readability assessment was performed for each text ($n = 22$ in total) of both corpora and the mean values of each parameter were calculated. The mean values were then compared and analysed.

The language of advice assessment was performed by continuous sampling of imperative patterns, modal words (verbs and adverbials) and derivatives (nouns and verbs) of *recommend* word family. The average values of each corpus were then compared and analysed.

The interpretative description of stylistic and rhetoric features was based on observational and contextual analysis.

Results and discussion

1. Health topics: in-corpora distribution and cultural implications

The British and Russian health promotion texts raise similar topics, however, there are some differences in their distribution in the portals. We

compared the number of the texts and the word count for each health topic to see which health issues are at the top of promotion (Table 1).

The data of British Corpus (BrC) and Russian Corpus (RuC) show that five topics – *Physical activity, Healthy eating and weight control, Tobacco smoking, Alcohol dependence, Mental health* – are raised in both cultures, while two topics – *Rough sleeping and Community approach* – are specific for the British health promotion. The five shared topics have revealed different communicative distribution.

Physical activity heads the list of health topics in the British and Russian official media, though in the UK it accounts for almost 4 times higher word count than in Russia (9453 words vs 2461 words respectively). We may suggest that for the UK culture physical activity promotion is the priority among other topics. This is confirmed by the language of concern about the decrease of physical activity of adult population, expressed by the vocabulary with negative semantics, e.g. *20% less active, physically inactive, lack of physical activity, physical activity ‘designed out of our lives’*. BrC texts also put emphasis on association between physical activities and prevention of common non-communicable diseases (heart diseases, diabetes, cancers, dementia, depression) and show benefits of physical activity for general health and wellbeing. The largest proportion of this topic in total corpus distribution may suggest that physical activity is highly comprehensible, appeals to almost everyone and might have fast feedback as it seems easy to adopt as a healthy behaviour, for example, ‘at least 150 minutes of moderate intensity physical activity each week, in bouts of 10 minutes or more’ (see Table 2, British corpus texts, text 6 “Health matters: getting every adult active every day”).

Table 1. Health topic distribution

№	Health topic	British Corpus (BrC)		Russian Corpus (RuC)	
		Texts, <i>n</i>	Words, <i>n</i>	Texts, <i>n</i>	Words, <i>n</i>
1	Physical activity	2	9 453	3	2 461
2	Healthy eating and weight control	1	3 454	2	2 271
3	Tobacco smoking	1	1 567	2	2 390
4	Alcohol dependence	2	3 974	2	1 840
5	Mental health	2	7 669	1	427
6	Rough sleeping	1	4 157	–	–
7	Community approach	1	2 374	–	–

Table 2. British and Russian Text Corpora: titles and sources

British corpus texts			
1	Health matters: harmful drinking and alcohol dependence. URL: https://www.gov.uk/government/publications/health-matters-harmful-drinking-and-alcohol-dependence/health-matters-harmful-drinking-and-alcohol-dependence	6	Health matters: getting every adult active every day. URL: https://www.gov.uk/government/publications/health-matters-getting-every-adult-active-every-day/health-matters-getting-every-adult-active-every-day
2	Health matters: community-centred approaches for health and wellbeing. URL: https://www.gov.uk/government/publications/health-matters-health-and-wellbeing-community-centred-approaches/health-matters-community-centred-approaches-for-health-and-wellbeing	7	Health matters: physical activity – prevention and management of long-term conditions. URL: https://www.gov.uk/government/publications/health-matters-physical-activity/health-matters-physical-activity-prevention-and-management-of-long-term-conditions
3	Health matters: midlife approaches to reduce dementia risk. URL: https://www.gov.uk/government/publications/health-matters-midlife-approaches-to-reduce-dementia-risk/health-matters-midlife-approaches-to-reduce-dementia-risk	8	Health matters: tobacco and alcohol CQUIN. URL: https://www.gov.uk/government/publications/health-matters-preventing-ill-health-from-a-alcohol-and-tobacco/health-matters-preventing-ill-health-from-alcohol-and-tobacco-use
4	Health matters: reducing health inequalities in mental illness. URL: https://www.gov.uk/government/publications/health-matters-reducing-health-inequalities-in-mental-illness/health-matters-reducing-health-inequalities-in-mental-illness	9	Health matters: rough sleeping. URL: https://www.gov.uk/government/publications/health-matters-rough-sleeping/health-matters-rough-sleeping
5	Health matters: obesity and the food environment. URL: https://www.gov.uk/government/publications/health-matters-obesity-and-the-food-environment/health-matters-obesity-and-the-food-environment--2	10	Health matters: smoking and quitting in England. URL: https://www.gov.uk/government/publications/health-matters-smoking-and-quitting-in-england/smoking-and-quitting-in-england
Russian corpus texts			
1	Алкоголь: мифы и реальность (в виде беседы: вопрос-ответ) . URL: https://www.takzdorovo.ru/privyчки/alkogol/alkogol-mify-i-realnost/	6	Питание для долголетия: продукты, которые могут продлить жизнь. URL: https://www.takzdorovo.ru/pitanie/zdorovoe-pitanie/pitanie-dlya-dolgoletiya-produkty-kotorye-mogut-prodlit-zhizn/
2	Понизить градус до нуля: как избавиться от алкогольной зависимости. URL: https://www.takzdorovo.ru/privyчки/alkogol/ponizit-gradus-do-nulya-kak-izbavitsya-ot-alkogolnoy-zavisimosti/	7	Физическая активность для любого возраста. URL: https://www.takzdorovo.ru/articles/5138884/
3	Как курение влияет на организм и не только. URL: https://www.takzdorovo.ru/privyчки/kurenie/kak-kurenie-vliyaet-na-organizm-i-netolko/	8	Физическая активность: с чего начать? URL: https://www.takzdorovo.ru/dvizhenie/c-chego-nachat/fizicheskaya-aktivnost-s-chego-nachat/
4	Бросить – нельзя курить: ты сильнее своей привычки. URL: https://www.takzdorovo.ru/privyчки/kurenie/brosit-nelzya-kurit-ty-silnee-svoey-privyчки/	9	Особенности физической активности при избыточном весе и ожирении. URL: https://www.takzdorovo.ru/dvizhenie/obraz-zhizni/osobennosti-fizicheskoy-aktivnosti-pri-izbytochnom-vese-i-ozhirenii/
5	Здоровое питание: основные правила. URL: https://www.takzdorovo.ru/pitanie/zdorovoe-pitanie/zdorovoe-pitanie-osnovnye-pravila/	10	Как сохранить психическое здоровье? URL: https://www.takzdorovo.ru/profilaktika/dushevnyj-komfort/kak-sokhranit-psikhicheskoe-zdorove/

Physical activity promotion in RuC is similar in word count to healthy eating, smoking and alcohol dependence topics within the corpus. The RuC texts deliver a positive message on physical activity in Russia giving VCIOM – Sputnik (*Russian federal centre of popular opinion survey*) data on the increase of physical activity in Russia since 2018: 79% of adults are physically active, 25% of them are involved in physical activity on a regular basis (see Table 2, Russian corpus texts, text 7 “Физическая активность для любого возраста”). The language of physical activity uses vocabulary of positive semantics, e.g. *польза* (*benefit*), *воспитывать любовь к физической активности* (*develop love of physical activity*), *прекрасный вид спорта* (*a wonderful sport*), *применимы для всех взрослых* (*good for all adults*), *улучшить координацию движений* (*to improve balance*).

The topics of *Healthy eating and weight control*, *Tobacco smoking* and *Alcohol dependence* demonstrate proportionally similar distribution in both corpora. However, there are obvious cultural differences in health promotion approaches revealed by the language. For instance, discussing alcohol consumption, BrC recommends limiting alcohol to 14 units per week, while RuC promotes an ‘alcohol free’ approach e.g. *самый простой и надежный способ сохранить здоровье – не пить вовсе*, which is obviously explained by different medical and social factors in British and Russian cultures. The word choice for alcohol in BrC ranges from rather neutral *alcohol dependence*, *excessive alcohol consumption*, *alcohol misuse* to more emotive *harmful drinking*. The word choice for alcohol in RuC demonstrates emotionally loaded vocabulary with negative meaning and metaphors representing alcohol as the most dangerous drug or poison, e.g. *алкоголь – наркотик и яд*. A similar approach to topic discussion is observed in Russian texts on quitting smoking, e.g. *курение – твой враг* (*tobacco smoking is your enemy*), *победить зависимость от курения* (*fight your smoking habit*), *ты сильнее своей привычки* (*you are stronger than smoking*).

Mental health demonstrates a higher proportion among other health topics in BrC being only the second to physical activity topic in word count. The topic is mainly focused on dementia, social triggers of other mental disorders and preventative care and support. Loneliness is admitted to be a major risk factor for developing

mental illnesses, so it should be addressed by local healthcare authorities [Combating Loneliness..., 2016]. The comprehensive information on mental health in BrC suggests that this topic has become a priority in British healthcare discourse calling for health literacy and awareness in health practitioners and general population. On the contrary, RuC on mental health is very limited and mainly contains ‘popular wisdom’ recommendations on how to avoid stress. This might mean that mental health issues are still on the periphery of health promotion in Russia.

Rough sleeping and *Community approach* topics are only recorded in BrC. The possible explanation for this is outside the language domain. We can only suggest that rough sleeping is often associated with homelessness and community strategies to address these problems are areas of Health and Social Care Department responsibility, so they are included in national health promotion policy. In Russian healthcare discourse rough sleeping has hardly ever been raised in health media; homelessness, likewise, is beyond the reach of Minzdrav (Ministry of Health) health promotion policy. Certain differences in socioeconomic environment of the two countries might be the cause of differences in the national health promotion policies, thus, leading to a further research.

2. Readability assessment

Numerous studies confirm that the complexity of a written text is determined by many factors [Batia, 1989; Nation, 2006; Johansson, 2008; Lilienfeld, 2015]. Long sentences with complicated syntax, formal vocabulary, terms, passive voice, the abundance of abstract words or verbosity usually contribute to the complexity of the text, decreasing its readability and communication effect. We sought to compare the readability of the British and Russian health promotion texts, to measure their lexical diversity, lexical density, lexical coverage, sentence length, the number of passive sentences. The complete statistical datasets for each text and corpus are given in Tables 3 and 4. In order to simplify the description, the mean value of each parameter was calculated and then used for comparison and interpretation. Table 5 summarizes mean values of readability parameters of BrC and RuC.

Our findings in both corpora demonstrate similar values of *lexical density*. This value is directly associated with the amount of information conveyed by the text: ‘a text with a high proportion of content words contains more information than a text with a high proportion of function words (prepositions, interjections, pronouns, conjunctions and count words)’ [Johansson, 2008, p. 65]. The slightly higher lexical density in RuC can be attributed to the morphological properties of the Russian language system rather than to the amount of information its texts deliver.

The difference in *lexical diversity* values is rather significant. Our data show that lexical diversity in RuC is 1.5 times higher than in BrC (0.52 and 0.33 respectively). This means that the Russian language of health promotion uses a more varied vocabulary to represent the health topic than English. Lexical diversity in Russian health promotion seems to be significantly higher than in the British one as RuC discusses 5 topics in 10 texts compared to 7 topics in 10 texts for BrC.

Table 3. British Text Corpus: readability assessment parameters

Text	Title	Total word count per text, <i>n</i>	Lexical density, %	Lexical diversity, %	Lexical coverage (frequency coefficient)	Sentence count, <i>n</i>	Word count per sentence, <i>n</i>	Passive predicate, <i>n</i>	Direct imperative and modal forms *
1	Health matters: harmful drinking and alcohol dependence	2136	0,65	0,30	K-3	92	23,22	14	7
2	Health matters: community-centred approaches for health and wellbeing	2374	0,66	0,30	K-3	85	21,41	16	6
3	Health matters: midlife approaches to reduce dementia risk	2344	0,65	0,29	K-5	92	25,47	16	10
4	Health matters: reducing health inequalities in mental illness	5325	0,65	0,20	K-3	180	29,28	26	11
5	Health matters: obesity and the food environment	3454	0,65	0,28	K-4	111	30,85	15	16
6	Health matters: getting every adult active every day	3458	0,65	0,68	K-3	119	28,24	25	6
7	Health matters: physical activity – prevention and management of long-term conditions	6085	0,67	0,19	K-3	178	33,64	27	19
8	Health matters: tobacco and alcohol CQUIN	1738	0,65	0,31	K-3	65	26,32	22	14
9	Health matters: rough sleeping	4157	0,63	0,23	K-3	143	28,97	22	3
10	Health matters: smoking and quitting in England	1567	0,65	0,35	K-3	73	21,22	7	0

Note. * – this parameter refers to the language of advice and recommendation.

Table 4. Russian Text Corpus: readability assessment parameters

Text	Title	Total word count per text, <i>n</i>	Lexical density, %	Lexical diversity, %	Flesch-Kincaid grade index mod. (FKG – SIS)	Sentence count, <i>n</i>	Word count per sentence, <i>n</i>	Passive predicate, <i>n</i>	Direct imperative and modal forms *
1	Алкоголь: мифы и реальность (в виде беседы: вопрос-ответ)	864	0,78	0,56	8,15	58	14,9	15	2
2	Понизить градус до нуля: как избавиться от алкогольной зависимости	977	0,78	0,52	6,63	70	13,96	26	34
3	Как курение влияет на организм и не только	941	0,79	0,48	9,65	61	15,43	24	5
4	Бросить – нельзя курить: ты сильнее своей привычки	1449	0,76	0,46	6,16	118	12,28	32	17
5	Здоровое питание: основные правила	1902	0,82	0,37	9,53	121	15,72	42	44
6	Питание для долголетия: продукты, которые могут продлить жизнь	369	0,84	0,61	9,36	30	12,3	11	4
7	Физическая активность для любого возраста	1222	0,77	0,42	9,19	61	20,03	17	18
8	Физическая активность: с чего начать?	658	0,78	0,54	8,94	45	14,62	13	12
9	Особенности физической активности при избыточном весе и ожирении	581	0,77	0,54	11,3	27	21,52	4	12
10	Как сохранить психическое здоровье?	427	0,80	0,65	8,14	37	11,54	5	8

Note. * – the parameter refers to the language of advice and recommendation.

Table 5. Readability parameters of the British and Russian health promotion texts: mean values

Corpus	Lexical density	Lexical diversity	Lexical coverage (K) / Readability (SIS)	Total sentence count, <i>n</i>	Passive	
					Mean per corpus, <i>n</i>	per corpus, %
British	0.65	0.33	K-3	103.8	19	18.2
Russian	0.78	0.52	SIS – 8.68	62.8	18,9	30

There might be several plausible explanations for this. One of the stylistic conventions of Russian writing is repetition avoidance, which usually leads to a variety of synonyms used to refer to one and the same object or action in the text. For instance, in the English text the collocation ‘*physical activity*’ is used 4 times per a 119-word paragraph, while in a 129-word Russian paragraph the collocation ‘*физическая активность (physical activity)*’ is used 2 times along with the synonymic use of ‘*спорт (sport)*’ – 2 times and ‘*физическая нагрузка (physical workload)*’ – 1 time.

Another reason for a higher lexical diversity of the Russian health promotion seems to lie in the traditional verbosity of the Russian writing style. By verbosity here we mean excessive use of abstract words, verbal nouns, formal clichés to create formal communication key, e.g. *регулирование количества потребления, контролирование питьевого режима, развитие дефицита витаминов группы В, обеспечивают укрепление и улучшение здоровья, регулярное включение овощей в рацион, играть важную роль в снижении факторов риска, трудно переоценить*, etc. The pleonastic use of the verbs *обеспечивать (provide)*, *способствовать (facilitate)*, *развивать (develop)* also adds to verbosity which is confirmed by this research data of lexical diversity value.

Lexical coverage and *readability* describe perspicuity and comprehension of the text. The mean value K-3 for BrC lexical coverage means that the text audience is expected to know 3000 words from the General Word List to adequately comprehend the text. As reported, an average adult native English speaker knows approximately 20000 words [Lexical facts, 2013]; “as a rule of thumb, one year of life equals 1000 word-families up to the age of 20” [Nation, 2006, p. 60]. This research’s lexical coverage results demonstrate that BrC texts must be highly comprehensive and understandable for the public.

The Flesch-Kincaid index, used for RuC readability assessment, ranks texts by the number of years of formal education covered by a potential text reader. The value of this index ranges from 1.0 (minimum readability) to 20.0 and above (approximately, PhD level). The mean value 8.68 shows very low complexity of the texts indicating their high readability. Such values mean that the text

is properly comprehensible for 8th – 9th grade schoolchildren [Ivanov, Solnyshkina, Solovyev, 2018], so the readability of RuC is high and the texts should cause no difficulty in perception by the public.

Passive sentence proportion values demonstrate another significant difference between English and Russian health promotion language. The average percentage of passive in BrC is 1.64 lower than in RuC (18.2% and 30% respectively). We suppose that frequent use of the passive in Russian is linked to the formality and objectivity of the writing style. The passive in Russian health promotion is used to create a credible, reliable and competent stance, e.g.

(1) Мы привыкли к тому, что алкоголь свободно **продается** на полках продуктовых магазинов. Ему **приписывается** масса чуть ли не полезных свойств (<https://www.takzdorovo.ru/privychki/alkogol/alkogol-mify-i-realnost/>);

(2) К примеру, в Германии и Дании **распространен** пивной алкоголизм, во Франции – винный (<https://www.takzdorovo.ru/privychki/alkogol/alkogol-mify-i-realnost/>);

(3) У человека, который страдает от алкоголизма, под ударом **оказываются** практически все органы и системы организма: сердце, сосуды, поджелудочная железа и даже кровь (<https://www.takzdorovo.ru/privychki/alkogol/ponizit-gradus-donulya-kak-izbavitsya-ot-alkogolnoy-zavisimosti/>);

(4) Физическая зависимость **проявляется** невротическими, психосоматическими и вегетативными нарушениями (<https://www.takzdorovo.ru/privychki/kurenie/kak-kurenie-vliyaet-na-organizm-i-ne-tolko/>);

(5) У курильщиков электронных сигарет **развивается** так называемая «попкорновая» пневмония (<https://www.takzdorovo.ru/privychki/kurenie/kak-kurenie-vliyaet-na-organizm-i-ne-tolko/>);

(6) Пассивные курильщики... **подвержены** онкологическим заболеваниям – раку легкого, мочевого пузыря, молочной железы и другим (<https://www.takzdorovo.ru/privychki/kurenie/kak-kurenie-vliyaet-na-organizm-i-ne-tolko/>);

(7) Всего **насчитывается** свыше 8 млн смертей от последствий употребления табака в год (<https://www.takzdorovo.ru/privychki/kurenie/brosit-nelzya-kurit-ty-silnee-svoey-privychki/>);

(8) Дефицит антиоксидантов особенно **выражен** у курильщиков... (<https://www.takzdorovo.ru/pitanie/zdorovoe-pitanie/zdorovoe-pitanie-osnovnye-pravila/>);

(9) Ряд полезных для здоровья свойств овощей и фруктов может **быть связан** с другими компонентами... (<https://www.takzdorovo.ru/pitanie/zdorovoe-pitanie/zdorovoe-pitanie-osnovnye-pravila/>).

In BrC the passive is conventionally used to highlight the action rather than the actor, e.g.

(10) Local councils and health and wellbeing boards **are involved** in planning (<https://www.gov.uk/government/publications/health-matters-harmful-drinking-and-alcohol-dependence/health-matters-harmful-drinking-and-alcohol-dependence>);

(11) The link between physical inactivity and obesity **is well established** (<https://www.gov.uk/government/publications/health-matters-getting-every-adult-active-every-day/health-matters-getting-every-adult-active-every-day>);

(12) This **is supported** by a new review from the Committee on Carcinogenicity (<https://www.gov.uk/government/publications/health-matters-harmful-drinking-and-alcohol-dependence/health-matters-harmful-drinking-and-alcohol-dependence>);

(13) Brief advice helping the person to consider the reasons for change should **be offered** where relevant (<https://www.gov.uk/government/publications/health-matters-harmful-drinking-and-alcohol-dependence/health-matters-harmful-drinking-and-alcohol-dependence>).

However, this research demonstrates that Russian health promotion literature tends to employ more passive structures than English literature. At the same time, English texts often use active patterns to convey similar messages in similar contexts. This can be explained by a greater variety of passive options in Russian language: passivity in Russian can be expressed both morphologically and syntactically [Korytko, 2010]. As revealed by this study, morphological options comprise forms of reflexive verbs and passive participles (*применялись, явилось, показано, выявлены*), while syntactical means include verb constructions in the passive voice (*были обнаружены, был подсчитан* etc.)

3. The language of advice and other rhetoric strategies in health promotion

The ultimate aim of health promotion is to encourage positive changes in the audience behavior, i.e. smoking cessation, reduction in alcohol consumption, weight control etc. With regard to this, our research has explored the language of advice and recommendation, which is common for promoting healthy behavior in both British and Russian cultures. Additionally, the distinctive

feature of digital media is the use of various multimodal techniques, which combine traditional language means with audio and video channels of communication, the use of visual (graphic) formats of data presentation, e.g. infographics, which contribute to health promotion.

This part presents preliminary results on the language of advice, general observations on vocabulary and rhetoric differences, and the use of infographics. The vocabulary register peculiarities and rhetoric differences recorded in both corpora are based on descriptive interpretation of the research material.

The statistical analysis of the language of advice was based on calculation of imperative patterns (*do it*) and vocabulary with the meaning of advice / recommendation including verbs, modal verbs and nouns. The complete statistical datasets for each text and corpus are given in Tables 3 and 4. The total number of infographic items was calculated for each corpus. Table 6 demonstrates the findings presented in the total word and item count for corpus and mean values per text.

The comparison of the average data on the language of advice and recommendation shows that RuC uses the language of advice / recommendation more frequently than BrC. The contextual analysis of direct imperative patterns shows that the core grammar structure for strong advice (*do it*) is widely spread in the corpus, e.g.:

Пересмотрите свой круг общения.
Найдите тех, кто вас поддержит.
Употребляйте разнообразные продукты.
Ограничьте потребление сахаров.
Откажитесь от алкоголя.

Для бесплатного получения медпомощи при алкогольной зависимости обратитесь в государственный наркологический диспансер.

The direct and categorical language form is most likely to be determined by the author / source competence and the message benefit for the audience, thus the use of imperative here is conventional and typical for the Russian health discourse.

Direct imperative patterns are also recorded in BrC, although their communicative function differs from strong advice. The contextual analysis suggests that in BrC direct imperatives are mainly used as instructions, e.g.:

Table 6. The language of advice / recommendation and infographics: mean values

Corpus	Advice / recommendation (word count)			Infographics (item count)	
	total per corpus, <i>n</i>	mean, <i>n</i>	mean, %	total per corpus, <i>n</i>	mean, <i>n</i>
British	92	9.2	18,2	98	9.8
Russian	156	15.6	24,8	2	0.2

Download a complete set of references for this document.

Please visit the Campaign Resource Centre for more detailed information.

Read the Health matters edition on physical activity for more advice on embedding physical activity into everyday life.

These instructions accompanied by hyperlinks tend to refer the audience to advice rather than provide advice directly.

We also recorded imperative instructions addressed to healthcare professionals, which mainly describe measures to improve health promotion in local communities, e.g.:

Develop a whole-system approach.

Measure health and social outcomes that people say matter.

Work with members of the community in identifying and developing the skills... that contribute to health.

Our contextual search of the BrC revealed only four cases of strong advice communicated by direct imperatives, e.g. *Love your heart, stay sharp, keep connected; Reduce the risk of dementia* and all of them were recorded in infographics (see Figure).

The language markers of *recommendation* were found in both corpora. BrC demonstrates the domineering use of *should*, the use of *can* is limited. RuC shows a range of modal adverbials, i.e. *можно, нужно, необходимо, важно, желательно, стоит, может быть* and word forms of *recommend*, i.e. *рекомендуем(-ем, -етя), рекомендовано, рекомендация(-и)*. Below are most common examples illustrating the language of recommendation (see Table 7).

RuC uses a wider range of language forms to express recommendation, most of which are explicit and addressed to the general public. The language of health recommendation in BrC is mostly limited to *should* and addressed more to healthcare professionals in local communities and NHS services than to the general public.

The type of audience determines other *rhetorical differences* that were observed in BrC and RuC of health promotion. English texts use mostly neutral vocabulary and a large amount of statistical data to support health promotion, e.g. *the costs of ill health, the scale of the problem, the risks factors, the healthy behavior steps to be taken*. The choice of such rhetoric strategies suggests the focus on rational reasoning and argumentation addressed to a professional audience. The frequent references (hyperlinks) to official health policy documents, guidelines and resources present additional evidence of the professional target audience communicating health issues further to the general public:

(14) An **e-learning training resource** on the dementia component is available for those who deliver the health checks (<https://www.gov.uk/government/publications/health-matters-midlife-approaches-to-reduce-dementia-risk/health-matters-midlife-approaches-to-reduce-dementia-risk>);

(15) The **Local Government Association guide for combating loneliness** recommends that councils should consider addressing this... (<https://www.gov.uk/government/publications/health-matters-midlife-approaches-to-reduce-dementia-risk/health-matters-midlife-approaches-to-reduce-dementia-risk>);

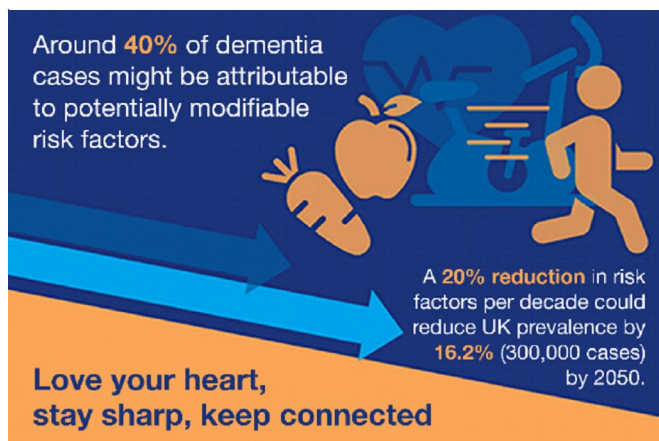
(16) The **Tobacco Control Plan** for England recognises the need for urgent action... (<https://www.gov.uk/government/publications/health-matters-reducing-health-inequalities-in-mental-illness/health-matters-reducing-health-inequalities-in-mental-illness>).

The Russian texts, on the contrary, commonly employ emotionally marked vocabulary, especially to communicate negative messages, e.g. to unmask the idea of ‘harmless alcohol consumption’ by the words *lie, poison, complete nonsense*:

...**Ложь** начинается с определения, что такое алкоголь,

наука говорит нам правду: алкоголь – наркотик и яд,

Что же касается утверждения о снятии алко-голем напряжения, то это **полный вздор**.

Reducing the risk of dementia

Table 7. The language of recommendation: typical usage examples

British Corpus	Russian Corpus	
	Modal words	Recommend word family
Men and women should limit their intake	нужно активно двигаться не менее 60 минут ежедневно	ВОЗ рекомендует
Each week, adults should accumulate at least 150 minutes of moderate intensity activity	Важно найти достойную замену курению желательно выбирать сорта с низким содержанием жиров	Мы рекомендуем выбрать низкую или умеренную нагрузку
Treatment services should offer information and support to carers and family members	Грудное вскармливание может быть продолжено до 2-х лет	Если же не получается справиться самому, рекомендуем обратиться к психотерапевту
To achieve this, the following are among the measures that should be considered	необходимо учитывать общее состояние здоровья в настоящий момент	Спортом рекомендуют заниматься в любом возрасте
These protective factors can help buffer against risk factors	можно сходить на встречу анонимных алкоголиков в вашем городе	Рекомендуется использовать йодированную соль
Some will benefit from a brief intervention consisting of a short alcohol health risk check in a range of health and social care settings	все пациенты с ожирением обязательно должны выполнять минимальные рекомендации по физической активности	При ожирении не рекомендуется интенсивная нагрузка
The guideline recommends reducing the risk... by helping people to improve their diet	стоит уделять время упражнениям на равновесие	

A frequent rhetoric strategy to address the general audience employed by RuC is ‘myth busters’ text organization in which health issues are communicated as arguments against widespread ethnocultural misconceptions, like ‘e-cigarettes are harmless’ or ‘alcohol releases radionuclide substances’ (see Table 2, “Russian corpus texts”, text 1 “Алкоголь: мифы и реальность”). We suggest that the choice of emotionally marked vocabulary, colloquialisms and ‘myth busters’ rhetoric reveal emotional reasoning in RuC of health promotion, which may

have a higher communicative impact on the general audience.

The distinctive feature of British health promotion is a wide use of *infographics* with the average number of 9 items per text in the corpus. For instance, text 7 *Physical activity – prevention and management of long-term conditions* with the highest word count of 6087 containing 13 infographics; text 10 *Smoking and quitting in England* with the lowest word count of 1567 containing 11 items (see Table 4).

As a creolized text combining verbal and graphical images, health infographics provide clear presentation of facts and statistics (informative function), and easier comprehension of arguments (persuasion function). It summarizes key messages (text compression function) and has a high impacting potential. We may suggest that the British health promotion relies heavily on infographics, which has the potential for being communicatively effective.

The use of infographics in RuC, on the contrary, is sparse, which might be explained by reliance on other rhetoric strategies, by underestimation of infographic persuasive power or, in most probability, by the research material limitations.

Conclusion

The comparative analysis of the content, readability and rhetorical features of the British and Russian digital media (*Health matters* UK and *Takzdorovo* RUS) has indicated certain specifics of health promotions in both cultures.

British and Russian texts raise universal health messages of *physical activity, healthy eating and weight control, tobacco smoking, alcohol dependence, mental health*. The main differences concern in- and cross-corpus distribution and message presentation approach. Mental health proportional distribution in BrC is considerably higher than in RuC, which might be interpreted by a deeper concern for mental health and more attention to ageing population illnesses in the UK compared to Russia. The topic presentation approach in BrC can be defined as balanced: all topics are developed in a standard frame, which proves the health issue overview, social and financial challenges, the risk factors of unhealthy patterns and benefits of healthy behaviors. The topic presentation approach in RuC largely depends on the topic: physical activity is developed in a 'positive' way, stressing the benefits, while tobacco smoking and alcohol dependence are represented in a 'negative' way with the focus of the risks of unhealthy behavior.

The readability of British and Russian texts is almost equally high which suggests that the authors in both cultures make efforts to enhance the perception of health promotion messages by avoiding sophisticated terminology or complex syntax. Even

though RuC has higher rates in lexical density, lexical variety and passive forms in comparison to BrC, they probably do not prevent health messages' comprehension by the target audience.

The results of advice and recommendation analysis in the British and Russian health promotion corpora reveal certain ethnocultural implications.

The language of strong advice conveyed by positive imperative forms is commonly employed by Russian health promotion. Although pragmatically categorical and direct, *do it* imperative seems to be an effective language tool that is comprehensible to the audience and typical for Russian colloquial communication. The suggestive and incentive modality forms used to communicate recommendation are numerous. Their variety is consistent with the high lexical diversity of the Russian health promotion. Emotional reasoning, colloquial vocabulary and 'down-to-earth' rhetoric seem to be intentionally applied to enhance health promotion.

The language of advice and recommendation employed in BrC is less direct and more objectivized. The communication is shaped in a partnering rather than domineering style. Addressed to the general public and healthcare professionals, the language of health promotion relies on rational reasoning and visual attractiveness to enhance health promotion in the UK.

The comparative analysis of health promotion in official UK and Russian digital media allows a discussion of ethnocultural implications underlying the language differences to be continued in further studies.

REFERENCES

- Ashcroft R., 2015. Health Promotion and Primary Health Care: Examining the Discourse. *Social Work in Public Health*, vol. 30, iss. 2, pp. 107-116. DOI: 10.1080/19371918.2014.938395
- Banasiak K., Cleary D., Bajurny V., Barbieri P., Nagpal S., Sorensen M., Tabiou N., Witteman H., Senior P., 2020. Language Matters – A Diabetes Canada Consensus Statement. *Can J Diabetes*, vol. 44, iss. 5, pp. 370-373. DOI: 10.1016/j.cjcd.2020.05.008
- Batia L., 1989. What Percentage of Text Lexis is Necessary for Comprehension? Lauren Ch., Nordman M., eds. *Special Language: From Humans Thinking to Thinking Machines*. Multilingual Matters, pp. 316-323.

- Boylan S., Louie J.C.Y., Gill T.P., 2012. Consumer Response to Healthy Eating, Physical Activity and Weight-Related Recommendations: A Systematic Review. *Obesity Reviews*, vol. 13, iss. 7, pp. 606-617. DOI: 10.1111/j.1467-789X.2012.00989.x
- Brooks B.A., 2001. Using the Internet for Patient Education. *Orthopaedic Nursing*, vol. 20, iss. 5, pp. 69-77. DOI: 10.1097/00006416-200109000-00011
- Buckton Ch.H., Lean M.E.J., Combet E., 2015. 'Language is the Source of Misunderstandings' – Impact of Terminology on Public Perceptions of Health Promotion Messages. *BMC Public Health*, vol. 15, no. 579. DOI: 10.1186/s12889-015-1884-1
- Cobb T. *Range for Texts v. 3 (Computer Program)*. URL: <https://www.lexutor.ca/cgi-bin/range/texts/index.pl>
- Combating Loneliness: A Guide for Local Authorities*, 2016. S.I., Local Government Association. 36 p.
- Cooper A., Kanumilli N., Hill J., Holtet R.I.G., Howarth D., Lloyd C.E., Kar P., Nagi D., Naik S., Nash J., Nelson H., Owen K., Swindell B., Walker R., Whicher C., Wilmot E., 2018. Language Matters. Addressing the Use of Language in the Care of People with Diabetes: Position Statement of the English Advisory Group. *Diabetic Medicine*, vol. 35, iss. 12, pp. 1630-1634. DOI: <https://doi.org/10.1111/dme.13705>
- Dickinson J.K., Guzman S.J., Maryniuk M.D., O'Brian C.A., Kadohiro J.K., Jackson R.A., D'Hondt N., Montgomery B., Close K.L., Funnell M.M., 2017. The Use of Language in Diabetes Care and Education. *Diabetes Care*, vol. 40, iss. 12, pp. 1790-1799. DOI: <https://doi.org/10.2337/dci17-0041>
- Dolgova E.P., Plisov E.V., 2021. *Diskurs zdorovogo obraza zhizni: konstruirovaniye smyslov obraznyimi sredstvami (na materiale nemetskogo yazyka)* [Discourse of the Healthy Lifestyle: Creation of Implications by Tropical Means (In German Language)]. Nizhny Novgorod, Nizhegor. gos. ped. un-t im. Koz'my Minina Publ. 162 p.
- Enkova V.V., Stebletsova A.O., 2016. Medical Discourse in Media: Breast Cancer Prevention Campaign. *Molodezhnyi innovatsionnyi vestnik*, vol. 5, no. 1, pp. 584-587.
- Fry D., 2020. Language and Framing as Determinants of the Predominance of Behavioural Health Promotion: An Australian View. *Health Promotion International*, vol. 35, iss. 3, pp. 624-631. DOI: 10.1093/heapro/daz039
- Girko V.A., Stebletsova A.O., 2019. Diskursivnye aspekty meditsinskoy profilaktiki: obzor sovremennykh kommunikativnykh strategiy [Discursive Aspects of Medical Prevention: A Review of Modern Communication Strategies]. *Prikladnye informacionnye aspekty mediciny* [Applied Information Aspects of Medicine], vol. 22, no. 4, pp. 90-101.
- Girko V.A., Stebletsova A.O., 2021. Diskurs meditsinskoy profilaktiki v sovremennom mediaprostranstve (na materiale tekstov Natsional'noy sluzhby zdravookhraneniya Velikobritanii) [Health Promotion Discourse in Modern Media (Based on the Texts of the National Health Service, United Kingdom)]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"], vol. 21, no. 6, pp. 44-52. DOI: 10.37482/2687-1505-V141
- Havelock P.B., Schofield T., Tapsfield J., 1994. Health Promotion in Primary Care: The British perspective. *Am J Prev Med*, vol. 10, no. 3 (Suppl), pp. 33-35.
- Health Promotion Glossary*, 1998. Geneva, World Health Organization. 36 p.
- Health promotion. World Health Organization*. URL: <https://www.who.int/teams/health-promotion/enhanced-wellbeing/first-global-conference/actions>
- Ivanov V., Solnyshkina M., Solovyev V., 2018. Assessment of Reading Difficulty Levels in Russian Academic Texts: Approaches and Metrics. *Journal of Intelligent and Fuzzy Systems*, vol. 34, no. 5, pp. 3049-3058. DOI: 10.3233/JIFS-169489
- Johansson V., 2008. Lexical Diversity and Lexical Density in Speech and Writing: A Developmental Perspective. *Working Papers*, vol. 53, pp. 61-79.
- Kamkin E.G., Karakulina E.V., Bakulin P.S. et al., 2022. *Metodicheskiye rekomendatsii «Organizatsiya zapisi na priem k vrachu, v tom chisle cherez edinyi portal gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug i edinye regional'nye koll-centry»* [Methodological Recommendations "Organization of an Appointment with a Doctor, Including Those Through a Single Portal of State and Municipal Services and Unified Regional Call Centers"]. S.I., s.n. DOI: 10.21045/978-5-94116-083-9-2022-1-55
- Korytko I.V., 2010. Kategoriya zaloga i sredstva vyrazheniya passivnosti v russkom i angliyskom yazykakh (na materiale proizvedeniy A.P. Chekhova) [The Category of Voice and Means of Expressing Passivity in the Russian and English Languages as Illustrated in the Works of Anton Chekhov)]. *Vestnik Bryanskogo*

- gosudarstvennogo universiteta [The Bryansk State University Herald], no. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-zaloga-i-sredstva-vyrazheniya-passivnosti-v-russkom-i-angliyskom-yazykah-na-materiale-proizvedeniya-p-chehova>
- Kreps G.L., Neuhauser L., 2010. New Directions in eHealth Communication: Opportunities and Challenges. *Patient Education Counseling*, vol. 78, iss. 3, pp. 329-336. DOI: 10.1016/j.pec.2010.01.013
- Kubheka B.Z., Carter V., Mwaura J., 2020. Social Media Health Promotion in South Africa: Opportunities and Challenges. *African Journal Primary Health Care and Family Medicine*, vol. 12, no. 1, pp. e1-e7. DOI: 10.4102/phcfm.v12i1.2389
- Language Matters: Language and Diabetes. Diabetes Guidance*, 2018. NHS England Gateway Number: 07922 UK. 12 p.
- Levinson W., Lesser C.S., Epstein R.M., 2010. Developing Physician Communication Skills for Patient-Centered Care. *Health Affairs (Millwood)*, vol. 29, no. 7, pp. 1310-1318. DOI: 10.1377/hlthaff.2009.0450
- Lexical Facts, 2013. *The Economist*. May 29, 2013. URL: <https://www.economist.com/johnson/2013/05/29/lexical-facts>
- Lilienfeld S.O., Sauvigné K.C., Lynn S.J., Cautin R.L., Latsman R.D., Waldman I.D., 2015. Fifty Psychological and Psychiatric Terms to Avoid: A List of Inaccurate, Misleading, Misused, Ambiguous, and Logically Confused Words and Phrases. *Frontiers in Psychology*, vol. 6. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.01100
- Liu X., Mikels J.A., Stine-Morrow E.A.L., 2021. The Psycholinguistic and Affective Processing of Framed Health Messages Among Younger and Older Adults. *Journal of Experimental Psychology: Applied*, vol. 27, no. 2, pp. 201-212. DOI: 10.1037/xap0000285
- Lupton D., 2015. Health Promotion in the Digital Era: A Critical Commentary. *Health Promotion International*, vol. 30, iss. 1, pp. 174-183. DOI: 10.1093/heapro/dau091
- Maijala V., Tossavainen K., Turunen H., 2015. Health Promotion Practices Delivered by Primary Health Care Nurses: Elements for Success in Finland. *Applied Nursing Research*, no. 30, pp. 45-51. DOI: 10.1016/j.apnr.2015.11.002
- Mikels J.A., Shuster M.M., Thai S.T., Smith-Ray R., Waugh Ch.E., Roth K., Keilly A., Stine-Morrow E.A.L., 2016. Messages that Matter: Age Differences in Affective Responses to Framed Health Messages. *Psychol Aging*, vol. 31, no. 4, pp. 409-14. DOI: 10.1037/pag0000040
- Nation I.S.P., 2006. How Large a Vocabulary is Needed for Reading and Listening? *Canadian Modern Language Review*, vol. 63, iss. 1, pp. 59-82. DOI: <https://doi.org/10.3138/cmlr.63.1.59>
- National Institutes of Health. Choice Words and Word Choices*, 2016. URL: <https://www.nih.gov/about-nih/what-we-do/science-health-public-trust/perspectives/choice-words-word-choices>
- Robinson M., Smith J.A., 2023. The Lazy Language of 'Lifestyles'. *Health Promotion Journal of Australia*, vol. 34, iss. 1, pp. 3-5. DOI: 10.1002/hpja.677
- Shamne N.L., Shishkina E.V., 2017. Nauchno-populyarnye meditsinskiye internet-izdaniya na nemetskom yazyke: strukturnyy i funktsional'nyy aspekty [German Popular Scientific Medical Online Media: Structural and Functional Aspects]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 2, pp. 143-151. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.15>
- Shamne N.L., Shishkina E.V., 2018. Osobennosti leksicheskogo sostava meditsinskogo nauchno-populyarnogo diskursa (na materiale nemetskoyazychnykh internet-izdaniy) [The Vocabulary of Science-Popular Medical Discourse (As Exemplified in German Online Media)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 17, no. 4, pp. 170-179. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.16>
- Shamshurin D.A., 2018. Tsifrovye media kak faktor kul'turnoy globalizatsii [Digital Media as Cultural Globalization Factor]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal], no. 6-2 (72), pp. 70-75. DOI: 10.23670/IRJ.2018.72.6.036
- Srivastava S.B., 2019. Language: A Powerful Tool in Promoting Healthy Behaviors. *American Journal of Lifestyle Medicine*, vol. 13, iss. 4, pp. 359-361. DOI: 10.1177/1559827619839995
- Stebletsova A.O., Karpova A.V., Dorokhov E.V., 2017. Communication Strategies for Developing Health Awareness in Preventive Medicine. *The EPMA Journal*, vol. 8, no. S1, p. 24.
- Stebletsova A.O., Sternin I.A., 2019. Interdiskursivnost' mediatekstov meditsinskoy profilaktiki [Interdiscourse of Media Texts on Preventive Medicine]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], vol. 6, no. 3, pp. 794-809. DOI: 10.25513/2413-6182.2019.6(3).794-809

- Stepanova E.S., 2019. Lingvokognitivnye osobennosti nauchno-populyarnogo meditsinskogo diskursa [Linguocognitive Peculiarities of the Scientific and Popular Medical Discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], no. 4 (201), pp. 95-101. DOI: <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2019-4-95-101>
- Torubarova I.I., Stebletsova A.O., 2022. *Nauchnyy meditsinskiy tekst v akademicheskoy diskurse* [Scientific Medical Text in Academic Discourse]. Voronezh, Nauch. kn. Publ. 180 p.
- Ugwuegede C.M., Eze N.E., Okoli S.N., 2021. Health Communication Strategies for Health Promotion: A Review. *International Academic Journal of Medical and Clinical Practice*, vol. 6, no. 4, pp. 26-35. URL: <https://www.cirdjournal.com/index.php/iajmcp/article/view/608>
- Van't Riet J., Ruiters R.A., Werrij M.Q., De Vries H., 2010. Self-Efficacy Moderates Message-Framing Effects: The Case of Skin-Cancer Detection. *Psychology & Health*, vol. 25, iss. 3, pp. 339-349. DOI: <https://doi.org/10.1080/08870440802530798>
- Vermeir P., Vandijck D., Degroote S., Peleman R., Verhaeghe R., Mortier E., Hallaert G., van Daele S., Buylaert, Vogelaers D., 2015. Communication in Healthcare: A Narrative Review of the Literature and Practical Recommendations. *International Journal of Clinical Practice*, no. 69, iss. 11, pp. 1257-1267. DOI: <https://doi.org/10.1111/ijcp.12686>

Information About the Authors

Anna O. Stebletsova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, N.N. Burdenko Voronezh State Medical University, Studencheskaya St, 10, 394036 Voronezh, Russia, annasteb1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4682-4887>

Irina I. Torubarova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages, N.N. Burdenko Voronezh State Medical University, Studencheskaya St, 10, 394036 Voronezh, Russia, torubarova69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6712-1865>

Tanya Linaker, Master of Arts, Senior Fellow, Higher Education Academy, Team Leader for Slavic and Middle Eastern Languages, King's Language Centre, School of Professional and Continuing Education, King's College London, The Strand, WC2R 2LS London, United Kingdom, tanya.linaker@kcl.ac.uk, <https://orcid.org/0009-0006-2139-1508>

Информация об авторах

Анна Олеговна Стеблецова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков, Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко, ул. Студенческая, 10, 394036 г. Воронеж, Россия, annasteb1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4682-4887>

Ирина Ивановна Торубарова, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко, ул. Студенческая, 10, 394036 г. Воронеж, Россия, torubarova69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6712-1865>

Таня Линакер, магистр искусств, старший научный сотрудник Академии высшего образования Великобритании, заведующая секцией славянских и ближневосточных языков, Королевский языковой центр, Школа профессионального непрерывного образования, Королевский колледж Лондона, Стрэнд, WC2R 2LS г. Лондон, Соединенное Королевство, tanya.linaker@kcl.ac.uk, <https://orcid.org/0009-0006-2139-1508>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.6>

UDC 81'42:070
LBC 81.055.51.5

Submitted: 09.03.2023
Accepted: 05.06.2023

TYPOGRAPHIC LANDSCAPE: PRAGMATICS OF TYPOGRAPHIC VARIATION¹

Valeria E. Chernyavskaya

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia;
Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Abstract. The present paper suggests a linguistic approach to typography which is understood as a variable communicative resource. Typography acts as one of the semiotic tools for meaning making. A person actively chooses semiotic resources that are adequate in the socio-cultural situation, interprets the meanings and coordinates their communicative competence with socio-cultural norms and traditions of communication. The methodological framework of the study is based on modern explanatory approaches to the pragmatics of meaning that have been developed in media linguistics, discourse linguistics, and is in line with a new sociolinguistic strand typographic linguistics. The typographic variations are involved in the shaping of a semiotic, typographic landscape and generate typographic meanings as a special kind of pragmatic meaning. The typographic meaning is of an indexical nature and can be studied within the framework of social indexicality in line with current approaches in sociolinguistics and metapragmatics to communicative variation. From this point of view, the issue is related to media competence and media literacy as a person's ability to recognize and consciously apply various communicative forms and channels to express meanings in an appropriate situation. The analysis is exemplified by means of modern Russian advertising messages, street signs, announcements. Typographic meaning is created and recognized in the communicative interaction of social actors.

Key words: typographic landscape, typographic variation, typographic meaning, multimodality, indexicality.

Citation. Chernyavskaya V.E. Typographic Landscape: Pragmatics of Typographic Variation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 5, pp. 89-100. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.6>

УДК 81'42:070
ББК 81.055.51.5

Дата поступления статьи: 09.03.2023
Дата принятия статьи: 05.06.2023

ТИПОГРАФИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ И ПРАГМАТИКА ТИПОГРАФИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ¹

Валерия Евгеньевна Чернявская

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия;
Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград, Россия

Аннотация. В статье рассматривается типографика как проявление коммуникативной вариативности семиотических ресурсов, распознаваемая коммуникантами в процессе взаимодействия при выражении значений. Методологически анализ учитывает современные объяснительные подходы к прагматике смысловыражения, сложившиеся в медиалингвистике, лингвистике дискурса, а также в новой дисциплинарной области – типографической лингвистике. Вариативность типографики участвует в создании семиотического, типографического ландшафтов и порождает типографическое значение как особую разновидность прагматического значения. Исследованы тексты рекламных сообщений, вывесок, объявлений в современном российском социокультурном контексте. Результаты анализа показали, что типографическое значение имеет индексальную природу, может изучаться как проявление социальной индексальности в соответствии с разработками в социолингвистике и метапрагматике. Типографическое значение создается и распознается в коммуникативном взаимодействии социальных акторов. Человек активно выбирает семиотические ресурсы, адекватные социокультурной ситуации, интерпретирует смыслы и координирует свою коммуникативную ком-

петенцию с социокультурными нормами и традициями общения. С этой точки зрения очевидна прикладная задача формирования медиакомпетентности и медиаграмотности как способности человека распознавать и осознанно применять в соответствующей ситуации различные типы коммуникативных форматов для выражения смыслов.

Ключевые слова: типографический ландшафт, типографическая вариативность, типографическое значение, мультимодальность, индексальность.

Цитирование. Чернявская В. Е. Типографический ландшафт и прагматика типографической вариативности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 5. – С. 89–100. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.6>

Введение

Медиалингвистика, как известно, нацелена на изучение возможностей различных коммуникативных каналов и форматов передачи сообщения для выражения смыслов. Собственно, значение медиального поворота (*medial turn*), отмеченного для языкознания и гуманитарного знания в целом с конца 1990-х гг., осмыслено как изучение оформленности смысла, привязанности смысловыражения к определенному формату. В предисловии к коллективной публикации 1997 г. Л. Егер и Э. Линц указали: «Понятие “медиальное” понимается таким образом, что оно, медиальное, начинает входить в коммуникативную практику не только с началом технологизации коммуникации, но уже на уровне прямой знаковой коммуникации. Таким образом, это понятие фокусирует все формы материального проявления знаков...»² [*Medialität...*, 2004, S. 10]. Это значит, что выражение и восприятие смыслов привязывается к определенному культурно-специфическому оформлению и должно изучаться в такой связке. Таким образом, понятия «медиа» и «медиальность» не сводятся только и именно к техническому носителю информации или же к технически опосредованной коммуникации. Современные разработки раздвинули границы того обзора, который определяет задачи медиалингвистики, и сформулировали новые исследовательские вопросы. Новыми привлекательными объектами стали типографическая лингвистика и типографическое значение (*typographic meaning*).

Термин «*типографическая лингвистика*» впервые использовал британский лингвист Д. Кристал для обозначения перспективы лингвистических исследований [Crystal, 1998]. По его мнению, лингвистика и лингвисты должны проявлять больший интерес к форме зна-

ка, чтобы понимать значение (*meaning*). И тот вопрос, на который лингвисты смогут в этом случае отвечать доказательно и всесторонне, таков: как типографические характеристики знака способны при определенных обстоятельствах обуславливать изменения в значении? [Crystal, 1998, p. 13]. Одновременно исследователь назвал те обстоятельства, которые препятствовали развитию типографической лингвистики в 1980–1990-е годы.

Логоцентризм лингвистики и лингвистов, до определенного времени признававших только приоритет слова («логос») для выражения и оформления смыслов в человеческой коммуникации, сформировал свою систему исследовательских координат. Иконический поворот и признание мультимодальной коммуникации как объекта лингвистики наряду с вербальными знаками изменило теоретические представления лингвистов. На современном этапе исследователи обращаются к человеческой коммуникации как принципиально мультимодальной среде, в которой слово взаимодействует со многими семиотическими кодами и ресурсами выражения смысла. Это положение, высказанное первоначально в исследованиях Г. Кресса, Т. ван Леувена [Kress, Van Leeuwen, 1996, p. 34; 2001; Kress, 2010], получило развитие и доказательно представлялось в дальнейшем. Типографика начинает рассматриваться как один из объектов лингвистики, подразумевая, что лингвистика изучает ресурсы, используемые человеком для выражения значений. Вариативность может проявляться и проявляется на разных уровнях коммуникации: в выборе фонетических вариантов произношения, лексической и грамматической синонимии, стилистических вариантов языковой формы в зависимости от социальных характеристик человека, ситуативных и дискурсивных характеристик ре-

чевого общения. Вариативность, разновидность на уровне типографической формы знака, предполагающая смысловое различие, является еще одним проявлением языкового варьирования.

В статье обсуждается типографика знака как особый модус коммуникации и формат смысловыражения, а именно оформленность текста средствами шрифта, шрифтовой гарнитуры и шрифтовой композиции. Шрифт в широком понимании – это форма письменного или печатного знака. Шрифт является графическим произведением и объектом авторского права. Типографика привлекает внимание искусствоведов, культурологов, графических дизайнеров. В искусстве появилось новое направление – леттеринг (от англ. *letter* буква), обращенное на выразительные возможности стиля начертания букв, их тиснения. Предлагаемый в рамках статьи анализ показывает, как типографика становится средством выражения смысла и воспринимается как типичное и характерное средство, порождающее социально значимые смыслы в контекстуализации. В этой связи исследовательский интерес вызывает возможная вариативность формы, которая способна обнаружить смысловые приращения в значении знака. Типографика и типографическая вариативность рассматриваются как объект лингвистики, расширяющей свой исследовательский обзор в современной дискурсивной и мультимодальной проекции.

Материал и методы

Теоретико-методологические основы анализа созданы разработками в области социальной семиотики, мультимодальной коммуникации, дискурсивного анализа, а также современными концепциями индексальности знака в социолингвистике, лингвистической антропологии. В качестве центральных понятий анализа выдвигаются «ландшафт», «типографический ландшафт».

Термин «ландшафт» (*landscape*) используется в социальной семиотике, социолингвистике, лингвистике дискурса для обозначения образа окружающей среды и способов ее символической репрезентации. *Ландшафт* обозначает дискурсивно сформированное про-

странство, то есть понятие *ландшафт* описывает сложную комбинацию семиотических ресурсов, создающую смыслы, которые воспринимаются и интерпретируются человеком в его социальном взаимодействии с другим(и). Это понятие востребовано в искусстве, культурологии при обращении к проблемам культурной памяти и идентичности. В нем сосредоточены исторические, политические и социальные процессы, порождающие разные грани нашего коллективного и личного опыта³. В качестве объектов изучения сложились *семиотический ландшафт* (*semiotic landscape*), *лингвистический ландшафт* (*linguistic landscape*), *визуальный ландшафт* (*visual landscape*), *медиа-ландшафт*, *типографический ландшафт* (*typographic landscape*) [Леонтович, 2019; Чернявская, 2021a; Backhaus, 2007; Daniels, Cosgrove, 1988; Järlehed, Jaworski, 2015; Gorter, 2013]. Типографический ландшафт рассматривается как часть более широкого понятия «семиотический ландшафт», введенного в 2010 г. в работе А. Яворского и К. Турлоу для обозначения пространства взаимодействия различных семиотических ресурсов [Semiotic Landscapes..., 2010].

Материал анализа: исследовались тексты, используемые в актуальном российском социокультурном контексте при создании рекламных сообщений, вывесок, объявлений.

Типографическое значение. Типографика означает оформление знака, текста средствами набора и шрифтовой композиции. Типографика предполагает однозначные правила использование шрифта, его размер, цвет, дизайн для верстки и оформления текста в зависимости от особенностей языка (детальный обзор см. в: [Stöckl, 2005; 2009; Spitzmüller, 2021]). Шрифт выразителен. Это знак, который человек использует для дифференциации смыслов. Шрифт всегда погружен в «свою» культуру и историю.

Ярким примером влияния визуальной составляющей текста на его понимание является звуковое стихотворение немецкого поэта-дадаиста Хьюго Балля «Караван» («Karawane»). Как известно, дадаизм отличался экспрессивным соединением различных элементов, перформансом, вызывающим особые ассоциации, уподобления, уникальные эмоциональные оценки. «Karawane» – яркий образец того, что

называют звукописью. Печатная версия этого произведения появилась в 1917 году. Текст складывался из стихотворных строчек, напечатанных различными видами типографского шрифта⁴.

KARAWANE
 jolifanto bambla ô falli bambla
 grossiga m'pfa habla horem
égiga goramen
 higo bloiko russula huju
 hollaka hollala
anlogo bung
blago bung
 blago bung
booso fataka
 u uu u
 schampa wulla wussa ólobo
 hej tatta gôrem
 eschige zunbada
wulubu ssubudu uluw ssubudu
 tumba ba- umf
 kusagauma
 ba - umf

В оригинале использованы следующие типы типографского шрифта: строки 1, 12, 14 – шрифт ар деко (Art Deco, Art Nouvo), строки 2, 5, 9, 16 – барочная антиква (Baroque Serif), строки 4, 10, 11, 15 – готический шрифт (gothic, black letters), строки 7, 17 – антиква курсив (serif italic), строки 3, 6, 13, 18 – антиква линейная (serif linear). Использование в тексте типов шрифта, характерных для исторического времени, является по сути лингвистическим сигналом, обращающим читателя к различным культурно-историческим эпохам. Это может рассматриваться как средство растворения пространственных и временных границ и, значит, как своего рода подсказка, показывающая путь интерпретации текста. Единственное семантически однозначное слово здесь – это сам заголовок «Karawane». В остальных случаях невозможно говорить об однозначном семантическом толковании слов, при этом Jolifanto, видимо, отсылает к Elefant (слон), Russula – к Rüssel (хобот). Из игры формы и звуков возникает образ путников и каравана, плывущего сквозь времена и эпохи, ниоткуда и в никуда, без резких очертаний, идущего медленной поступью слонов. В этой структуре видимый образ текста образует неразрывное единство со словесной тканью.

Принципиально значимо, что форма получает свой знаковый характер именно во взаимодействии человека с другим(и) и через включенность в ситуативный контекст.

Об этом писал Ю. Шпицмюллер, отмечая, что материальная выраженность знака становится предметом оценочного восприятия в социальной практике, порождается интеракционностью коммуникантов⁵ [Spitzmüller, 2015, p. 128]. Очень точные слова для этой мысли нашел Джек Лондон: «Тут дело не в том, как выглядит ландшафт, а в том, как мы его воспринимаем. Если бы нас не было, то ландшафт остался бы тот же, что и раньше, но потерял бы всякое значение для людей. Важно то, чем мы его наделяем»⁶.

Типографическое значение (typographic meaning) может рассматриваться как разновидность прагматического значения. Типографическое значение формируется, если возникает устойчивая связь типографической формы знака с контекстом его употребления, в котором она типична и ожидаема [Van Leeuwen, 2005; 2006]. О типографском значении возможно говорить как об индексальном значении. Социальные индексы являются предметом изучения в современной социолингвистике, лингвистической антропологии. Выдвижение понятия индексальности как аналитического инструмента для изучения контекстуальной обусловленности смысла стало новым шагом и значимым результатом социолингвистических разработок в американской и западноевропейских научных школах. Создается особая исследовательская перспектива на изучение имплицитных, латентных смыслов. Как известно, теоретический фундамент изучения индексальности языка был заложен Р. Якобсоном, который включил метаязыковую функцию и активного пользователя / наблюдателя в модель коммуникации. Новый импульс внутри американской антропологии эта идея получила благодаря работам Д. Хаймса и позже М. Сильверстина. Д. Хаймс создал основы того, что стало называться этнографией коммуникации и связываться с изучением широкого комплекса ситуативных, социальных, институциональных факторов, релевантных для объяснения значения высказывания. Внимание к контекстуализации стало альтернативой структурной лингвистике, которая была сосредоточена на означивании средствами языка, то есть на референциальном значении. Изучение прагматической функции языка привело к осознанию того, что

множество значений языковой формы возникает в результате индексальных отношений между языковым знаком и контекстом использования. Так, семиотическая модель знака, по Ч. Пирсу, разделяет три типа знаков. Иконические знаки возникают на основе сходства между означаемым и означающим (языковой формой), знаки-символы возникают через установление конвенциональной связи между языковой единицей и ее значением. Знаки-индексы порождаются через указание на свой референт, они создаются на основе смежности, ассоциаций между знаком и прагматическим контекстом⁷. Отправной точкой в современных дискуссиях об индексальной функции языкового знака следует считать идею американского антрополога и семиотика М. Сильверстина. Именно М. Сильверстин сфокусировал тезис о том, что осмысленность и критическое отношение пользователя к языковым ресурсам становится центральным фактором развития и функционирования языка. Он констатировал взаимную зависимость значения языковых знаков, ситуативного контекста их использования и культурно-специфических представлений и норм. Разработки М. Сильверстина стали точкой масштабного разворота к изучению индексальности, контекстуальной и интеракционной обусловленности речи (детальный обзор и библиография представлены в: [Молодыхенко, 2022; Молодыхенко, Чернявская, 2022; Чернявская, 2002; 2021б; Чичерина, Стрелкова, 2022]).

Индексальность обращена к имплицитным смыслам, которые мы не выражаем, но на которые указываем. Акцент на индексальности и введенное понятие социального индекса не создает противопоставления или альтернативы иным типам знака, но настраивает особую оптику в понимании того, как языковая форма, употребленная человеком в ситуации (в дискурсе) индексально связывается с характеристиками самого человека – его гендером, возрастом, профессиональным, социальным статусом, этнической идентичностью, и с характеристикой коммуникативного формата подразумевая здесь жанровую, текстовую, дискурсивную специфику.

Индексальность в связи с вариативностью графических форм уже становилось предметом анализа (см.: [Androusoopoulos, 2004; Blackletter..., 1998; Spitzmüller, 2015; Stöckl,

2005]). Показано, что типографика должна рассматриваться как выражающая культурную идентичность и маркирующая «свою территорию»⁸ [Järlehed, 2015, p. 166]. Так, Р. Сколлон и С. Сколлон показывают пример, как бренд «Coca-Cola» утрачивает свою узнаваемость и привлекательность при оформлении его визуальной части обычным шрифтом, а не характерным для «Coca-Cola» спенсерианским шрифтом (Spencerian script)⁹ [Scollon R., Scollon S., 2003]. Установлено, что восприятие готического шрифта находится в устойчивой контекстуальной связи с периодом немецкого национал-социализма. В текстах 1933–1945 гг. готическая фактура, разновидность готического шрифта, стала ключевой для националистической символики. Готическое начертание букв использовалось как выражение принадлежности к «немецкой расе». Если готический шрифт используется в Германии в современном контексте, он определенно воспринимается и оценивается немцами как маркер неонацистских практик, указывает Ю. Шпицмюллер [Spitzmüller, 2015, p. 135]. Обзор исследований индексальной связи шрифтов, характерных для советских газет «Правда» и «Известия», с социокультурными практиками и (само)идентификацией человека в советском социуме представлен также в другом исследовании [Чернявская, 2023]. Исследования подтверждают идею о том, что «знаки могут быть перенесены, “импортированы” из одного контекста (одной эпохи, социальной группы, культуры) в другой для того, чтобы обозначить идеи и ценности, связываемые с этим другим контекстом теми, кто осуществляет перенос»¹⁰ [Van Leeuwen, 2006, p. 141].

В следующем разделе представлены результаты анализа текстов, используемых в российском социокультурном пространстве при создании рекламных сообщений.

Результаты и обсуждение

Типографика действует как знаковая система, актуализирующая значения современности или исторической ретроспективности сообщения, принадлежности к определенному стилю или речевому жанру. Это отчетливо наблюдается внутри современного городского пространства. Полифония смыслов и культурно значимых «месседжей» поддерживается разнооб-

разием типографического ландшафта. Так, современные вывески, размещенные в историческом здании Дома Книги в Санкт-Петербурге на Невском проспекте, 28, оформлены шрифтом в стиле модерн, или ар-деко (рис. 1). Этот эффектный шрифт представлен латиницей и кириллицей и отсылает к периоду рубежа XIX–XX вв. и стилю модерн, в котором построено знаменитое здание, создающее доминанту архитектурного пространства города в этой части.

Типографика вызывает определенные эмоциональные оценки, сопричастность своему времени, и это показывает следующий пример. 9 августа 2022 г. в Санкт-Петербурге в Большом зале Филармонии исполнялась Седьмая (Ленинградская) симфония Дмитрия Шостаковича, впервые прозвучавшая в этот день в 1942 г. в блокадном Ленинграде. Исполнение Седьмой симфонии тогда стало символом стойкости и особого характера ленинградцев и несдавшегося города. Афиши, спустя 80 лет представлявшие концерт 2022 г. в современной обстановке, были напечатаны в узнаваемой советской шрифтовой гарнитуре (см. рис. 2). Как известно, с 1930 г. в Советском Союзе соблюдался стандарт на гартовые шрифты, который определил строгие рамки для допустимых гарнитур: гарнитура обыкновенная, учебная, академическая и др. [Кирсанов, 2007]. На протяжении многих лет закреплялась и воспроизводилась характерная советская графика и шрифтовая культура советского времени. Показа-

тельно, что на современной афише шрифт в сочетании с другими символами и приметами времени, а именно стилизованной фактурой и выцветшим тоном бумаги, формулировкой *начало концерта в 8 часов вечера*, передает эффект сопричастности к событию и коллективной памяти о знаковом событии в прошлом.

Аналогичная индексальная отсылка к советскому времени прочитывается в оформлении выставки «Образы счастья», организованной в феврале – апреле 2023 г. в музее Академии художеств¹¹ и представляющей живопись послевоенных десятилетий (см. рис. 3). Жизнь периода советской «оттепели», мирной повседневности и созидания вводится в современный дискурс с опорой на характерный шрифт, «советский леттеринг», как он называется у современных дизайнеров. Такой шрифт широко использовался в надписях на бытовой технике советских времен, в оформлении вывесок, афиш, плакатов, названий кинофильмов, книг. Следующий пример (см. рис. 4) показывает, как в рекламном объявлении современной столовой используется шрифтовое оформление, стилизованное под шрифт центральных газет Советского Союза «Известия» (см. рис. 5) и «Правда». Характерный шрифт советских газет использован для продвижения продукта и его оценочной характеристики: с опорой на советский шрифт транслируется установка о качестве, проверенности, надежных традициях производства продуктов в советском прошлом.

Рис. 1. Санкт-Петербург, Невский проспект, 28. Фото автора
Fig. 1. St. Petersburg, Nevsky Prospekt, 28. Photo by the author

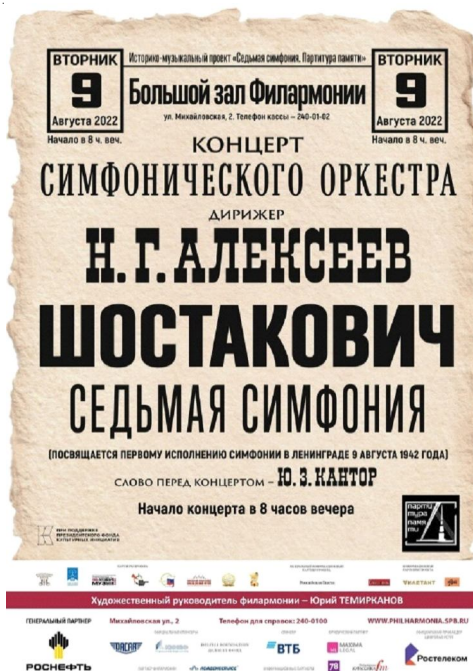

Рис. 2. Афиша концерта 9 августа 2022 г. в Большом зале Филармонии Санкт-Петербурга. Фото автора
Fig. 2. Poster for the concert on August 9, 2022 in the Great Hall of the St. Petersburg Philharmonic.
Photo by the author

Рис. 3. Вывеска «Образы счастья». Выставка в музее Академии художеств, Санкт-Петербург. Фото автора
Fig. 3. Sign “Images of Happiness”, exhibition at the Museum of the Academy of Arts, St. Petersburg.
Photo by the author

Рис. 4. Рекламное объявление в городской столовой. Санкт-Петербург. Фото автора
Fig. 4. Advertisement in the city canteen. St. Petersburg. Photo by the author

Рис. 5. Здание, в котором с 1927 по 2011 г. размещалась редакция газеты «Известия». Москва, ул. Тверская, 18. Фото автора

Fig. 5. The building housed the editorial office of the Izvestia newspaper from 1927 to 2011. Moscow, str. Tverskaya, 18. Photo by the author

Особый тип шрифта, получивший распространение в цифровую эпоху, – шрифт от руки. Это стилизация под рукописный текст, написанный ручкой, карандашом или пером. Рукописный шрифт вызывает определенную эмоциональную реакцию: написанное от руки само по себе воспринимается как спонтанная, непосредственная реакция в бытовой среде, написанная быстро карандашом заметка, памятка. Одновременно рукописный шрифт уместен, воспринимается естественно в сложной обстановке, когда человек ограничен в средствах. Поэтому имитация рукописного шрифта имеет очевидную функцию выдвижения отдельных фрагментов структуры текста, привлечения к ним дополнительного внимания. Этот эффект создает текст социальной рекламы Санкт-Петербургской общественной благотворительной организации «Ночлежка». Организация оказывает помощь бездомным людям. В рамках одной из акций на улицах Санкт-Петербурга были размещены постеры «Планировка бездомного» (см. рис. 6). На плакатах изображены узнаваемые и типичные для города дворы-«колодцы». Такие дворы, находящиеся в несколько рядов за фасадной парадной частью домов и имеющие выход через подворотни, распространены в Петербурге со времен исторической застройки. Дворы-«колодцы» связываются с мрачной эстетикой города. На плакате в социальной рекламе изображена перспектива, вид снизу вверх

из двора-«колодца», очертания которого напоминают планировки квартир. Вербальная часть текста выполнена шрифтом от руки: *Планировка, в которой страшно жить*. На сайте благотворительной организации «Ночлежка» указывается, что все рекламные места для плакатов были предоставлены бесплатно рекламными операторами¹².

Заключение

Типографика – это знак, который человек использует в коммуникативном взаимодействии. Типографику можно и нужно рассматривать не как вторичный, периферийный ресурс, а как один из значимых каналов смысловыражения. Типографическое значение функционирует как особый тип прагматического значения. Оно раскрывается в связи с возможной вариативностью графических форм. С опорой на понятие «типграфическое значение» фокусируются установки сообщения, референции, то есть отнесенность сообщений к действительности, широкий круг прагматических пресуппозиций, оценка адресантом общего фонда знаний, мнений, эмоционального настроения получателя сообщения. В таком смысле типографика и типографическое значение становятся объектом изучения в лингвистике, точнее, в лингвистике дискурса и социолингвистике, для которой вариативность выражения значений представляет основной исследо-

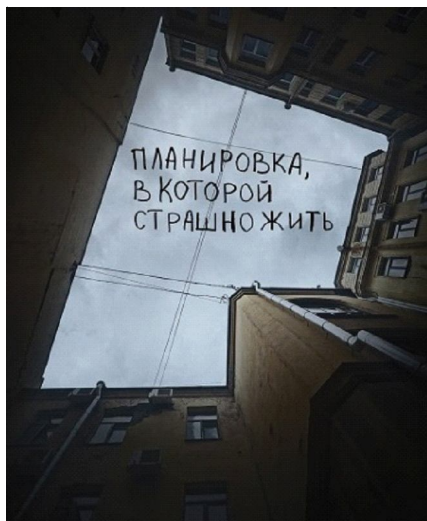

Рис. 6. Социальная реклама благотворительной организации «Ночлежка» (https://homeless.ru/news/nochlezhka_vypustila_novuyu_sotsialnuyu_reklamu_o_planirovках_v_kotorykh_strashno_zhit/)

Fig. 6. Social advertisement for the Nochlezhka charity organization (https://homeless.ru/news/nochlezhka_vypustila_novuyu_sotsialnuyu_reklamu_o_planirovках_v_kotorykh_strashno_zhit/)

вательский интерес. Вариативность типографики и то смысловое приращение, которое возникает у типографической формы знака, могут изучаться только и именно в коммуникативном взаимодействии социальных акторов. Человек активно выбирает семиотические ресурсы, адекватные конкретной социокультурной ситуации, и одновременно интерпретирует смыслы и координирует свою коммуникативную компетенцию с социокультурными нормами и традициями общения. С такой точки зрения обозначается прикладная задача для исследователей, а именно необходимость основательного формирования медиакомпетентности и медиаграмотности [Чичерина, 2008] как способности человека распознавать и активно применять в соответствующей ситуации различные типы коммуникативных форматов для выражения смыслов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РФФ № 22-18-00591 «Прагматика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

The research was supported by Russian Science Foundation, project № 22-18-00591

«Pragmasemantics as an interface and operational system of meaning formation» at the Immanuel Kant Baltic Federal University.

² Перевод мой. В оригинале: «Der Begriff der Medialität wird so verstanden, dass die Welt der Medialen nicht erst mit der Technologisierung kommunikativer Praxen, sondern bereits auf der Ebene direkter Zeichenkommunikation beginnt. Er fokussiert alle Formen der materiellen Erscheinung von Zeichen» [Medialität..., 2004, S. 10].

³ Примечателен ряд выставок и проектов «Мыслящий ландшафт», одна из которых проходила летом 2022 г. в музее Москвы: «Проект “Мыслящий ландшафт” – часть большого художественного исследования концепции пространства. На выставке авторы обращались к вопросам все более заметного внедрения человека в окружающую среду и изменение природного ландшафта» (<https://mosmuseum.ru/exhibitions/p/landscape/>).

⁴ Источник: DADA Almanach. Berlin : Erich Reiss Verlag. 1920. В статье при воспроизведении текста стихотворения сохраняются все шрифтовые особенности оригинала.

⁵ Перевод мой. В оригинале: «Materiality is not eo ipso semiotic. What makes it semiotic are social actors' perceptions and interpretations of material objects» [Spitzmüller, 2015, p. 128].

⁶ Источник: Лондон Дж. Дождь снегов / пер. В. Сметанича // Собрание сочинений. В 13 т. Т. 2. М. : Правда, 1976. С. 38–46.

⁷ Наиболее очевидно это показывает дейксис: денотативное содержание языковых единиц типа

наш, этот, я, мы актуализируется только и именно в связи с составляющими ситуации.

⁸ Перевод мой. В оригинале: «The typography is to be seen as expressing cultural identity and belonging and to mark territory» [Järlehed, 2015, p. 166].

⁹ Шрифт «спенсериян» использовался в США в конце XIX в. – первой трети XX в. и считался стандартом для делового письма, бухгалтерских бумаг, выписывания банковских чеков. Шрифт отличается однородностью и ажурной структурой букв, которые сливаются в зигзаги. Заглавные буквы представляют собой соединение овалов.

¹⁰ Перевод мой. В оригинале: «...signs may be ‘imported’ from one context (one era, one social group, one culture) into another, in order to signify the ideas and values associated with that other context by those who do the ‘importing’» [Van Leeuwen, 2006, p. 14].

¹¹ Источник: <https://artsacademymuseum.org/exhibition/obrazy-schastyu/>

¹² Источник: https://homeless.ru/news/nochlezhka_vypustila_novuyu_sotsialnuyu_reklamu_o_planirovkakh_v_kotorykh_strashno_zhit/

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кирсанов Д. М., 2007. Историко-морфологическая модель развития русского наборного шрифта. Взаимосвязь объективных и субъективных факторов : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М. 26 с.
- Леонтович О. А., 2019. Семиотический ландшафт Волгограда в контексте медиаурбанистики // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные и социальные науки. Т. 12, № 1. С. 97–105. DOI: 10.17516/1997-1370-0382
- Молодыхенко Е. Н., 2022. Идентичность, стиль и стилизация: социолингвистическая перспектива // Terra Linguistica. Т. 13, № 2. С. 11–29. DOI: 10.18721/JHSS.13202
- Молодыхенко Е. Н., Чернявская В. Е., 2022. Социальная репрезентация через язык: теория и практика социолингвистики и дискурсивного анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. № 19 (1). С. 103–124.
- Чернявская В. Е., 2002. Дискурс и дискурсивный анализ: традиции, цели, направления // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь : ПГУ. С. 122–136.
- Чернявская В. Е., 2021а. Визуальность в социокультурной проекции // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. № 2 (28). С. 96–109. DOI: 10.23951/2312-7899-2021-2-96-109
- Чернявская В. Е., 2021б. Текст и социальный контекст: социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения. М. : УРСС. 208 с.
- Чернявская В. Е., 2023. Типографика как социальный индекс: советский ландшафт в современном российском дискурсе // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. Вып. 2 (36). С. 50–73. DOI: 10.23951/2312-7899-2023-2-50-73
- Чичерина Н. В., 2008. Медиатекст как средство формирования медиаграмотности у студентов языковых факультетов. М. : Либроком. 230 с.
- Чичерина Н. В., Стрелкова С. Ю., 2022. Метафоры цифровой идентичности // Terra Linguistica. Т. 13, вып. 2. С. 30–38. DOI: 10.18721/JHSS.13203
- Androutsopoulos J., 2004. Typography as a Resource of Media Style: Cases from Music Youth Culture // Proceedings of the 1st International Conference on Typography and Visual Communication / ed. by K. Mastoridis. Thessaloniki : University of Macedonia Press. P. 381–392.
- Backhaus P., 2007. Linguistic Landscapes: A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo. Clevedon : Multilingual Matters. 168 p.
- Blackletter: Type and National Identity, 1998 / ed. by P. Bain, P. Shaw, P. T. Bertheau. N. Y. : Princeton Architectural Press. 72 p.
- Crystal D., 1998. Toward a Typographical Linguistics // Type : A Journal of the Association Typographique Internationale. Vol. 2, iss. 1. P. 7–23.
- Daniels S., Cosgrove D., 1988. Introduction: Iconography and Landscape // The Iconography of Landscape / ed. by S. Daniels, D. Cosgrove. Cambridge : Cambridge University Press. P. 1–10.
- Gorter D., 2013. Linguistic Landscapes in a Multilingual World // Annual Review of Applied Linguistics. № 33. P. 190–212.
- Järlehed J., 2015. Ideological Framing of Vernacular Type Choices in the Galician and Basque Semiotic Landscape // Social Semiotics. Vol. 25, iss. 2. P. 165–199.
- Järlehed J., Jaworski A., 2015. Typographic Landscaping: Creativity, Ideology, Movement // Social Semiotics. Vol. 25, iss. 2. P. 117–125.
- Kress G., Van Leeuwen T., 1996. Reading Images. The Grammar of Visual Design. L. : Routledge. 310 p.
- Kress G., Van Leeuwen T., 2001. Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication. L. : Hodder Education. 142 p.
- Kress G., 2010. Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication. Abingdon : Routledge. 212 p.
- Medialität und Mentalität. Theoretische und empirische Studien zum Verhältnis von Sprache, Subjektivität und Kognition, 2004 / hrsg. von L. Jäger, E. Linz. München : W. Fink. 369 S.

- Scollon R., Scollon S., 2003. *Discourse in Place: Language in the Material World*. L. : Routledge. 258 p.
- Semiotic Landscapes – Language, Image, Space, 2010 / ed. by A. Jaworski, C. Thurlow. L. ; N. Y. : Continuum. viii, 298 p.
- Spitzmüller J., 2015. *Graphic Variation and Graphic Ideologies: A Metapragmatic Approach* // *Social Semiotics*. Vol. 25, iss. 2. P. 126–141.
- Spitzmüller J., 2021. *Approaching Typographic Variation* // *Вестник СПбГУ. Язык и литература*. Т. 18, вып. 4. P. 910–928. DOI: 10.21638/spbu09.2021.417
- Stöckl H., 2005. *Typography: Body and Dress of a Text – a Signing Mode Between Language and Image* // *Visual Communication*. Vol. 4, № 2. P. 204–214.
- Stöckl H., 2009. *The Language-Image-Text – Theoretical and Analytical Inroads into Semiotic Complexity* // *Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik*. № 34 (2). P. 203–226.
- Van Leeuwen T., 2005. *Typographic Meaning* // *Visual Communication*. Vol. 4, № 2. P. 137–143.
- Van Leeuwen T., 2006. *Towards a Semiotics of Typography* // *Information Design Journal*. Vol. 14, iss. 2. P. 139–155.
- diskursivnogo analiza [Representing the Social Through Language: Theory and Practice of Sociolinguistics and Discourse Analysis]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Yazyk i Literatura*, no. 19 (1), pp. 103-124.
- Chernyavskaya V.E., 2002. *Diskurs i diskursivnyi analiz: tradicii, celi, napravleniya* [Discourse and Discourse Analysis: Traditions, Aims, Research Directions]. *Stereotipnost i tvorchestvo v tekste*. [Stereotypes and Creativity in Texts]. Perm, PGU, pp. 122-136.
- Chernyavskaya V.E. 2021a. *Vizualnost v sotsiokulturnoy proektsii* [Image and Visuality in Sociocultural Dimension]. *Praksema. Problemy vizualnoy semiotiki* [PRAXEMA. Journal of Visual Semiotics], no. 2 (28), pp. 96-109. DOI: 10.23951/2312-7899-2021-2-96-109
- Chernyavskaya V.E., 2021b. *Tekst i sotsialnyy kontekst: sotsiolingvisticheskiy i diskursivnyy analiz smysloporozhdeniya* [Text and Social Context: Sociolinguistic and Discursive Analysis of Meaning Making]. Moscow, URSS Publ. 208 p.
- Chernyavskaya V.E., 2023. *Tipografika kak sotsialnyy indeks: sovetskiy landshaft v sovremennom rossiyskom diskurse* [Typography as a Social Index: Soviet Landscape in the Modern Russian Discourse]. *Praksema. Problemy vizualnoy semiotiki* [PRAXEMA. Journal of Visual Semiotics], iss. 2 (36), pp. 50-73. DOI: 10.23951/2312-7899-2023-2-50-73
- Chicherina N.V., 2008. *Mediatekst kak sredstvo formirovaniya mediagramotnosti u studentov yazykovykh fakul'tetov* [Mediatext as a Tool For Medialiteracy Formation of Linguistics Students]. Moscow, Librokom Publ. 230 p.
- Chicherina N.V., Strelkova S.Yu., 2022. *Metafori cifrovoi identichnosti* [Metaphors of Digital Identity]. *Terra Linguistica*, no. 13 (2), iss. 2, pp. 30-38. DOI: 10.18721/JHSS.13203
- Androutsopoulos J., 2004. *Typography as a Resource of Media Style: Cases from Music Youth Culture*. Mastoridis K., ed. *Proceedings of the 1st International Conference on Typography and Visual Communication*. Thessaloniki, University of Macedonia Press, pp. 381-392.
- Backhaus P., 2007. *Linguistic Landscapes: A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo*. Clevedon, Multilingual Matters. 168 p.
- Bain P., Shaw P., Bertheau P.T., eds., 1998. *Blackletter: Type and National Identity*. New York, Princeton Architectural Press. 72 p.
- Crystal D., 1998. *Toward a Typographical Linguistics. Type. A Journal of the Association Typographique Internationale*, vol. 2, iss. 1, pp. 7-23.
- Daniels S., Cosgrove D., 1988. *Introduction: Iconography and Landscape*. Daniels S., Cosgrove D., eds.

REFERENCES

- Kirsanov D.M., 2007. *Istoriko-morfologicheskaya model razvitiya russkogo nabornogo shrifra. Vzaimosvyaz obyektivnykh i subyektivnykh faktorov: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya* [Historical and Morphological Model of the Development of the Russian Typesetting Font. The Relationship of Objective and Subjective Factors. Cand. Art History abs. diss.]. Moscow. 26 p.
- Leontovich O.A., 2019. *Semioticheskiy landshaft Volgograda v kontekste mediaurbanistiki* [The Semiotic Landscape of Volgograd in the Context of Urban Communication Studies]. *Zhurnal Sibirskogo federalnogo universiteta. Gumanitarnye i sotsialnye nauki* [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences], vol. 12, no. 1, pp. 97-105. DOI: 10.17516/1997-1370-0382
- Molodychenko E.N., 2022. *Identichnost, stil i stilisatsiya: sotsiolingvisticheskaya perspektiva* [Identity, Style, and Styling: A Sociolinguistic Perspective]. *Terra Linguistica*, vol. 13, no. 2, pp. 11-29. DOI: 10.18721/JHSS.13202
- Molodychenko E.N., Chernyavskaya V.E., 2022. *Sotsialnaya reprezentatsiya cherez yazyk: teoriya i praktika sotsiolingvistiki i*

- The Iconography of Landscape*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 1-10.
- Gorter D., 2013. Linguistic Landscapes in a Multilingual World. *Annual Review of Applied Linguistics*, no. 33, pp. 190-212.
- Järlehed J., 2015. Ideological Framing of Vernacular Type Choices in the Galician and Basque Semiotic Landscape. *Social Semiotics*, vol. 25, iss. 2, pp. 165-199.
- Järlehed J., Jaworski A., 2015. Typographic Landscaping: Creativity, Ideology, Movement. *Social Semiotics*, vol. 25, iss. 2, pp. 117-125.
- Kress G., Van Leeuwen T., 1996. *Reading Images. The Grammar of Visual Design*. London, Routledge. 310 p.
- Kress G., Van Leeuwen T., 2001. *Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication*. London, Hodder Education. 142 p.
- Kress G., 2010. *Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication*. Abingdon, Routledge. 212 p.
- Jäger L., Linz E., Hrsg., 2004. *Medialität und Mentalität. Theoretische und empirische Studien zum Verhältnis von Sprache, Subjektivität und Kognition*. München, W. Fink. 369 S.
- Scollon R., Scollon S., 2003. *Discourse in Place: Language in the Material World*. London, Routledge. 258 p.
- Jaworski A., Thurlow C., eds., 2010. *Semiotic Landscapes – Language, Image, Space*. London, New York, Continuum. viii, 298 p.
- Spitzmüller J., 2015. Graphic Variation and Graphic Ideologies: A Metapragmatic Approach. *Social Semiotics*, vol. 25, iss. 2, pp. 126-141.
- Spitzmüller J., 2021. Approaching Typographic Variation. *Vestnik SPbGU. Yazyk i literatura* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], vol. 18, iss. 4, pp. 910-928. DOI: 10.21638/spbu09.2021.417
- Stöckl H., 2005. Typography: Body and Dress of a Text – A Signing Mode Between Language and Image. *Visual Communication*, vol. 4, iss. 2, pp. 204-214.
- Stöckl H., 2009. The Language-Image-Text – Theoretical and Analytical Inroads into Semiotic Complexity. *Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik*, no. 34 (2), pp. 203-226.
- Van Leeuwen T., 2005. Typographic Meaning. *Visual Communication*, vol. 4, no. 2, pp. 137-143.
- Van Leeuwen T., 2006. Towards a Semiotics of Typography. *Information Design Journal*, vol. 14, iss. 2, pp. 139-155.

Information About the Author

Valeria E. Chernyavskaya, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Higher School of Linguodidactics and Translation Studies, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Politechnicheskaya St, 19, 195251 Saint Petersburg, Russia; Senior Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University, Aleksandra Nevskogo St, 14, 236016 Kaliningrad, Russia, chernyavskaya_ve@spbstu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6039-6305>

Информация об авторе

Валерия Евгеньевна Чернявская, доктор филологических наук, профессор Высшей школы лингводидактики и перевода, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, ул. Политехническая, 19, 195251 г. Санкт-Петербург, Россия; старший научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, ул. Александра Невского, 14, 236016 г. Калининград, Россия, chernyavskaya_ve@spbstu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6039-6305>

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.7>

UDC 811.161.1'282
LBC 81.411.2-025.7

Submitted: 20.12.2022
Accepted: 05.06.2023

SYNONYMIC RELATIONS IN VERBAL LEXIS OF THE SMOLENSK DIALECT IN THE 17th – 18th CENTURIES

Inna A. Koroleva

Smolensk State University, Smolensk, Russia

Abstract. The article deals with the problems of synonymy in verbal dialect lexis based on the material of Smolensk business writing of the 17th – 18th centuries, the time of buoyant lexical norms formation in the Russian literary language. The author draws attention to the fact that some of the dialect verbs do not enter synonymic relations and researches into the reasons for the absence of their synonyms. Extensive lexicographic material of the Russian, Belarusian, Ukrainian and Polish languages was involved, as well as data from monographic studies on the topic. It has been proved that this is often not only the original dialectal lexemes, but also the lexis borrowed from Western European languages through the Polish transmitter language, which can be considered a specific feature of Smolensk verbal synonymy in the period of the 16th – 18th centuries. The causes for restricted inclusion of dialect verbs into synonymic relations are the following: the semantics of dialect verbs contains some additional shades of meaning, which are not represented in the lexis of the literary language, they are expressed with the help of descriptive means, for instance, particularizing words; words viewed as potential synonyms, are noted to demonstrate hyponymic relations; the semantics of dialect lexis reveals diffusive character. The cases are described, when unclear meaning of the dialect verb in the limited context prevents it from the inclusion into a particular synonymic row. The dynamics of dialect lexis is characterized. It is represented in the loss or preserving some lexical units in the lexis of modern Smolensk dialects.

Key words: verbal lexis, dialect verb, synonymy, borrowing, Smolensk dialect, Smolensk business writing, 17th century, 18th century.

Citation. Koroleva I.A. Synonymic Relations in Verbal Lexis of the Smolensk Dialect in the 17th – 18th Centuries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 5, pp. 101-111. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.7>

УДК 811.161.1'282
ББК 81.411.2-025.7

Дата поступления статьи: 20.12.2022
Дата принятия статьи: 05.06.2023

СИНОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ СМОЛЕНСКОГО ДИАЛЕКТА XVII–XVIII ВЕКОВ

Инна Александровна Королева

Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия

Аннотация. В статье на материале памятников смоленской деловой письменности XVII–XVIII вв. рассматриваются проблемы синонимии в сфере диалектной глагольной лексики. Особое внимание уделено

диалектным глаголам, не вступающим в синонимические отношения, и причинам отсутствия у них синонимов. С привлечением обширного лексикографического материала русского, белорусского, украинского и польского языков, а также данных, представленных в монографических исследованиях по теме, установлено, что не образуют синонимических связей как исконные диалектные лексемы, так и единицы, заимствованные в смоленские диалекты из западноевропейских языков через посредство польского языка. В качестве причин, ограничивающих возможности диалектных глаголов включаться в синонимические ряды, определены следующие: наличие в семантике диалектных глаголов дополнительных оттенков значения, которые отсутствуют у слов литературного языка и передаются при их использовании описательно, с помощью слов-конкретизаторов; наличие отношений общего и частного между словами, рассматриваемыми как потенциальные синонимы; диффузность семантики диалектного слова. Охарактеризованы случаи, когда неясность значения диалектного глагола в силу ограниченности контекста не позволяет включить его в тот или иной синонимический ряд. Показана динамика диалектной лексики, отразившаяся в сохранении лексических единиц в словарном составе современных смоленских говоров или их утрате.

Ключевые слова: глагольная лексика, диалектный глагол, синонимия, заимствование, смоленский диалект, смоленская деловая письменность, XVII век, XVIII век.

Цитирование. Королева И. А. Синонимические отношения в сфере глагольной лексики смоленского диалекта XVII–XVIII веков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 5. – С. 101–111. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.7>

Введение

Сегодня изучение истории русских диалектов – одно из актуальных направлений региональной исторической диалектологии и исторической лексикологии в целом. Особый интерес вызывает период XVII–XVIII вв. – время формирования национального русского литературного языка, становления его лексических норм. Именно в этот период начинается систематическое взаимодействие диалектной речи и нормализующегося литературного языка [Борисова, 1974, с. 6]. Смоленский диалект стал той языковой средой, которая способствовала усвоению русским языком западноевропейских заимствований; сыграл большую роль в установлении взаимоотношений между русским и белорусским языками [Аванесов, Чичеров, 1951, с. 98].

Один из путей выявления влияния территориальных диалектов на формирование норм литературного языка – рассмотрение проблем синонимии. В.В. Виноградов называл вопрос о синонимах одним из главных в стилистике и семантике [Виноградов, 1941, с. 17]. По словам К.П. Смолиной, «конкретные пути влияния народно-разговорного языка (в частности, его территориальных диалектов) на формирование лексико-семантической системы русского литературного языка во время его становления, на состояние и эволюцию его лексических норм лучше всего прослеживаются в процессе изучения минималь-

ных лексико-семантических групп – синонимических пар и рядов исследуемой эпохи» [Смолина, 1977, с. 5]. Именно в рассматриваемый период имело место как складывание синонимических пар и рядов, так и пополнение их народно-разговорными лексемами, однако роль диалектов в означенном процессе мало изучена.

Глагольная лексика – благодатный материал для исследования синонимических отношений в системе языка. Глагол несет большую смысловую нагрузку в предложении, и вместе с тем изучение семантики глагола является весьма сложным из-за его широкого логико-предметного содержания. По мнению М.В. Ивановой, он более абстрактен в силу своего категориального значения, чем имя; в его семантическом поле имеет место целая палитра тонких оттенков, участвующих в организации высказывания [Иванова, 1986, с. 87].

В сфере глагольной лексики особо сложна историческая синонимия. Изучение же глагола в региональной письменности прошлых эпох важно для определения диалектных различий. Как писал еще Ф.П. Филин, «диалектные расхождения в лексике, которая обозначает общие для всех носителей языка понятия, не связанные с различными особенностями местной жизни, считаются особенно показательными, составляющими языковую специфику того или иного диалекта» [Филин, 1946, с. 646–647]. Исследуя синонимические отношения в сфере глагольной

лексики Смоленского региона, описание которых в период формирования норм национального русского литературного языка дает возможность проследить связи смоленского диалекта с украинскими и белорусскими диалектами, мы ставим целью охарактеризовать диалектные глаголы, не вступающие в синонимические отношения, и выявить причины отсутствия таковых.

В последние десятилетия эта тема практически не изучалась, хотя ее разработка важна, например, для составления исторического словаря синонимов русского языка, которого пока еще нет. Можно указать лишь некоторые современные работы, частично затрагивающие исторический аспект: [Генералова, 2016; Ерофеева, Шептухина, 2016; Павлова, Бахтина, 2016; и др.]. Отсутствие новых работ, посвященных синонимии диалектных единиц, обусловило обращение к диссертациям, защищенным довольно давно [Королева, 1990; Филин, 1946; Чартко, 1967; и др.], но содержащим фактический материал, использование которого позволяет провести сопоставительный анализ отобранных для изучения смоленских диалектных глагольных лексем.

Материал и методы

Источником языкового материала послужили памятники смоленской деловой письменности XVII–XVIII веков. Смоленская письменность указанного периода – это довольно значительный по объему корпус деловых текстов, часть которых опубликована в разных источниках, часть представляет собой неопубликованные материалы из московских и смоленских архивов (см. список источников). Все исследуемые тексты датированы и имеют отношение к смоленской территории, поскольку содержат упоминание смоленских мест, жителей, смоленских событий тех лет и т. п. Кроме того, в качестве источника языкового материала использован «Региональный смоленский исторический словарь» (РИС), одним из составителей которого является автор. Материалы Словаря планируется использовать при переиздании современного словаря смоленских говоров как возможную историческую базу.

Основным исследовательским методом выступает контекстуальный анализ памятников деловой смоленской письменности, позволивший выделить синонимичные глаголы. С помощью сравнительно-сопоставительного метода охарактеризован диалектный материал русского языка на фоне данных памятников письменности украинского, белорусского и польского языков этого же периода.

Вопрос о причинах отсутствия синонимических связей у лексем относится к самым сложным и практически не разработанным в сфере синонимии. Г.О. Винокур еще в 1929 г. писал, что «чем лучше мы знаем язык, тем меньше для нас становится синонимов» [Винокур, 1929, с. 85]. По словам К.П. Смолиной, «разграничение тонких оттенков значения, тождества или близости его, разграничение близости значения и смежности понятий, отношений общего и частного, разграничение дифференциального признака синонима и признака, отличающего лексему потенциально, идущего вразрез со смысловой опорой синонимического ряда, вызывают серьезные затруднения» [Смолина, 1977, с. 7–8].

Общие замечания некоторых лингвистов [Евгеньева, 1964, с. 16] об отсутствии синонимических связей между родовыми и видовыми соответствиями нелегко применить к глагольной лексике. Трудно определить, являются ли отношения более общих и более частных аналогичных значений разных глаголов родо-видовыми или синонимичными. К тому же границы между предметно-смысловыми связями слов и синонимичными подвижны даже в сфере предметной лексики, не говоря уже о глаголах. В ряде случаев слова с общим значением (в частности, именно глаголы) осложняются тонкими смысловыми нюансами, что, по мнению В.А. Сиротининой, дает возможность образовывать новые смысловые отношения, которые нельзя считать синонимичными [Сиротинина, 1960, с. 31]. Однако имеет место своеобразная иллюзия синонимии. Здесь следует сказать, что все же существует единственный, видимо, критерий определения синонимии или ее отсутствия – сопоставление общего значения с несколькими частными, которые выражают различные по направленности действия.

Результаты и обсуждение

1. Среди диалектных глагольных единиц, не вступающих в синонимические отношения по означенному критерию, их больше, чем в литературном языке. Иллюстрацией можно считать глаголы *закричать*, *залюкать*, *заскоглить*, выявленные нами в смоленских текстах XVII–XVIII веков.

Рассмотрим представленный ряд слов.

Глагол *залюкать* зафиксирован в региональной смоленской комедии XVIII в.: *Якъ застукають, залюкають, затопаютъ – вон и убежь. <...> Громка залюкали, гонка з руганью была...* (Смоленские комедии, с. 21).

Учитывая общий широкий контекст, мы определили значение глагола *залюкать* как «закричать, бранясь и ругаясь, подавляя человека». Глаголы *закричать* и *залюкать* имеют общий семантический компонент – «производить голосом сильные звуковые колебания». Однако в целом значение лексемы *закричать* можно характеризовать как общее, а значение глагола *залюкать* как частное.

В СлРЯ XI–XVII вв., Словаре XVIII в. и словаре В.И. Даля диалектный глагол *залюкать* отсутствует. Однако он засвидетельствован в «Смоленском областном словаре» В.Н. Добровольского с синонимичным рассмотренным нами значением – «запугать, довести до угнетенного состояния насмешками, бранью» (Добровольский, с. 243). Это же значение представлено в СРНГ со ссылкой на словарь В.Н. Добровольского (СРНГ, вып. 10, с. 227). По сведениям, полученным в ходе диалектологических экспедиций, сегодня на Смоленщине слово не выявлено.

В старобелорусских памятниках письменности отмечен глагол *залюкать* «загнать частой бранью» (Носович, с. 174). Сегодня он сохранился лишь на Мстиславщине (Юрчанка, с. 187).

В той же комедии XVIII в. употреблен глагол *заскоглить*: *Ён заскогليلъ, зашумель... якъ съ ума лишился* (Смоленские комедии, с. 21). Из общего контекста явствует, что действие связано с криком, шумом, выражением сильных эмоций.

Рассматриваемый глагол также отсутствует в исторических словарях и в словаре В.И. Даля, но представлен в словаре

В.Н. Добровольского в значении «завизжать, заплакать жалобно» (Добровольский, с. 252). Зафиксирован он со ссылкой на В.Н. Добровольского в СРНГ (СРНГ, вып. 10, с. 39), в котором также отмечены глаголы *заскиголить*, *заскоглить* «завизжать, сильно закричать» как бытующие на Западной Брянщине (СРНГ, вып. 10, с. 34–35). В ССГ слово *заскоглить* представлено со значением «начать надоедать просьбой, плачем (о людях), визгом (о животных)» (ССГ, вып. 4, с. 113). Имеется и вариант *заскугорить*. В начале XX в. слово *заскиглить* «завизжать» (о собаке) попало в Словарь АН как областное (Словарь АН, т. 2, ч. 7, стб. 1948). Там же находим и глагол *заскоготать* «завизжать» с пометами «смол., калуж.».

В старобелорусском языке И. Носович отметил слова *заскугорить* «плачем, воем выражать свое горе», *заскоготать* «завопить, завывать» (Носович, с. 584, 588). В современных белорусских говорах есть глагол *заскуголить* «заплакать в голос» (Белькевич, с. 205). В литературном белорусском языке бытует глагол *заскуголить* «завывать, завизжать (о собаке), переносное “заплакать” (о людях)» (Крапива, с. 303).

Приведенные материалы позволили уточнить старое смоленское значение глагола *заскоглить* – «громко закричать, завизжать, заплакать». Слова *залюкать* и *заскоглить* можно лишь на первый взгляд посчитать синонимами, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что это мнимая синонимичность: действие, названное глаголом *залюкать*, направлено против кого-либо, а действие глагола *заскоглить* – только на самого субъекта.

2. В смоленских памятниках письменности содержится довольно много заимствованных глаголов, которые тоже не вступают в синонимические отношения. Эти слова бытуют на очень узкой, часто только смоленской территории. Именно такие слова наиболее ярко характеризуют специфику смоленского диалекта прошлых эпох. На Смоленщине в силу исторических условий бытовало много старопольских лексем, слов из других западноевропейских языков, пришедших в край через посредство старопольского. Часто эти же лексемы бытовали в старобелорусском и ста-

роукраинском языке. Это обусловлено объективными причинами, так как смоленские земли и территории Беларуси и Украины довольно длительное время входили в состав одних и тех же государств: Великого княжества Литовского (с 1404 по 1514 г.) и Речи Посполитой (с 1611 по 1653 г., а отдельные смоленские территории до 1686 г.). Особо тесные связи были у смолян и белорусов. И.С. Козырев пишет, что «смоленские говоры... с XV века начинают принимать участие в формировании языка белорусской народности» [Козырев, 1972, с. 185].

В одном из смоленских деловых документов середины XVII в. нами был обнаружен глагол *мусить*: *И она мусела избечь съ городу* (ДАЮЗ, с. 42, 1649 г.). Значение этого глагола – «быть должным, обязанным». Однословного эквивалента лексема не имела, поэтому в синонимические отношения заимствованный глагол не вступал.

Мусить – польское заимствование: А. Брюкнер отмечает бытование его в старопольских источниках с XIV в., указывая, что туда оно пришло из немецкого (Брюкнер, с. 348–349).

В старопольском языке глагол с таким же значением был очень активным; также он был распространен и в старобелорусском языке [Чартко, 1967, с. 199–201]. Слово *мусить* «быть должным, обязанным» было известно и староукраинскому языку (Слов. укр. XIV–XV ст., т. 1, с. 620).

Ареал бытования лексемы на русской территории неширок: она встречается только в памятниках письменности Западной Руси. Активность его также невелика (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 9, с. 312). В ССГ слово отсутствует, но СРНГ отмечает его как смоленское слово с уже более широким кругом значений: «знать», «намереваться, задумываться», «быть должным», но все примеры носят исторический характер (СРНГ, вып. 18, с. 363). В современных польском, белорусском и украинском языках слово по-прежнему употребительно с исходным модальным значением (Ильин; Крапива; Стыпула).

В смоленской деловой письменности XVIII в. засвидетельствован глагол *ретовать*: *И в то де число помещикъ ее кричал итоб ево ретовали* (ГАСО, 8046, 1792 г.);

И Дурненка де в окошко из избы смотрели, а ретовать не пошли и отец де ее против избы Дурненкавых з братом ее Матренкинымъ а своимъ де сыном с Лавринкою ево де под окном Ивана Урбановского убили до смерти (ГАСО, № 8046, 1792 г.).

Нам представляется, что глагол *ретовать* имел контаминированное значение – «помогать / спасать». Слова же *помогать* и *спасать* не являются синонимами, хотя создают некоторую иллюзию синонимичности; они могут быть синонимами, но сугубо контекстуальными. Возможно, мы имеем дело с переходным случаем – от несинониима к синониму.

Глагол *ретовать* в форме *ратовать*, отражающей твердое [р], типичное для белорусского языка, хорошо известен старобелорусской письменности и засвидетельствован в словаре И. Носовича: *Если нас бог не ратуе... Его свои ратовали... Хотем, яко где потреба укажетъ ратовати идо того не допуцати* (Носович). Как видим, реализуется то же синкретичное значение «помогать / спасать». В словаре значение этого глагола определяется как более конкретное – «скоро, поспешно помочь» (Носович, с. 562). Глагол *ратувати* (*рятувати*) известен и староукраинскому языку со значением «избавлять, спасать, помогать, выручать» (Гринченко, т. 4, с. 94). А. Брюкнер, отмечая глагол *ратовать* со значением «скоро, быстро прийти на помощь в трудной ситуации», указывает на его немецкое происхождение (Брюкнер, с. 454). В.И. Даль фиксирует глагол *ретовать* со значением «спасать, помогать в беде, избавлять от опасности» как прямое заимствование из немецкого, определяет ареал бытования слова как юго-западный. Как вариант отмечена и форма *ратовать* (Даль, т. 4, с. 93).

В СРНГ представлены различные формы глагола: *ретовать*, *рятовать*, *ритовать*, *рятувать*. Их ареал достаточно широк: это брянские, орловские, курские, смоленские говоры, донские, русские говоры Латвии и Литвы; *ритовать* – в великолукских, костромских, калужских говорах. Все эти варианты активны на Смоленщине (Добровольский, с. 809). Словарями фиксируется большое количество производных от этого глагола существительных: *рята*, *рятунок*, *рятунка*, *рятуночка*, *ретунка*, *ратунка*, *ратунок*, *ретовка*; отмечен

фразеологизм *кричать ратунку*. Такая активность лексем свидетельствует о востребованности глагола и существительных жителями Смоленщины. Глагол в разных вариантах бытует повсеместно, форма с твердым [р] более употребительна в приграничных с Беларусью районах. Значение по-прежнему контаминированное: «помогать во время опасности, спасать» (ССГ, вып. 9, с. 123).

Глагол *ратовать* «спасать» востребован в белорусском языке: он является литературным (Крапива, с. 815). Значение в украинском литературном языке шире, чем в белорусском: *рятувати* – «спасать, избавлять (помогать избежать чего-либо)» (Ильин, с. 738). В современном польском языке у этого слова отмечается значение «спасать, выручать, избавлять» (Стыпула, с. 877).

Глагол *турбовать* встречается в смоленских текстах XVIII в. дважды: *Учуць голубя, няучуць, галаву турбуюць, языком не извернишь, ища якъ нашему брату галавы не высушиць?* (Смоленские комедии, с. 25); *...то дабы ихъ головы напрасно не турбовали и не обижали, объявить сие данное имъ владение* (ГАСО, ф. 114, оп. 1, д. 1, л. 2, 1724 г.).

Мы определили значение этого глагола как «забивать чем-либо голову, тревожить чем-либо», «нравственно мучить». Такая широта семантики, наличие различных оттенков значения не позволяют считать рассматриваемый глагол компонентом синонимических рядов со значениями «обижать», «тревожить», «мучить».

В «Картотеке Словаря русского языка XI–XVII вв.» (КДРС) мы обнаружили два примера с этим глаголом, оба – в текстах из архива князя Ф.А. Куракина (начало XVIII в.), написанных в Азове и Воронеже. Значение тоже синкретично: «причинять страдания, неприятности», «беспокоить».

В словаре И. Носовича отмечено бытование глагола *турбовать* в старобелорусском языке со значением «беспокоить, томить» (Носович, с. 644). Существовал глагол и в староукраинском языке: *турбовать* «беспокоить, тревожить»; зафиксировано также существительное *турбаторь* «смущатель» (Житецкий, 1888, с. 92). В словаре А. Брюкнера отмечается латинское проис-

хождение глагола: ср. латинское *turbare* «лавка, теснота, толчея» (Брюкнер, с. 585). В польских источниках отмечены формы *турбовать* «беспокоить, огорчать, причинять хлопоты» и *турбоваться* «беспокоиться, огорчаться, тревожиться».

В.И. Даль фиксирует глагол *турбовать* «беспокоить, тревожить» как южное и западное слово латинского происхождения, пришедшее через польский язык (Даль, т. 4, с. 443).

Турбовать «трогать, мешать» отмечает В.Н. Добровольский. Есть и слово *турбоваться* «шумно ссориться» (Добровольский, с. 921).

Сегодня в смоленских говорах глагол по-прежнему существует в значении «беспокоить, тревожить, тормошить» (ССГ, вып. 10, с. 214). *Турбовать* «беспокоить, тревожить» активен в белорусском литературном языке (Крапива, с. 930). В украинском языке семантика глагола расширилась: «1) беспокоить, тревожить, смущать (разговорное “будоражить, волновать”); 2) доставлять затруднения» (Ильин, с. 860). В польском языке слово устарело и фиксируется в словарях в значении «беспокоить, причинять хлопоты, огорчать» (Стыпула, с. 1079).

Польским заимствованием является глагол *фальковать*, засвидетельствованный в следующем контексте: *А те самые воры – Кошкинския бояре, кажи их повешать... а я своим людем не буду фальковать, по твоему суду кажу повешать* (ДАЮЗ, с. 72, 1649 г.). Мы определили значение как «давать поблажку, потворствовать». В рассматриваемую эпоху этот глагол не имел однословного эквивалента среди общеупотребительной лексики. Современный возможный синоним *потворствовать*, видимо, еще не существовал: свидетельств его употребления в середине XVII в. не имеется.

Глагол в разных вариантах (*фольковать*, *фольковать*, *фальковать*; совершенный вид со значением законченности действия *пофолговать*, *уфолговать*) был активным в старобелорусских памятниках письменности. И.И. Чертко определяет его значение как «послаблять, уступать» [Чертко, 1967, с. 236]. Значение «давать поблажку» у рассматриваемого глагола отмечается и в староукраинских памятниках (Гринченко; Слов. укр. XIV–XV ст.).

А. Брюкнер, фиксируя глагол *folgować* «послаблять, сноровить» в старопольском языке, указывает на его немецкое происхождение: ср. *volgen* «льгота» (Брюкнер, с. 124).

Нигде более на русских территориях глагол *фальковать* не засвидетельствован. Можно сделать вывод, что это был диалектизм с узким ареалом бытования, пришедший на Смоленщину из старопольского языка. Различные варианты в старобелорусском и староукраинском языках говорят об устном пути вхождения слова в диалекты юго-западных территорий.

В настоящее время рассматриваемый глагол не сохранился ни в русском, ни в белорусском, ни в украинском языке. В польском слово встречается со значением «давать поблажку».

3. Как правило, не вступают в синонимические отношения семантические диалектизмы. Обратимся к иллюстрации.

Глагол *бежать* в исследуемую эпоху был общерусским многозначным словом: 1) убегать; 2) избегать чего-либо; 3) уходить, совершать побег; 4) бежать, быстро передвигаться; 5) плыть по воде на судне; 6) течь. Фиксируется с XI в., в самых ранних памятниках письменности (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1, с. 90).

Однако в смоленской деловой письменности мы нашли глагол *бежать* с не отмеченным на других русских территориях значением – «быстро ехать верхом»: *Онъ Андрей Чайковский, порвавши своего коня, бегъ дорогою гостинцемъ Брянскимъ до Рославля... изаехалъ на ночь въ поместе князя Волкомского* (ДАЮЗ, с. 64, 1659 г.). В смоленском памятнике представлена форма прошедшего времени, которая образована от диалектного инфинитива *бечь* (ССГ, вып. 1, с. 177); этот диалектизм существует и сейчас. Это семантический диалектизм. Контекст актуализирует особую сему – ‘скорость’. С таким значением глагол *бежать* отмечен в текстах начиная с XVIII в. (более поздних, чем смоленский документ) в деловой письменности юго-западных территорий [Кузнецова, 1963]. Сегодня это значение в смоленских диалектах не сохранилось.

Глагол *отправлять* засвидетельствован нами в следующем контексте: *А когда я былъ у дел государевых, и она моя жена Акилина в доме моем своими трудами отпра-*

ляла... и до дому моего и до всякого пожитку братьям моим... дела не было (ГАСО, ф. 114, оп. 1, д. 1, л. 2–2 об., 1730 г.). Он выражает значение общего характера, в нем имеет место диффузность семантики, совмещение различных оттенков: содержать дом, вести хозяйство, управлять делами, поддерживать семью. В связи с такой расплывчатой семантикой глагол *отправлять* следует рассматривать вне синонимических отношений. Этот семантический диалектизм возник на основе частичного сходства по результату действия с общеупотребительным глаголом *отправлять* «совершать».

Нигде более этот диалектный глагол ни в рассматриваемую эпоху, ни позднее не засвидетельствован. Однако в современных смоленских говорах бытует глагол *отправлять* с частично схожим значением – «накрывать на стол, праздновать» (ССГ, вып. 7, с. 199). Выпуск словаря, где зафиксирован этот глагол, вышел в свет в 1996 году. Позднее во время диалектологической экспедиции в Дорогобужском районе Смоленщины был выявлен глагол *отправлять* «распоряжаться чем-либо, управлять». Это значение близко значению глагола XVIII века. Узколокальный семантический диалектизм по-прежнему остается узколокальным. Вероятно, он возник на основе видоизменения значения общеупотребительного слова, а звуковая оболочка осталась неизменной. Диалектное значение мотивировано наличием внутренней связи между сопоставляемыми глаголами.

4. Словообразовательные диалектизмы – это слова, отличающиеся от общерусских соответствий структурным оформлением. Часто они не вступали в синонимические отношения в силу словообразовательной специфики.

Так, мы отметили в одном смоленском тексте XVIII в. глагол *бегаться*: *И при нихъ имелась незнаемо какая сабака кобель шерои и будучи оные люди у меня... в доме моем со оною сабакою от меня и пошли а в то время бегалась дворовая моя сука и подходе означенных ее Бровцы найто отъ меня тот их кобель с ними и побежал и понороя мало обратно въ дом мой прибежала* (РГАДА, ф. 171, д. 4, 1754 г.).

С помощью контекста и данных словаря В.И. Даля мы определили значение глагола

бегаться (с формантом *-ся*) как «носиться, быть беспокойным в пору течки (о собаке)» (Даль, т. 1, с. 150). Кроме словаря В.И. Даля, в других источниках этот словообразовательный диалектизм не засвидетельствован. В литературном языке нет эквивалента – значение передается описательно. СРНГ фиксирует лексему с похожим значением в калужских и иркутских (места вторичного заселения) говорах (СРНГ, вып. 2, с. 169–170). На сегодняшний момент слово ушло из языка, возможно, потому, что оно обозначало специфическое редкое действие.

Узколокальным является найденный нами в источнике XVIII в. словообразовательный диалектизм *способиться*: *И волна ему Петру по сей купчей в бегах искать и съжилыми годами вперед без выкупу бит челом самому брать и выводить куды **способица*** (ГАСО, ф. 114, оп. 1, д. 1, л. 10, 1722 г.). Из текста ясно лишь общее значение – «быть удобным, приспособленным, желательным». В общем употреблении нет глагола-эквивалента с таким значением; обычно оно передается словами категории состояния: *куда можно, куда удобно*. Именно поэтому глагол *способиться* находится вне синонимических отношений.

Думается, что глагол был окказиональным образованием, так как нигде более не засвидетельствован.

Такой же узколокальной смоленской лексемой рассматриваемого периода является глагол *заносать* «заболеть (о лошади)»: *А другую лошадь они продали потому что тоя лошади у них кружечного двора голова... не принял для того что тая лошад **заносателя*** (РГАДА, ф. 145/1, д. 13, л. 27, 1674 г.). Так как этот глагол употреблен в контексте, где речь идет о болезни лошади, возможно, специфической, он не может быть включен в синонимический ряд, называющий состояние болезни человека (*заболеть, занемочь, захворать, занедужить*). Глагол сегодня не сохранился.

Выводы

Итак, сделаем некоторые обобщения.

1. Наличие в семантике диалектных глаголов дополнительных оттенков, которые от-

сутствуют в литературном языке и передаются в нем описательно, с помощью слов-конкретизаторов, препятствует возникновению синонимических связей таких глаголов.

2. Наличие отношений общего и частного между словами, рассматриваемыми как потенциальные синонимы, не позволяет определить их как синонимы, создает иллюзию синонимичности.

3. Диффузность семантики диалектных глаголов, совмещение в значении различных, трудно выделяемых оттенков, их контаминация ограничивают возможности этих единиц вступать в синонимические отношения.

4. Затененность, неясность значения, которая затрудняет возможность включения глагола в тот или иной синонимический ряд, – одна из причин, по которым лексемы можно считать словами с отсутствующими синонимическими связями. Краткость и ограниченность контекста в некоторых памятниках письменности не позволяет однозначно квалифицировать некоторые диалектные слова, особенно с узким ареалом бытования в рассматриваемую эпоху.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов Р. И., Чичеров В. И., 1951. Рецензия на «Филологический сборник» // Советская книга. № 10. С. 98–105.
- Борисова Е. Н., 1974. Лексика Смоленского края по памятникам письменности. Смоленск : СГПИ. 161 с.
- Виноградов В. В., 1941. Из истории русской лексики // Русский язык в школе. № 2. С. 12–19.
- Винокур Г. О., 1929. Проблема культуры речи // Русский язык в советской школе. № 5. С. 82–92.
- Генералова Е. В., 2016. О специфике синонимических отношений в языке Московской Руси XVI–XVII веков // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 3. С. 98–106.
- Евгеньева А. П., 1964. Проект словаря синонимов. М. : Наука. 47 с.
- Ерофеева И. В., Шептухина Е. М., 2016. Словообразовательная синонимия производных имен нулевой суффиксации и образований на *-(е)ние* в древнерусском языке (на материале «Повести временных лет») // Филология и культура. № 2 (44). С. 75–80.

- Иванова М. В., 1986. Лексика жития Стефана Пермского, написанного Епифанием Премудрым : дис. ... канд. филол. наук. М. 212 с.
- Козырев И. С., 1972. Из истории синонимов русского и белорусского языков // Синонимы русского языка и их особенности. М. : Наука. С. 184–195.
- Королева И. А., 1990. Глагольная синонимия в языке смоленской деловой письменности конца XVI–XVIII вв. : дис. ... канд. филол. наук. Смоленск. 236 с.
- Кузнецова А. И., 1963. Смысловые отношения и их исторические изменения в лексико-семантической группе глаголов движения русского языка (с XI по XX вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 24 с.
- Павлова Т. Н., Бахтина С. И., 2016. Синонимические связи между одноосновными разноаффиксными глаголами в диахроническом аспекте // Вестник Чувашского университета. № 2. С. 227–234.
- Сиротинина В. А., 1960. Лексическая синонимия в русском языке. Львов : Изд-во Львов. ун-та. 60 с.
- Смолина К. П., 1977. Типы синонимических отношений в русском литературном языке второй половины XVIII века. М. : Наука. 141 с.
- Филин Ф. П., 1946. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи: по материалам летописей : дис. ... д-ра филол. наук. Л. 805 с.
- Чартко І. І., 1967. Лексика нямецкага нахождання у старабеларускай мове : дис. ... канд. филол. наук. Мінск. 398 с.

ИСТОЧНИКИ

- ГАСО – Государственный архив Смоленской области.
- ДАЮЗ – Дополнения к актам, относящимся к истории южной и западной России. В 12 т. Т. 3. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1862. 543 с.
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
- Смоленские комедии – Смоленские комедии XVIII века // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб. : [б. и.], 1905. Т. 10, кн. 1. С. 51–104.

СЛОВАРИ

- Брюкнер – Brukner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, s.n., 1979. 806 s.
- Белькевич – Бялькевіч І. К. Краёвы слоўнік Усходняй Магілёўшчыны. Мінск : Навука і Тэхніка, 1970. 510 с.
- Гринченко – Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Ки-

евская старина», редактированный с добавлением собственных материалов : в 4 т. Киев : Тип. Б.Д. Гринченко, 1907–1909. 4 т.

- Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. 4 т.
- Добровольский – Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск : Тип. П.А. Силина, 1914. 1022 с.
- Житецкий – Житецкий П. Словарь книжной малорусской речи по рукописям XVII века, или Синонима славеноросская. Киев : Тип. Г.Т. Корчакъ-Новицкаго, 1888. 104 с.
- Ильин – Українсько-російський словник / укладачі В. С. Ільїн. Київ : Сов. енцикл., 1976. 944 с.
- КДРС – Картотека Словаря русского языка XI–XVII вв. М. : Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова.
- Крапіва – Беларуская-рускі слоўнік / пад рэд. К. К. Крапівы. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1962. 1048 с.
- Носович – Словарь белорусского наречия, составленный И. Носовичем. СПб. : Отд-ние рус. яз. и словесности Акад. наук, 1870. 756 с.
- РИС – Региональный исторический словарь по памятникам смоленской деловой письменности конца XVI–XVIII вв. Смоленск : СГПУ, 2000. 368 с.
- Слов. Ст. – Słownik staropolski. T. 1–9. Wrocław [etc.] : [s. n.], 1953–1985.
- Слов. укр. XIV–XV ст. – Словарь староукраинского языка XIV–XV столетий : в 2 т. Київ : Наукова думка, 1977–1978. 2 т.
- Словарь АН – Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук : в 4 т. СПб. : Тип. Императ. Акад. Наук, 1895–1916. 4 т.
- Словарь XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века. В 6 вып. Вып. 1–3. Л. : Наука, 1984–1987.
- СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. В 43 вып. Вып. 1–29. М. : Наука : Азбуковник, 1975–2011.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л. : Наука, 1968– . Вып. 1 (1968)– 50 (2018).
- ССГ – Словарь смоленских говоров. В 11 вып. Смоленск : Смол. пед. ин-т, 1974–2005. 11 вып.
- Стыпула – Stypula R. Wielki słownik polsko-rosyjski. Warszawa ; Moskwa : [б. и.], 1967. 1344 s.
- Юрчанка – Юрчанка Г. Ф. Дialectны слоўнік з гаворак Мсціслаўшчыны. Мінск : Навука і Тэхніка, 1966. 227 с.

REFERENCES

- Avanesov R.I., Chicherov V.I., 1951. Retsenziya na «Filologicheskiiy sbornik» [Review of the

- “Philological Collection”]. *Sovetskaya kniga* [Soviet Book], no. 10, pp. 98-105.
- Borisova E.N., 1974. *Leksika Smolenskogo kraja po pamyatnikam pismennosti* [Lexis of the Smolensk Region on the Monuments of Writing]. Smolensk, SGPI. 161 p.
- Vinogradov V.V., 1941. Iz istorii russkoy leksiki Russian [Russian Lexis from the History of Russian Lexis]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at School], no. 2, pp. 12-19.
- Vinokur G.O., 1929. Problema kultury rechi [The Problem of Speech Culture]. *Russkiy yazyk v sovetskoy shkole* [Russian in the Soviet School], no. 5, pp. 82-92.
- Generalova Ye.V., 2016. O spetsifike sinonimicheskikh otnosheniy v yazyke Moskovskoy Rusi XVI–XVII vekov [On the Specifics of Synonymic Relations in the Language of Moscow Rus of the 16th – 17th Centuries]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsialnyye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series “Humanitarian and Social Sciences”], no. 3, pp. 98-106.
- Yevgenyeva A.P., 1964. *Proyekt slovarya sinonimov* [Synonym Dictionary Project]. Moscow, Nauka Publ. 47 p.
- Yerofeyeva I.V., Sheptukhina Ye.M., 2016. Slovoobrazovatel'naya sinonimiya proizvodnykh imen nulevoy suffiksatsii i obrazovaniy na *-(ye)niye* v drevnerusskom yazyke (na materiale «Povesti vremennykh let») [Derivational Synonymy of the Names with the Zero Suffixes and Derivative Formation with the Suffix *-(ye)niye* in the Old Russian Language (Based on “The Tale of Bygone Years”)]. *Filologiya i kultura* [Philology and Culture], no. 2 (44), pp. 75-80.
- Ivanova M.V., 1986. *Leksika zhitiya Stefana Permskogo, napisannogo Epifaniem Premudrym: dis. ... kand. filol. nauk* [The Lexis of the Life of Stephen of Perm, Written by Epiphanius the Wise. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 212 p.
- Kozyrev I.S., 1972. Iz istorii sinonimov russkogo i belorusskogo yazykov [From the History of Synonyms of the Russian and Belarusian Languages]. *Sinonimy russkogo yazyka i ikh osobennosti* [Synonyms of the Russian Language and Their Features]. Moscow, Nauka Publ., pp. 184-195.
- Koroleva I.A., 1990. *Glagol'naya sinonimiya v yazyke smolenskoy delovoy pismennosti kontsa XVI–XVIII vv.: dis. ... kand. filol. nauk* [Verbal Synonymy in the Language of the Smolensk Business Writing of the Late 16th–18th Centuries. Cand. philol. sci. diss.]. Smolensk. 236 p.
- Kuznetsova A.I., 1963. *Smyslovyye otnosheniya i ikh istoricheskiye izmeneniya v leksiko-semanticheskoy grupe glagolov dvizheniya russkogo yazyka (s XI po XX vv.): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Semantic Relations and Their Historical Changes in the Lexical-Semantic Group of Verbs of the Movement of the Russian Language (From the 11th to the 20th Centuries.). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 24 p.
- Pavlova T.N., Bakhtina S.I., 2016. Sinonimicheskiye svyazi mezhdru odnoosnovnymi raznoaffiksnyimi glagolami v diakhronicheskom aspekte [Synonymous Connection Between Monobasic Different Affixes Verbs in the Diachronic Aspect]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, no. 2, pp. 227-234.
- Sirotnina V.A., 1960. *Leksicheskaya sinonimiya v russkom yazyke* [Lexical Synonymy in Russian]. Lvov, Izd-vo Lvov. un-ta. 60 p.
- Smolina K.P., 1977. *Tipy sinonimicheskikh otnosheniy v russkom literaturnom yazyke vtoroy poloviny XVIII veka* [Types of Synonymous Relations in the Russian Literary Language of the Second Half of the 18th Century]. Moscow, Nauka Publ. 141 p.
- Filin F.P., 1946. *Leksika russkogo literaturnogo yazyka drevnekievskoy epohi: po materialam letopisej: dis. ... d-ra filol. nauk* [Lexis of the Russian Literary Language of the Ancient Kievan Epoch: Based on the Materials of the Chronicles. Dr. philol. sci. diss.]. Leningrad. 805 p.
- Chartko I.I. 1967. *Leksika nyameckaga nahozhdannya u starabelaruskaj move: dis. ... kand. filol. nauk* [Lexis of German Origin in the Old Belarusian Language. Cand. philol. sci. diss.]. Minsk. 398 p.

SOURCES

- Gosudarstvennyy arkhiv Smolenskoy oblasti* [The State Archive of the Smolensk Region].
- Dopolneniya k aktam, odnosyashchimsya k istorii yuzhnoy i zapadnoy Rossii. V 12 t. T. 3* [Additions to Acts Relating to the History of Southern and Western Russia. In 12 Vols. Vol. 3]. Saint Petersburg, Tip. Eduarda Pratsa, 1862. 543 p.
- Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts].
- Smolenskie komedii XVIII veka* [Smolensk Comedies of the 18th Century]. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk* [News of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences]. Saint Petersburg, s.n., 1905, vol. 10, book 1, pp. 51-104.

DICTIONARIES

- Brukner A. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa, s.n., 1979. 806 s.
- Byalkevich I.K. *Krayovyy slounik Uskhodnyay Magilyoushchyny* [Regional Dictionary of Eastern Mogilev]. Minsk, Navuka i Tekhnika, 1970. 510 p.
- Grinchenko B.D. *Slovar ukrainskogo yazyka, sobrannyy redaktsiye zhurnala «Kievskaya starina», redaktirovannyy s dobavleniem sobstvennykh materialov: v 4 t.* [Dictionary of the Ukrainian Language, Collected by the Editorial Board of the Kiev Antiquity Magazine, Edited with the Addition of Its Own Materials. In 4 Vols.]. Kiev, Tip. B.D. Grinchenko, 1907–1909.
- Dal V.I. *Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarye, 1956.
- Dobrovolskiy V.N. *Smolenskiy oblastnoy slovar* [Smolensk Regional Dictionary]. Smolensk, Tip. P.A. Silina, 1914. 1022 p.
- Zhitetsiy P. *Slovar knizhnoy malorusskoy rechi po rukopisyam XVII veka, ili Sinonima slavenorosskaya* [Dictionary of Little Russian Book Speech Based on Manuscripts of the 17th Century, or the Synonym Slavenorosskaya]. Kiev, Tip. G.T. Korchak-Novitskago, 1888. 104 p.
- Ilyin V.S., ed. *Ukrainsko-rosiyskiy slovník* [Ukrainian-Russian Dictionary]. Kiev, Sov. entsikl. Publ., 1976. 944 p.
- Kartoteka Slovarya russkogo yazyka XI–XVII vv.* [The Card File of the Dictionary of the Russian Language of 11th – 17th]. Moscow, In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova.
- Krapiva K.K., ed. *Belaruska-ruski slounik* [Belarusian-Russian Dictionary]. Moscow, Gos. izd-vo inostr. i nats. slov., 1962. 1048 p.
- Slovar belorusskogo narechiya, sostavlennyy I. Nosovichem* [Dictionary of the Belarusian Dialect, Compiled by I. Nosovich]. Saint Petersburg, Otd-niye rus. yaz. i slovesnosti Akad. nauk, 1870. 756 p.
- Regionalnyy istoricheskiy slovar po pamyatnikam smolenskoy delovoy pismennosti kontsa XVI–XVIII vv.* [Regional Historical Dictionary on the Monuments of Smolensk Business Writing of the Late 16th – 17th Centuries]. Smolensk, SGPU, 2000. 368 p.
- Slovník staropolski. T. 1–9.* Wrocław, etc., s. n., 1953–1985.
- Slovar staroukrainskogo yazyka XIV–XV stoletiy: v 2 t.* [Dictionary of the Old Ukrainian Language of the 14th – 15th Centuries. In 2 Vols.]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1977–1978.
- Slovar russkogo yazyka, sostavlennyy Vtorym otdeleniem Imperatorskoy Akademii Nauk: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language Compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences. In 4 Vols.]. Saint Petersburg, Tip. Imperat. Akad. Nauk, 1895–1916.
- Slovar russkogo yazyka XVIII veka. V 6 vyp. Vyp. 1–3* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century. In 6 Iss. Iss. 1–3]. Leningrad, Nauka Publ., 1984–1987.
- Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. V 43 vyp. Vyp. 1–29* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th Centuries. In 43 Iss. Iss. 1–29]. Moscow, Nauka Publ., Azbukovnik Publ., 1975–2011.
- Slovar russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Leningrad, Nauka Publ., 1968–, iss. 1 (1968) – 50 (2018).
- Slovar smolenskikh govorov. V 11 vyp.* [Dictionary of Smolensk Dialects. In 11 Iss.]. Smolensk, Smol. ped. in-t, 1974–2005.
- Stypula R. *Wielki słownik polsko-rosyjski*. Warszawa, Moskwa, s. n., 1967. 1344 s.
- Yurchanka G.F. *Dialektny slounik z gavorak Mscislaushchyny* [Dialect Dictionary from Mstislav Dialects]. Minsk, Navuka i Tekhnika Publ., 1966. 227 p.

Information About the Author

Inna A. Koroleva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language, Smolensk State University, Przheval'skogo St, 4, 214000 Smolensk, Russia, innakor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0597-6921>

Информация об авторе

Инна Александровна Королева, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Смоленский государственный университет, ул. Пржевальского, 4, 214000 г. Смоленск, Россия, innakor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0597-6921>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.8>

UDC 81'373.2
LBC 81.053.16

Submitted: 30.01.2023
Accepted: 05.06.2023

SPECIFICITY OF NOMINATING THE GEOGRAPHICAL OBJECTS: THE REFLECTION OF NATIONAL AND REGIONAL COMPONENTS

Dmitriy Yu. Ilyin

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Elena G. Sidorova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The political, economic, social and cultural changes that occur in the society affect the processes of nominating urban objects, which represent a fundamental part of toponymic policy. It therefore seems relevant to compare the basics of nominating processes underlying the hodonyms, which are understood as proper names that nominate linear or separately standing elements of a street and road network located on the territory of any type of settlement. The article deals with the hodonyms of Volgograd and Krasnoyarsk. As a result of the comparative study, it has been established that whilst nominating intra-city topographical objects of the abovementioned settlements, the most relevant were memorative and locative linguistic codes, through which the history of the area, country and world is characterized in the hodonymic space of the regions, while symbolic, ethnic and numeric linguistic codes are not decisive for the choice of urban objects' names. It has been proved that linguistic coding takes into account national trends in the development of globalization and glocalization processes and regional specifics, which clarify the geographical location of a settlement, the national composition of the population, their customs and traditions. The article identifies some factors that hinder the implementation of toponymic policy, the most significant of which are the low degree of novelty of the name within the city; the presence of hodonyms, one of the components of which is correlated with another geographical term, the occurrence of separate multi-component nominations.

Key words: toponym, hodonym, hodonymic space, linguistic code, element of a street and road network.

Citation. Ilyin D.Yu., Sidorova E.G. Specificity of Nominating the Geographical Objects: The Reflection of National and Regional Components. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 5, pp. 112-124. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.8>

УДК 81'373.2
ББК 81.053.16

Дата поступления статьи: 30.01.2023
Дата принятия статьи: 05.06.2023

СПЕЦИФИКА НОМИНАЦИЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТОВ

Дмитрий Юрьевич Ильин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Елена Геннадьевна Сидорова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Изменения политического, экономического, социокультурного характера, происходящие в обществе, влияют на процессы номинации городских объектов – основополагающую часть топонимической политики. В связи этим представляется актуальным сопоставление наименований годонимов, под кото-

рыми понимаются имена собственные, называющие линейные или точечные элементы улично-дорожной сети, расположенные на территории населенного пункта любого типа. В статье изложены результаты сопоставительного изучения топонимов Волгограда и Красноярска. Установлено, что при номинации внутригородских топографических объектов названных населенных пунктов наиболее релевантны меморативный и локативный лингвистические коды, посредством которых в топонимическом пространстве регионов характеризуются история местности, страны и мира; символический, этнический и нумеративный лингвистические коды не выступают определяющими для выбора названий городских объектов. Доказано, что при лингвистическом кодировании учитываются общенациональные тенденции развития глобализации и глокализации и региональная специфика, уточняющая географическое положение населенного пункта, национальный состав населения, его обычаи и традиции. Обозначены некоторые факторы, осложняющие реализацию топонимической политики: наиболее значимыми из них являются низкая степень уникальности названия в пределах города, наличие топонимов, включающих в качестве одного из компонентов географический термин, наличие отдельных многокомпонентных номинаций.

Ключевые слова: топоним, топоним, топонимическое пространство, лингвистический код, элемент улично-дорожной сети.

Цитирование. Ильин Д. Ю., Сидорова Е. Г. Специфика номинаций географических объектов как отражение общенационального и регионального компонентов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 5. – С. 112–124. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.8>

Введение

Ономастика традиционно интерпретирует географические имена собственные как знаки культуры, способные экстраполировать на топографические объекты историко-культурную, социально-экономическую информацию. Географические имена выступают знаками, которые помогают формировать региональные особенности и закреплять устойчивые ассоциативные связи человека с территорией. Эти связи в современную эпоху, маркированную диалектическим взаимодействием глобализации и глокализации, становятся определяющими для социума, поскольку происходит осознание того, что сохранение местной уникальности и дальнейшее развитие номинационных процессов, в том числе в сфере географических наименований, возможны, если в глобальном пространстве сохранится региональная специфика языковых знаков, отражающих местные обычаи, традиции и ценности жителей тех или иных территорий.

Пространственные городские объекты детерминируют восприятие города как населенного пункта, имеющего определенный статус, который зависит от численности горожан и характера их занятий, географического, экономического, исторического и культурного значения поселения. Такие объекты сохраняют индивидуальность, по-своему воспроизводя городскую ландшафт, передавая сведения об историческом прошлом, формируют насто-

ящее и будущее. В этой связи актуальным в лингвистическом аспекте представляется комплексное описание принципов топонимической номинации, обращение к которым даст возможность «анализировать процессы конструирования и деконструкции идентичности и памяти применительно к тому или иному региону или городу» [Тхакахов, 2018, с. 62].

Результаты анализа научной литературы позволяют говорить о многоаспектном изучении топонимов городского пространства: с социологических позиций [Ахременко, 2023; Полюшкевич, 2017; Тхакахов, 2019], исходя из топонимической репрезентации региональной идентичности [Гефнер, 2022; Разумов, Горяев, 2020; Шушарина, 2016], с точки зрения формирования языкового имиджа в городской топонимии и эргонимии [Багирова, Гаврикова, 2015; Дамбуев, 2022; Демьянов, Рыженко, 2017].

Вопросы номинации городских объектов являются основополагающей частью региональной топонимической политики и приобретают острое социальное звучание в контексте политических, экономических и социокультурных изменений. Представляется актуальным сопоставление наименований элементов улично-дорожной сети (адресообразующих объектов) в аспекте реализации топонимической политики в различных городах страны. Именно поэтому центральное понятие данного исследования – топоним, рассматриваемый Н.В. Подольской наряду с агоронимом, город-

ским хоронимом, экклезионимом и ойкодомонимом как разновидность урбанонима [Подольская, 1988, с. 139]. По мнению ученого, годоним – «название линейного объекта в городе, в т. ч. проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной» [Подольская, 1988, с. 52]. Однако в ономастической литературе последних лет все очевиднее проявляется тенденция к расширительному толкованию данного термина. Так, Л.В. Егорова предлагает использовать данный термин применительно к наименованиям площадей, традиционно относимым к агоронимам, на основании того, что такие проприативы в лексико-семантическом и словообразовательном аспектах схожи с годонимами и «не обнаруживают особых приемов номинации» [Егорова, 2018, с. 225]. При этом исследователь закрепляет за названиями адресообразующих объектов два термина: годоним (для обозначения соответствующих онимов в городе) и виконим (для их обозначения в населенном пункте сельского типа) [Егорова, 2018, с. 225]. Ранее нами уже высказывалась мысль о том, что «принципиальных понятийных различий при анализе наименований улиц, переулков, проспектов и т. п., расположенных внутри городов, сел, деревень, хуторов и других поселений, нет, а следовательно, нет и необходимости во введении в научный оборот дополнительных терминов» [Сидорова, 2021, с. 215]. Полагаем, что годоним целесообразно рассматривать как имя собственное, называющее линейный или точечный элемент улично-дорожной сети (аллею, бульвар, переулок, площадь, проезд, проспект, улицу, шоссе и др.), расположенный на территории населенного пункта любого типа.

Языковой образ современного города во многом формируется и воспринимается жителями и гостями через его годонимическое пространство, представляющее собой «совокупность географических наименований, официально закрепленных за линейными топообъектами, расположенными в пределах любых населенных пунктов» [Ильин, Сидорова, 2022, с. 40], поскольку данные онимы способны не только отражать исторические, культурные и социально-бытовые ценности горожан, но и при необходимости корректировать образ города с учетом эволюции современных техно-

логий именования и постоянно расширяющегося массива топографических объектов, нуждающихся в означивании.

Материал и методы

Объектом данного исследования избраны годонимы Волгограда и Красноярска. Сопоставление годонимического пространства названных городов представляет интерес в связи с тем, что они были основаны примерно в одно время (Царицын в 1589 г., Красноярск в 1628 г.), на берегах великих русских рек Волги и Енисея соответственно, население каждого из них в настоящий момент насчитывает чуть более миллиона человек, при этом территориально города разделяет более трех тысяч километров. Количество онимов, именующих адресообразующие элементы улично-дорожной сети, существенно различается: если в Красноярске, по данным авторской картотеки, их чуть более тысячи, то в Волгограде около двух тысяч.

Установление специфики годонимического пространства городов предполагает выявление лежащих в основе соответствующих онимов лингвистических кодов, под которыми понимаются «способы и средства создания лексических единиц, называющих тот или иной объект внеязыковой действительности посредством системы определенных правил, присущих языку» [Ильин, Сидорова, 2022, с. 59].

Исследование проводилось с использованием общенаучных методов индукции, обобщения, анализа, синтеза, описания и специализированных лингвистических методов структурно-семантического анализа.

Результаты и обсуждение

Принципы лингвистического кодирования элементов улично-дорожной сети

Проведенный анализ наименований адресообразующих элементов улично-дорожной сети, зафиксированных в годонимическом пространстве Волгограда и Красноярска, позволил выделить несколько принципов лингвистического кодирования.

1. Локативный лингвистический код, в соответствии с которым производящей

базой годонима выступает топоним иного типа – ойконим, гидроним, ороним и др. Среди таких наименований наиболее распространены ойконимические годонимы, причем достаточно частотны те из них, которые относятся к населенным пунктам данного региона, например:

в Волгограде: улицы *Абганеровская* (с. Абганерово), *Быковская* (п. Быково), *Калачевская* (г. Калач-на-Дону), *Камышинская* (г. Камышин), *Краснослободская* (г. Краснослободск), *Нижнечирская* (п. Нижний Чир), *Саушинская* (х. Саушинский), *Суровикинская* (г. Суровикино), *Светлаярская* (п. Светлый Яр), *Урюпинская* (г. Урюпинск), *Усть-Бузулукская* (ст-ца Усть-Бузулукская);

в Красноярске: улицы *Дивногорская* (г. Дивногорск), *Иланская* (г. Иланский), *Кодинская* (г. Кодинск), *Кразовская* (п. Кразовский), *Минусинская* (г. Минусинск), *Партизанская* (с. Партизанское), *Тасеевская* (с. Тасеево), *Тубинская* (с. Тубинск), переулки *Тюхтетский* (с. Тюхтет), *Чечеульский* (с. Чечеул).

Востребованы в годонимическом пространстве рассматриваемых городов и названия адресообразующих объектов, поименованные в честь населенных пунктов, находящихся в других регионах страны, в том числе в соседних, например:

в Волгограде: улицы *Анапская*, *Воронежская*, *Калужская*, *Колтинская*, *Магнитогорская*, *Майкопская*, *Саранская*, переулки *Адлерский*, *Аткарский*, *Костромской*;

в Красноярске: улицы *Астраханская*, *Дудинская*, *Казанская*, *Краснодарская*, *Ленинградская*, *Магнитогорская*, *Московская*, *Норильская*, *Смоленская*, *Ставропольская*, переулки *Абаканский*, *Выборгский*.

Специфика годонимического пространства Волгограда проявляется в сосуществовании в нем онимов, мотивированных различными наименованиями одного и того же города: улицы *Петроградская*, *Ленинградская*, *Петербургская*; *Куйбышевская*, *Самарская*; *Царицынская*, *Волгоградская* и *Сталинградская* (в 1962 г. была переименована в *Молодежную*); наличия ойконимических названий, мотивированных наименованиями иностранных населенных пунктов: улицы *Братиславская*, *Варшавская*, *Венская*, *Ковентри*, *Льежа*, *Остравская*, *Порт-Саида*,

Пражская, *Софийская*, *Хиросимы*, переулки *Варненский*, *Ченстоховский*.

В Красноярске зафиксировано только три годонима такого типа (улицы *Кабульская*, *Кандагарская*, *Шиндандская*), причем все они расположены в одном микрорайоне «Афганец», где в 1997 г. предоставляли жилье преимущественно участникам военных действий в Афганистане 1979–1989 годов.

Значительное количество рассматриваемых годонимов мотивировано различными гидронимами, расположенными на территории региона, например:

в Волгограде: улицы *Аксайская* (р. Аксай), *Волжская* (р. Волга), *Добринская* (р. Добринка), *Донская* (р. Дон), *Котлубанская* (р. Котлубань), *Хоперская* (р. Хопер), *Цимлянская* (водохранилище Цимлянское), *Эльтонская* (оз. Эльтон), проезд *Бузулукский* (р. Бузулук);

в Красноярске: улицы *Базайская* (р. Базаиха), *Бийхемская* (р. Бий-Хем), *Енисейская* (р. Енисей), *Нанжульская* (р. Нанжуль), *Пясинская* (р. Пясины), *Хетская* (р. Хета), переулки *Авамский* (р. Авам), *Сисимский* (р. Сисим).

Между тем немало наименований элементов улично-дорожной сети мотивированы наименованиями водных объектов, имеющих отношение к другим регионам или (реже) странам, например:

в Волгограде: улицы *Ангарская*, *Аральская*, *Ахтубинская*, *Баскунчакская*, *Бурейская*, *Днестровская*, *Дунайская*, *Енисейская*, *Клязьминская*, *Нильская*;

в Красноярске: улицы *Азовская*, *Амурская*, *Байкальская*, *Волжская*, *Иртышская*, *Невская*, *Хантайская*, *Цимлянская*, *Ширинская*.

Имеется в годонимическом пространстве анализируемых городов и несколько ойконимических наименований, например:

в Волгограде: улицы *Альпийская*, *Араратская*, *Кавказская*, *Уральская*, *Эльбрусская*, проезд *Карпатский*;

в Красноярске: улицы *Дрокинская*, *Куйсумская*, *Путоранская*, переулок *Уральский*.

Отметим взаимное соотношение локативных годонимов, мотивированных названиями региональных столиц и важнейших рек, на берегах которых они располагаются. Так,

в Волгограде зафиксированы улицы *Красноярская* и *Енисейская*, а в Красноярске – *Волгоградская* и *Волжская*.

В целом локативный лингвистический код в топонимическом пространстве рассматриваемых территорий чрезвычайно востребован: доля топонимических наименований элементов улично-дорожной сети в Волгограде составляет 31 %, в Красноярске – 21 %.

2. Меморативный лингвистический код позволяет увековечивать имена людей либо события, которые оказались значимыми для региона и сохраняются в памяти жителей, в связи с чем возможно выделить три типа меморативных названий: личностные, групповые и событийные. Обращает на себя внимание высокая степень инклюзивности топонимического пространства Волгограда и Красноярска, проявляющаяся в наличии одинаковых наименований элементов улично-дорожной сети. Так, в топонимическом пространстве обоих городов представлены личностные меморативы, посвященные:

1) известным в мировом или национальном масштабе историческим личностям:

улицы *им. В.И. Ленина*, *им. Карла Либкнехта*, *им. Карла Маркса*, *им. Энгельса*, *им. Розы Люксембург*, *им. Пожарского*, *им. Козьмы Минина*, *им. Марата*, *им. Эрнста Тельмана*, *им. Степана Разина*, *им. Суворова*;

2) революционерам и участникам Гражданской войны:

улицы *им. Володарского*, *им. Котовского*, *им. Пархоменко*, *им. Сергея Лазо*, *им. Чапаева*, *им. Щорса*;

3) участникам Великой Отечественной войны:

улицы *им. Александра Матросова*, *им. Маршала Г.К. Жукова*, *им. Маршала К. Рокоссовского*, *им. Маршала Малиновского*, *им. Ватутина*, *им. Гастелло*, *им. Талалихина*, *им. Лизы Чайкиной*, *им. Зои Космодемьянской*;

4) летчикам и космонавтам:

улицы *им. Чкалова*, *им. Осипенко*, *им. Юрия Гагарина*, *им. Германа Титова*, *им. Терешковой*;

5) деятелям науки и культуры:

улицы *им. Академика Вавилова*, *им. Академика Павлова*, *им. Ломоносова*, *им. Мичурина*, *им. Менделеева*, *им. Мусоргского*, *им. Пушкина*, *им. Лермонтова*, *им. Маяковского*, *им. Тургенева*, *им. Гоголя*, *им. Софьи Ковалевской*, *им. Тимирязева*, *им. Герцена*, *им. Белинского*, *им. Циолковского*, *им. Чернышевского*, *им. Чехова*, *им. Серафимовича*, *им. Толстого*.

Однако специфика топонимического пространства любого поселения проявляется в наличии уникальных, территориально и исторически обусловленных наименований адресообразующих элементов. Применительно к меморативным названиям речь идет либо о местных жителях, внесших существенный вклад в защиту или развитие региона, либо о личностях, героически погибших в мирное время на территории данного региона. К таким уникальным топонимам в пространстве Волгограда можно отнести улицы *им. Григория Засекина* (Г.О. Засекин – основатель г. Царицына), *им. Петра Гончарова* (местный уроженец П.А. Гончаров, один из самых результативных снайперов периода Второй мировой войны, Герой Советского Союза), *им. Звездына* (И.А. Звездин – местный уроженец, участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза), *им. Бахтурова*, *им. Воронкова*, *им. Городовикова*, *им. Ткачева*, *им. Хорошева* (участники обороны г. Царицына в 1919 г.), *им. Асланова*, *им. Вычугова*, *им. Гвардии Капитана Курсекова*, *им. Гвардии Полковника Добрушина*, *им. Иссы Плиева*, *им. Степыкиной*, *им. Стрельца*, *им. Ломакина*, *им. Маршала Чуйкова* (участники Сталинградской битвы 1942–1943 гг.), *им. Кастерина*, *им. Лячина*, *им. Солнечникова*, *им. Степкина*, *им. Чуркина* (жители Волгограда, погибшие в мирное время при исполнении служебных обязанностей или в горячих точках), *им. Профессора Иншакова*, *им. Максима Загоруйко* (ученые, внесшие вклад в развитие региона, почетные граждане г. Волгограда), *им. Ивана Лапикова*, *им. Маргариты Агашиной*, *им. Сухова* (деятели культуры – уроженцы Волгограда).

Уникальность топонимического пространства Красноярска связана с наличием таких онимов, как улицы *Абытаевская* (Абытай – аринский князь, чьи владения были в окрестностях Красноярска в XVI в.), *им. Григория Ивановича Спасского* (русский историк, ис-

следователь Сибири), *им. Ады Лебедевой*, *им. Бограда*, *им. Вейнбаума*, *Маерчака*, *Щетинкина* (активные борцы за установление Советской власти в Енисейской губернии), *им. Героя Советского Союза В.В. Вильского*, *им. Героя Советского Союза Б.А. Микуцкого*, *им. Героя Советского Союза И.А. Борисевича*, *им. Героя Советского Союза М.А. Юшкова* (местные жители, участники Великой Отечественной войны), *им. Дружинника Корнетова*, *им. Лиды Прушинской*, *им. Алеши Тимошенкова*, *им. Юрия Рожина*, *им. Анатолия Гладкова* (жители Красноярска, погибшие в мирное время при исполнении гражданского долга), *им. Академика Киренского* (первый красноярский ученый, ставший академиком АН СССР), *им. Борисова*, *им. Петра Подзолкова* (ученые, внесшие вклад в развитие региона, почетные жители г. Красноярска), *им. Петра Слоцова*, *им. Каратанова*, *им. Писателя Н. Устиновича* (деятели культуры – уроженцы Красноярска).

В годонимическом пространстве обоих городов наряду с личностными имеется множество групповых меморативных наименований. Значительная часть таких наименований Волгограда посвящена воинским подразделениям или коллективам, защищавшим Сталинград в 1942–1943 гг., например: *набережная 62-й Армии*, *улицы 10-й Дивизии НКВД*, *7-й Гвардейской*, *36-й Гвардейской*, *51-й Гвардейской*, *Таращанцев* (Таращанский полк в составе 45-й стрелковой дивизии отличился при обороне завода «Красный Октябрь» в Сталинграде). Кроме того, имеются и онимы, призванные сохранять память о коллективах, защищавших другие населенные пункты, например: *улицы Героев Малой Земли*, *Героев Шипки*. В отличие от Волгограда Красноярск во время войны находился в тылу, поэтому в его годонимическом пространстве зафиксирован лишь один оним, посвященный воинскому соединению, – *улица 78 Добровольческой Бригады*, созданной в 1942 г. в Красноярском крае и участвовавшей в освобождении городов Калинин, Великие Луки, Рига и др. Для Красноярска характерны групповые меморативы, связанные с увековечиванием памяти иных коллективов, например: *улицы Декабристов* (121 участник восстания в декабре 1825 г. был сослан в Сибирь на каторгу и

поселение, причем 33 декабриста находились в Енисейской губернии), *Панфиловцев* (бойцы 316-й стрелковой дивизии, участвовавшие в 1941 г. в Битве под Москвой под командованием генерал-майора И.В. Панфилова), *Парижской Коммуны*, *26 Бакинских Комиссаров*, *Папанинцев*, *Челюскинцев*, *Героев Чернобыля*.

Представляется интересным тот факт, что в годонимическом пространстве обоих городов есть коррелирующие друг с другом групповые и личностные меморативы. Так, в Волгограде и Красноярске есть улицы *Краснодонцев*, *Молодогвардейцев* и соотносимые с конкретными участниками данной организации личностные меморативы: *улицы Любови Шевцовой*, *Олега Кошевого*, *Сергея Тюленина*, *Ульяны Громовой*, *Ивана Земнухова* в Волгограде и *улицы Любы Шевцовой*, *Олега Кошевого*, *Сергея Тюленина*, *Ульяны Громовой* в Красноярске. В Волгограде помимо *улицы 26 Бакинских Комиссаров* есть 11 личностных меморативов, посвященных отдельным руководителям Бакинского совнаркома: *улицы Азизбекова*, *Басина*, *Богданова*, *Габышева*, *Джапаридзе*, *Зевина*, *Коганова*, *Малыгина*, *Полухина*, *Солнцева*, *Фиолетова*. Мы уже отмечали, что годонимы *им. Карла Либкнехта*, *им. Розы Люксембург* имеются в обоих городах, но в Красноярске зафиксирован коллективный меморатив – *улица Спартаконцев*, призванный увековечить память о созданной в 1916 г. немецкой революционной организации «Спартак», руководителями которой и являлись К. Либкнехт и Р. Люксембург (БРЭ).

Событийные меморативы, призванные сохранить память о значимых датах и вехах в истории страны, в пространстве Волгограда и Красноярска представлены значительно меньше. В них, как правило, закрепляются даты и события общенационального масштаба, например:

в Волгограде: *бульвар 30-летия Победы*, *улицы 26 июня* (в честь даты первых выборов в Верховный Совет РСФСР, состоявшихся в 1938 г.), *25-летия Октября*, *40 лет ВЛКСМ*, *50-летия ВЛКСМ*, *50 лет Октября*, *70-летия Победы*;

в Красноярске: *улицы 9 Мая*, *60 лет Октября*, *60 лет Образования СССР*, *40 лет Победы*, *9 Января*, *1905 года*.

Даты и события, имеющие непосредственное отношение к конкретному региону, единичны. В Волгограде это улица *Царицынской Обороны*, площадь *Сталинградской Победы*; в Красноярске – улицы *Обороны* (в честь борьбы с армией А.В. Колчака в 1918–1920 гг. в Красноярске), *30 Июля* (30 июля 1919 г. в Красноярском военном городке началось восстание против колчаковской власти, после его подавления более 800 человек были казнены и захоронены в братской могиле, на месте которой и проходит эта улица).

Кроме того, в Волгограде, как городе-герое, имеются топонимы, посвященные защите других городов-героев бывшего СССР: улицы *Обороны Ленинграда*, *Обороны Одессы*, *Обороны Севастополя*. Отметим, что тождественных событийных именовании в рассматриваемых городах нет.

В целом доля адресообразующих элементов улично-дорожной сети, получивших свое наименование в соответствии с меморативным лингвистическим кодом, в Волгограде составляет 29 %, а в Красноярске – 27 %.

3. Антропогенный лингвистический код позволяет отражать в имени топографического объекта нечто созданное человеком в процессе обустройства его труда и быта, а также характеризующее людей по роду их деятельности, вследствие чего в топонимическом пространстве обоих городов имеются многочисленные совпадающие номинации: улицы *Автомобилистов*, *Вокзальная*, *Дачная*, *Деповская*, *Дорожная*, *Карьерная*, *Корабельная*, *Космонавтов*, *Летчиков*, *Моторная*, *Огородная*, *Парковая*, *Садовая*, *Санаторная*, *Спортивная*, *Стадионная*, *Судостроительная*, *Торговая*, *Энергетиков*; переулки *Заводской*, *Инженерный*, *Школьный*; проспект *Металлургов*; улица *Гаражная* в Волгограде – переулок *Гаражный* в Красноярске, шоссе *Авиаторов* в Волгограде – улица *Авиаторов* в Красноярске, улица *Связистов* в Волгограде – проезд *Связистов* в Красноярске, улица *Якорная* в Волгограде – переулок *Якорный* в Красноярске.

Антропогенные номинации составляют более 12 % от общего количества исследуемых топонимов в Волгограде и 20 % в Красноярске.

4. Натуралистический лингвистический код дает возможность присваивать элементам улично-дорожной сети наименования, мотивирующей основой которых являются лексемы, номинирующие природные объекты, а также собственно колоративные названия. Данная группа топонимов имеет множество совпадающих номинаций. На картах обоих городов представлены улицы *Алюминиевая*, *Брусничная*, *Березовая*, *Грибная*, *Еловая*, *Изумрудная*, *Кедровая*, *Ковыльная*, *Малиновая*, *Пихтовая*, *Польнная*, *Рябиновая*, *Тополевая*, *Черемуховая*, *Янтарная*. Большой частотностью и разнообразием при этом отличаются топонимы Волгограда, где, во-первых, в естественных условиях произрастают многие южные растения, давшие название улицам и переулкам, например: улицы *Абрикосовая*, *Арбузная*, *Боярышниковая*, *Виноградная*, *Ежевичная*, *Камышовая*, *Крыжовниковая*, *Маковая*, *Мятная*, *Персиковая*, *Роз*, *Черешневая*; во-вторых, имеются топонимы, мотивирующей основой которых выступают названия птиц, например: улицы *Беркутовая*, *Дроздовая*, *Перепелиная*, *Ястребиная*; в-третьих, зафиксированы собственно колоративные топонимы: улицы *Белая*, *Зеленая*, *Красная*, *Розовая*; в-четвертых, весьма популярны парные названия соположенных улиц и переулков, мотивированные названиями минералов и металлов, например: ул. *Алюминиевая* – пер. *Алюминиевый*, ул. *Берилловая* – пер. *Берилловый*, ул. *Кобальтовая* – пер. *Кобальтовый*, ул. *Никелевая* – пер. *Никелевый*, ул. *Платиновая* – пер. *Платиновый*, ул. *Рубиновая* – пер. *Рубиновый*, ул. *Серебряная* – пер. *Серебряный*, ул. *Стальная* – пер. *Стальной*, ул. *Титановая* – пер. *Титановый*. Специфическими для Красноярска можно признать единичные номинации подобного типа: пер. *Ягельный*, ул. *Живица* (смолистая густая масса, выделяющаяся из разрезов на хвойных деревьях). Как показал анализ топонимического пространства городов, доля натуралистических топонимов Волгограда уже превысила 10 % и продолжает увеличиваться, тогда как в Красноярске они составляют около 7 %.

5. Топографический лингвистический код отражает связь названия элементов улично-дорожной сети с особенностями их

географического расположения, ландшафта, размером и конфигурацией, что предполагает множество совпадающих номинаций. Так, в годонимическом пространстве обоих городов зафиксированы улицы *Восточная, Западная, Северная* (в Волгограде имеется и пер. *Северный*), *Южная, Верхняя, Дальняя, Крайняя, Малая, Набережная, Овражная, Параллельная, Продольная, Линейная, Прямая, Подъемная, Просторная, Подгорная, Степная, Широкая*, переулки *Кольцевой, Речной*. Этот принцип кодирования чрезвычайно востребован в малых поселениях, а на территории крупных городов, как правило, таких номинаций немного, например, в Волгограде их доля составляет только около 5 %, хотя в Красноярске – 12 %.

6. Условно-абстрактный лингвистический код дает возможность адресообразующим элементам улично-дорожной сети отражать условные названия, непосредственно не связанные со свойствами самого топографического объекта. В годонимическом пространстве обоих городов зафиксированы улицы *Бодрая, Весенняя, Летняя, Осенняя, Майская, Новая, Новаторская, Привольная, Радужная, Солнечная, Спокойная, Возрождения, Дружбы, Мира, Победы, Правды, Просвещения, Романтиков, Энтузиастов*. Данный лингвистический код шире отражен в Красноярске, где доля соответствующих онимов составляет 10 %, а в Волгограде он реализован лишь в 7 % онимов.

7. Символический лингвистический код призван закреплять в названии элементов улично-дорожной сети мировоззренческие ценности, праздники, культивировавшиеся в различные периоды развития страны. Если в годонимическом пространстве Волгограда это преимущественно касается советских символов (улицы *Аврорская, КИМ, Коммунаров, Коммунистическая, Комсомольская, Краснозвездная, Краснознаменная, Первомайская, Пионерская, Советская, Совнаркомовская, Социалистическая*), то в Красноярске адресообразующие элементы отражают не только советские символы (улицы *8 Марта, Диктатуры Пролетариата, Красной Звезды, Пионеров, Первых Пионеров, Коммунистическая, Социалистическая, Советская*, проспект *Комсомольский*),

но и православные (улицы *Вербная, Вознесенская, Воскресенская, Пасхальная, Покровская, Преображенская, Рождественская, Сретенская, Троицкая, Успенская*). Доля таких номинаций в целом незначительна и в Волгограде не превышает 3 %, а в Красноярске – 2 %.

8. Этнический лингвистический код используется в тех случаях, когда производящей базой для наименования линейного топообъекта выступают лексемы, называющие национальные, этнические признаки населения, например:

в Волгограде: улицы *Адыгейская, Башкирская, Дагестанская, Кабардинская, Казачья, Казахская, Марийская, Осетинская, Русская, Удмуртская, Узбекская, Таджикская, Туркменская*;

в Красноярске: улицы *Белорусская, Долганская, Казахская, Казачья, Камасинская, Киргизская, Славянская, Украинская, Ястынская*.

Доля годонимов, отражающих этот код, в Волгограде составляет около 2 %, а в Красноярске – 1 %.

9. Нумеративный лингвистический код позволяет присваивать элементам улично-дорожной сети непосредственно номерные наименования. Таких онимов на территории Волгограда семь (проезды *1-й, 2-й*, переулок *Восьмой*, улицы *Первая, Пятая, Восьмая, Девятая*), что составляет менее 1 %. В годонимическом пространстве Красноярска они отсутствуют. По нашему мнению, это наименее удобный для носителей языка код, который не только ничего не сообщает о самом объекте номинирования, но и не предусматривает дальнейшего расширения состава таких адресообразующих элементов в годонимическом пространстве конкретного поселения.

Таким образом, номинации элементов улично-дорожной сети городов Волгограда и Красноярска, выстраиваемые посредством лингвистического кодирования при доминировании определенных лингвистических кодов, демонстрируют учет как общенациональных тенденций развития глобализации и глокализации при означивании объектов годонимического пространства, так и региональной специфики, отражающей географическое положение населенного пункта, национальный состав населения, его обычаи и традиции.

Некоторые проблемы реализации топонимической политики

Результаты проведенного анализа массива онимов, закрепленных за адресообразующими элементами улично-дорожной сети, показывают, что реализация топонимической политики осложняется целым рядом как собственно лингвистических, так и экстралингвистических факторов. Рассмотрим подробнее некоторые из них.

1. Низкая степень уникальности названия в пределах города, проявляющаяся в сосуществовании дублетных наименований (подробнее о шкале уникальности названия см.: [Ильин, Сидорова, 2019]). При этом в соответствии со статьей 7 Федерального закона № 152-ФЗ «присвоение одного и того же наименования нескольким однородным географическим объектам в пределах административно-территориального образования (административно-территориальной единицы) не допускается» (ФЗ-152). Уполномоченные муниципальные органы на протяжении долгого времени ведут работу по повышению степени уникальности названий. Например, в Волгограде две из трех улиц *Подгорная* переименовали в улицы *им. Семашко* в 1951 г. и *им. Лаврентева* в 1961 г., две из трех улиц *Онежская* – в улицы *Курскую* и *Севастопольскую* в 1977 г., одну из двух улиц *Перекопская* – в *Перископскую* в 2001 году. Между тем до настоящего времени в годонимическом пространстве Волгограда и Красноярска имеются дублетные названия однородных элементов улично-дорожной сети, например: по две улицы носят название *Дачная*, *Крайняя*, *Остравская*, *Пионерская*, *Радужная* в Волгограде, *Атаманская*, *Дорожная*, *Квартальная*, *Садовая*, *Сосновая* в Красноярске.

Чрезвычайно активно в качестве способа разграничения дублетных наименований элементов улично-дорожной сети используют цифровой компонент, позволяющий дифференцировать топообъекты, например:

в Волгограде: улицы *Спортивная 1-я*, *Спортивная 2-я*, *Штурманская*, *Штурманская 2-я*, *им. Лермонтова*, *им. Лермонтова 2-я*, переулки *Охотничий 1-й*, *Охотничий 2-й*, *Охотничий 3-й*, *им. Фурманова 1-й*, *им. Фурманова 2-й*, *Манежный 1-й*, *Манежный 2-й*, *Манежный 3-й*, *Манежный 4-й*;

в Красноярске: улицы *Боровая*, *1-я Боровая*, *2-я Боровая*, *Якутская*, *Якутская 1-я*, *Якутская 2-я*, *Якутская 3-я*, *Пионеров*, *2-я Пионеров*, *3-я Пионеров*, *Шинная 1-я*, *Шинная 2-я*, *Шинная 3-я*, *Шинная 4-я*, *Шинная 5-я*, переулки *1-й Гремячий*, *2-й Гремячий*, *3-й Гремячий*, *4-й Гремячий*, *1-й Овражный*, *2-й Овражный*.

В ряде случаев количество одноименных улиц, различающихся лишь цифровым компонентом, по нашему мнению, неоправданно велико. Так, в Красноярске зафиксированы улицы *Линейная*, *Линейная 2-я*, *Линейная 3-я*, *Линейная 4-я*, *Линейная 5-я*, *Линейная 6-я*, *Линейная 7-я*; *Продольная 1-я*, *Продольная 2-я*, *Продольная 3-я*, *Продольная 4-я*, *Продольная 5-я*, *Продольная 6-я*, *Продольная 7-я*, *Продольная 8-я*, *Продольная 9-я*, *Продольная 10-я*, *Продольная 11-я*. Это, безусловно, не способствует оптимизации навигации жителей в пространстве. Именно поэтому уже на протяжении десятков лет топонимические комиссии пытаются сократить количество годонимов с цифровым компонентом. Так, в Волгограде годоним *Серпуховская 1-я* утратил цифровой элемент еще в 1951 г., поскольку одновременно улица *Серпуховская 2-я* была переименована в улицу *Кишиневскую*; элементы улично-дорожной сети *Баррикадная 1-я*, *Баррикадная 2-я* и *Баррикадная 3-я*, сосуществовавшие с *Баррикадной*, в 1957 г. получили новые наименования – *Ярцевская*, *Мценская* и *Электрогорская* соответственно. Однако процесс замены годонимов с цифровым компонентом проводился непоследовательно, поэтому до сих пор фиксируются названия, цифровой компонент которых не отражает реальной топонимической картины, например: улицы *2-я Динамовская*, *4-я Заводская* при отсутствии аналогичных номинаций с другим цифровым элементом или без него, переулки *1-й Былинный* и *3-й Былинный* при отсутствии *2-го Былинного* в Волгограде; улицы *Дальневосточная*, *3-я Дальневосточная*, *4-я Дальневосточная* при отсутствии *2-й Дальневосточной* в Красноярске.

2. Наличие годонимов, один из компонентов которых – географический термин, например:

в Волгограде: улицы *Аллея Героев*, *Военный Городок*, *Поселок Стройдеталь*, *Река Пионерка*, *Сад Мичурина*, *Центральная Аллея*;

в Красноярске: улицы *52 Квартал*, *Технический Поселок*, *Южная Набережная*.

Эти онимы не способствуют оптимизации навигации жителей и гостей в городе, поскольку создают дополнительные трудности в различении тех или иных географических объектов. Так, квартал, сад и набережная в соответствии с утвержденным «Перечнем элементов планировочной структуры, элементов улично-дорожной сети, элементов объектов адресации, типов зданий (сооружений), помещений, используемых в качестве реквизитов адреса» (Перечень) являются элементами планировочной структуры, а не улично-дорожной сети, а улица и аллея – отдельными разновидностями элементов улично-дорожной сети.

3. Наличие отдельных многокомпонентных номинаций, например: проспект *им. Маршала Советского Союза Г.К. Жукова* в Волгограде, улица *им. Героя Советского Союза Степана Григорьевича Янковского* в Красноярске. Онимы такой структуры противоречат пункту 2 статьи 7 Федерального закона № 152-ФЗ «О наименованиях географических объектов», где указано, что «наименование, присваиваемое географическому объекту, должно... состоять не более чем из трех слов» (ФЗ-152).

Заключение

При означивании внутригородских топографических объектов наиболее релевантными являются локативный и меморативный лингвистические коды, позволяющие максимально полно вписать в годонимическое пространство городов Волгограда и Красноярска историю региона и страны. Результаты анализа языкового материала показывают, что при действии локативного лингвистического кода обнаруживаются общие тенденции означивания элементов улично-дорожной сети Волгограда и Красноярска, находящие выражение в трансонимизации: наименования отсылают к имеющимся в регионах названиям населенных пунктов и водных объектов. В то же время имеются и различия, проявляющиеся в отойконимических наименованиях, производящей основой которых служат названия иностранных населенных пунктов: такие наи-

менования частотны в годонимическом пространстве Волгограда и практически не представлены в Красноярске. Гораздо более существенные различия обнаруживаются при реализации меморативного лингвистического кода: если в Волгограде подавляющее большинство групповых меморативов посвящено событиям Великой Отечественной войны и Сталинградской битвы, что вполне объяснимо с точки зрения значимости этих событий для местного населения, то в Красноярске, который находился в тылу, зафиксирован только один групповой меморатив, посвященный воинскому соединению, но в то же время имеются номинации, связанные с увековечиванием памяти иных коллективов. К специфике годонимического пространства Волгограда, в отличие от Красноярска, необходимо отнести широкий диапазон производящей базы элементов улично-дорожной сети, которой являются не только ойконимические названия, но и личностные меморативы. Для годонимического пространства Красноярска характерна большая патриархальность номинаций, эксплицируемая в высокой востребованности наименований на основе антропогенного и топографического лингвистических кодов, которые, по нашим наблюдениям, свойственны в основном для малых населенных пунктов: сел, поселков, хуторов и под. Следует отметить, что другие лингвистические коды в большей степени равномерно организуют процессы номинации в годонимическом пространстве городов, однако отметим, что символический код по-разному реализуется в названиях элементов улично-дорожной сети: если в годонимическом пространстве Волгограда преобладают символы советской эпохи, что объясняется воздействием на население коммунистических идей, то в пространстве Красноярска названные символы не являются доминирующими.

В обоих городах имеются общие проблемы, связанные с реализацией топонимической политики, к которым в первую очередь следует отнести наличие дублетных наименований, особенно с числовыми компонентами, существование годонимов, в состав которых инкорпорирован «чужеродный» географический термин, наличие многокомпонентных номинаций. Наименования элементов улично-

дорожной сети крупных городов, таких как Волгоград и Красноярск, с целью адекватного выполнения важнейшей для них адресной функции должны коррелировать с законами языковой системы, отражая при этом как общие лингвокультурные национальные черты и мировоззрение жителей, так и региональные особенности, обладать высокой степенью уникальности, характеризоваться удобством при использовании в речевой практике и очевидностью орфографического оформления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахременко Д. М., 2023. Выявление ценностных ориентиров общества на основании выбора урбанонимов: на примере города Калуги // Современное педагогическое образование. № 5. С. 200–202.
- Багирова Е. П., Гаврикова Э. О., 2015. Языковой имидж современного города (на материале топонимов и эргонимов г. Тюмень) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Т. 1, № 4 (4). С. 43–55.
- Гефнер О. В., 2022. Военная история страны в топонимии Омска // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. № 1 (28). URL: <https://e-journal.omgau.ru/images/issues/2022/1/00998.pdf>
- Дамбуев И. А., 2022. Числительные в топонимии: варьирование и нормализация // Вопросы ономастики. Т. 19, № 1. С. 117–138. DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.1.006
- Демьянов К. В., Рыженко В. Г., 2017. Идеология, топонимика, политика памяти: о массовом переименовании городов в СССР // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». № 4 (6). С. 153–160.
- Егорова Л. В., 2018. К вопросу изучения топонимов в современной парадигме лингвистических исследований // Вестник Чувашского университета. № 2. С. 224–233.
- Ильин Д. Ю., Сидорова Е. Г., 2019. Ономастическая лексикография в аспекте лингвоэкологического подхода // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 18, № 4. С. 174–185. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.13>
- Ильин Д. Ю., Сидорова Е. Г., 2022. Топонимическая политика региона: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ. 115 с.
- Подольская Н. В., 1988. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука. 192 с.
- Полюшкевич О. А., 2017. Символическое конструирование территориальной идентичности (на примере топонимики Иркутска) // Управленческое конструирование. № 11 (107). С. 80–94.
- Разумов Р. В., Горяев С. О., 2020. Трансляция региональной идентичности в урбанонимии российских городов: современное состояние // Вопросы ономастики. Т. 17, № 2. С. 201–219. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.024
- Сидорова Е. Г., 2021. Годонимическое пространство: содержание и объем понятия // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики в контексте межкультурной коммуникации: сб. материалов I Всерос. науч.-практ. онлайн-конф. (Орел, 25 марта 2021 г.) / под ред. О. Ю. Ивановой. Орел: ОГУ им. И. С. Тургенева. С. 212–217.
- Тхакахов В. Х., 2018. Идентичность и память в урбанонимах Магаса // Общество. Среда. Развитие. № 3. С. 62–67.
- Тхакахов В. Х., 2019. Идентичность и память в урбанонимах Владикавказа // Дискурс. Т. 5, № 6. С. 108–119.
- Шушарина Г. А., 2016. Экспликация региональной идентичности Комсомольска-на-Амуре в региональном ономастическом пространстве // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 2 (167). С. 76–80.

ИСТОЧНИКИ

- Перечень* – Перечень элементов планировочной структуры, элементов улично-дорожной сети, элементов объектов адресации, типов зданий (сооружений), помещений, используемых в качестве реквизитов адреса // Приказ Министерства финансов РФ от 05.11.2015 № 171н. URL: <https://www.publication.pravo.gov.ru/Document/View/000120512150049>
- Ф3-152 – Федеральный закон от 18.12.1997 № 152-ФЗ «О наименованиях географических объектов» (ред. от 30.12.2015). URL: <https://www.zakonrf.info/doc15205113/>
- БПЭ – «Спартак союз» // Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/4246247

REFERENCES

- Akhremenko D.M., 2023. Vyyavlenie tsennostnykh orientirov obshchestva na osnovanii vybora urbanonimov: na primere goroda Kalugi [Identification of Value Guidelines of Society Based On the Choice of Urbanonyms: Using the

- Example of the City of Kaluga]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie* [Modern Teacher Education], no. 5, pp. 200-202.
- Bagirova E.P., Gavrikova E.O., 2015. Yazykovoy imidzh sovremennogo goroda (na materiale godonimov i ergonimov g. Tyumen) [Linguistic Image of a Modern City (Based on the Godonyms and Ergonyms of Tyumen City)]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates* [Bulletin of the Tyumen State University. Humanities Studies], vol. 1, no. 4 (4), pp. 43-55.
- Gefner O.V., 2022. Voennaya istoriya strany v toponimii Omska [Military History of the Country in the Toponymy of Omsk]. *Elektronnyy nauchno-metodicheskiy zhurnal Omskogo GAU* [Electronic Scientific and Methodological Journal of Omsk State Agrarian University], no. 1 (28). URL: <https://e-journal.omgau.ru/images/issues/2022/1/00998.pdf>
- Dambuev I.A., 2022. Chislitelnye v toponimii: varirovaniye i normalizatsiya [Numerals in Toponymy: Variation and Normalization]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], vol. 19, no. 1, pp. 117-138. DOI 10.15826/vopr_onom.2022.19.1.006
- Demyanov K.V., Ryzhenko V.G., 2017. Ideologiya, toponimika, politika pamyati: o massovom pereimenovanii gorodov v SSSR [Ideology, Toponymy, Politics of Memory: On the Mass Renaming of Cities in the USSR]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»* [Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"], no. 4 (6), pp. 153-160.
- Egorova L.V., 2018. K voprosu izucheniya godonimov v sovremennoy paradigme lingvisticheskikh issledovaniy [On the Issue of Studying Hodonyms in the Modern Paradigm of Linguistic Research]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], no. 2, pp. 224-233.
- Ilyin D.Yu., Sidorova E.G., 2019. Onomasticheskaya leksikografiya v aspekte lingvoekologicheskogo podkhoda [Onomastic Lexicography Within Linguistic-and-Ecological Approach]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 18, no. 4, pp. 174-185. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.13>
- Ilyin D.Yu., Sidorova E.G., 2022. *Toponimicheskaya politika regiona: monografiya* [Toponymic Policy of the Region. Monograph]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 115 p.
- Podolskaya N.V., 1988. *Slovar russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow, Nauka Publ. 192 p.
- Polyushkevich O.A., 2017. Simvolicheskoe konstruirovaniye territorialnoy identichnosti (na primere toponimiki Irkutskaya) [Symbolic Construction of Territorial Identity (On The Example of Irkutsk Toponymy)]. *Upravlencheskoe konstruirovaniye* [Management Design], no. 11 (107), pp. 80-94.
- Razumov R.V., Goryaev S.O., 2020. Translyatsiya regionalnoy identichnosti v urbanonimii rossiyskikh gorodov: sovremennoe sostoyaniye [Manifestations of Regional Identity in Contemporary Russian Urbanonymy]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], vol. 17, no. 2, pp. 201-219. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.024
- Sidorova E.G., 2021. Godonimicheskoe prostranstvo: sodержaniye i obyem ponyatiya [Hodonymic Space: Content and Scope of the Concept]. Ivanova O.Yu., ed. *Aktualnye voprosy lingvistiki i lingvodidaktiki v kontekste mezhkulturnoy kommunikatsii: sb. materialov I Vseros. nauch.-prakt. onlayn-konf. (Orel, 25 marta 2021 g.)* [Topical Issues of Linguistics and Linguodidactics in the Context of Intercultural Communication. Collection of Proceedings of the 1st All-Russian Scientific and Practical Online Conference (Orel, March 25, 2021)]. Orel, OGU im. I.S. Turgeneva, pp. 212-217.
- Tkhakakhov V.Kh., 2018. Identichnost i pamyat v urbanonimakh Magasa [Identity and Memory in the Urbanonyms of Magas City]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye* [Terra Humana], no. 3, pp. 62-67.
- Tkhakakhov V.Kh., 2019. Identichnost i pamyat v urbanonimakh Vladikavkaza [Identity and Memory in the Urbanonyms of Vladikavkaz City]. *Diskurs* [Discourse], vol. 5, no. 6, pp. 108-119.
- Shusharina G.A., 2016. Eksplikatsiya regionalnoy identichnosti Komsomolska-na-Amure v regionalnom onomasticheskom prostranstve [Explication of the Regional Identity of Komsomolsk-On-Amur in the Regional Onomastic Space]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], no. 2 (167), pp. 76-80.

SOURCES

- Perechen elementov planirovochnoy struktury, elementov ulichno-dorozhnoy seti, elementov obyektov adresatsii, tipov zdaniy (sooruzheniy), pomeshcheniy, ispolzuemykh v kachestve rekvizitov adresa [List of Elements of the Planning Structure, Elements of the Road Network, Elements of Addressing Objects, Types of Buildings (Structures), Premises Used as

Address Details]. *Prikaz Ministerstva finansov RF № 171n ot 05.11.2015 g.* [Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation No. 171n Dated November 5, 2015]. URL: <https://www.publication.pravo.gov.ru/Document/View/000120512150049>

Federalnyy zakon ot 18.12.1997 № 152-FZ (red. ot 30.12.2015) «O naimenovaniyakh geograficheskikh obyektov» [Federal Law

Dated December 18, 1997 No. 152-FZ (As Amended on December 30, 2015) “On the Names of Geographical Objects”]. URL: <https://www.zakonrf.info/doc15205113/>

«Spartaka soyuz» [“Spartacus Union”]. *Nauchno-obrazovatelnyy portal «Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya»* [Scientific and Educational Portal “Great Russian Encyclopedia”]. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/4246247

Information About the Authors

Dmitriy Yu. Ilyin, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Vice Rector for Academic Affairs, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, dilyin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6387-757X>

Elena G. Sidorova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, eg_sidorova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7705-1311>

Информация об авторах

Дмитрий Юрьевич Ильин, доктор филологических наук, профессор, проректор по учебной работе, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, dilyin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6387-757X>

Елена Геннадьевна Сидорова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, eg_sidorova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7705-1311>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.9>

UDC 81'373.231
LBC 81.053.16

Submitted: 14.02.2023
Accepted: 05.06.2023

REGIONAL PECULIARITIES OF GLORIFICATION AND DEGLORIFICATION IN SOUTH URAL COMMEMORATIVE NAMES¹

Svetlana A. Pitina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

Anna V. Taskaeva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia;
South Ural State Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky, Chelyabinsk, Russia

Abstract. The article presents the results of cognitive, language-and-cultural and sociolinguistic analysis with the goal to distinguish the markers of regional identity in commemorative names, viewed as heroic ideologemes that help in actualizing ideological and axiological ideas of community. The empirical material, that was collected through upstanding sampling from regional web sites and survey, includes region commemorative names represented by nominations of outstanding people and historical events that took place in Chelyabinsk region. Considering cultural history of the territory, the commemorative names could remain in the regional consciousness for a long time without changing the original content. However, the original forms might either be simplified without losing the heroic sense or in the process of transonymization they might fail to keep it in folk naming, undergo renaming, or disappear from the local language landscape. Deglorification may be presented as complete or partial loss of heroic connotations in commemorative names. Heroic meaning of a toponym or microtoponym is kept on in cases of partial deglorification, though being specified by some positive connotations associated with the attitude of the local people to the commemorative name. Heroic meaning of commemorative nomination is faded out in cases of complete deglorification, thus reflecting ironical or contemptuous attitude of the South Ural people to transformed toponyms or microtoponyms. Commemorative toponyms and microtoponyms demonstrate reference to folk nomination; whereas recurrent usage of the same folk names in the answers to the survey is viewed as a reliable proof that regional place names and minor place names are markers of regional identity in the language consciousness of the South Ural people. The results of the study are supposed to be included in the Dictionary of Chelyabinsk regional lexicon.

Key words: glorification, deglorification, transonymization, regional word, commemorative name, toponym.

Citation. Pitina S.A., Taskaeva A.V. Regional Peculiarities of Glorification and Deglorification in South Ural Commemorative Names. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 5, pp. 125-134. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.9>

УДК 81'373.231
ББК 81.053.16

Дата поступления статьи: 14.02.2023
Дата принятия статьи: 05.06.2023

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕРОИЗАЦИИ И ДЕГЕРОИЗАЦИИ ЮЖНОУРАЛЬСКИХ КОММЕМОРАТИВОВ¹

Светлана Анатольевна Питина

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия

Анна Вячеславовна Таскаева

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия;
Южно-Уральский государственный институт искусств им. П.И. Чайковского, г. Челябинск, Россия

Аннотация. В работе описаны результаты когнитивного, лингвокультурологического и социолингвистического изучения маркеров региональной идентичности на примере коммеморативов – героических идеологем, в которых актуализируются идеологические и ценностные установки социума. Эмпирический материал, полученный при помощи сплошной выборки с региональных сайтов и анкетирования, составляют коммеморативы в честь выдающихся людей и исторических событий Челябинской области. Установлено, что в языковом сознании жителей региона коммеморативы, репрезентирующие историко-культурное прошлое территории, могут существовать длительное время. Их первоначальные названия могут сохраняться, упрощаться без утраты героического значения или с утратой его в неофициальных народных названиях в процессе трансонимизации. Показано, что коммеморативы могут подвергаться переименованиям и исчезать из языкового ландшафта региона. Дегероизация может быть рассмотрена как случаи полной или частичной утраты коннотации коммеморатива. При частичной дегероизации героическое значение топонима или микро-топонима сохраняется, прирастая положительными коннотациями, ассоциируемыми с отношением местных жителей к коммеморативу. При полной дегероизации героическое значение утрачивается, отражая в переосмысленных названиях ироничное или пренебрежительное восприятие топонима или микро-топонима южноуральцами. Коммеморативные топонимы и микро-топонимы представлены большим количеством народных названий, причем повторяющиеся названия в анкетах свидетельствуют о сформированном в языковом сознании жителей области восприятии региональных топонимов и микро-топонимов как маркеров региональной идентичности. Результаты исследования могут быть использованы при создании словаря челябинского региолекта.

Ключевые слова: геронимизация, дегеронимизация, трансонимизация, регионализм, коммеморатив, топоним.

Цитирование. Питина С. А., Таскаева А. В. Региональные особенности геронимизации и дегеронимизации южноуральских коммеморативов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 5. – С. 125–134. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.9>

Introduction

Commemorative names of Chelyabinsk region are considered in the article as markers of regional identity. The analysis of regional identity realization is argued to be a relevant aspect of modern linguistics as it helps reveal unique linguistic characteristics of a specific region. Regional identity forms and reflects the attitude of the residents to themselves and reality. It is revealed in the regional type of people, values, mentality [Murzin, 2016, p. 60]. Regional identity is understood as a part of collective identity by K. Fox, A. Paasi, J. Paxman, M. Storry and P. Childs [Fox, 2004; Storry, Childs (eds.), 2001; Paasi, 2009; Paxman, 1999]. K. Fox introduces the notion “grammar of English behaviour” to analyze conversational and behaviour codes [Fox, 2004, p. 2]. M. Storry and P. Childs state that “identities are the names we give to the different ways we all are placed by, and place ourselves within, our culture” [Storry, Childs (eds.), 2001, p. XIX].

A.P. Chudinov and M.V. Nikiforova state that identity can be connected with realities that differ locally [Chudinov, Nikiforova, 2020, p. 110]. Peculiarities of regional identity verbalization are in the centre of attention of many modern linguists

[Ilyina, Kablukov, 2019; Kondrat'eva, Zheglo, 2019; Nikiforova, Nakhimova, 2020; Shusharina, 2018; etc]. I.V. Shalina and Yu.B. Pikuleva study Russian everyday communication from a language-and-cultural point of view [Shalina, Pikuleva, 2016]; T.A. Golikova analyzes transonymization models on the material of official and unofficial toponyms of Moscow [Golikova, 2014]. D.Yu. Ilyin and E.G. Sidorova argue that in small settlements topographic and commemorative toponyms reflect both globalization and glocalization processes [Ilyin, Sidorova, 2022].

There are still many aspects of regional studies that are open to discussion. One of such aspects of regional lexicon is connected with the commemorative place names, peculiarities of their glorification and deglorification. Commemorative practice of the cultural space of the modern Belorussian city is viewed by O.M. Sokolova [Sokolova, 2019]; Czech, Russian, Slovak, Yugoslav and Bulgarian commemorative place names, their frequent renaming and dependence on ideology and name symbolization are studied by J. David [David, 2011]. M. Azaryahu analyzes processes and ways of commemoration and decommemoration as an important constituent of political culture [Azaryahu, 1996]. R.V. Razumov describes commemorative names of the cities in

the central part of Russia [Razumov, 2011]. Commemorative names are specific toponyms, place names and minor place names that glorify some important events or individuals in order to strengthen the models of heroic behaviour in mass consciousness and stir axiological and ideological attitude of society. Commemorative names are understood as heroic ideologemes, a part of heroic paradigm, that is an open system of heroism perception in some community [Pitina, Taskaeva, 2021].

In the regional picture of the world, commemorative names are presented by stable verbal formulas, ideologemes that are fixed in language consciousness. N.I. Klushina defines ideologeme as a preset idea, mental stereotype, which becomes a centre of nomination and influences mass consciousness. Ideologeme is a dynamic phenomenon, complex cognitive and stylistic process and result [Klushina, 2014, pp. 55-57]. I.G. Vepreva and N.A. Shadrina argue that basic ideologemes preserve ideologically important characteristics of a certain period, thus forming an ideological denotative base. Through the context, ideological shades may be added to the meanings of non-ideological words transforming a neutral word into an ideological one [Vepreva, Shadrina, 2006, p. 124]. According to E.G. Malysheva, ideologeme as a mental unit is characterized by national features, dynamics of semantics and axiology, frequency and variability of representation means [Malysheva, 2009, p. 35].

Materials and methods

The research is aimed at studying realization of regional identity in markers of glorification and deglorification presented in Chelyabinsk region commemorative names. The main tasks of the research include:

1. Description of universal and specific characteristics of glorification and deglorification.
2. Review of a survey of Chelyabinsk inhabitants on commemorative nominations.
3. Classification of commemorative nominations.

Regional commemorative names were studied with the reference to cognitive, language-and-cultural and sociolinguistic approaches, including cognitive, statistic, and stylistic analyses,

upstanding sampling and a survey. The integral analysis of pure and transformed commemorative names enabled revealing specific representation of such names in the regional mass consciousness. The cognitive method discloses regionalism markers in the consciousness of a region residents, the sociolinguistic approach clarifies the distribution of the studied regionalisms among various social groups distinguished by the age and occupational parameters, while the language-and-cultural method actualizes national-and-cultural peculiarities of the regional picture of the world.

Official commemorative place names, minor place names and their folk substitutes are retrieved by upstanding sampling from web sites of Chelyabinsk region, from dictionaries and 250 answers to the survey “Research of modern culturally and locally marked words used in Chelyabinsk region” conducted in May 2022. 65% of the answers are the contributions of Chelyabinsk institutions of higher education: Chelyabinsk State University, International Institute of Design and Service, South Ural State Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky. The age of respondents varies from 17 to 60: the largest group is represented by students aged from 17 to 21 – 36.5%, the other groups include people aged from 22 to 35 – 29.7%, from 36 to 45 – 24.3%, and from 46 to 60 – 9.5%.

Results and discussions

Heroic paradigm as an open system of heroic names consists of universal and unique commemorative place names and minor place names that enter the language due to the glorification process. Universal recurrent commemoratives are found everywhere in Russia, while unique commemoratives are limited to a certain territory thus marking regional identity. The opposite process is deglorification, or the loss of heroic connotations in commemorative names.

Peculiarities of glorification in South Ural place names and minor place names

Unique commemorative place names of the region include historical commemoratives and commemoratives named after famous people. The first group contains about 40 toponyms named in honor of Ural Cossacks and Nagaibaks, (baptized

Tatars living in the south of Chelyabinsk region in Nagaibaksky district) who participated in the wars of 18th – 19th cc. They are associated with some cities, villages, ports: *Arsinsky*, *Berlin*, *Berezinsky*, *Braulovsky*, *Bredy*, *Chesma*, *Izmailovsky*, *Leipzig*, *Paris*, *Tarutino*, *Varna*, etc. These historical commemoratives have never been renamed; *Ostrolensky* is associated with the suppression of the uprising in 1831 in Polish Ostrolenka (the examples of commemorative place names are from: [Degtyarev, 1969; Shuvalov, 1989; Makeev; Matveev, 2001; Pyatkov, 2004]).

The second group of commemoratives is represented by commemoratives-anthroponyms, named after the first settlers: *Butaki* from Butakov, *Isakovo* from Isakov, *Kazantsevo* from Kazantsev, *Pershino* from Pershin, *Sineglazovo* from Sineglazov, *Smolino* from Smolin, *Shershni* from Shershnev etc.; chieftans P.O Agapov (*Agapovsky* district), A.A. Uglitsky (settlement *Uglitsky*); Bashkir sergeants *Ayazgulova*, *Baigazina*, *Makhmutova*; mine owners and farmers: *Katav-Ivanovsk*, *Nyazepetrovsk*, *Kleopino*. The first part of the composite commemorative *Katav-Ivanovsk* contains Bashkir name of the river originating from the ethnonym *katai*, while the second part points to the names of the merchant and industrialist *Ivan Tverdyshev* and his son-in-law *Ivan Myasnikov*. Another example of commemoratives with mixed etymology is *Nyazepetrovsk*, which unites Bashkir hydronym *Nyazya* and the Russian name of the plant founder *Pyotr Osokin*. Settlement *Kleopino* named after the farmer N.G. Kleopin was founded in 1753 and has never been renamed.

Different historical periods of the territory are reflected in several generalized and concretized personal commemoratives. *Atamanovskoe* is connected with the period of settlement and development; *Alexandrovskoe*, *Varvarinka*, *Vladimirskoe*, *Georgievskoe*, *Eleninka*, *Nikolaevskoe*, *Pavlovskoe* are named after tsars and members of the tsar family. Soviet period is represented by the original compound commemorative *Radiomajka*. It is named either after the Day of Radio celebrated on 7 May or due to the nearby beacon (Toponimika Chelyabinskoy oblasti).

The above place names have lost connection with local history and heroic associations, whereas

some commemorative place names after the leaders of uprisings still preserve heroic associations: *Pugachevsky*, *Stepana Razina*.

Numerous regional commemorative minor place names are unique. Commemorative hodonyms are dedicated to South Ural revolutionaries: *Soni Krivoi* st. (former *Chernogorskaya*), *Elkin* st. (former *Asian*), *Vasenko* st. (renamed *Orenburgskaya*), *Kashirinykh Brothers* st.; military leaders: *Blyukher* st., *Dovator* st., etc.; South Ural inhabitants who participated in wars: *Khokhryakov* st., *Sablina* st., *Surkov* st.; Heroes of Russia: *Kislov* st., *Rodionov* st.; famous people in Chelyabinsk region: *Kurchatov* st., *Academician Makeev* st., *Blagikh* st., *Constructor Dukhov* st.

Unique commemorative minor place names reflect not only the history of the region but connection with the history of the country. Hodonym *Beivel' st.* named after the city head and doctor A.I. Beivel, who made a considerable contribution into Chelyabinsk city development, is an example of reviving the unjustly forgotten names of outstanding people.

There are monuments to mining engineers *P.P. Anosov*, *I.N. Bushuev* in Zlatoust, *Organizer of the South Ural region Ivan Neplyuev* in Troitsk, etc. Commemorative plaques have been established to constructors, directors of plants and mines: *V.P. Makeev*, *Ya.P. Osadchy*, *V.M. Ilejko*, *S.V. Komendant*; politicians: *N.S. Patolichev*, *P.I. Sumin*; writers: *Yu.N. Libedinsky*, *A.A. Shmakov*, *L.K. Tatianicheva*; school principals: *A.I. Alexandrov*, *V.A. Karakovsky*, etc.

If commemorative plaques glorify the names of some definite people, monuments often have generalizing nominations indicating to profession, place of work or the time of a memorable event: *To the Warriors of Depot Perished in the Battles for Motherland*, *To the Workers of Tram Depot Perished during the Great Patriotic War*, *To the Perished Medical Workers of Chelyabinsk*, *In Memory of the Perished Workers of the Tannery*, *To the Miners of the Mine 21-22-23*, *To the Miners of Oktyabrsky Settlement*, *To the First Komsomol Members-Builders of Magnitka*, etc.

Some recent regional commemoratives glorify antiheroes of the past, like generalized

commemorative *To Czechoslovak Legionnaires*, monuments to *P.A. Stolypin*, *Alexander the 2nd*.

Glorification of people or events can be preserved in folk place names which only local residents usually know. Unofficial name *Tankograd* (tank city) was at first the metaphorical name of Chelyabinsk Tractor plant that produced tanks during the Great Patriotic War, gradually the nomination expanded to the symbol of the city. Not very frequently used name *Motherland of Soviet Ferroalloys*, more frequently found in mass media names *Capital of the South Urals*, *Magnitka*, *Steel Heart of the Motherland*, etc. preserve heroic connotations. 40% of the survey respondents including 51% of students aged from 17 to 21 mentioned *Tankograd* in their answers, it illustrates the positive perception of the city image by the young generation. Glorification is mirrored in unofficial names of monuments: *Soldier with the Banner*, *Aliosha*, *Podvig* (feat), *Orlionok* (eaglet).

Glorification is reflected in regional place names and minor place names that upraise to the status of historical commemoratives and commemoratives named after famous people. They remain in the regional consciousness for a long time without changing the original content, though simplifying the form without losing heroic sense. It should be mentioned that universal and local commemorative names seldom, if ever, undergo renaming, although they can lose ideological and heroic shades of meaning. If commemorative names lose their heroic content, the opposite process (deglorification) occurs. It is closely associated with glorification, being represented in renaming commemoratives by folk names.

Peculiarities of deglorification in South Ural place names and minor place names as the result of transonymization

Deglorification may be presented as a complete or partial loss of heroic connotations in commemorative names. Commemorative names could fail to keep heroic meaning in folk naming in the process of transonymization – creation of unofficial, often expressive, names that function in the language space alongside with official ones. Deglorification of commemorative names is

contributed by folk etymology that leads to distortion of the initial form of the commemorative name.

Deglorification, as a heroic paradigm, is an open and flexible system that easily reacts to the changes in mass consciousness and transforms the content of the nomination. One and the same personality can acquire both positive and negative evaluative interpretation because evaluative modus can change considerably due to the domineering ideology. According to V.N. Suzdal'tseva, a mythologized person is placed at the axiological scale either in the positive zone (glorification) or in the negative zone (demonization) [Suzdal'tseva, 2018].

If official renaming always leads to deglorification of commemoratives, unofficial names can be deglorified completely or partially. Foreign place names can transform, be simplified in vernacular, as due to the frequent usage the transformed names gradually acquire official status and lose commemorative associations. The bright example of such transformation is *Demarino*, a settlement in Plast district. It got its name after the military engineer, colonel, commandant of Troitsk O.Ch. de Marine. The French surname was simplified, and now the place name sounds really Russian (Ofitsial'nyi sait Demarinskogo sel'skogo poseleniya). The forms of monosyllabic or bisyllabic European place names that were transliterated into Russian haven't changed by now: *Berlin*, *Varna*. Some historical commemoratives are even used unchanged in the proverb *U Rossii tri bedy: Varna, Bredy, Kartaly* (Russia has three troubles: *Varna, Bredy, Kartaly*). *Bredy* is rhymed with *bedy* (trouble) in Russian.

There are several ways of simplification and Russification of historical commemoratives: suffixation, shortening and a mixed one. A Russian toponymical suffix *-sk-* was added to a foreign historical place name: *Brailovskiy*, *Izmailovskiy*, *Karskiy*. Some original place names were simplified by adding diminutive suffix *-k-* to become official names: *Borodinovka*, *Navarinka*, *Novinka*, *Varshavka*. The French place name *Arcis-sur-Aube*, which is difficult for pronunciation, are preserved only the first part in the name of the Cossack settlement *Arsinskiy*, it glorifies the victory over Napoleon. In *Fershanpenuaz* the complex name is preserved, but the folk name shortens it to *Fershanka*.

Deglorification is realized in shortened unofficial regional names of commemoratives: *Che*, *Chel*, *Chb*, *Chlb* instead of *Chelyabinsk* (according to one of the versions, it is a Turkic name *Chelebi* – prince, nobleman and can be considered commemorative). Suffixation is used in unofficial *Kirovka* for the toponym *Kirov st.*, *Magnitka* for *Magnitogorsk*. Place name *Zlatoust* (named after John Chrysostom) has several unofficial names with preserved positive connotations: shortened *Zlat* and the name with diminutive suffix *Zlatik*. Only the first part of the commemorative place name *Port Artur* is preserved in the folk name of the part of Lenin district in Chelyabinsk. *Port* is no longer perceived as heroic.

According to the survey, there are 29 unofficial synonyms of Chelyabinsk, 15 of which are abbreviations. In 70% of the answers, Chelyabinsk unofficial names are repeated indicating a well-established attitude of the respondents to the place name. There are only 4 metaphorical names of the city in the answers: *gorod-zavod* (factory city), *Zaural'sky Chicago*, *meteorite city*, *severe city* (*surovy*). One invective name *Che*lyadinsk* is mentioned in 6 answers. Unofficial minor place names are repeated in 40% of the answers, over 40% of respondents did not mention them.

Deglorified names include *Chelyaba*, *Che*, *Chlb*, *Chb*, *Chelic*. Some respondents mention Bashkir and Tatar *Selyaba*, *Silebe*, *Chilebe*. Only 4 folk names of the city are mentioned more than 20 times: *Chelyaba* (60), *Tankograd* (48), *Che* (48), *Chelik* (21). Complete deglorification is realized in the usage of some familiar unofficial names of the city: *Cherdachinsk* (the blend is formed from the noun “*cherdak*” – attic or the beginning of the place name Chelyabinsk and the suffix -sk), *Che*lyadinsk*, *Chikaginsk*. Most frequently used unofficial names of Chelyabinsk are given in the diagram (Fig. 1).

MKS (international space station) is the example of partial deglorification, it preserves associations with the fundamental research of space. The three closely situated streets named after academicians *Akademik Korolev*, *Akademik Makeev*, *Akademik Sakharov* represent a case of a generalized folk name. However, glorification is lost in the folk place name *TRK* when it is used instead of the old town *Troitsk*.

Survey respondents argue that commemorative *Magnitogorsk*, *Troitsk* and *Zlatoust* are the most famous cities of the region. Some respondents refer commemorative *Yekaterinburg* to Chelyabinsk region. *Yekaterinburg* is evidently mentioned by foreign students. Metaphorical name *Stal'noe*

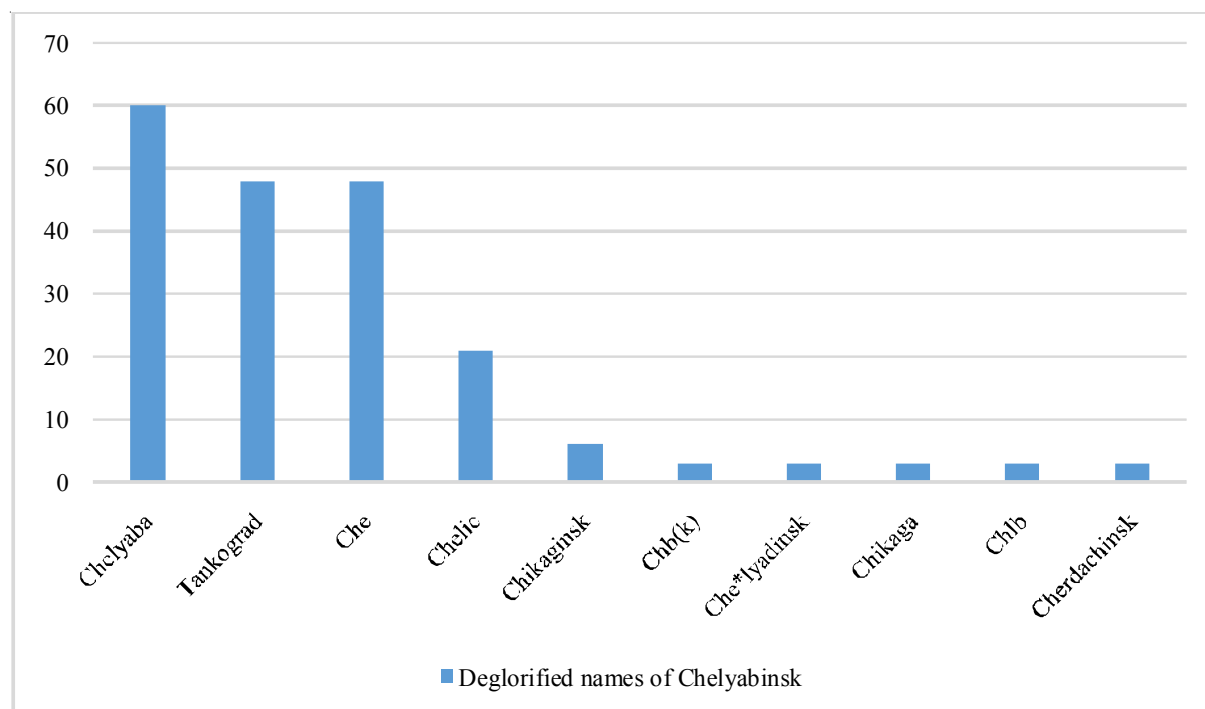

Fig. 1. Unofficial names of Chelyabinsk (according to the survey data)

serdtse rodiny (steel heart of the Motherland) for *Magnitogorsk* is found in one answer.

Zakholust (blend from “zakholust’e” – outback or the beginning of the official name of the city and the end of the place name) is the example of complete deglorification of *Zlatoust*. The folk name renders the negative attitude to the city. Nobody mentioned commemorative place name *Nyazepetrovsk* in the answers.

The most frequently used unofficial names of *Zlatoust* that illustrate complete or partial deglorification are shown in the diagram (Fig. 2).

Both personal and generalizing commemoratives are deglorified in Chelyabinsk region. The name of the monument *To the Volunteers-Tankmen* is sarcastically concretized and simplified: *Muzhik iz Lyuka* (the man from the hatch), *Vodoprovodchik* (plumber). Chelyabinsk residents do not like the form of the monument due to some disproportions in the figure of the tank man. Figurative associations are sometimes rather exact: the monument to I.V. Kurchatov *Split Atom* is called *Vratar'* (goalkeeper), *Ben Laden s Bashnyami* (Ben Laden with towers); *Tale of the Ural* on the railway station square is named *Ded Moroz* (Father Frost). Panel *Kombat* (battalion commander) is named *Muzhik s Pistoletom* (the man with the gun). The recently opened *Monument to the Secret Service Agent Iskhak Akhmerov* is named *Muzhik v Pal'to* (the man in the coat). The monument to S.S. Prokofiev is named *The Man with the Mobile*. *Surovy Muzhik* (severe man), *Puteshestvuem v Odinochku* (travelling alone), ironical *Olitsetvorenie Perestroiki* (personification of perestroika) are a few of the numerous folk names

of the monument *Na Novy Put'* (on the new way). *Muzhik* (a rude synonym of the noun “man”) is often found in folk names in the combination with the adjective *surovy* (severe) which is the marker of Chelyabinsk identity.

There is complete deglorification in the folk names of hodonyms *Son'ka* instead of *Sonya Krivaya st.*; *Khudyachka* for *Khudyakov st.* named after the hero of the Great Patriotic War; *Bratiev* (brothers), *Bratukha*, *Kashirka* instead of *Bratiev Kashirinykh st.*; *Komsa* for commemorative *Komsomol'sky ave.*; *Molodykh* (young) for *Molodogvardeitsev st.*, vernacular *Chekukha* (small bottle) for *Tchaikovsky st.*, etc.

The survey results have proved that transonymization of commemoratives is a chief characteristic of all types of regional commemorative names. It can be complete or partial, reflecting positive attitude to official names in partial deglorification, whereas more frequently some negative attitude is found in complete deglorification. The respondents suppose that the majority of unofficial names point to creativity of citizens and serve as markers of regional identity.

Conclusion

The analysis of Chelyabinsk region commemorative names as markers of regional identity and a part of heroic paradigm on the gradual scale of glorification and deglorification shows the effectiveness of the integral approach. The open and renewed character of heroic paradigm is connected with the ability to change the heroic shade, which results in the appearance of new heroic ideologemes, substitution and sometimes revival of the old ones. The process

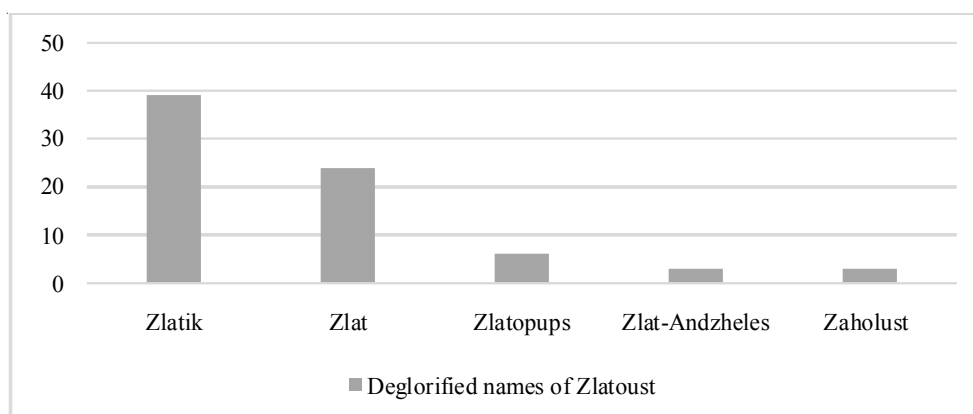

Fig. 2. Unofficial names of the city *Zlatoust* (according to the survey data)

of glorification and commemoration is represented by official recurrent and unique regional commemorative names of famous people and events. Unique regional commemorative names are represented by official nominations that glorify the past and the present of the South Ural. By now, regional official commemorative names are not substituted by some other nominations, whilst they often lose heroic associations in the mass language consciousness of the region inhabitants. Unofficial names exist in parallel to official heroic nominations; in folk place names and minor place names the glorification may be preserved fully or partially, or be completely lost.

Being logically connected with glorification, the process of deglorification is renaming with folk names. It consists in complete or partial loss of heroic associations in the commemorative name as the result of transonymization, in case when folk unofficial names appear. Heroic meaning remains in partial deglorification; being specified by some emotive connotations, it presents the attitude of the people to the commemorative name. Heroic meaning of a commemorative place name is faded in case of complete deglorification, thus reflecting ironical or contemptuous attitude of the South Ural people to transformed place names or minor place names.

Unique regional commemorative names may actively change their original form which reflects the result of rethinking, that is when the place name or minor place name change the meaning, losing its connection with history or ideology, besides simplification occurs to change a difficult foreign place name. Complete or partial deglorification of commemorative names may be explained not only as the result of the ideological change, loss of historical memory, but it demonstrates a tendency to creativity in folk names in vernacular speech of the region inhabitants. Recurrent usage of the same folk names in the answers to the survey is considered a reliable proof that regional place names and minor place names are markers of regional identity.

NOTE

¹ The research was funded by RSF and Chelyabinsk Region, project № 22-18-20022 “Cognitive-pragmatic and Invariant Approaches to the Study of Modern Culturally and Territorially Marked

Words Used by Residents of Chelyabinsk Region, with the Creation of a Russian-English Dictionary of the South Ural Realities” (<https://rscf.ru/project/22-18-20022/>).

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Челябинской области № 22-18-20022 «Когнитивно-прагматический и инвариантный подходы к исследованию современных культурно и территориально маркированных слов, используемых жителями Челябинского региона, с созданием русско-английского словаря Южно-Уральских реалий» (<https://rscf.ru/project/22-18-20022/>).

REFERENCES

- Azaryahu M., 1996. The Power of Commemorative Street Names. *Environment and Planning D-Society & Space*, vol. 14, iss. 3, pp. 311-330. DOI: <https://doi.org/10.1068/d140311>
- Chudinov A.P., Nikiforova M.V., 2020. Verbalizatsiya regional'noy identichnosti v politicheskom diskurse: Bol'shoy Ural – Ural – UrFO – Sverdlovskaya oblast' – Yekaterinburg [Regional Identity Verbalization in Political Discourse: Big Ural – Ural – Ural Federal District – Sverdlovsk Region – Yekaterinburg]. *Sovremennaya aksiosfera: semantika i pragmatika identichnosti: sb. nauch. tr.* [Modern Russian Axiosphere: Identity Semantics and Pragmatics. Collection of Scientific Works]. Moscow, Gos. In-t Rus. yaz. im. A.S. Pushkina Publ., pp. 110-118.
- David J., 2011. Commemorative Place Names. Their Specificity and Problems. *Names*, vol. 59, no. 4, pp. 214-228. DOI: <https://doi.org/10.1179/002777311X13082331190074>
- Fox K., 2004. *Watching the English: The Hidden Rules of English Behavior*. London, Hodder & Stoughton Ltd. 424 p.
- Golikova T.A., 2014. Ofitsial'nye vs neofitsial'nye godonimy Moskvy: modeli transonimizatsii [Formal vs. Informal Moscow Hodonyms: Models of Transonymisation]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], no. 9 (33), pp. 24-36.
- Ilyin D.Yu., Sidorova E.G., 2022. Otrazheniye protsessov globalizatsii i glokalizatsii v godonimicheskom prostranstve malykh naselennykh punktov [Reflection of the Processes of Globalization and Glocalization in the Hodonymic Space of Small Settlements]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 21, no. 6, pp. 100-109. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.8>

- Ilyina O.V., Kablukov E.V., 2019. Praktiki konstruirovaniya ural'skoy identichnosti v mediadiskurse Sverdlovskoy oblasti [Practices of Constructing Ural Identity in the Media Discourse of Sverdlovsk Region]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], vol. 2, no. 74, pp. 119-131. DOI: 10.26170/pl19-02-14
- Klushina N.I., 2014. Teoriya ideologem [The Theory of Ideologemes]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], vol. 4, no. 50, pp. 54-58.
- Kondrat'eva O.N., Zheglo A. V., 2019. Taktika sozdaniya «svetlogo budushchego» regiona v predvybornom diskurse Kemerovskoy oblasti [Tactics of Creation of “a Brighter Future” for the Region in the Pre-Election Discourse of Kemerovo Oblast]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], vol. 2, no. 74, pp. 55-61. DOI: 10.26170/pl19-02-05
- Malysheva E.G., 2009. Ideologema kak lingvokognitivny fenomen: opredeleniye i klassifikatsiya [Ideologeme as a Linguo-Cognitive Phenomenon: Definition and Classification]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], vol. 4, no. 30, pp. 32-40.
- Murzin A.E., 2016. Potentsial regional'noy identichnosti v mezhnatsional'nykh otnosheniyakh [The Potential of Regional Identity in International Relations]. *Chelovek v mire kul'tury* [Man in the World of Culture], vol. 1, pp. 59-67.
- Nikiforova M.V., Nakhimova E.A., 2020. Aktualizatsiya regional'noy identichnosti v individual'nom diskurse gubernatora Sverdlovskoy oblasti E.V. Kuyvasheva (na materiale programnykh statey 2014–2019 gg.) [Regional Identity Representation in the Individual Discourse of the Governor of Sverdlovsk Region E.V. Kuyvashev (on the Material of Program Articles of 2014–2019)]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], vol. 3, pp. 94-102. DOI: 10.26170/pl20-03-10
- Paasi A., 2009. The Resurgence of the ‘Region’ and ‘Regional Identity’: Theoretical Perspectives and Empirical Observations on the Regional Dynamics in Europe. *Review of International Studies*, vol. 35, pp. 121-146. DOI: 10.1017/S0260210509008456
- Paxman J., 1999. *The English. A Portrait of a People*. London, Penguin Books Ltd. 309 p.
- Pitina S.A., Taskaeva A.V., 2021. Nazvaniya pamyatnykh ob'ektov Chelyabinskoy oblasti kak sostavlyayushchaya geroyeskiy paradigmy [Regional Names of Commemorative Objects of Chelyabinsk as Part of Heroic Paradigm]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskkiye nauki* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philological Sciences], vol. 9 (455), iss. 126, pp. 120-127. DOI: <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2021-10917>
- Razumov R.V., 2011. Pretsedentnye onimy v neofitsial'nom gorodskom onomastikone [Case Onyms in Informal City Onomasticon]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], vol. 1, no. 4, pp. 169-172.
- Shalina I.V., Pikuleva Yu.B., 2016. K probleme opisaniya metodiki lingvoaksiologicheskogo analiza (na materiale dialogicheskogo obshcheniya nositeley prostorechnoy lingvokul'tury) [On Problem of Description Linguoaxiological Analysis Method (On Material of Dialogic Communication of Speakers of Vernacular Culture)]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], vol. 11, no. 59, pp. 121-132.
- Shusharina G.A., 2018. Yazykovaya aktualizatsiya regional'noy identichnosti (na materiale internet-resursov) [Language Foregrounding of Regional Identity (On the Material of Internet Resources)]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva* [Vestnik of Volzhsky University Named After V.N. Tatishchev], vol. 1, no. 4, pp. 224-232.
- Sokolova O.M., 2019. Kommemorativnye praktiki v kul'turnom prostranstve sovremennogo belorusskogo goroda [Commemorative Practices in the Cultural Space of a Modern Belarusian Urban Territory]. *Kul'tura v evraziyskom prostranstve: traditsii i novatsii* [Culture in the Eurasian Space: Traditions and Novations], vol. 1, no. 3, pp. 97-108. DOI: 10.32340/2514-772X-2019-1-97-108
- Storry M., Childs P., eds., 2001. *British Cultural Identities*. London, Routledge. 350 p.
- Suzdal'tseva V.N., 2018. Politicheskaya mifologiya sovremennoy Rossii: verbal'nyi aspekt [Political Mythology of Modern Russia: Verbal Aspect]. *Mediascope* [Mediascope], vol. 3. DOI: 10.30547/mediascope.3.2018.9
- Vepreva I.T., Shadrina T.A., 2006. Ideologema i mifologema: interpretatsiya terminov [Ideologeme and Mythologeme: Interpretation of Terms]. *Nauchnye trudy professorov Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava* [Scientific Works of Ural Institute of Economics, Management and Law Professors], Yekaterinburg, Izd-vo Ural'skogo Universita, iss. 3, pp. 120-131.

SOURCES

- Degtyarev I.V., 1969. Iz istorii zaseleniya mestnosti po srednemu techeniyu reki Miass (nachal'nyi period) [From the History of Settlement Along

- the Middle Course of the Miass River (The Initial Period)]. *Kraevedcheskiye zapiski* [Local History Notes: Collection of Works], Chelyabinsk, Yuzh.-Ural. kn. izd-vo, iss. 2, pp. 13-25.
- Makeev G. *Toponimy. Po tropam Yuzhnogo Urala: Putevoditel' vol'nogo strannika* [Place Names. Along the South Ural Footpaths: Guide of the Free Wanderer]. URL: <http://southural.ru>
- Matveev A.K., 2001. Toponimiya Urala kak pamyatnik yazyka i istorii [Ural Toponymy as a Monument of Language and History]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestia. Ural State University Journal], vol. 19, pp. 7-11.
- Ofitsial'nyi sait Demarinskogo sel'skogo poseleniya* [Official Site of Demarino Settlement]. URL: <http://demarino74.ru>
- Pyatkov V.V., 2004. *Toponimy Yuzhnogo Urala* [South Ural Place Names]. Chelyabinsk, Izd-vo Chelyabinskiy kazak. 276 p.
- Shuvalov N.A., 1989. *Ot Parizha do Berlina po karte Chelyabinskoy oblasti: toponimichesky slovar'* [From Paris to Berlin on the Map of Chelyabinsk Region]. Chelyabinsk, Yuzh.-Ural. kn. izd-vo. 158 p. URL: <https://old.toposural.ru>
- Toponimika Chelyabinskoy oblasti* [Place Names of Chelyabinsk Region]. URL: <http://chelportal.ru>

Information About the Authors

Svetlana A. Pitina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Chelyabinsk State University, Bratiev Kashirinykh St, 129, 454001 Chelyabinsk, Russia, sap.pitina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4983-6872>

Anna V. Taskaeva, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Oriental and Romance-Germanic Languages, Chelyabinsk State University, Bratiev Kashirinykh St, 129, 454001 Chelyabinsk, Russia; Head of the Department of Foreign Languages, South Ural State Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky, Plekhanova St, 41, 454091 Chelyabinsk, Russia, taskaeva_anna@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4398-2644>

Информация об авторах

Светлана Анатольевна Питина, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, Челябинский государственный университет, ул. Братьев Кашириных, 129, 454001 г. Челябинск, Россия, sap.pitina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4983-6872>

Анна Вячеславовна Таскаева, доктор филологических наук, доцент кафедры восточных и романо-германских языков, Челябинский государственный университет, ул. Братьев Кашириных, 129, 454001 г. Челябинск, Россия; заведующая кафедрой иностранных языков, Южно-Уральский государственный институт искусств им. П.И. Чайковского, ул. Плеханова, 41, 454091 г. Челябинск, Россия, taskaeva_anna@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4398-2644>

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.10>

UDC 811.161.1+811.163.41'36
LBC 81.052

Submitted: 18.02.2023
Accepted: 05.06.2023

CHARACTERISTICS OF VERBS WITH DESTRUCTIVE MEANING IN RUSSIAN AND SERBIAN LANGUAGES

Maja R. Krstich

University of Novi Sad, Novi Sad, Serbia

Abstract. The relevance of the study is proved by the fact that the category of destructiveness and the means of its implementation have not received any detailed analysis in linguistics so far. The object of the study is comprised of the verbs with destructive meaning in the Russian and Serbian languages, since these units form the core of the lexical-semantic field of destructiveness. The purpose of the article is to give a comprehensive (multi-level) description of verbs with the semantics of destructiveness, to highlight their specificity in the languages compared. It has been established that in the Russian and Serbian languages, verbs with the semantics of destructiveness fall into four groups: verbs with the meaning of damage; disappearance; destruction, decomposition; harm. It is shown that destructive verbs are characterized by a specific paradigmatic defect caused by semantic barriers. The comparison of the paradigms of verbs with a destructive meaning in the Russian and Serbian languages revealed that in both languages these units are characterized by two-term paradigms, in the Russian language there are verbs with a five-term paradigm, in the Serbian language such units are not represented. It has been revealed that the filling of zero paradigmatic positions in verbs with a five-term paradigm occurs through analytical constructions; verbs with a two-term paradigm do not need to be replaced, since they denote destructive actions, which do not require the forms of the 1st or 2nd person.

Key words: destructiveness, defectiveness, verb, semantics, grammar, paradigm, Russian language, Serbian language.

Citation. Krstich M.R. Characteristics of Verbs with Destructive Meaning in Russian and Serbian Languages. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 5, pp. 135-144. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.10>

УДК 811.161.1+811.163.41'36
ББК 81.052

Дата поступления статьи: 18.02.2023
Дата принятия статьи: 05.06.2023

ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ С ДЕСТРУКТИВНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В РУССКОМ И СЕРБСКОМ ЯЗЫКАХ

Майя Радивоевна Крстич

Нови-Садский университет, г. Нови-Сад, Сербия

Аннотация. Актуальность проведенного исследования обусловлена тем, что категория деструктивности и средства ее реализации не получили детального анализа в лингвистике. Объектом изучения являются

глаголы с деструктивным значением в русском и сербском языках, образующие ядро лексико-семантического поля деструктивности. Цель статьи – дать комплексную (разноуровневую) характеристику глаголов с семантикой деструктивности, выделить их специфику в сравниваемых языках. Установлено, что в русском и сербском языках рассматриваемые глаголы формируют четыре группы – глаголы со значением: порчи; исчезновения; разрушения, разложения; нанесения ущерба, повреждения. Показано, что деструктивные глаголы отличает особый парадигматический дефект, обусловленный семантическими барьерами. Сравнение парадигм глаголов с деструктивным значением в русском и сербском языках позволило обнаружить, что в обоих языках для этих единиц характерны двучленные парадигмы, в русском языке представлены глаголы с пятичленной парадигмой, в сербском языке такие единицы не отмечены. Выявлено, что заполнение нулевых парадигматических позиций у глаголов с пятичленной парадигмой происходит посредством аналитических конструкций, глаголы с двучленной парадигмой в замене не нуждаются, поскольку обозначают деструктивные действия, для которых формы 1-го или 2-го лица не требуются.

Ключевые слова: деструктивность, дефектность, глагол, семантика, грамматика, парадигма, русский язык, сербский язык.

Цитирование. Крстич М. Р. Особенности глаголов с деструктивным значением в русском и сербском языках // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 5. – С. 135–144. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.10>

Введение

Термин «*деструктивность*» образован от латинского слова *destructio* (прил. *destructivus*) – разрушение, реструктуризация чего-либо. Деструктивность в самом широком смысле представляет собой разрушение, нарушение нормальной структуры чего-либо. Она может быть направлена как на физический, материальный объект, так и на психическое состояние человека. В обоих случаях это свойство имеет ярко выраженный негативный характер. Прилагательное *деструктивный* обозначает свойство «разрушающего процесса», «сбоя в работе чего-л.», «разрушения, распада структур, связей, зависимостей» (РСЖ). В русском и сербском языках имеется большое количество синонимичных прилагательных: (рус.) *разрушительный, разрушающий, разорительный, гибельный, злокачественный, дестабилизирующий, сокрушающий, неплодотворный* и т. д.; (серб.) *разоран, рушилачки, разарајући, опасан, погубан, штетан, уништавајући, смртоносан*.

Как установлено Ф.Г. Фактуллиной, лексические средства, выражающие семантику деструктивности, можно представить в виде лексико-семантического поля, которое имеет сложную структуру. Ядро данного поля составляют глаголы (они неоднократно становились объектом лингвистических исследований в разных аспектах [Волкова, Панченко, 2023; Крстич, 2023; Мухачёва, 2021; Фактуллина, 2002; и др.]), а периферийную часть –

слова других частей речи. Имена существительные актантной семантики, обозначающие участников ситуаций деструкции, примыкают к предикатной части поля и представляют собой синтаксические дериваты деструктивных глаголов. Прилагательные и наречия сочетают семантику деструктивности с категориальными значениями «прилагательность», «наречность» и ориентируют понятие деструкции на атрибутивное функционирование при имени или глаголе [Фактуллина, 2002]. Семантическая категория деструктивности, отражающая ситуации, связанные с деструкцией, не была предметом исследований и не получила своего целостного описания ни в русской, ни в сербской лингвистике. Данная статья отчасти восполняет эту исследовательскую лакуну и представляет комплексное описание группы глаголов деструктивной семантики в русском и сербском языках.

Материал и методы

Материалом для исследования послужили русские и сербские глаголы с деструктивным значением, собранные в ходе предыдущих исследований глаголов с неполной личной парадигмой, которые на данном этапе выделены и обработаны более детально с учетом их специфической семантики [Крстич, 2023]. Глаголы с деструктивным значением образуют одну из наиболее частотных подгрупп внутри группы глаголов с парадигмати-

ческим дефектом. Всего обнаружено 234 глагола такого типа в русском языке и 219 – в сербском.

Исследование проводится на материале «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (ТСРЯ), «Большого толкового словаря русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова (БТС) и «Словаря сербского языка» М. Николича (РСЈ). В ходе работы использовались и другие материалы, которые представляют собой контексты употребления разных форм глаголов в художественной, научной, научно-популярной и другой литературе, объединенных прежде всего внутри Национального корпуса русского языка (www.ruscorgo.ru).

В качестве основного метода был избран дескриптивный анализ, поскольку он позволяет описать формально-грамматические элементы данного сегмента глагольной подсистемы. Кроме него в работе применялись методы сопоставительного анализа, типологический метод, а также различные аналитико-синтетические приемы, позволяющие достичь более глубокого понимания грамматического статуса, роли, употребления и значения глаголов с семантикой деструктивности в общей глагольной подсистеме.

Результаты и обсуждение

Лексическая характеристика глаголов с семантикой деструктивности

Глаголы с семантикой деструктивности разнообразны, их можно разделить на несколько групп.

1. Глаголы со значением порчи.

Для данной группы глаголов характерно изменение внутренних или внешних свойств (распад), чаще всего вызванное длительным употреблением, изнашиванием, скоропорченностью, изменением свойств предмета под влиянием времени. К этой группе относятся следующие глаголы: (рус.) *горкнуть, жухнуть, киснуть, линять, ломаться, лупиться, мелеть, мутнеть, ползти, распаяться, редеть, тускнеть, червиветь* и др. (*масло горкнет; ткань ползёт; самовар распаялся; серебро тускнеет*); (серб.) *распадати, пропадати, урушавати, нестajати, опада-*

ти, слабити, изумирати, тонути, назадовати, осипати, растакати, старити, умирати, падати, бледети, уништавати, топити, разболевати, жењавати и др. (*намештај пропада; тканина се осипа; боја на зидовима бледи*).

2. Глаголы со значением исчезновения. В эту группу входят следующие глаголы: (рус.) *атрофироваться, иссякнуть, ликвидироваться, мереть, обезлесеть, обезлюдеть, редуцироваться, свернуться, ухнуть* и др. (*вода в источнике иссякла; городок обезлюдел; производство свернулось*); (серб.) *нестати, ишчезнути, изумрети, усахнути, пресушити, испарити, изгубити се, опадати, смањити се, остајати (без нечега), проредити се, редуковати се, опустошити, ликвидирати (поток је пресушио; град је опустошен; длака се проредила)*. Глаголы с данной семантикой обозначают действие, в ходе которого происходит полное или постепенное исчезновение компонентов, составлявших определенный объект. Внутри этой группы можно выделить глаголы, обозначающие полное прекращение существования лица, явления или предмета: (рус.) *иссякнуться, свернуться, ухнуть*; (серб.) *пресушити, испарити, ишчезнути*, – и глаголы, указывающие на постепенное исчезновение составных частей: (рус.) *обезлесеть, обезлюдеть, мереть*; (серб.) *опадати, проредити се, смањити се*.

3. Глаголы со значением разрушения, разложения. Данную группу образуют следующие глаголы: (рус.) *взорваться, выгореть, дробиться, обломиться, развалиться, разорваться, разрушиться, рассесться, рушиться* и т. д. (*мост взорвался; деревня выгорела; старая постройка разрушилась*); (серб.) *разрушити (се), распасти (се), пропасти, изгорети, измрвити (се), пући, урушити, растурити (се), распрснути (се), разорити, уништити, обрушити (град је разорен; мост је уништен; кућа је обрушена)*. Эти единицы обозначают процесс распада, износа вследствие ветхости, изнашивания, выхода из строя, но не полное исчезновение объектов – они выходят из строя под воздействием определенных условий. К этой группе относятся в основном глаголы совершенного вида, образо-

ванные с помощью приставок. Это характерно для обоих языков.

4. Глаголы со значением нанесения ущерба, повреждения. Единицы этой группы отличаются от единиц трех предыдущих групп тем, что обозначают разрушительное воздействие на внешний объект, а также силу или фактор, непосредственно причиняющие ущерб конкретному объекту. Эта группа немногочисленна, и в ряде случаев сложно определить, следует ли отнести конкретный глагол к ней или к группе глаголов с деструктивным значением «в прямом смысле». Чаще всего нетрудно выявить различия между ними, так как у глаголов с деструктивным значением «в прямом смысле» отсутствует агент, вызывающий деструктивное действие: (рус.) *мост взорвался; производство свернулось*; (серб.) *мост се срушио; производња се смањила*, в то время как у глаголов со значением «наносить / нанести ущерб», «повреждать» он всегда указан: (рус.) *жучок проточил доски; ветер ломит деревья*; (серб.) *црв је пробушио даску; ветар ломи дрвеће*.

Парадигматическая характеристика глаголов с семантикой деструктивности

Несмотря на то что наше внимание в первую очередь будет сосредоточено на морфологическом аспекте дефектов (пробелов внутри парадигмы на морфологическом уровне), в статье будут рассмотрены и другие виды дефектов: лексико-семантические, словообразовательные (образование видовых пар), а также контекстуальные (синтаксические), поскольку только на уровне синтаксического контекста проявляются потенциальные средства и способы преодоления морфологического дефекта.

Неполнота парадигмы характерна не только для глагола, но и для других частей речи¹. Глагольная неполнота реализуется по-разному. В русском и сербском языках представлены глаголы, имеющие только форму совершенного или несовершенного вида: (рус.) *очутиться*; (серб.) *ручати, телефонирати*; глаголы, неспособные образовывать повелительное наклонение: (рус.) *гнуть*; (серб.) *моћи, смети, умети*²; лексически неполные глаголы: (рус.) *начать, обещать, уметь*; (серб.) *почети, обећати, умети*³;

глаголы с парадигматическим дефектом: глаголы, не имеющие форм 1-го лица ед. числа⁴: (рус.) *победить, бдеть, очутиться, близиться*; глаголы, не имеющие форм 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа: (рус.) *дуть, иметься, жеребиться, мерцать, протекать, продырявиться, заживляться*; (серб.) *дувати, ждребити (се), шумити, протицати, заживети, вејати*⁵; безличные глаголы: (рус.) *вечереть, знобить, смеркаться, тоинить*; (серб.) *грметити, свитати, чинити се, болети, наоблачитити се* и др.

Глаголы с неполной (дефектной) личной парадигмой в русском языке неоднократно становились предметом исследований (см., например: [Бешенкова, 1988; Гурин, 2000; 2003; Марфунина, 1996; Танасова, 2005; Тарланов, 1979; и др.]). Грамматический (парадигматический) дефект можно характеризовать как универсальный феномен, поскольку он обнаруживается не только в русском и других славянских языках, но и в языках многих других групп. Это явление неоднократно описывалось в грамматиках. Регулярные ограничения на употребление некоторых форм имеют типичные названия: латинское название грамматической единицы + *tantum* (например, существительные *singularia* и *pluralia tantum*; глаголы *perfektiva* и *imperfektiva tantum*; *activa* и *passiva tantum*). Дефект парадигмы обычно интерпретируется как «наличие пустых мест внутри парадигмы» [Зализняк, 1967, с. 99]. Более точное формально-грамматическое определение дефектной парадигмы дал И.А. Мельчук: «Парадигма П считается неполной, если хотя бы одно сочетание граммы в П не соответствует ни одной лексе» [Мельчук, 1997, с. 342].

Глаголы, являющиеся предметом данного исследования, обнаруживают парадигматический, то есть системный (семантический) дефект. Этот вид дефекта возникает из-за семантического несоответствия между определенной граммой и лексическим значением лексемы. Глаголы с деструктивным значением имеют ограничения на употребление в 1-м и 2-м лице ед. и мн. числа.

Данные глаголы имеют двухчленную парадигму, и невозможность их употребления в других лицах чаще всего создается семантическими барьерами⁶. В русском языке на-

считывается более 1700 глаголов данного типа, включая глаголы с деструктивным значением (подробно об этом см.: [Крстич, 2023]). Глаголы этого типа обозначают не действие, совершаемое лицом, а процессы, состояния, свойственные животным или растениям (*жеребиться, телиться, щениться, куститься, набухнуть, осыпаться*); процессы, относящиеся к конкретным предметам (*продырявиться, рассохнуться, ржаветь, ужариться*); процессы, происходящие в организме человека (*гноиться, заживляться, рассосаться*) и т. п. В сербском языке тоже существуют такие глаголы, например: *ждребити (се), штенити (се), осипати (се), листати, рђати, гнојити (се)* и др., но они до сих пор не были предметом изучения в сербском языкознании. Исследования глаголов с неполной парадигмой в сербском языке обычно касались группы безличных глаголов [Пипер, 2005; Пипер, Клајн, 2014; и др.].

Анализ различных типов глагольных дефектов позволил нам сделать вывод, что группа глаголов (с неполной парадигмой) является самой многочисленной и представляет ядро глагольных дефектов [Крстич, 2023, с. 93]. Глаголы с деструктивным значением являются одной из наиболее частотных подгрупп среди них (13,4 %) ⁷.

Интересен тот факт, что многие глаголы данной группы не имеют полной парадигмы в нескольких своих значениях, не только в основном:

разойтись: «1. (1 и 2 л. ед. не употр.). О многих, многом, о сплошной массе: уйти в разные стороны; рассеяться. Публика разошлась. Тучи разошлись; 2. (1 и 2 л. не употр.). Оказаться распроданным; израсходоваться. Тираж разошелся. Запасы разошлись; 3. (1 и 2 л. не употр.). Растаять, раствориться. Масло разошлось в тесте; 4. (1 и 2 л. не употр.). Разъединиться, раздвинуться в стороны. Полы разошлись» (ТСРЯ);

падать в девяти (из десяти) своих значениях не употребляется в 1-м и 2-м лице и в трех значениях имеет семантику деструктивности: «1. Понижаться, уменьшаться (в уровне, размере, силе, напряженности): Летом вода в реке падает. Настроение падает; 2. Приостанавливаясь в развитии, становиться хуже, беднее: Нравы падают; 3. О животных: умирать,дохнуть: Скот падает» (ТСРЯ).

Словообразовательные характеристики глаголов с деструктивным значением

Глаголы с деструктивным значением широко сочетаются со следующими приставками: *вы-* (*выгнуть, выгореть, выесть, выкрошиться, вылинять, вымокнуть, выпасть, выскочить, вытереться*); *за-* (*забухнуть, завалиться, загрязняться, залупиться, замусориться, застояться, затаскаться*); *из-* (*измочалиться, изодраться, изорваться*); *над-* (*надломиться, надорваться, надтреснуть*); *об-* (*обломаться, оборваться, обтrepаться, обшаркаться*); *от-* (*отбиться, отгнить, отклеиться, открутиться, отломаться, оторваться, отслоиться, отшипиться*); *пере-* (*перегнить, перележать, переломиться, перепреть, пересохнуть*); *под-* (*подгореть, подломиться, подопреть*); *про-* (*прогореть, продраться, прокваситься, проломиться, проплесневеть, прохудиться*); *раз-* (*развалиться, развинтиться, разломаться, размочалиться, разрегуливаться, разрушиться*); *с-* (*содраться, соскочить, сработаться, ссохнуть*).

В сербском языке глаголы данной группы широко сочетаются со следующими приставками: *из-* / *ис-* (*изгорети, изјести, искочити*); *на-* (*напући, надувати се, нагорети*); *од-* / *от-* (*одвалити (се), отпасти, одлепити (се)*); *по-* (*поломити (се), покидати (се)*); *пре-* (*прегорети, претрпети*); *про-* (*пропасти, прокиснути*); *раз-* / *рас-* (*разјединити (се), распасти (се), рашиити (се)*); *с-* (*сломити (се), срушити (се)*) ⁸.

Большое количество глаголов, составляющих эту группу, образовано префиксально-постфиксальным способом: (рус.) *отломаться, продырявиться, разлезться, распарываться, распасться, рассохнуться, сработаться*; (серб.) *одломити се, распасти се, покварити се, одвалити се* и т. д.

Другие грамматические особенности глаголов с деструктивным значением

Вид. Дефектность личной парадигмы нередко коррелирует с дефектностью аспектуальных парадигм. Неличные глаголы тяготеют к использованию в формах несовершенного вида, что обусловлено глубинной универ-

сальной связью имперфективности, неличности и неагентивности⁹ [Гурин, 2000]. Группа глаголов с деструктивным значением обычно обнаруживает парадигматический дефект в обеих формах глагольного вида: (рус.) *выгнуть / выгнывать, замусориться / замусориваться, обвалиться / обваливаться*; (серб.) *одвалити (се) / одваливати (се), пропасти / пропадати*; для небольшого количества глаголов характерен только совершенный вид: (рус.) *обезрыбеть, отказать*; (серб.) *прокиснути, прегорети*. Употребление только формы несовершенного вида (без своей видовой пары) несвойственно деструктивным глаголам, поскольку деструктивное значение в первую очередь связано с финитным действием (*что-то разрушилось, сломалось, развалилось* и т. д.).

Возвратность. При анализе деструктивных глаголов с неполной парадигмой по критерию возвратности / невозвратности установлено, что среди них преобладают возвратные глаголы ($2/3$ глаголов). В группе со значением «наносить ущерб» ситуация обратная – $2/3$ глаголов являются невозвратными, что и ожидалось, поскольку в действиях, которые они обозначают, есть «внешний фактор», наносящий ущерб другому лицу или предмету, и такое действие является однонаправленным.

Переходность / непереходность. С учетом того, что все возвратные глаголы непереходны, среди глаголов с деструктивным значением самый высокий процент составляют непереходные глаголы. Такое соотношение характерно для всех глаголов с парадигматическими ограничениями, среди которых переходные глаголы занимают лишь 7% от общего количества.

Способы преодоления дефектов внутри парадигмы

Явление лакунарности, межъязыковые, лексические и другие виды лакун, а также возможные способы их преодоления неоднократно описывались в русском языкознании [Быкова, 2003; Дунь, 2007; Муравьев, 1975; и др.]. В сербском языкознании лакунарность рассматривается преимущественно контрастно (на сербско-русском материале) [Балек, 2021; Джонич, 2011; 2015; Крстич, 2012; 2016].

Тенденция поиска заменителей на месте нулевых парадигматических позиций проявляется в основном у глаголов, имеющих пятичленную парадигму, то есть тех, которые не имеют только формы 1-го лица ед. числа настоящего времени. Необходимость употребления формы 1-го лица у глаголов, которые не могут образовать эту форму, большая, поэтому в зависимости от стиля языка, речевой ситуации, возраста, образования говорящего и других факторов такие «пустые места» могут быть заполнены разными способами, иными словами – нет универсального решения. Наиболее распространенным является использование аналитических форм (конструкций) (ср.: *хочу победить, одержу победу*), а также употребление синонимов с полной парадигмой (например, глаголов *одолеть – одолею, преодолеть – преодолею, побороть – поборю, справиться – справлюсь*) или синонимичных аналитических конструкций (ср. *одержу верх*)¹⁰.

Для глаголов с двучленной парадигмой в замене почти нет необходимости, так как они обозначают действие, которое не совершается лицом (за исключением ряда глаголов со значением «наносить / нанести ущерб»).

Среди глаголов с деструктивным значением обнаружен только один глагол с пятичленной парадигмой (*обезлесеть*), остальные глаголы имеют двучленную парадигму. Это обусловлено тем, что деструктивные действия в первую очередь связаны с явлениями или предметам и для обозначения таких действий формы 1-го или 2-го лица не требуются.

В отличие от русского, для сербского языка не характерна пятичленная парадигма, в нем нет глаголов, которые не могут образовывать только форму 1-го лица ед. ч. из-за фонетических препятствий.

Выводы

Термин «*деструктивность*» в самом широком смысле обозначает нарушение нормальной структуры чего-либо. Ядро лексико-семантического поля деструктивности составляют глагольные единицы. Они образуют многочисленную группу, внутри которой мы выделили несколько подгрупп: 1) глаголы со значением порчи; 2) глаголы со значением

исчезновения; 3) глаголы со значением разрушения, разложения; 4) глаголы со значением нанесения ущерба, повреждения.

Для деструктивных глаголов характерен специфический парадигматический (системный) дефект, который обусловлен семантическим несоответствием определенной грамеммы и лексического значения лексемы. Данные глаголы имеют двучленную парадигму (3-е лицо ед. и мн. числа), они не образуют форм 1-го и 2-го лица, что в первую очередь связано с семантическими барьерами. Глаголы этого типа обозначают не действие, совершаемое лицом, а процессы, состояния, свойственные животным или растениям; явления, относящиеся к конкретным предметам; процессы, протекающие в организме человека и т. п.

Тенденция заполнения нулевых парадигматических позиций проявляется преимущественно у глаголов с пятичленной парадигмой, и чаще всего дефектность парадигмы преодолевается употреблением аналитических конструкций, в то время как глаголы с двучленной парадигмой не нуждаются в замене, потому что обозначают деструктивные действия, которые связаны с явлениями или предметами и для обозначения таких действий формы 1-го или 2-го лица не требуются.

При сравнении парадигм глаголов с деструктивным значением в русском и сербском языках обнаруживается полное совпадение у глаголов с двучленной парадигмой. Различие между двумя сравниваемыми языками состоит в том, что в сербском языке нет глаголов с пятичленной парадигмой, у которых в силу фонетических барьеров отсутствует только форма 1-го лица.

Результаты исследования могут найти применение в обучении русскому / сербскому языку как иностранному, с указанием специфики употребления данных глаголов и ограничений, вызванных семантическими барьерами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Прилагательные, не имеющие сравнительных форм, существительные *singularia* или *pluralia tantum* и др.

² В грамматиках сербского языка перечислены некоторые повелительные формы вышеуказанных глаголов, но в современном языке они не используются (**могни*, **смеј*, **умеј*).

³ Речь идет о глаголах, неспособных к самостоятельной синтаксической реализации, и только в рамках аналитических конструкций, в сочетании с самостоятельными словами, они получают возможность выражать грамматическое значение самостоятельных слов, а тем самым и всей конструкции, неотъемлемой частью которой они являются. Это прежде всего фазовые, модальные, перформативные и эмоционально-интенциональные глаголы, которые требуют завершения инфинитивом.

⁴ В сербском языке нет глаголов, не имеющих формы 1-го лица ед. числа из-за фонетических препятствий.

⁵ В отличие от ТСРЯ и других словарей русского языка, в которых рядом с глаголами прямо указано, что они не употребляются в 1-м и 2-м лицах (ед. и мн. число), в РСЈ рядом с глаголом всегда дается форма 1-го лица, несмотря на то, что они такого употребления не имеют (по крайней мере, в прямом значении).

⁶ Они употребляются только в 3-м л. ед. и мн. числа.

⁷ К глаголам с деструктивной семантикой также относятся: глаголы со значением существования, появления, окончания; глаголы с узуальным значением; со значением коллективного действия; физического состояния предмета или лица; психического состояния; природные явления; движения и т. д. [Крстич, 2023].

⁸ Данные глаголы имеют неполную парадигму в некоторых своих значениях (обычно не в основном).

⁹ Это относится ко всей группе глаголов с парадигматическими ограничениями, не только к группе с деструктивным значением.

¹⁰ Ср. следующий синонимический ряд (с иной формальной, лексико-грамматической структурой): *одрержу победу над противником – поборю противника – одолею противника – справлюсь с противником – одержу верх над противником*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балек Т., 2021. Дефектност видске парадигме у руском и српском језику : необјављена докторска дисертација. Нови-Сад : Филозофски фак. 379 с.
- Бешенкова Е. В., 1988. Глаголы с дефектной парадигмой в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 15 с.
- Быкова Г. В., 2003. Лакунарность как категория лексической системологии. Благовещенск : Изд-во БГПУ. 276 с.
- Волкова Я. А., Панченко Н. Н., 2023. Коммуникативные параметры деструктивности в педагогическом дискурсе // Вестник ВГУ. Серия:

- Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 4. С. 23–33. DOI: <https://doi.org/10.17308/lis/1680-5755/2022/4/23-33>
- Гурин Г. Б., 2000. Глаголы с неполной личной парадигмой в современном русском литературном языке (на материале словарей) : дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск. 178 с.
- Гурин Г. Б., 2003. О причинах морфонологической дефектности личных парадигм русских глаголов // Филологические исследования II : сб. ст. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ. С. 15–35.
- Джонич В., 2011. Морфолошки аспект лакуна у руском и српском језику // Радови Филозофског факултета. Пале. Бр. 13, књ. 1. С. 457–473.
- Джонич В., 2015. Лакуне и безеквивалентне јединице у лексичком систему језика (на материјалу руског и српског језика) // Речи – Часопис за језик, књижевност и културу. Београд : Алфа БК ун-т, Фак. за стране језике. Т. 7, бр. 1. С. 47–56.
- Дунь Н. Л., 2007. Интралингвалне лакуне в лексическој системе русског језика // Вісник СумДУ. Серія: Філологія. № 1. С. 135–141.
- Зализняк А. А., 1967. Русское именное словоизменение. М. : Наука. 369 с.
- Крстич М., 2012. Могући начини за ‘попуњавање празних места’ код глагола са непотпуном парадигмом // Достижения и перспективе сопоставительного изучения русского и других языков : VII Междунар. симпоз. Междунар. асоц. преподавателей рус. яз. и лит., Белград, 1–2 июня 2012 г. / гл. ред. В. Белокапич-Шкунца. Београд : Славистичко друштво Србије. С. 81–86.
- Крстич М., 2016. Лексички крњи глаголи и њихова употреба у савременом руском и српском језику : необјављена докторска дисертација. Нови-Сад : Филозофски фак. 246 с.
- Крстич М., 2023. Verba defectiva и њихови супститути у савременом руском језику. Нови Сад : Филозофски фак., 2023. 149 с. URL: <https://digitalna.ff.uns.ac.rs/sadrzaj/2023/978-86-6065-764-2>
- Марфунина И. А., 1996. О глаголах с неполной парадигмой // Контрастивна језичка истраживања : V симпоз. Нови-Сад : Филозофски фак. С. 163–172.
- Мельчук И. А., 1997. Курс общей морфологии. В 5 т. Т. 1. М. ; Вена : Шк. «Яз. рус. культуры» : Вен. славист. альм. : Прогресс. 416 с.
- Муравьев В. Л., 1975. Лексические лакуны (на материале лексики французского и русского языков). Владимир : Владим. гос. пед. ин-т им. П.И. Лебедева-Полянского. 96 с.
- Мухачёва И. В., 2021. Глаголы со значением ликвидации результата действия: семантика и синтаксис (на примере глаголов с приставкой раз-) : дис. ... канд. филол. наук. М. 430 с. URL: <https://istina.cemi-ras.ru/download/368763208/1lcQoy:bn6xPCC0TdmUxU-w0VplVkaCb>
- Пипер П., 2005. Семантичке категорије у простој реченици: синтаксичка семантика // Пипер П., Антонић И., Ружич В., Танасић С., Поповић Л., Тошовић Б. Синтакса савременога српског језика (проста реченица). Београд ; Нови Сад : Ин-т за српски језик САНУ : Матица српска. С. 575–982.
- Пипер П., Клајн И., 2014. Нормативна граматика српског језика. Нови Сад : Матица српска. 582 с.
- Танасова Т. Г., 2005. Слова с неполным набором грамматических форм и словообразовательных коррелятов и их элимантемы в художественных текстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар. 25 с.
- Тарланов З. К., 1979. Глаголы с неполной личной парадигмой в русском языке // Вопросы языкознания. № 1. С. 63–74.
- Фактуллина Ф. Г., 2002. Категория деструктивности в современном русском языке : дис. ... д-ра филол. наук. Уфа. 322 с.

СЛОВАРИ

- БТС* – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : РАН, 2000. 1536 с.
- РСЈ* – Речник српскога језика / редиговао и уредио М. Николић. Нови-Сад : Матица српска, 2007. 1450 с.
- ТСРЈ* – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : РАН, 1999. 940 с.

REFERENCES

- Balek T., 2021. *Defektnost vidske paradigme u ruskom i srpskom yeziku: neobjavljena doktorska disertacija* [The Defectiveness of the Aspectual Paradigm in Russian and Serbian. Unpublished Doctoral Dissertation]. Novi Sad, Filozofski fak. 379 p.
- Beshenkova E.V., 1988. *Glagoly s defektnoy praradigmoy v sovremennom russkom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Verbs with a Defective Paradigm in Modern Russian Language. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 15 p.
- Bykova G.V., 2003. *Lakunarnost kak kategoriya leksicheskoy sistemologii* [Lacunarity as a Category of Lexical Systemology]. Blagoveshensk, Izd-vo BGPU. 276 p.
- Volkova Ja.A., Panchenko N.N., 2023. *Kommunikativnye parametry destruktivnosti v pedagogicheskom*

- diskurse [Communicative Parameters of Destructiveness in Pedagogical Discourse]. *Vestnik VGU. Serija: Lingvistika i mezhkulturnaja komunikacija* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], vol. 4, pp. 23-33. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2022/4/23-33>
- Gurin G.B., 2000. *Glagoly s nepolnoy lichnoy paradigmoy v sovremennom ruskom literaturnom yazyke (na materiale slovary): dis. ... kand. filol. nauk* [Verbs with an Incomplete Personal Paradigm in Modern Russian Literary Language. Based on Dictionaries]. Petrozavodsk. 178 p.
- Gurin G.B., 2003. O prichinakh morfonologicheskoy defektnosti lichnykh paradigm russkih glagolov [About the Causes of Morphological Defectiveness of Personal Paradigms of Russian Verbs]. *Filologicheskie issledovaniya II: sb. st.* [Philological Research 2. Collection of Articles]. Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU, pp. 15-35.
- Dzhonich V., 2011. Morfoloshki aspekt lakuna u ruskom i srpskom jeziku [Morphological Aspect of Lacunae in Russian and Serbian Languages]. *Radovi Filozofskog fakulteta. Pale* [Papers of the Faculty of Philosophy. Pale], no. 13, pp. 457-473.
- Dzhonich V., 2015. *Lakune i bezekvivalentne jedinice u leksichkom sistemu jezika (na materijalu ruskog i srpskog jezika)* [Lacunae and Non-Equivalent Units in the Lexical System of the Language (Based on Russian and Serbian Material)]. *Rechi – Chasopis za jezik, knyizhevnost i kulturu* [Words – Journal of Language, Literature and Culture]. Belgrade, Alfa BK un-t, Fak. za strane jezike, vol. 7, no. 1, pp. 47-56.
- Dun N.L., 2007. Intralingvalnye lakuny v leksicheskoy sisteme ruskogo yazyka [Intralingual Gaps in the Lexical System of the Russian Language]. *Visnik SumDU. Seriya: Filologiya*, no. 1, vol. 1, pp. 135-141.
- Zaloznjak A.A., 1967. *Russkoe imennoe slovoizmenenie* [Russian Nominal Inflection]. Moscow, Nauka Publ. 369 p.
- Krstich M., 2012. Moguchi nachini za ‘popunyvanye praznih mesta’ kod glagola sa nepotpunom paradigmom [Possible Ways to ‘Fill in the Blanks’ for Verbs with an Incomplete Paradigm]. Belokapich-Shkunca V., ed. *Dostizhenija i perspektivy sopostavitelnogo izuchenija ruskogo i drugih jazykov: VII Mezhdunar. simpoz. Mezhdunar. assoc. prepodavatelej rus. jaz. i lit., Belgrad, 1–2 ijunja 2012 g.* [Achievements and Prospects of Comparative Study of Russian and Other Languages. The 7th International Symposium of the International Association of Teachers of Russian Language and Literature, Belgrade, June 1–2, 2012]. Belgrade, Slavistichko drushtvo Srbije, pp. 81-86.
- Krstich M., 2016. *Leksichki krnyi glagoli i nyihova upotreba u savremenom ruskom i srpskom jeziku: neobjavljena doktorska disertacija* [Lexically Incomplete Verbs and Their Use in Modern Russian and Serbian Languages. Unpublished Doctoral Dissertation]. Novi Sad, Filozofski fak. 246 p.
- Krstich M., 2023. *Verba defectiva i nyihovi supstituti u savremenom ruskom jeziku* [Verba defectiva and Their Substitutes in Modern Russian]. Novi Sad, Filozofski fak., 2023. 149 p. URL: <https://digitalna.ff.uns.ac.rs/sadrzaj/2023/978-86-6065-764-2>. ISBN 978-86-6065-764-2
- Marfunina I.A., 1996. *O glagolakh s nepolnoy paradigmoy* [About Verbs with an Incomplete Paradigm]. *Kontrastivna yezichka istrazhivanya: V simpoz.* [Contrastive Linguistic Research. 5th Symposium]. Novi Sad, Filozofski fak., pp. 163-172.
- Melchuk I.A., 1997. *Kurs obshchey morfologii. V 5 t. T. 1* [General Morphology Course. In 5 Vols. Vol. 1]. Moscow, Viena, Shk. «Yaz. rus. kultury», Ven. slavist. alm., Progress Publ. 416 p.
- Muravyev V.L., 1975. *Leksicheskie lakuny (na materiale leksiki frantsuzskogo i ruskogo yazykov)* [Lexical Gaps (Based on the French and Russian Vocabulary)]. Vladimir, Vladim. gos. ped. in-t im. P.I. Lebedeva-Poljanskogo. 96 p.
- Muhachjova I.V., 2021. *Glagoly so znacheniem likvidacii rezultata dejstvija: semantika i sintaksis (na primere glagolov s prstavkoj raz-): dis. ... kand. filol. nauk* [Verbs with the Meaning of Eliminating the Result of an Action: Semantics and Syntax (Using the Example of Verbs with the Prefix raz-). Cand. philol. sci. diss.]. Moscow. 430p. URL: <https://istina.cemi-ras.ru/download/368763208/1lcQoy:bn6xPCC0TdtmUxU-w0VplVkaCb>
- Piper P., 2005. Semantichke kategoriye u prostoy rechenitsi: sintaksichka semantika [Semantic Categories in a Simple Sentence: Syntactic Semantics]. Piper P., Antonić I., Ružić V., Tanasić S., Popović L., Tošović B. *Sintaksa savremenoga srpskog yezika (prosta reuenica)* [Syntax of the Modern Serbian Language (Simple Sentence)]. Belgrade, Novi Sad, In-t za srpski jezik SANU, Matica srpska, pp. 575-982.
- Piper P., Klajn I., 2014. *Normativna gramatika srpskog yezika* [Normative Grammar of Serbian Language]. Novi Sad, Matica srpska. 582 p.
- Tanasova T.G., 2005. *Slova s nepolnym naborom grammaticheskikh form i slovoobrazovatelnykh*

korrelyatov i ikh yelimantemy v khudozhestvennykh tekstakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Words with an Incomplete Set of Grammatical Forms and Derivational Correlates and Their Elimanthemes in Literary Texts]. Krasnodar. 25 p.

Tarlanov Z.K., 1979. Glagoly s nepolnoy lichnoy paradimoy v rusском yazyke [Verbs with an Incomplete Personal Paradigm in Russian Language]. *Voprosy yazykoznanija* [Questions of Linguistics], vol. 1, pp. 63-74.

Faktullina F.G., 2002. *Kategoriya destruktivnosti v sovremennom rusском yazyke: dis. ... d-ra. filol. nauk* [The Category of Destructiveness in

Modern Russian Language. Dr. philol. sci. diss.]. Ufa. 332 p.

DICTIONARIES

Kuznetsov S.A., ed. *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Great Dictionary of Russian Language]. Saint Petersburg, RAN, 2000. 1536 p.

Nikolić M., ed. *Rechnik srpskoga yezika* [Dictionary of Serbian Language]. Novi Sad, Matica Srpska, 2007. 1450 p.

Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian Language]. Moscow, RAN, 1999. 940 p.

Information About the Author

Maja R. Krstich, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Slavic Studies, University of Novi Sad, Dr Zorana Djindjica St, 2, 21000 Novi Sad, Serbia, maja.krstic@ff.uns.ac.rs, <https://orcid.org/0000-0003-2801-890X>

Информация об авторе

Майя Радивоевна Крстич, доктор филологических наук, доцент кафедры славистики, Нови-Садский университет, ул. Д-ра Зорана Джинджича, 2, 21000 г. Нови-Сад, Сербия, maja.krstic@ff.uns.ac.rs, <https://orcid.org/0000-0003-2801-890X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.11>

UDC 81'322.4
LBC 81.184

Submitted: 28.11.2022
Accepted: 10.05.2023

FUNCTIONAL AND SEMANTIC POTENTIAL OF 'NOUN + GO/SIT/LAY + NEGATIVE PARTICIPLE II' CONSTRUCTIONS AND THE WAYS OF TRANSLATING THEM

Svetlana N. Medvedeva

Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The research aims at defining functional and semantic potential of 'noun + *go/sit/lay* + negative Participle II' constructions and the ways of translating them into Russian. Language material obtained from Corpus of Contemporary American English (COCA) is processed with the help of the method of collostructional analysis, which combines both quantitative and qualitative approaches. The constructions under study have grammatical and collocational restrictions and can be considered as quasi-passive. Left context collocates of the constructions usually form several intersecting lexical semantic domains. Right context collocates represent a dynamic scenario of prototypical interactive situations related to the left context domains. The verbs *go, sit, lay* cannot be used in Continuous tenses as a result of coercion. The constructions can be translated into Russian in various ways due to usage-based and typological constructional differences between the languages. The work draws on achievements and problems of constructional approach applied to translation. The paper discusses development and prospects of research in construction grammar for finding a solution to practical issues in translation including cataloging of existing constructions in typologically different languages, matching constructions in various languages using parallel tagged corpora, defining unique constructions specific to certain languages and giving a detailed description of their pragmatic, stylistic functional and semantic features.

Key words: translation, constructional approach, automatic machine translation, collostructional analysis, quasi-passive constructions, corpus databases, construction grammar.

Citation. Medvedeva S.N. Functional and Semantic Potential of 'Noun + *Go/Sit/Lay* + Negative Participle II' Constructions and the Ways of Translating Them. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 5, pp. 145-155. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.11>

УДК 81'322.4
ББК 81.184

Дата поступления статьи: 28.11.2022
Дата принятия статьи: 10.05.2023

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНСТРУКЦИЙ 'NOUN + GO / SIT / LAY + NEGATIVE PARTICIPLE II' И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Светлана Николаевна Медведева

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Настоящее исследование направлено на определение функционально-семантического потенциала конструкций 'noun + *go / sit / lay* + negative Participle II' и характеристику способов их перевода на русский язык. Изучение конструкций проводилось методом коллострукционного анализа, сочетающего в себе количественный и качественный подходы, на основе языкового материала, отобранного из Corpus of Contemporary American. В результате было установлено, что рассматриваемые конструкции обладают грамматическими и колокационными ограничениями и могут быть отнесены к квазипассивным конструкциям. Показано, что левоконтекстные колокаты конструкций формируют несколько пересекающихся лексико-семантических полей, правоконтекстные колокаты реализуют динамический сценарий взаимодействия с объектами, которые содержатся в левом контексте. Обнаружено, что вследствие коэрции глаголы в таких

квазипассивных конструкциях не могут обозначать длительного действия и не образуют грамматических форм, выражающих это значение. Охарактеризованы способы перевода данных конструкций на русский язык. Намечены направления развития и перспективы исследований в области конструкционной грамматики с целью решения практических задач перевода, среди которых каталогизация конструкций в разнотипных языках, установление межязыковых конструкционных соответствий, определение уникальных в структурно-семантическом отношении конструкций и подробное описание их прагматических, стилистических и функционально-семантических особенностей.

Ключевые слова: перевод, конструкционный подход, автоматический машинный перевод, коллокационный анализ, квазипассивные конструкции, корпусные базы данных, конструкционная грамматика.

Цитирование. Медведева С. Н. Функционально-семантический потенциал конструкций ‘noun + go / sit / lay + negative Participle II’ и способы их перевода на русский язык // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 5. – С. 148–155. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.11>

Введение

Письменный перевод и инструментарий переводчика сегодня опираются на те фундаментальные разработки в области лингвистики, техническая реализация которых позволила переводческой отрасли соответствовать возрастающим информационными потребностями современного общества. Прежде всего это создание и развитие корпусных баз данных и корпусной методологии, которые, по мнению А. Стефановича, составляют главную эмпирическую парадигму современного языкознания [Stefanowitsch, Gries, 2006, p. 1].

Важность применения лингвистических корпусов не только при письменном переводе текстов, но и на этапе их редактирования отмечает А.О. Черноусова, указывая, что «корпусы серьезно облегчают работу при редактировании и исправлении ошибок и трудностей в переводе» [Черноусова, 2018, с. 138]. Используя корпусные базы данных, переводчики и редакторы могут не только проверять лексическую сочетаемость языковых единиц, выявлять случаи смешения языковых кодов [Kochetova, Pyinova, 2020, p. 26–27], но и определять семантическую и коллокационную специфику, а также коннотацию отдельных лексем [Kochetova, Pyinova, 2022, p. 105]. Лингвистический корпус может быть применен и для разграничения близких синонимов путем анализа и сопоставления контекстов их употребления, так как двуязычный словарь зачастую «не охватывает полностью всех эквивалентных соответствий и в некоторых случаях дает мнимые эквиваленты там, где на деле существует несколько параллельных соответ-

ствий между словами разных языков» [Гейко, 2015, с. 34]. Параллельные двуязычные корпусы позволяют профессионалам обратиться к существующей практике перевода более сложных единиц – синтаксических и лексико-синтаксических конструкций. Таким образом, корпус выступает ценным источником метаязыковой информации для специалистов лингвистического профиля, и настоящая работа призвана проиллюстрировать некоторые возможности корпусных баз данных при решении практических задач перевода.

Материал и методы

Данное исследование выполнено в русле конструкционной семантики и нацелено на выявление функционально-семантического потенциала конструкций ‘noun + go / sit / lay + negative Participle II’ и способов их перевода на русский язык. Изучение конструкции проводилось на материале корпусной базы данных Corpus of Contemporary American English (COCA). Функционально-семантический потенциал конструкции установлен и посредством обнаружения грамматических и лексико-семантических ограничений на сочетаемость компонентов конструкции, а также семантических кластеров, образуемых коллокациями ее правого и левого контекстов.

В работе решаются следующие исследовательские задачи: определение роли конструкционной грамматики и корпусных технологий в изучении семантики многокомпонентных языковых единиц; разграничение понятий «конструкция» и «коллокация»; выполнение запроса NOUN GO/ SIT/ LAY un*ed в

корпусной базе данных СОСА; создание первичного массива исследовательского материала; анализ и формирование очищенной выборки; объединение коллокатов полученных коллострукций в семантические кластеры; сопоставление и интерпретация результативных значений кластеров.

Методология исследования включает как общенаучные методы анализа, сопоставление и синтез, так и собственно лингвистические методы – контекстуальный и коллокационный анализ, семантическую кластеризацию. Разграничение понятий «конструкция» и «коллострукция» было достигнуто с помощью анализа, сопоставления и синтеза информации из отечественных и зарубежных научных публикаций; формирование первичного массива исследовательского материала осуществлялось посредством сплошной выборки в сочетании с приемом количественных подсчетов; очистка выборки от случайных триграммов проводилась методом контекстуального анализа; сортировка коллокатов правого и левого контекстов выполнялась с использованием методов коллокационного анализа и семантической кластеризации; при интерпретации результативных значений кластеров применялись методы анализа и синтеза.

Лингвистические основы для создания корпусных баз данных были заложены в 50-е гг. XX в. одновременно с появлением кибернетики и информатики. Примерно в это время в языкознании был преодолен кризис структурализма, к которому привел сознательный отказ от изучения когнитивной природы языковых знаков. Снятие этого негласного запрета позволило исследователям обратиться к вопросам функционирования естественных языков как средства коммуникации и приступить к компьютерному моделированию естественных языковых систем. В частности, в этот период в отечественной и зарубежной лингвистике разрабатывается множество концепций, посвященных семантике синтаксиса, среди которых генеративная грамматика Н. Хомского, теория «Смысл!Текст» И.А. Мельчука, А.К. Жолковского и Ю.Д. Апресяна, падежная грамматика Ч. Филлмора, системно-функциональная лингвистика М. Халлидэя, идеи коллокационного формирования семантики языковых знаков Дж. Фёрса и многие другие

(подробно об этом см.: [Гаврилова, 2014; Максимова, 2020; Рахилина, Тестелец, 2016]). Переход от рассмотрения семантики отдельных лексем к семантике синтаксиса, по мнению Н.Н. Болдырева, был вполне закономерен: и структуралисты, и когнитивисты пришли к выводу, что значения лексем не существуют сами по себе, а реализуются только в некотором лексическом окружении, то есть контексте [Болдырев, 2000, с. 2].

Интерес научного сообщества к многокомпонентным языковым единицам и необходимость изучения семантики лексем в их естественном контексте привели к появлению в 60-е гг. XX в. одноязычных лингвистических корпусов [Kochetova, Rubert, 2019, p. 8], которые принципиально отличались от ранее существовавших лексикографических ресурсов и стали одной из первых попыток скомпилировать фактический языковой материал для последующего изучения. Получив доступ к массивам аутентичного языкового материала, исследователи обнаружили, что язык содержит множество лексико-синтаксических паттернов, которые, по словам М. Хилперта, пронизывают всю языковую систему [Hilpert, 2014, p. 3–4]. Выяснилось, что контекст не только позволяет реализовать значение лексемы, но и предопределяет вероятность ее употребления.

В конце XX – начале XXI в. распространение персональных компьютеров, рост их производительности позволили улучшить корпусные базы данных как количественно, так и качественно. По сравнению со своими предшественниками новые лингвистические корпусы стали гораздо более разнообразными по периодизации, тематике и объему. Анализ массива аутентичного языкового материала, представленного в лингвистических корпусах, привел исследователей к выводу, что наличие в языке относительно устойчивых многокомпонентных лексико-синтаксических единиц не является случайным. Таким образом, разработки в области семантики синтаксиса на материале лингвистических корпусов и их осмысление привели к появлению одного из наиболее быстро развивающихся направлений в современной лингвистике – конструкционной грамматике, которая позволяет рассматривать язык в качестве системы конструкций.

В этой области конструкция выступает не только как относительно устойчивый лексико-синтаксический паттерн, но и как минимальная операционная лингвокогнитивная единица, участвующая в кодировании и декодировании информации. В связи с этим Дж. Тейлор отметит, что конструкции играют важную роль в коммуникации, так как позволяют говорящему не только понимать идиоматические выражения, но и выражаться идиоматично [Taylor, 2012]. Позднее У. Крофт разработает радикальный вариант конструкционной грамматики, согласно которому «не конструкции конструируются из элементов более низких уровней иерархии (например, слов), а наоборот, элементы более низких уровней иерархии (слова) могут вычлениваться в результате процедур обработки из целостной конструкции» [Пивоварова, Ягунова, 2014, с. 571].

Сегодня можно утверждать, что конструкционная грамматика сформировалась как самостоятельная парадигма исследований, для которой характерно наличие собственного понятийного аппарата, концепций устройства и функционирования языковой системы, своей методологии, инструментария и походов. Кроме того, по мнению Л.А. Кочетовой, в современной конструкционной грамматике отчетливо прослеживается тенденция к интеграции количественных и качественных методов исследования [Кочетова, 2020, с. 23].

Объект нашей работы – конструкция – представляет собой «морфосинтаксический паттерн, где как минимум один элемент – предикатное (целевое) слово – фиксирован лексически, а остальные представляют собой слоты, в которых могут быть представлены разные единицы языка, связанные, однако, схожим способом оформления и определенной семантической общностью» [Кашкин, Ляшевская, 2015, с. 466]. Будучи ключевой оперативной единицей конструкционной модели языковой компетенции, конструкция выступает основной лингвокогнитивной единицей, обеспечивающей хранение, обработку и воспроизведение языковой информации. В данном исследовании также используется понятие коллострукции, которое отличается от понятия конструкции заполненностью слотов лексическими компонентами, то есть является частным случаем реализации рассматриваемой

конструкции. Таким образом, ‘noun + go / sit / lay + negative Participle II’ является конструкцией, в то время как *shootings go unreported* или *letters go unresponded* – коллострукциями.

Для детального описания конструкционных ограничений мы обратились к рассмотрению не только правого, но и левого контекста фиксированного предикатного слова – глагола *go*. Следовательно, выборка языкового материала в корпусной базе данных СОСА производилась путем формирования во вкладке «List» («последовательность слов») следующего запроса: *NOUN GO_v un*ed*, *NOUN SIT_v un*ed*, *NOUN LAY_v un*ed*, где *NOUN* – это все существительные, стоящие слева от глагола *go*; *GO_v*, *SIT_v*, *LAY_v* – это лемма предикатного слова, включающая все его грамматические формы; *un*ed* – последовательность символов, начинающаяся с отрицательной приставки *un-* и заканчивающаяся на *-ed*. В дальнейшем первичная выборка будет очищена от случайных триграммов с помощью метода контекстуального анализа.

По запросу в корпусной базе данных было суммарно обнаружено 485 словосочетаний, или триграммов. Рассмотрение только тех существительных, которые примыкают слева к предикатному слову, обусловлено необходимостью верифицировать следующую гипотезу: степень семантической коэрации, или взаимовлияния элементов коллострукции, прямо пропорциональна расстоянию между ними, то есть, чем ближе друг к другу расположены элементы коллострукции, тем большее взаимное влияние они оказывают на семантику друг друга.

Для выявления комплекса результативных значений конструкции ‘noun + go / sit / lay + negative Participle II’ был использован метод семантической кластеризации коллокатов, которые образуют как непосредственно левый, так и правый контекст предикатного слова. Предварительный анализ триграммов позволил сделать вывод о том, что и правоконтекстные, и левоконтекстные коллокаты связаны между собой гипо-гиперонимическими отношениями, это может косвенно указывать на вирусную природу коллокации. Иными словами, сочетание целевого слова с единицей определенного лексико-семантическо-

го поля повышает вероятность того, что целевое слово будет образовывать сочетания с другими единицами этого поля. Это хорошо видно на примере коллострукции *crimes / shootings / murders / assaults + go unreported*, где левый контекст целевого слова представлен единицами, которые принадлежат лексико-семантическому полю «Преступления» («illegal acts») с гипонимами *shootings, murders, assaults* и гиперонимом *crimes*. В свою очередь, единица *crimes* находится на пересечении полей «Поступки» («deeds») и «Зло» («evil»), которые также связаны с другими лексико-семантическими полями. Так, мы предполагаем, что сначала предикатное слово вступает в сочетание с коллокатом определенного лексико-семантического кластера, затем оно проходит так называемую «коллострукционную апробацию», в результате которой «приживается» в языке и постепенно становится более частотным, после чего начинает образовывать сочетания с другими лексемами кластера – как однопорядковыми, так и разнопорядковыми. Именно поэтому в данном исследовании для выявления комплекса результативных значений коллострукции и их формализации предлагается выделить лексико-семантические микро-, суб- и макрокластеры коллокатов.

Кластерный анализ коллокатов левого контекста предикатного слова *go* и дальнейшая формализация полученных триграммов дают следующие результаты (см. таблицу).

Как видим, левоконтекстные коллокаты представлены двумя ключевыми лексико-семантическими полями – «Медицинские случаи» («medical issues») и «Преступления» («illegal acts»). Помимо двух доминантных полей, можно выделить дополнительное лексико-семантическое поле «коммуникация», включающее коллокаты *stories, news, questions, calls, information, answers, letters*.

Правый контекст предикатного слова *go* для лексико-семантического поля «преступление» представлен причастиями *unnoticed, undetected, unchecked, unreported, unchallenged, untreated, unsolved, unpunished*, выстроенными в соответствии с динамическим сценарием (о термине см.: [Милованова, Куличенко, 2012, с. 108–109]) «обнаружение – сообщение – расследование – наказание».

Аналогичный этому сценарий применим к лексико-семантическому полю «медицинский случай» – *unreported, unchecked, undetected, undiagnosed, untreated*, которое отличается от поля «преступление» последними двумя фреймами, а именно «обнаружение – сообщение – **обследование – лечение**» (выделено мною. – С. М.).

В обоих случаях когнитивный динамический сценарий всегда воспроизводится с точки зрения свидетеля, гражданина / пациента или полицейского / врача, а не преступника / заболевания. В аспекте семантики пропозиций такая реализация сценария в имплицитном виде содержится в рассматриваемой

Семантическая кластеризация коллокатов левого контекста

Semantic clusterisation of the left-context collocates

Macrocluster CASES					
Subcluster 1. <u>MEDICAL ISSUES</u>				Subcluster 2. <u>ILLEGAL ACTS</u>	
Microcluster REASON <i>incidents</i>	Microcluster RESULT <i>deaths</i>	Microcluster ACTION <i>actions, act(s), deeds, activities</i>	Microcluster DEGREE <i>crime, abuse, violation</i>	Microcluster CRIME <i>assault, attacks, shootings, rapes, murders</i>	
Microcluster PATIENT <i>people, alcoholics</i>	Microcluster ISSUE <i>concussion</i>	Microcluster EVALUATION <i>evil, aggression</i>	Microcluster CRIMINAL <i>criminals, men</i>		

конструкции. Связь реципиента в языковой ситуации с реципиентом в реальной ситуации получила название «социально-квалифицированный реципиент» (socially qualified recipient) [Hilpert, 2014, p. 33]. Из этого можно сделать вывод о том, что усвоение социальных норм осуществляется через и совместно с освоением языка и формированием языкового мышления.

Дополнительно необходимо отметить, что предикатное слово *go*, представляющее статичное лексическое ядро конструкции, невозможно заменить синонимичными единицами *run*, *walk* или контекстуально обусловленными – *stay*, *keep*, *remain* – так как это неизбежно приведет к распаду конструкционной семантики, утрате ее кодирующих функций и идиоматичности.

Результаты анализа грамматических значений предикативного слова также показал недопустимость использования форм длительного времени – **is going unnoticed* – так как грамматическое значение времен группы Continuous противоречит семантике рассматриваемой конструкции – ‘существующая регулярно повторяющаяся неудовлетворительная ситуация’. В конструкционной грамматике приведение грамматического и лексического значения элементов конструкции в соответствие с семантикой конструкции получило название «коэртиции» [Michaelis, 2004, p. 25], которую можно наблюдать в данном случае.

Конструкции с предикатным словом *go* в форме простого прошедшего времени (*crimes went unnoticed*) встречаются в корпусе редко. Тем не менее в рамках дальнейших исследований представляется перспективным отслеживать динамику их частотности, так как увеличение частотности может указывать на возрастающую продуктивность данной конструкции.

Рассмотрение комплекса результативных значений конструкции ‘noun + *go / sit / lay* + negative Participle II’ позволяет выделить следующие грамматические ограничения коллокации: для левого контекста – 73 % существительных, примыкающих к предикатному слову *go*, используются в форме множественного числа, что объясняется значением конструкции ‘существующая регулярно повторяющаяся неудовлетворительная ситуация’.

Только 11 коллокатов из 58 представлены одушевленными существительными, совокупная частота которых не превышает 7,12 % от всего объема коллокаций (22 случая употребления из 309).

Обращаясь к рассмотрению менее частотных конструкций ‘noun + *sit* + un-Participle II’ и ‘noun + *lay* + un-Participle II’, следует отметить, что во многом их значение сводится к наблюдаемому отсутствию необходимого действия над предметами, которое задает специфику их лексического наполнения. Так, коллокаты левого контекста в конструкции ‘noun + *sit* + un-Participle II’ принадлежат к следующим лексико-семантическим полям – «Сооружения и локации» (коллокаты *house*, *college*, *concourse*, *fence*, *center*, *building*, *camera* в значении ‘помещение охраны’ и *cake* в значении ‘праздничный стол’, образованных по метонимии), «Контейнеры» (коллокаты *box*, *chest*, *containers*), «Коммуникация» (коллокаты *complaints*, *envelopes*, *case*, *email*), «Еда» (коллокаты *drink*, *cake*, *dessert*), «Оборудование и предметы» (коллокаты *computer*, *conditioner*, *chaise*, *detector*, *clock*, *clarinet*), «Транспорт» (коллокаты *car*, *bike*). При этом значение правоконтекстных коллокатов данной конструкции во многом обусловлено тем, к какому лексико-семантическому полю относится коллокат в левом контексте. Например, принадлежность левоконтекстного коллоката к полю «Сооружения и локации» допускает использование в правом контексте таких причастий как *unfinished*, *unattended*, *unused*, но не *unencrypted*, *unmoved* или *uneaten*. Коллокаты из лексико-семантического поля «Контейнеры» обуславливают появление в правом контексте таких причастий как *unlocked*, *unclaimed*, *unmoved*; коллокаты поля «Коммуникация» – *untouched*, *uninvestigated*, *undecided*; коллокаты поля «Еда» – *uneaten*, *untouched*, *undisturbed*; «Оборудование и предметы» – *unused*, *unutilized*; коллокаты поля «Транспорт» – *unused*, *unattended*, *untouched*. Таким образом, между коллокатами правого и левого контекста наблюдается интеракционная связь: в помещении можно присутствовать, здание – достроить или эксплуатировать, но не перемещать, открывать или есть. Наполнение левого контекста накладывает ограничения на

правый контекст. В целом коллокаты правого контекста в данной конструкции обладают максимально генерализованным значением – *untouched, unused* – что косвенно указывает на использование данной конструкции преимущественно в текстах формального регистра. Тем не менее среди коллострукций обнаружены примеры с более конкретизированным значением правого коллоката – *cotton sits unharvested, cables sit unencrypted*. В коллострукциях *car sits unused, car sat untouched* и *car sat unattended* можно наблюдать, что автомобиль воспринимается как предмет (*unused, untouched*) и как помещение (*unattended*). В некоторых случаях наименования предметов метонимически представляют помещения – *cameras sit unattended, cake sits unattended* – что следует из значения коллоката *unattended* в правом контексте, более характерного для помещений.

В конструкции 'noun + lay + un-Participle II' коллокаты правого контекста принадлежат к лексико-семантическим полям «Неживые сущности» (коллокаты *corpses, bodies*), «Коммуникация» (коллокаты *issue, envelope*), «Еда» (коллокаты *breakfast, cake, food, cookies*), «Предметы» (коллокаты *guns, bag, book, flag, gloves, guns, leaves, kit*). Равно как и в предыдущей конструкции, употребление тех или иных коллокатов в правом контексте зачастую обусловлено лексико-семантическим полем коллокатов в левом контексте. Каждый предмет, обозначенный коллокатом левого контекста, содержит в себе имплицитную информацию о возможном способе взаимодействия с ним. Так, коллокаты поля «Неживые сущности» обуславливают использование в правом контексте причастий *unburied, undiscovered, untouched, undisturbed, uncovered, uncollected*; коллокаты поля «Коммуникация» – *untouched, undisturbed*, что роднит их с коллокатами пересекающегося поля «Предметы», которые употребляются с причастиями *unmade, unfinished, untouched, unzipped, unoled, unrolled, unswept, unopened*, а также коллокатами поля «Еда» – *untouched, uneaten*. Среди коллокатов правого контекста можно выделить как причастия с наиболее генерализованным значением – *untouched, undisturbed*, так и с более специализированным – *unoled* в *guns lay unoled,*

unzipped в *bags lay unzipped, unswept* в *leaves lay unswept* и *unburied* в *bodies lay unburied*.

Дополнительно следует указать, что в правом контексте рассматриваемых конструкций коллокаты-причастия всегда образуются от переходного глагола, что сближает их с пассивными конструкциями. Об этом также свидетельствует наличие грамматикализованных и частично десемантизированных глаголов *go, sit, lay* в качестве вспомогательных. Более того, отсутствие активного субъекта, выступающего носителем действия, также указывает на близость 'noun + go / sit / lay + negative Participle II' к пассивным конструкциям. Отметим, что данные конструкции, наравне с пассивными, допускают введение агенса через предлог *by*, например, *questions go unnoticed by corporate spokespeople, cake sits uneaten by the guests, leaves lay unswept by the houseowner*. Тем не менее отнести конструкции 'noun + go / sit / lay + negative Participle II' к пассивным не представляется возможным в связи с существующими грамматическими ограничениями, а именно – низкой частотностью форм простого прошедшего времени и недопустимостью образования форм длительного времени. Помимо этого, глаголы в данных конструкциях не взаимозаменяемы, что указывает на их неполную десемантизацию. Так, при замене глагола в коллострукциях, например, **leaves go / sit unswept, *calls lay unanswered, *crimes sit unreported, *cars lay unattended*, нарушается сочетаемость коллоката левого контекста с глаголом. Как следует из примеров, компоненты данных конструкций обладают сложной системой отношений: левоконтекстный коллокат накладывает ограничения как на семантику глагола, так и на семантику коллоката в правом контексте. Именно поэтому данные конструкции можно назвать квазипассивными, то есть близкими к пассивным, но таковыми в полном смысле не являющимися.

Обратимся к переводу данных конструкций на русский язык. Так, коллострукции *crimes go uninvestigated, calls go unanswered, questions go unnoticed, humans go untreated, car sits unattended, bags lay unzipped* можно перевести на русский язык с помощью конструкций с определенно-личным, неопределенно-личным и безличным типом сказуемого – *преступления не расследуются, звонки ос-*

таются без ответа, вопросы остаются без внимания, люди не получают медицинской помощи, в автомобиле никого нет, сумки не застегнуты на молнию / оставлены в открытом виде. Различия между вариантами перевода данных конструкций можно объяснить различиями в статусе и сферах использования пассивных форм глагола в английском и русском языках. Из этого следует, что межъязыковые конструкционные различия, которые обнаруживаются при переводе, имеют не только узуальную, связанную с традициями языкового употребления, но и лингвотипологическую природу.

Заключение

В результате проведенного исследования было установлено, что конструкция 'noun + go + negative Participle II' используется для обозначения некой проблемы, которая возникает постоянно, но при этом не решается. Анализ коллокатов показал, что в СОСА данная конструкция преимущественно представлена в контекстах, в которых говорится о неудовлетворительной работе медицинских учреждений и правоохранительных органов, а также организаций и официальных лиц, игнорирующих обратную связь. В то же время, значение конструкций 'noun + sit / lay + negative Participle II' во многом сводится к наблюдаемому отсутствию необходимого действия над предметами – *cotton sits unharvested, bags lay unzipped, cameras sit unattended*. Иными словами, данные конструкции в имплицитном виде содержат указание на действие, которое необходимо предпринять, чтобы исправить ситуацию.

Помимо этого, конструкции 'noun + go / sit / lay + negative Participle II' обладают рядом грамматических и коллокационных ограничений, которые позволяют отнести их к квазипассивным: отсутствие активного субъекта, выступающего носителем действия; отсутствие у глаголов ядра форм прошедшего времени и редкое употребление форм Continuous; невозможность взаимной замены глаголов *go, sit, lay* в рассматриваемых конструкциях; наличие в правом контексте причастий, образованных от переходного глагола; допустимость введения агенса через предлог *by*. Дополнительно следует отметить, что в данных конст-

рукциях левоконтекстный коллокат не только определяет глагольное ядро, но и ограничивает семантику коллоката в правом контексте.

В рамках исследования было установлено, что при переводе конструкций 'noun + go / sit / lay + negative Participle II' на русский язык допускается использование определенно-личных, неопределенно-личных и безличных типов сказуемого: *crimes go uninvestigated – преступления не расследуются, cameras sit unattended – за камерами никто не следит, car sits unattended – в машине никого нет, bags lay unzipped – сумки не застегнуты, patients go untreated – пациентов не лечат, crimes go unpunished – преступления остаются без наказания / преступники уходят безнаказанными*. Таким образом, можно сделать вывод о том, что конструкции 'noun + go / sit / lay + negative Participle II' могут быть переведены на русский язык несколькими способами.

В заключение обозначим следующие направления развития и перспективы исследований в области конструкционной грамматики для решения практических задач перевода: каталогизация конструкций в разнотипных языках, установление межъязыковых конструкционных соответствий (в том числе с помощью двуязычных корпусных баз данных с разметкой), определение уникальных в структурно-семантическом отношении конструкций и подробное описание их прагматических, стилистических и функционально-семантических особенностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болдырев Н. Н., 2000. Фреймовая семантика как метод когнитивного анализа языковых единиц // Проблемы современной филологии. Мичуринск : МГПИ. С. 37–45.
- Гаврилова Ю. В., 2014. Системно-функциональное направление в лингвистике Майкла Халлидея // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. № 3. С. 16–21.
- Гейко Н. Р., 2015. Особенности перевода атрибутивных конструкций типа n+n // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. № 2 (6). С. 32–34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-atributivnyh-konstruktsiy-tipa-n-n>

- Кочетова Л. А., 2020. Историко-дискурсивные корпусные исследования // *Язык и культура в эпоху глобализации* : сб. науч. ст. по материалам Первой всерос. (нац.) науч. конф. с междунар. участием (Санкт-Петербург, 30–31 октября 2020) / под ред. И. В. Кононовой. СПб. : Изд-во СПбГЭУ. Вып. 1. С. 23–28.
- Кашкин Е. В., Ляшевская О. Н., 2015. Типы информации о лексических конструкциях в системе фреймбанк // *Труды института русского языка им. В.В. Виноградова*. № 6. С. 464–556.
- Максимова Е. Н., 2020. Системно-функциональный анализ нарративного и аргументативного типов дискурса // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. № 8. С. 242–246. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemno-funktsionalnyy-analiz-narrativnogo-i-argumentativnogo-tipov-diskursa>
- Милованова М. В., Куличенко Ю. Н., 2012. Когнитивный сценарий как способ описания мимического выражения эмоционального состояния субъекта // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. № 1. С. 108–113. URL: <https://1.jvolsu.com/index.php/ru/component/attachments/download/441>
- Пивоварова Л. М., Ягунова Е. В., 2014. От коллокаций к конструкциям // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. № 2. С. 568–617. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-kollokatsiy-k-konstruktsiyam>
- Рахилина Е. В., Тестелец Я. Г., 2016. Научное наследие Ч. Филлмора и современная теория языка // *Вопросы языкознания*. № 2. С. 7–21.
- Черноусова А. О., 2018. Исследование письменного перевода коллокации с русского языка на английский с применением корпусов английского языка // *Вестник ТГГПУ*. № 2 (52). С. 134–139. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-pismennogo-perevoda-kollokatsiy-s-russkogo-yazyka-na-angliyskiy-s-primeneniem-korpusov-angliyskogo-yazyka>
- Hilpert M., 2014. *Construction Grammar and Its Application to English*. Edinburgh : Edinburgh University Press. 220 p.
- Kochetova L. A., Rubert I. B., 2019. Corpus-Based Diachronic Discourse Studies // *Лингвокультурное измерение текста и дискурса* : сб. ст. / под ред. И. В. Кононовой. СПб. : Изд-во СПбГЭУ. P. 5–10. URL: https://pure.spbu.ru/ws/portalfiles/portal/50618538/_2019.pdf
- Kochetova L. A., Ilyinova E. Yu., 2020. English Academic Discourse in Translinguistic Context: Corpus-Based Study of Lexical Markers // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. Т. 19, № 5. P. 25–37. DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.5.3
- Kochetova L. A., Ilyinova E. Yu., 2022. Diachronic and Dialect Variation of English Intensifying Adverbs in the Film Dialogue Discourse: Corpus-Based Study // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. Т. 21, № 5. P. 95–107. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.9>
- Michaelis L., 2004. Type Shifting in Construction Grammar: An Integrated Approach to Aspectual Coercion // *Cognitive Linguistics*. Vol. 15 (1). P. 1–67. DOI: 10.1515/cogl.2004.001
- Stefanowitsch A., Gries S. T., 2006. Corpus-Based Approaches to Metaphor and Metonymy // *Corpus-Based Approaches to Metaphor and Metonymy*. Trends in Linguistics. Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyter. P. 1–16. URL: http://anatom.stefanowitsch.de/fu-berlin/p/stefanowitsch2006_cbamm.pdf
- Taylor J., 2012. *The Mental Corpus: How Language is Represented in the Mind*. Oxford : Oxford University Press. 330 p.

REFERENCES

- Boldyrev N.N., 2000. Freymovaya semantika kak metod kognitivnogo analiza yazykovykh edinit [Frame Semantics as a Method of Cognitive Analysis of Linguistic Items]. *Problemy sovremennoy filologii* [Issues of Modern Philology]. Michurinsk, MGPI, pp. 37–45.
- Gavrilova Yu.V., 2014. Sistemno-funktsionalnoe napravlenie v lingvistike Majkla Hallideja [Systemic-Functional Approach in Michael Halliday Linguistics]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], no. 3, pp. 16–21.
- Geyko N.R., 2015. Osobennosti perevoda atributivnykh konstruktsiy tipa n+n [Peculiarities of Translation of Attributive Constructions N+N]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research], no. 2 (6), pp. 32–34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-atributivnykh-konstruktsiy-tipa-n-n>
- Kochetova L.A., 2020. Istoriko-diskursivnye korpusnye issledovaniya [Corpus-Based Diachronic Studies of Discourse]. Kononova I.V., ed. *Yazyk i kultura v epokhu globalizatsii: sb. nauch. st. po*

- materialam Pervoy vseros. (nats.) nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem (Sankt-Peterburg, 30–31 oktyabrya 2020)* [Language and Culture in the Era of Globalization: Collection of Papers Presented at the First All-Russian (National) Conference with International Participation (Saint Petersburg, October 30–31, 2020)]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGEU, iss. 1, pp. 23-28.
- Kashkin E.V., Lyashevskaya O.N., 2015. Tipy informatsii o leksicheskikh konstruktsiyakh v sisteme freybank [Types of Information About Lexical Constructions in Russian Framebank]. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute], no. 6, pp. 464-556.
- Maksimova E.N., 2020. Sistemno-funktsionalnyy analiz narrativnogo i argumentativnogo tipov diskursa [Systemic and Functional Analysis of Narrative and Argumentative Types of Discourse]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], no. 8, pp. 242-246. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemno-funktsionalnyy-analiz-narrativnogo-i-argumentativnogo-tipov-diskursa>
- Milovanova M.V., Kulichenko Yu.N., 2012. Kognitivnyy stsenariy kak sposob opisaniya mimicheskogo vyrazheniya emocionalnogo sostoyaniya subjekta [Cognitive Script as a Description Method of Facial Expression of Emotional State]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 1, pp. 108-113. URL: <https://1.jvolsu.com/index.php/ru/component/attachments/download/441>
- Pivovarova L.M., Yagunova E.V., 2014. Ot kollokatsiy k konstruktsiyam [From Collocations to Constructions]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies], no. 2, pp. 568-617. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-kollokatsiy-k-konstruktsiyam>
- Rakhilina E.V., Testelet's Ya.G., 2016. Nauchnoe nasledie Ch. Fillmora i sovremennaya teoriya yazyka [Ch. Fillmore's Legacy and Modern Theoretical Linguistics]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], no. 2, pp. 7-21.
- Chernousova A.O., 2018. Issledovanie pismennogo perevoda kollokatsii s russkogo yazyka na angliyskiy s primeneniem korpusov angliyskogo yazyka [English Corpora in Translation of Collocations from Russian to English]. *Vestnik TGGPU* [Bulletin of Tatar State University of Humanities and Pedagogy], no. 2 (52), pp. 134-139. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-pismennogo-perevoda-kollokatsii-s-russkogo-yazyka-na-angliyskiy-s-primeneniem-korpusov-angliyskogo-yazyka>
- Hilpert M., 2014. *Construction Grammar and Its Application to English*. Edinburgh, Edinburgh University Press. 220 p.
- Kochetova L.A., Rubert I.B., 2019. Corpus-Based Diachronic Discourse Studies. Kononova I.V., ed. *Lingvokulturnoe izmerenie teksta i diskursa: sb. st.* [Linguocultural Dimension of Text and Discourse. Collection of Articles]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGEU, pp. 5-10. URL: https://pure.spbu.ru/ws/portalfiles/portal/50618538/_2019.pdf
- Kochetova L.A., Ilyinova E.Yu., 2020. English Academic Discourse in Translinguistic Context: Corpus-Based Study of Lexical Markers. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 5, pp. 25-37. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.3>
- Kochetova L.A., Ilyinova E.Yu., 2022. Diachronic and Dialect Variation of English Intensifying Adverbs in the Film Dialogue Discourse: Corpus-Based Study. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 21, no. 5, pp. 95-107. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.9>
- Michaelis L., 2004. Type Shifting in Construction Grammar: An Integrated Approach to Aspectual Coercion. *Cognitive Linguistics*, vol. 15 (1), pp. 1-67. DOI: 10.1515/cogl.2004.001
- Stefanowitsch A., Gries S. T., 2006. Corpus-Based Approaches to Metaphor and Metonymy. *Corpus-Based Approaches to Metaphor and Metonymy. Trends in Linguistics*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, pp. 1-16. URL: http://anatol.stefanowitsch.de/fu-berlin/p/stefanowitsch2006_cbamm.pdf
- Taylor J., 2012. *The Mental Corpus: How Language Is Represented in the Mind*. Oxford, Oxford University Press. 330 p.

Information About the Author

Svetlana N. Medvedeva, Senior Lecturer, Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State University of Economics, canala Griboedova Emb., 30-32, Bld. A, 191023 Saint Petersburg, Russia, medvedeva.s@unecon.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6694-8385>

Информация об авторе

Светлана Николаевна Медведева, старший преподаватель кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, наб. канала Грибоедова, 30-32, лит. А, 191023 г. Санкт-Петербург, Россия, medvedeva.s@unecon.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6694-8385>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.12>

UDC 811.133.1'373.2
LBC 81.471.1-316

Submitted: 13.08.2022
Accepted: 10.05.2023

**NAMES OF MILITARY OPERATIONS: MOTIVATION OF NOMINATION
(ON THE MATERIAL OF FRENCH MILITARY TEXTS)¹**

Sergey M. Kravcov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Evgeniya A. Solovyova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The paper is devoted to onomastic nomination as an actual problem in linguistics. The article analyzes nominations of military operations in which French units participated at different times. The nominations were selected from authentic memoirs and documents written by French military personnel, as well as from materials presented on the official website of the French Ministry of Armed Forces. Classifications of the names of military operations are proposed in accordance with their structural organization and subject of reference. The quantitative relationship of onyms within each classification is established and explained. Cases of onymization of appellative lexical units in the category of military operations are described. The mechanisms of motivation for onomastic nominations of military operations are identified and their impact potential is revealed. It has been established that the source of motivation for the names of military operations can be historical and geographical facts, metaphorical or metonymic change of appellative vocabulary, and its symbolization. Using the methods of component analysis of onyms and stylistic analysis of microcontexts of their use, it is shown that the connotative semes of the studied nominations are represented in microcontexts by describing the historical facts that underlie onyms, or stylistic means: metaphor, metonymy, lexeme-symbol, antithesis, irony. Based on the results obtained, the prospects for further research are identified.

Key words: onym, motivation, nomination, microcontext, metaphor, metonymy, stylistic means.

Citation. Kravcov S.M., Solovyova E.A. Names of Military Operations: Motivation of Nomination (On the Material of French Military Texts). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 5, pp. 156-165. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.12>

УДК 811.133.1'373.2
ББК 81.471.1-316

Дата поступления статьи: 13.08.2022
Дата принятия статьи: 10.05.2023

**НАЗВАНИЯ ВОЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ: МОТИВАЦИЯ НОМИНАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКИХ ВОЕННЫХ ТЕКСТОВ)¹**

Сергей Михайлович Кравцов

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Евгения Анатольевна Соловьева

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Статья посвящена ономастической номинации как актуальной проблеме языкознания. Она исследуется на материале названий военных операций, в которых в разное время участвовали французские подразделения. Рассматриваемые наименования извлечены из аутентичных произведений мемуарно-документального характера, написанных французскими военнослужащими, а также из материалов, представленных на официальном сайте Министерства вооруженных сил Франции. Предложены классификации названий военных операций в соответствии с их структурной организацией и предметом референции. Установлено и объяснено количественное соотношение онимов в рамках каждой классификации. Описаны случаи онимизации апеллятивных лексических единиц в номинации военных операций. Выявлены механизмы мотивации ономастических номинаций военных операций и раскрыт их воздействующий потенциал. Установлено, что источником мотивации названий военных операций могут быть исторические и географические факты, метафорическое или метонимическое переосмысление апеллятивной лексики, ее символизация. С применением методов компонентного анализа онимов и стилистического анализа микроконтекстов их употребления показано, что коннотативные семы изучаемых номинаций репрезентируются в микроконтекстах посредством описания исторических фактов, положенных в основу онима, или стилистических средств: метафоры, метонимии, лексемы-символа, антитезы, иронии. На основании полученных результатов определены перспективы для дальнейших исследований.

Ключевые слова: оним, мотивация, номинация, микроконтекст, метафора, метонимия, стилистическое средство.

Цитирование. Кравцов С. М., Соловьева Е. А. Названия военных операций: мотивация номинации (на материале французских военных текстов) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 5. – С. 156–165. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.12>

Введение

В ономастике в настоящее время формируется и становится приоритетным такое направление, как историческая ономастика, которая изучает онимы, номинирующие исторические, в частности военные, события и др., актуализирующие, в отличие от апеллятивов, единичные реалии и представляющие собой особые языковые знаки. Они не только выполняют функцию идентифицирующей «этикетки», значение которой определяется ее денотатом [Jonasson, 1994, p. 21; Mill, 1882; Saussure, 2005; Wilmet, 1991, p. 119], но и обладают дескрипторным или номинативным значением, устанавливающим конвенциональную связь с референтом онима [Frege, 1948; Kleiber, 2007; Russell, 1997; Searle, 1997], коннотируют значительное количество признаков референта [Jespersen, 1924, p. 66]. По мере углубления знаний в области речевой коммуникации было доказано, что без субъекта коммуникации не существует и самого знака [The Essential Pierce, 1998], акт референции является субъективно обусловленным и непосредственно связан с намерением говорящего [Boldyrev, Dubrovskaya, 2019; Boxer, 2009; Frisk, 2019; Gavriely-Nuri, 2010; Linsky, 1963; Puzey, 2016; Sieminski, 1995]. Отмеченная способность онима коннотировать тот или иной признак референта ассоциируется с определен-

ной интенцией говорящего при использовании им языковых единиц, что обуславливает важность исследования мотивов номинации посредством онимов.

На сегодняшний день в языкознании не существует универсальной типологии онимов, наиболее распространенной остается предметно-номинативная классификация на основе тех реалий объективного мира, которые служат референтом онима [Суперанская, 1973, с. 160; Daille, Fourgour, Morin, 2000, p. 117]. В соответствии с этим классификационным признаком выделяются разные ономастические группы, пополняющиеся ввиду непрерывной трансформации окружающего мира и эволюции человеческого сознания.

В языкознании онимы, называющие военные операции, несмотря на свою многочисленность, мало исследованы. В наших предыдущих работах были выявлены некоторые лингвистические особенности наименований французских военных операций (см., например: [Кравцов, Соловьева, 2018]). В данной статье такие номинации характеризуются в мотивационном аспекте, что предполагает определение их коннотативных, иногда имплицитных сем.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили онимы, извлеченные из произведений мему-

арно-документального характера, которые написаны французскими военнослужащими, проходившими службу в составе военных подразделений за пределами Франции (Bras, 2015; Douady, 2012; Gout, 2015; Le Nen, 2010), а также из текстовых материалов, представленных на официальном сайте Министерства вооруженных сил Франции (Site). Из указанных текстовых источников были извлечены посредством сплошной выборки 86 микроконтекстов, содержащих ономастические наименования военных операций. Аутентичность источников языкового материала позволяет обеспечить достоверность результатов данного исследования.

Для достижения цели анализ языковых фактов проводился посредством структурного и типологического методов. Кроме того, применялись такие процедуры исследования, как компонентный и стилистический анализ. С помощью структурного и типологического анализа онимов установлена их типология, основанная на классификации по структуре и предмету референции. С использованием компонентного и стилистического анализа выявлены речевые средства, порождающие дополнительные смыслы, которые раскрывают мотивы номинации военных операций. Прием количественных подсчетов позволил дать количественную характеристику онимов в зависимости от типа их структуры и предмета референции.

Применение перечисленных методов служит решению следующих исследовательских задач:

1) классификация онимов, называющих военные операции, в соответствии с их структурной организацией;

2) классификация онимов, называющих военные операции, в соответствии с предметом референции;

3) определение количественного соотношения онимов в пределах каждой классификации;

4) описание случаев онимизации апеллятивной лексики в номинации военных операций;

5) выявление механизма мотивации названия военной операции, которое образовано на основе ономастической лексической единицы.

Результаты и обсуждение

Структурная классификация онимов

Онимы в названиях военных операций могут классифицироваться по нескольким критериям, что позволяет говорить о их типологии. С точки зрения структуры выделяются однокомпонентные онимы (*Narvik*), представленные одной лексемой (59 %), и многокомпонентные онимы (*Storm Rumbling Puebla*), состоящие из нескольких лексем (41 %). Они могут содержать в своей структуре дополнительное числовое расширение, указывающее, как правило, на порядковый номер той или иной военной операции (*Arrow 2*). Онимы, содержащие одну лексему с числовым расширением, идентичные онимам без числового расширения, а также онимы, являющиеся раздельно оформленными топонимами (*Monte Cassino*), квалифицируются в данном исследовании как однокомпонентные. Остальные онимы рассматриваются как многокомпонентные.

Классификация онимов

в соответствии с предметом референции

В соответствии с предметом референции лексические единицы, используемые для ономастических наименований военных операций, неоднородны, что позволяет разделить их на пять групп. Перечислим их в порядке от большей к меньшей репрезентативности. Это онимы, имеющие своим референтом: 1) географический объект, номинацией которого служит топоним; 2) будничную, обыденную реалию; 3) представителя животного мира; 4) реалию, используемую при ведении военных действий; 5) человека, номинацией которого является антропоним. В отличие от онимов первой и пятой групп онимы второй, третьей и четвертой групп образованы на основе апеллятивных лексических единиц, что актуализирует феномен онимизации апеллятивов, представляющий собой важный источник ономастического пространства в языке, развития и пополнения словарного состава в целом.

1. Онимы, имеющие своим референтом географический объект. Онимы этой группы наиболее многочисленны, они составляют в нашей выборке 31 %. Их высокая реп-

резентативность обуславливается тем, что военные операции, военные действия в мире часто получают свое название в соответствии с названием места их проведения, например: *Саарская наступательная операция* (военная операция Франции в Саарской области Германии), *Вертолетная площадка университета Джафны* (военная операция Индии в городе Джафне Шри-Ланки), *операция Колвези* (военная операция с участием Франции в городе Колвези Демократической Республики Конго), *Сталинградская битва* и др. Такие номинации ассоциируются не только с военной составляющей истории страны, но и с ее географией. В большинстве названий данной группы содержится только топоним, обозначающий место проведения военной операции. Они мотивируются с опорой на знание связанных с ней известных исторических и географических фактов.

Рассмотрим несколько микроконтекстов, в которых содержатся онимы, называющие военные операции:

(1) L'opération **Monte Cassino** qui est planifiée quelques jours plus tard, va nous permettre de valider un certain nombre d'autres options tactiques, et notamment l'infiltration et la mise en place de dispositifs de bouclage à partir des crêtes qui enserrant chaque vallée (Le Nen, p. 56) – Операция **Монте-Кассино**, запланированная на несколько дней позже, позволит нам применить некоторое количество других тактических вариантов, в частности, проникновение в расположение противника и выставление средств оцепления на горных хребтах, окаймляющих каждую долину².

В 1944 г. в ходе серии кровопролитных сражений у подножия горы Монте-Кассино, расположенной в южной оконечности долины Лири, союзные войска, включая французские, смогли прорвать линию обороны и занять Рим. Мотивом выбора данного топонима для однокомпонентной номинации события военной истории является, очевидно, ассоциативная связь такой географической особенности, как гористый рельеф местности, с трудностью выполнения задачи проникновения за линию обороны противника. Можно предположить, что выбор топонима *Monte Cassino* заключается в намерении транслировать осознание

сложности и важности задачи, возложенной на военнослужащих.

В следующем микроконтексте однокомпонентный оним также отсылает к известным событиям военной истории:

(2) L'opération **Narvik**, la première opération de grande ampleur que conduit la task force Tiger depuis son arrivée en Kapisa, vient de commencer. <...> L'objectif de cette opération est simple; il s'agit de fouiller une maison dans laquelle se cache un chef taleb dont le nom de guerre est Commandant (Le Nen, p. 50) – Только что началась операция **Нарвик** – первая крупномасштабная операция, которую проводит тактическая боевая группа «Тигр» с момента своего прибытия в Капису. <...> Ее цель проста: обыскать дом, в котором прячется главарь талибов, известный под военной кличкой Командир.

Победа в битве при норвежском городе Нарвике между немецкими войсками и силами союзников состоялась в 1940 г. и стала первой в ходе неудачной военной кампании победой коалиционных войск, включающих французских военнослужащих. Успех операции подтверждается в следующем микроконтексте:

(3) **Narvik** fut la première bataille victorieuse de la triste campagne de 1940. J'espère qu'il en sera de même pour cette première opération (Le Nen, p. 50) – **Нарвик** был первым победоносным сражением во время плачевной кампании 1940 года. Надеюсь, что и для этой первой операции будет так же.

Стилистическая фигура антитеза, создающаяся употреблением в одном микроконтексте прилагательных *victorieuse* (досл. «победоносная») и *triste* (досл. «плачевная»), акцентирует коннотативную сему онима, посредством которой актуализируется ассоциация с победой, а следовательно, укрепляется уверенность в успехе операции с таким названием.

Довольно редко в номинации военной операции с использованием топонима представлены экспрессивные лексические единицы, в значении которых обнаруживаются коннотативные семы, создающие стилистический эффект. Благодаря ему оказывается необходимое эмоциональное воздействие.

В номинациях военных операций топоним может совмещаться с метафорой. Например:

(4) Le 07 janvier 2011, dans le sud de la vallée de Tagab, région de Mirkhel: le battle group Richelieu engage ses trois sous-groupements pour l'opération **Storm Rumbling Puebla**, qui a permis de saisir de l'armement, plusieurs centaines de munitions ainsi qu'une vingtaine de kilos de matière explosive servant à la fabrication d'IED (engins explosifs improvisés) (Site) – 7 января 2011 года на юге долины Тагаб, в районе Мирхеля: боевая группа Ришелье задействует три свои подгруппы для участия в операции **Штормовой гром Пуэблы**, которая позволила захватить оружие, несколько сотен боеприпасов, а также около двадцати килограммов взрывчатых веществ, используемых для изготовления самодельных взрывных устройств.

В названии военной операции топоним *Puebla* сочетается с метафорой *Storm Rumbling*, основанной на переосмыслении субъективно обусловленного акта референции (штормовой гром), с которым ассоциируется отмечающаяся в приведенном микроконтексте огневая мощь, примененная в ходе операции. Коннотативная сема актуализирует интенсивность военной операции, предполагающую ее успех.

2. Онимы, имеющие своим референтом будничную, обыденную реалию. Названия военных операций, отнесенные к этой группе, немногочисленны и составляют в нашей выборке 26 %. Они включают в себя только апеллятивные лексические единицы, что определяет высокую степень субъективной обусловленности акта референции и наличие во многих названиях стилистических средств, актуализирующих коннотативные семы.

(5) À 03 h 00 du matin, l'opération **Dinner-out** commence. <...> Au total, ce sont huit cents soldats français et afghans qui partent à la conquête de la vallée dans laquelle nous savons maintenant que deux cents insurgés environ se sont retranchés (Le Nen, p. 83) – В 3 часа ночи начинается операция **Ужин вне дома**. <...> В целом восемьсот французских и афганских солдат отправляются на завоевание долины, в которой, как нам известно, обосновалось около двухсот повстанцев.

Ироничность многокомпонентной номинации военной операции связывается с поздним временем ее проведения, когда, вероятно, повстанцы будут выбиты из укреплений, а долина Аласай перейдет под контроль атакующих, которые смогут там поужинать и

отпраздновать победу. В доказательство справедливости данного предположения приведем слова полковника Н. Ле Нена:

(6) Nous avons un quart d'heure d'avance sur notre planification. <...> En dépit de la violence des combats, je ne peux m'empêcher de plaisanter: "Ce ne sera pas Dinner out à Alasay, mais breakfast in Alasay!" (Le Nen, p. 85) – Мы опережаем график почти на четверть часа. <...> Несмотря на жесточенность боев я не могу удержаться от шутки: «Это будет не Ужин вне дома, а завтрак в Аласае!».

Эксплицитно выраженная в микроконтексте шутка порождает иронический эффект, благодаря которому оному придается дополнительный смысл, стимулирующий ощущение близкой победы.

(7) L'opération **Cigaret Shop** vise à rechercher des caches d'armes ainsi qu'à interpellier Faz Ludine, individu identifié comme un poseur d'IED (Improvised explosive device) et un trafiquant, installé en basse vallée d'Afghanya (Bras, p. 135) – Операция **Магазин сигарет** направлена на поиск схронов оружия и задержание Фаз Лудина – торговца оружием и установщика самодельных взрывных устройств, который обосновался в низине долины Афганья.

Многокомпонентный оним *Cigaret Shop* (Магазин сигарет) предполагает метафорическую ассоциацию магазина, в котором продаются сигареты, зажигаемые с помощью источника огня, с хранилищем огнестрельного оружия. Оригинальность ассоциативной связи такой бытовой реалии, как сигареты с огнестрельным оружием порождает иронический эффект, что также могло стать причиной создания такой номинации военной операции.

(8) Les 4 et 5 avril, nous conduisons l'opération **After the rain**. Cette opération est une sorte d'état des lieux de la vallée, dix jours après la fin de la bataille d'Alasay (Le Nen, p. 102) – 4 и 5 апреля мы проводим операцию **После дождя**. Данная операция представляет собой своеобразный осмотр текущего состояния долины спустя десять дней после окончания в ней Аласайского сражения.

Выбор ономастического многокомпонентного наименования *After the rain* (После дождя) обусловлен метафорическим переосмыслением произошедшего интенсивного Аласайского сражения как пролившегося дождя, что

предполагает ассоциативную связь с интенсивностью предстоящей военной операции. Кроме того, данное экспрессивное наименование напоминает военнослужащим, что очень трудный бой уже позади, способствуя таким образом подъему их боевого духа.

(9) Plus de 1600 soldats afghans et français ont été engagés dans l'opération **Promising Star**. Leur intervention a permis d'agrandir le poste avancé de Sherkhel et d'y réinstaller les hommes du 1er kandak afghan. <...> L'objectif est de sécuriser l'axe afin de permettre au développement d'arriver jusqu'à ces contrées escarpées de la province de Kapisa. C'est tout l'enjeu de ce nouveau poste avancé, cette "étoile prometteuse" (Site) – Более 1 600 афганских и французских солдат были задействованы в операции **Многообещающая звезда**. Их участие позволило сделать передовой пост Шерхель больше и вновь разместить в нем военнослужащих из 1-го афганского батальона. <...> Целью является обеспечение безопасности направления, что позволит дальнейшее развертывание сил в гористой местности провинции Каписы. В этом и состоит главная задача нового передового поста, этой «многообещающей звезды».

В приведенном микроконтексте многокомпонентный оним мотивируется тем, что звезда является символом судьбы, а «многообещающая» звезда предполагает удачу, заключающуюся в создании большого и хорошо укрепленного передового поста с помощью его реорганизации для дальнейшего развертывания сил в гористой местности провинции Каписы. Подобная номинация-символ, будучи экспрессивным средством, придает дополнительный смысл ониму, который оказывает положительное эмоциональное воздействие на военных и вселяет в них уверенность.

3. Онимы, имеющие своим референтом представителя животного мира. Источником онимов, называющих военные операции, выступают реальные или мифологические представители животного мира. Их наименования могут стать либо самостоятельным онимом для номинации военной операции, либо одним из компонентов онима, представляющего собой словосочетание. В нашей выборке доля онимов этой группы составляет 24 %. Подобно онимам второй группы они происходят от апеллятивных лексических единиц, которые могут рассматриваться как стилистические средства, актуализирующие коннотативные семы онима.

(10) Du 31 août au 14 septembre, 400 militaires de la force Serval et 150 autres de la MINUSMA ont été engagés dans une opération de contrôle de zone au nord-est de Gao, l'opération **Dragon** (Site) – С 31 августа по 14 сентября 400 солдат сил Сервал и 150 военнослужащих многопрофильной комплексной миссии ООН по стабилизации ситуации в Мали были задействованы в операции **Дракон** по контролю за местностью, расположенной к северо-востоку от Гао.

Однокомпонентная номинация *Dragon*, вероятно, мотивируется ассоциативной метафорической связью между задачами операции и боевыми качествами мифологического животного, которое может служить надежным стражником. Метафорическое переосмысление в номинации порождает стилистический эффект и оказывает положительное эмоциональное воздействие на военнослужащих.

(11) L'opération **Rapace Nest** a pour objectif l'interpellation d'un trafiquant en vallée d'Afghanya dans le village de Kuyan (Bras, p. 137) – Операция **Гнездо хищной птицы** имеет целью задержание торговца в долине Афганья, в кишлаке Кюян.

В данном случае многокомпонентный оним *L'opération Rapace Nest* (Гнездо хищной птицы) содержит метафору и позволяет мотивированно представить разыскиваемого торговца как хищную птицу, а место его нахождения – как ее гнездо.

(12) Du 27 Septembre au 10 octobre 2013, les forces armées en Guyane ont mené une opération baptisée **Bihoreau** contre une exploitation illégale d'orpaillage sur le site d'Eau Claire (Site) – С 27 сентября по 10 октября 2013 года контингент вооруженных сил, дислоцированных в Гвиане, провел операцию под названием **Биоро** по борьбе с незаконной добычей золота в районе О-Клер.

Лексема *bihoreau* является названием семейства цапель, которые распространены в регионе ведения операции, что позволяет говорить о метонимической основе, мотивирующей экзотичность однокомпонентной номинации данной военной операции.

4. Онимы, имеющие своим референтом реалию, использующуюся при ведении военных действий. Онимы этой группы немногочисленны. В нашей выборке на них приходится всего 10 %, однако, они отли-

чаются прозрачностью мотивации благодаря метафорическому или метонимическому переосмыслению апеллятивной лексики, что актуализирует коннотативные семы.

(13) L'opération **Arrow 2** a pour but une fouille rapide du compound d'Essanulah... (Bras, p. 137) – Операция **Стрела 2** имеет целью быстрый осмотр компаунда Эссанулах...

Выбор апеллатива *arrow* (досл. «стрела») для номинации операции обуславливается представлениями о высокой скорости полета стрелы, которая применялась в качестве поражающего метательного снаряда либо при стрельбе из лука во время ведения военных действий. Со скоростью полета стрелы метафорически ассоциируется стремительность военной операции, акцентирующаяся в микроконтексте при помощи прилагательного *rapide* (досл. «скорый, быстрый»).

(14) Le mercredi 18 mai dernier, dans le cadre de l'opération **Richelieu Endurance**, vous vous apprêtez à effectuer une patrouille pour combattre les insurgés qui sévissent en Kapisa, au cœur de la vallée de Tagab (Douady, s. 366) – В минувшую среду, 18 мая, в рамках операции **Выносливость Ришелье** вы готовились осуществить патрулирование с целью борьбы с повстанцами, которые свирепствуют в Каписе, в сердце долины Тагаб.

Оним, состоящий из лексем *Richelieu Endurance* (Выносливость Ришелье), имеет своим референтом реалию, которая активно использовалась для участия в военных действиях, – французскую тактическую боевую единицу «Battle Group Richelieu» (сокращенно – Richelieu), которая была организована на базе 2-го полка морской пехоты. Создателем данной боевой единицы является кардинал Ришелье. Первый компонент онима, называющий тактическую боевую группу по имени ее создателя, представляет метонимию. Кроме того, в состав онима включается существительное *Endurance* (выносливость), указывающее на сложные условия проведения операции по борьбе с повстанцами, требующей большой стойкости. Таким образом, эта номинация военной операции способствует укреплению боевого духа подразделения.

5. Онимы, имеющие своим референтом человека. Онимы этой группы немногочисленны и составляют в нашей картотеке 9 %. Мотивация номинации в данном случае основана на ассоциации военной операции с одним из отличительных признаков, которым обладает определенный человек, названный антропонимом.

(15) Du 24 juin au 9 juillet 2013, plus de 600 militaires de la force Serval ont participé à l'opération **Netero** dans la région Est de Gao. <...> Cette opération avait pour objectif la reconnaissance et le contrôle de la zone dans le but de détruire et désorganiser les réseaux terroristes (Site) – С 24 июня по 9 июля 2013 года более 600 военнослужащих сил Сервал участвовали в операции **Нетеро** на востоке от Гао. <...> Задача операции состояла в том, чтобы разведывать и контролировать местность с целью уничтожения и дезорганизации террористических сетей.

Название военной операции созвучно с именем героя известного японского аниме-сериала Айзека Нетеро (Isaac Netero) – старика-охотника и мастера боевых искусств. Мотивирующим признаком, породившим однокомпонентный оним-метафору, выступает сходство боевых качеств вымышленного персонажа и военнослужащих, способных эффективно локализовать и обезвредить противника. Привнесение в ономастическое наименование семантического компонента, связанного с игрой, нацелено, очевидно, на благоприятное восприятие названия операции и появление положительных эмоций у военнослужащих.

Кроме того, выбор антропонима в качестве номинации военной операции может основываться на сугубо личных мотивах и обуславливаться обстоятельствами, никак не связанными с военными действиями.

(16) Dans la soirée, un officier de l'état-major annonce la naissance de son fils, Martin. En clin d'œil, l'opération suivante portera son nom (Gout, p. 202) – Вечером офицер штаба сообщает о рождении сына Мартина. В мгновение ока решено, что следующая операция будет носить его имя.

В данном случае мотивом номинации военной операции служит личное обстоятельство штабного офицера – рождение у него сына и желание отметить данное событие посредством названия операции его именем.

Заключение

Во французских военных текстах названия военных операций занимают значительное место. При этом они могут иметь различную структурную организацию: выделяют однокомпонентные онимы, представляющие собой одну лексему, и многокомпонентные, состоящие из нескольких лексических единиц. При этом однокомпонентные онимы более многочисленны, чем многокомпонентные. Факт обусловливается тем, что отдельно оформленные топонимы квалифицируются как однокомпонентные онимы.

В соответствии с предметом референции онимы, называющие военные операции, также неоднородны и разделяются на пять различающихся степенью репрезентативности групп. Выявляются онимы, имеющие своим референтом: 1) географический объект, номинацией которого служит топоним (31 %); 2) будничную, обыденную реалию (26 %); 3) представителя животного мира (24 %); 4) реалию, использующуюся при ведении военных действий (10 %); 5) человека, номинацией которого является антропоним (9 %). Преобладание топонимов объясняется частотностью номинации военных операций в зависимости от места их проведения. В 60 % рассмотренных случаев, то есть в пределах второй, третьей и четвертой групп, в ономастической номинации военных операций реализуется процесс онимизации апеллативной лексики, что способствует развитию словарного состава языка.

Результаты компонентного и стилистического анализа, произведенного на основе микроконтекстов, дают возможность утверждать, что все номинации военных операций характеризуются мотивацией, механизмы которой различны. Онимы первой и пятой групп мотивируются входящими в их состав топонимами и антропонимами, соответственно, а также стилистическими средствами, такими как метафора, антитеза, актуализирующими в микроконтексте коннотативные семы, вызывающие положительные эмоции и способствующие благоприятному восприятию номинации военной операции.

Онимы второй, третьей, четвертой групп мотивируются входящими в их состав апел-

лятивными языковыми единицами. В микроконтекстах апеллативные компоненты этих онимов могут быть метафорой, метонимией или лексемой-символом, являющимися стилистическими средствами, актуализирующими коннотативные смыслы, заложенные в номинации военной операции. В некоторых названиях, построенных на метафорической ассоциации, реализуется ирония. Репрезентация коннотативных сем исследуемых номинаций с помощью отмеченных стилистических средств позволяет оказывать необходимое эмоциональное воздействие на военнослужащих.

Результаты исследования вносят вклад в изучение исторической и функциональной ономастики, общностью между ономастикой и другими науками (история, география, текстология, стилистика), углубляют знания о источниках пополнения словарного состава, о связи лексики и внеязыковой действительности, особенностях стилистического воздействия и экспрессивных средствах языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Публикация выполнена при финансовой поддержке Южного федерального университета.

This publication has received financial support from Southern Federal University.

² Здесь и далее перевод с французского наш.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кравцов С. М., Соловьева Е. А., 2018. Лингвистические особенности и основные функции кодовых наименований французских военных операций // Известия ЮФУ. Филологические науки. № 3. С. 22–32.
- Суперанская А. В., 1973. Общая теория имени собственного. М. : Наука. 366 с.
- Boldyrev N. N., Dubrovskaya O. G., 2019. Verbal Interpretation Variables and Sociocultural Aspect of Language Variation: A New Perspective // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. № 12 (10). С. 1784–1795.
- Boxer S., 2009. Manipulating Meaning: The Military Name Game // Conformity and Conflict: Readings in Cultural Anthropology / ed. by J. W. Spradley Late, D. W. McCurdy. Upper Saddle River : Pearson/Prentice Hall. P. 57–60.

- Daille B., Fourour N., Morin E., 2000. Catégorisation des noms propres : une étude en corpus // *Cahiers de grammaire*. Vol. 25, № 25. P. 115–129.
- Frege G., 1948. On Sense and Reference // *The Philosophical Review*. Vol. 57, № 3. P. 209–230.
- Frisk K., 2019. Armadillo and the Viking Spirit: Military Names and National Myths in Transnational Military Interventions // *Critical Military Studies*. Vol. 5, № 1. P. 21–39. DOI: 10.1080/23337486.2017.1319644
- Gavriely-Nuri D., 2010. Rainbow, Snow, and the Poplar’s Song: The “Annihilative Naming” of Israeli Military Practices // *Armed Forces & Society*. Vol. 36, № 5. P. 825–842.
- Jespersen O., 1924. *The Philosophy of Grammar*. London : G. Allen and Unwin. 359 p.
- Jonasson K., 1994. *Le Nom propre: constructions et interprétations*. Louvain-la-Neuve : Duculot. 255 p.
- Kleiber G., 2007. Sur le rôle cognitif des noms propres // *Cahiers de Lexicologie*. Vol. 91. P. 151–165.
- Linsky L., 1963. *Reference and Referents // Philosophy and Ordinary Language* / ed. by C. Caton. Champagne : University of Illinois Press. P. 74–89.
- Mill J. S., 1882. *A System of Logic*. URL: <https://www.gutenberg.org/files/27942/27942-pdf.pdf>
- Puzey G., 2016. *Aircraft Names // The Oxford Handbook of Names and Naming*. Oxford : Oxford University Press. P. 605–614.
- Russell B., 1997. *Descriptions // Readings in the Philosophy of Language*. Cambridge : MIT Press Cambridge. P. 322–333.
- Saussure de F., 2005. *Cours de linguistique générale*. Genève : Arbre d’Or. 253 p.
- Searle J., 1997. *Proper Names // Readings in the Philosophy of Language*. Cambridge : MIT Press Cambridge. P. 585–592.
- Sieminski G., 1995. *The Art of Naming Operations*. Newport : Naval War College.
- The Essential Peirce : Selected Philosophical Writings*. Vol. 2 (1893–1913), 1998. Bloomington ; Indianapolis : Indiana University Press. 624 p.
- Wilmet M., 1991. *Nom propre et ambiguïté // Langue française*. Vol. 92. P. 113–124.

ИСТОЧНИКИ

- Bras – Bras* S. *Gendarmes en Afghanistan*. [S. 1.] : Anovi, 2015. 184 p.
- Douady* – Douady Y. *D’une guerre à l’autre. De la Côte d’Ivoire à l’Afghanistan avec le 2e RIMA*. Paris : Nimrod, 2012. 385 p.
- Gout* – Gout F. *Libérez Tombouctou ! Journal de guerre au Mali*. Paris : Tallandier, 2015. 256 p.

- Le Nen – Le Nen* N. *Task Force Tiger*. *Journal de marche d’un chef de corps français en Afghanistan*. Paris : Economica, 2010. 128 p.
- Site* – Site du ministère des Armées de la France. URL: <http://www.defense.gouv.fr>

REFERENCES

- Kravtsov S.M., Solovyova E.A., 2018. Lingvisticheskiye osobennosti i osnovnyye funktsii kodovykh naimenovaniy frantsuzskikh voyennykh operatsiy [Linguistic Peculiarities and Basic Functions of Codenames of French Military Operations]. *Izvestiya YuFU. Filologicheskkiye nauki*, no. 3, pp. 22-32.
- Superanskaya A.V., 1973. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [The General Theory of Proper Names]. Moscow, Nauka Publ. 366 p.
- Boldyrev N.N., Dubrovskaya O.G., 2019. Verbal Interpretation Variables and Sociocultural Aspect of Language Variation: A New Perspective. *Zhurnal Sibirskogo federalnogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences], no. 12 (10), pp. 1784-1795.
- Boxer S., 2009. *Manipulating Meaning: The Military Name Game. Conformity and Conflict*. Spradley Late J.W., McCurdy D.W., eds. *Readings in Cultural Anthropology*. Upper Saddle River, Pearson/Prentice Hall, pp. 57-60.
- Daille B., Fourour N., Morin E., 2000. Catégorisation des noms propres : une étude en corpus. *Cahiers de grammaire*, vol. 25, pp. 115-129.
- Frege G., 1948. On Sense and Reference. *The Philosophical Review*, vol. 57, no. 3, pp. 209-230.
- Frisk K., 2019. Armadillo and the Viking Spirit: Military Names and National Myths in Transnational Military Interventions. *Critical Military Studies*, vol. 5, no. 1, pp. 21-39. DOI: 10.1080/23337486.2017.1319644
- Gavriely-Nuri D., 2010. Rainbow, Snow, and the Poplar’s Song: The “Annihilative Naming” of Israeli Military Practices. *Armed Forces & Society*, vol. 36, no. 5, pp. 825-842.
- Jespersen O., 1924. *The Philosophy of Grammar*. London, G. Allen and Unwin. 359 p.
- Jonasson K., 1994. *Le Nom propre: constructions et interprétations*. Louvain-la-Neuve, Duculot. 255 p.
- Kleiber G., 2007. Sur le rôle cognitif des noms propres. *Cahiers de Lexicologie*, vol. 91, pp. 151-165.
- Linsky L., 1963. *Reference and Referents*. Caton C., ed. *Philosophy and Ordinary Language*. Champagne, University of Illinois Press, pp. 74-89.

Mill J.S., 1882. *A System of Logic*. URL: <https://www.gutenberg.org/files/27942/27942-pdf.pdf>
Puzey G., 2016. Aircraft Names. *The Oxford Handbook of Names and Naming*. Oxford, Oxford University Press, pp. 605-614.
Russell B., 1997. Descriptions. *Readings in the Philosophy of Language*. Cambridge, MIT Press Cambridge, pp. 322-333.
Saussure de F., 2005. *Cours de linguistique générale*. Genève, Arbre d'Or. 253 p.
Searle J., 1997. Proper Names. *Readings in the Philosophy of Language*. Cambridge, MIT Press, pp. 585-592.
Sieminski G., 1995. *The Art of Naming Operations*. Newport, Naval War College.
The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings. Vol. 2 (1893–1913), 1998. Bloomington, Indianapolis, Indiana University Press. 624 p.

Wilmet M., 1991. Nom propre et ambiguïté. *Langue française*, vol. 92, pp. 113-124.

SOURCES

Bras S. *Gendarmes en Afghanistan*. S.l., Anovi, 2015. 184 p.
Douady Y. *D'une guerre à l'autre. De la Côte d'Ivoire à l'Afghanistan avec le 2e RIMA*. Paris, Nimrod, 2012. 385 p.
Gout F. *Libérez Tombouctou ! Journal de guerre au Mali*. Paris, Tallandier, 2015. 256 p.
Le Nen N. *Task Force Tiger. Journal de marche d'un chef de corps français en Afghanistan*. Paris, Economica, 2010. 128 p.
Site du ministère des Armées de la France. URL: <http://www.defense.gouv.fr>

Information About the Authors

Sergey M. Kravcov, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University, B. Sadovaya St, 105/42, 344006 Rostov-on-Don, Russia, serg.cravtzov2017@yandex.ru, smkravcov@sfned.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6804-1197>

Evgeniya A. Solovyova, Candidate of Sciences (Philology), Lecturer, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University, B. Sadovaya St, 105/42, 344006 Rostov-on-Don, Russia, e_rossignol@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8796-6059>

Информация об авторах

Сергей Михайлович Кравцов, доктор филологических наук, профессор института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, ул. Б. Садовая, 105/42, 344006 г. Ростов-на-Дону, Россия, serg.cravtzov2017@yandex.ru, smkravcov@sfned.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6804-1197>

Евгения Анатольевна Соловьева, кандидат филологических наук, преподаватель Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, ул. Б. Садовая, 105/42, 344006 г. Ростов-на-Дону, Россия, e_rossignol@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8796-6059>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.13>

UDC 811.161.1'37
LBC 81.411.2-002

Submitted: 19.08.2022
Accepted: 10.05.2023

SEMANTICS OF THE WORD *KUKLA* (*DOLL*) IN THE RUSSIAN LANGUAGE (DYNAMIC ASPECT)

Natalya V. Yudina

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Lyudmila V. Kotane

Vladimir State University, Vladimir, Russia;
Language School "Lingua Sphere", Mezhares, Latvia

Abstract. The article is devoted to integrative research into dynamic processes in modern Russian. It examines the peculiarities of the functioning of the noun *kukla* (*doll*) in the Russian language of the 20th and 21st centuries. Based on the analysis of the linguistic experiment results, the materials from the National Corpus of the Russian Language (NCRL), as well as lexicographic sources, the subject-conceptual content of the word *kukla* (*doll*), its pragmatic features and some characteristics of attributive distributors are considered. According to the analysis of frequency based on materials from the NCRL 2010–2021, it was found that over the past ten years the recurrence of the word *kukla* (*doll*) has decreased by 2.3 times. At the same time, lexicographic sources of the late 20th – early 21st centuries recorded new lexical meanings of the noun *kukla* (*doll*): "a soulless / weak-willed person", "a pack of fake banknotes", formed as a result of metaphorical transfer. Generalisation of the data obtained as a result of an associative linguistic experiment made it possible to record the expansion of the semantic meaning of the lexeme *kukla* (*doll*), which occurred due to both linguistic processes and the influence of extralinguistic factors. The connotative components of the word *kukla* (*doll*) meanings have been described, their majority is established to be ameliorative and neutral. Pejorative connotation is represented insignificantly. The results achieved prove the high expressive potential of the lexeme *kukla* (*doll*) in the Russian language within the analysed period.

Key words: linguistic experiment, semantics, connotation, category of animacy, noun "kukla (*doll*)".

Citation. Yudina N. V., Kotane L. V. Semantics of the Word *Kukla* (*Doll*) in the Russian Language (Dynamic Aspect). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 5, pp. 166-177. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.13>

УДК 811.161.1'37
ББК 81.411.2-002

Дата поступления статьи: 19.08.2022
Дата принятия статьи: 10.05.2023

СЕМАНТИКА СЛОВА «КУКЛА» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Наталья Владимировна Юдина

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Людмила Викторовна Котане

Владимирский государственный университет
им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир, Россия;
Языковая школа «Lingua Sphere», г. Межарес, Латвия

Аннотация. Статья посвящена интегративному изучению динамических процессов в современном русском языке. Объектом исследования избрана лексема *кукла* как одна из единиц, выражающих социально

значимые и культурно специфичные понятия. На основании анализа лексикографических источников, результатов лингвистического эксперимента и материалов Национального корпуса русского языка охарактеризовано предметно-понятийное содержание слова *кукла*, его прагматические свойства и грамматические особенности. С использованием корпусного инструментария показана динамика частотности анализируемой лексемы, обнаруживающаяся в снижении количества словоупотреблений. Отмечено расширение семантики слова *кукла*: в лексикографических источниках конца XX – начала XXI в. у него зафиксированы новые лексические значения «бездушный / безвольный человек», «пачка поддельных денег», которые образованы на основе метафорического переноса. Обобщение данных, полученных в результате ассоциативного лингвистического эксперимента, позволило выявить расширение семантической сочетаемости лексемы *кукла*, обусловленное как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Описаны коннотативные значения слова *кукла* и установлено, что большая их часть относится к мелиоративными и нейтральными; пейоративная коннотация представлена незначительно. Полученные результаты свидетельствуют о высоком экспрессивном потенциале лексемы *кукла* в русском языке рассматриваемого периода.

Ключевые слова: лингвистический эксперимент, семантика, коннотация, категория одушевленности, существительное «кукла».

Цитирование. Юдина Н. В., Котане Л. В. Семантика слова «кукла» в русском языке (динамический аспект) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 5. – С. 166–177. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.13>

Введение

Одной из ключевых характеристик развития языка в XXI в. можно назвать высокую скорость динамических процессов, протекающих на всех уровнях языковой системы, в первую очередь – на лексическом. В этой связи изучение как системных объединений в лексике, так и отдельных лексем является актуальным лингвистическим направлением, позволяющим зафиксировать новейшие процессы, происходящие на лексическом уровне, а также связанные с ними морфологические и синтаксические изменения. Одним из способов комплексного изучения и последующего описания лексем считается интегральное лексикографическое описание с последующим составлением лексикографического портрета слова.

Анализ языковых данных из словарей различных типов позволяет создавать лексикографические портреты отдельных языковых единиц, замечать новые грани и свойства слова, неуловимые вне рамок интегрального описания. Вместе с тем исследование лексических единиц только на основе анализа лексикографических источников представляется недостаточным. В связи с этим анализ лексикографического портрета той или иной лексемы, по нашему мнению, необходимо дополнить изучением функционирования лексической единицы в дискурсивном пространстве. Для получения достоверной информации, на

наш взгляд, обязательным условием считается анализ данных, полученных в результате лингвистического эксперимента, которым Р.М. Фрумкина определила как «метод, позволяющий изучать факты языка в условиях, управляемых и контролируемых исследователем» [Фрумкина, 1990, с. 509].

Наиболее интересным объектом для анализа с применением охарактеризованного выше подхода являются лексические единицы, выражающие социально значимые и культурно специфичные понятия. Одним из таких объектов является существительное *кукла*.

Кукла как традиционная игрушка представляет собой, по мнению исследователей, неотъемлемый атрибут человеческих сообществ и отражает их культурные пространственно-темпоральные особенности [Коровкина, 2023, с. 161], несет «этно-фольклорный функционал» [Будник, 2021, с. 470], выступает объектом культурно-исторического наследия [Пластинина, 2023, с. 293]. Соответственно, на специфику функционирования лексемы *кукла* в русском языке оказывают влияние не только лингвистические, но и экстралингвистические факторы, в том числе социокультурные и исторические условия.

Цель работы – выделить особенности функционирования существительного *кукла* в дискурсивном пространстве XX и XXI вв. с учетом предметно-понятийного содержания, системных связей и прагматических особенностей указанной лексической единицы.

Изучение функционирования лексем является одним из актуальных направлений современной лингвистики. Вместе с тем комплексного, интегрального анализа лексемы *кукла*, учитывающего социокультурные и лингвокультурологические характеристики, не проводилось, что и обусловило актуальность проведенного исследования.

Материал и методы

Языковой материал исследования включает словарные статьи, посвященные лексеме *кукла*, в отдельных лексикографических источниках XX и XXI в.; результаты лингвистического эксперимента, в котором приняли участие 801 респондент – носителей русского языка; более 2 000 контекстов с существительным *кукла*, извлеченных из Национального корпуса русского языка.

В исследовании были применены следующие методы: сравнительно-сопоставительный анализ лексических значений, представленных в лексикографических источниках; статистический метод (выявление частотности употребления лексемы); метод лингвистического эксперимента.

Лингвистический эксперимент проводился в формате свободного онлайн-анкетирования. Ссылка на онлайн-форму с вопросами была размещена в социальных сетях автора исследования, и заполнить анкету мог любой желающий. Анкета включала следующие вопросы:

1. Ваш пол.
2. Ваш возраст.
3. Какая ассоциация со словом «кукла» первой приходит вам в голову? (он может включать одно или несколько слов).
4. Как вы ответите на вопрос: «Какая кукла?».
5. Завершите словосочетание, используя слово «кукла»: «играть...».

Описание языкового материала, полученного в результате лингвистического эксперимента, осуществлялось по следующим критериям: принадлежность ассоциата к той или иной тематической группе (далее – ТГ); аксиологическая характеристика; частотность и морфологические характеристики атрибутивных распространителей; наличие коннота-

тивных значений; особенности управления в словосочетаниях с лексемой *кукла*.

Результаты и обсуждение

Этимологические и семантические характеристики существительного *кукла*

Согласно «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера лексема *кукла* заимствована русским языком из греческого (ср.: *коўкла*, позднее – лат. *cuculla*), причем предположение об исконно славянском происхождении этой лексемы и посредничество с турецким *kukla* недопустимо. Кроме того, М. Фасмер обращает внимание на тот факт, что анализируемая лексема на протяжении веков сохраняла свой исходный фонетический и графический облик (Фасмер, с. 405).

Значения слова *кукла* в толковых словарях

В лексикографических источниках представлен ряд значений лексемы *кукла*. Так, в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой приводятся три значения, которые можно назвать традиционными: «1. Детская игрушка в виде фигурки человека. 2. В театральном представлении: фигура человека или животного, сделанная из разных материалов и управляемая актером (кукловодом). 3. Фигура, воспроизводящая человеческое тело» (Ожегов, Шведова, 1994, с. 306). В четвертом стереотипном издании «Словаря русского языка» (Малого академического словаря) под редакцией А.П. Евгеньевой (первое издание в 1982 г.), помимо первого, ставшего классическим значения «Детская игрушка в виде фигурки человека», зафиксированы следующие: «2. Разг. О бездушном и пустом человеке (чаще женщине). 3. *перен.* Человек, слепо действующий по воле другого; марионетка. ◊ Чертова кукла (прост.) – употребляется как бранное выражение» (МАС, с. 146). Таким образом, к концу XX в. основные значения лексемы *кукла* сгруппированы в двух семантических областях: 1) что-то искусственное, неживое (кукла как игрушка / как фигура для игровых либо демонстрационных целей) с нейтральной денотацией;

2) пейоративная денотация человека (бездушность, пустота, несамостоятельность).

В обновленной онлайн-версии словаря С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой пункт 2, а именно: «В театральном представлении: фигура человека или животного, сделанная из разных материалов и управляемая актером (кукловодом)», дополняется примером переносного значения, возникшего на основе приведенного определения: «быть куклой в чьих-л. руках (перен.)». Кроме того, в словарной статье онлайн-словаря добавлено четвертое значение: «4. Пачка листов бумаги, подделанная под пачку бумажных денег (прост.)» (Ожегов, Шведова).

Новейшие значения, зафиксированные в онлайн-версии словаря С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, наблюдаются и в других лексикографических источниках начала XXI века. Так, в «Большом толковом словаре» под редакцией С.А. Кузнецова зафиксированы следующие значения: «1. Детская игрушка в виде фигурки человека. 2. Фигура человека или животного из дерева, тряпок и т. п. в специальных театральных представлениях. 3. Разг. О бездушном и пустом человеке (чаще женщине). Чёртова к. (бранно). 4. Человек, слепо действующий по воле другого; марионетка, быть куклой в чьих-л. Руках. 5. *Жарг.* Пачка, упаковка нарезанной бумаги, передаваемая вместо денег» (БТС, с. 478).

В «Большом академическом словаре» К.С. Горбачевича приводятся следующие значения: «1. Детская игрушка в виде фигурки человека. || Устар. Статуэтка. || Фигура человека или животного из дерева, тряпок и т. п. в специальных театральных представлениях, игрищах и т. п. 2. Разг. О бездушном и пустом человеке (обычно о женщине). 3. перен. О человеке, слепо действующем по воле другого. <> Чертова кукла (прост.) – употребляется как бранное выражение» (БАС, с. 744–745).

Новые значения возникли в результате метафорического переноса, в основе которого лежит сема «искусственное, неживое, имитация», но при этом значение переносится как на человека (бездушного либо безвольного), так и на объект (имитация, обман). Таким образом, лексикографические источники фиксируют и традиционные, устоявшиеся значения, и новые, отличающиеся пейоративной коннотацией.

Следует отметить и разнообразие стилистических характеристик, встречающихся как в лексикографических источниках XX, так и XXI века. Например, стилистические пометы *разг.*, *прост.*, *перен.* встречаются практически во всех словарных статьях. Интерес вызывает тот факт, что словосочетание *чертова кукла* в лексикографических источниках XX в. маркируется как *прост.*, а в XXI в. эта стилистическая характеристика в некоторых источниках меняется на *бран.*, что может объясняться изменением дискурсивного функционирования лексемы *черт* и ее переходом из просторечного пласта лексики в обценный. Кроме того, в связи с социально-историческими реалиями конца XX в., в XXI в. в лексикографических источниках фиксируется новое значение, стилистически маркированное как жаргонное – *куклой* называют пачку нарезанной бумаги, передаваемой под видом денег, в которой настоящие купюры лежат только сверху и снизу. На наш взгляд, наличие стилистических помет и возникновение новых значений на основе метафорического переноса свидетельствует о высоком экспрессивном потенциале анализируемой лексемы.

Частотность употребления

Особый культурологический статус артефакта «кукла», обусловленный социально-историческими факторами, оказывает влияние на высокую частотность анализируемого существительного, не подверженную влиянию экстралингвистических факторов. Однако частотные характеристики лексемы *кукла* являются не однозначными. Так, согласно данным Google Ngram Viewer, частотность употребления лексемы *кукла* за последние двадцать лет равномерно возрастает (см. рис. 1).

Вместе с тем, по данным Национального корпуса русского языка, частотность употребления существительного *кукла* линейно сохраняется в 2000–2010 гг., а с 2010 по 2019 г. снижается в 2,3 раза (см. рис. 2).

Таким образом, мы наблюдаем противоречивое представление динамики употребления лексемы *кукла* согласно данным, полученным с использованием разных инструментов. Для дальнейшего анализа мы принимаем за основу данные Национально-

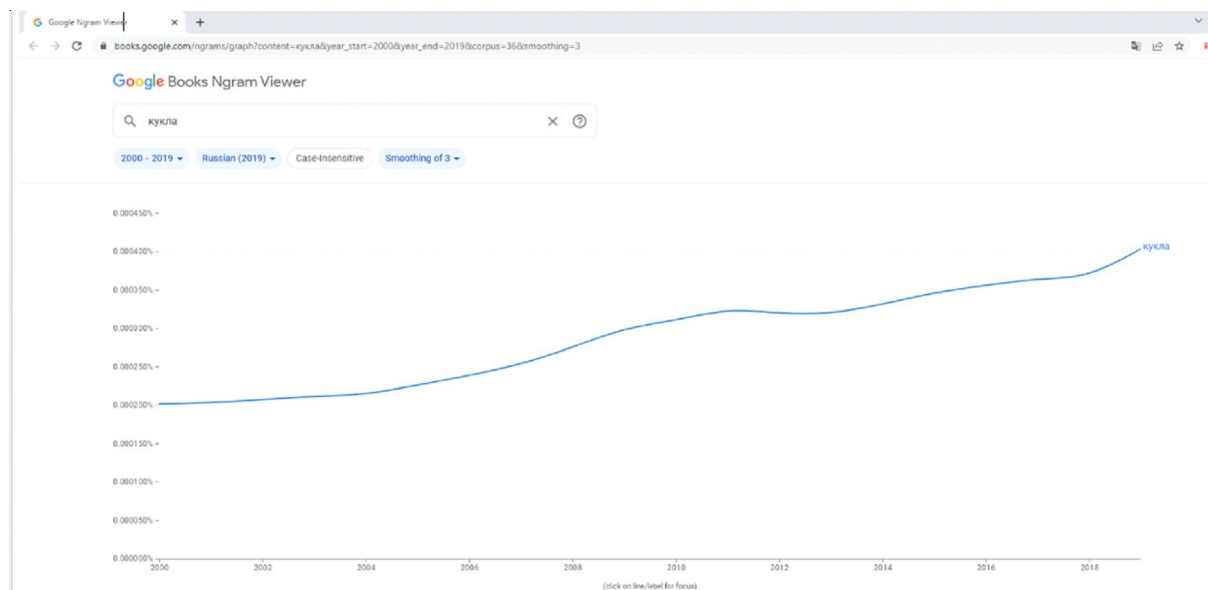

Рис. 1. Динамика употребления лексемы *кукла* в 2000–2020 гг. (согласно Google Ngram Viewer)

Fig. 1. Dynamics of the use of the lexeme *kukla* (doll) in 2000–2021 in Google Ngram Viewer

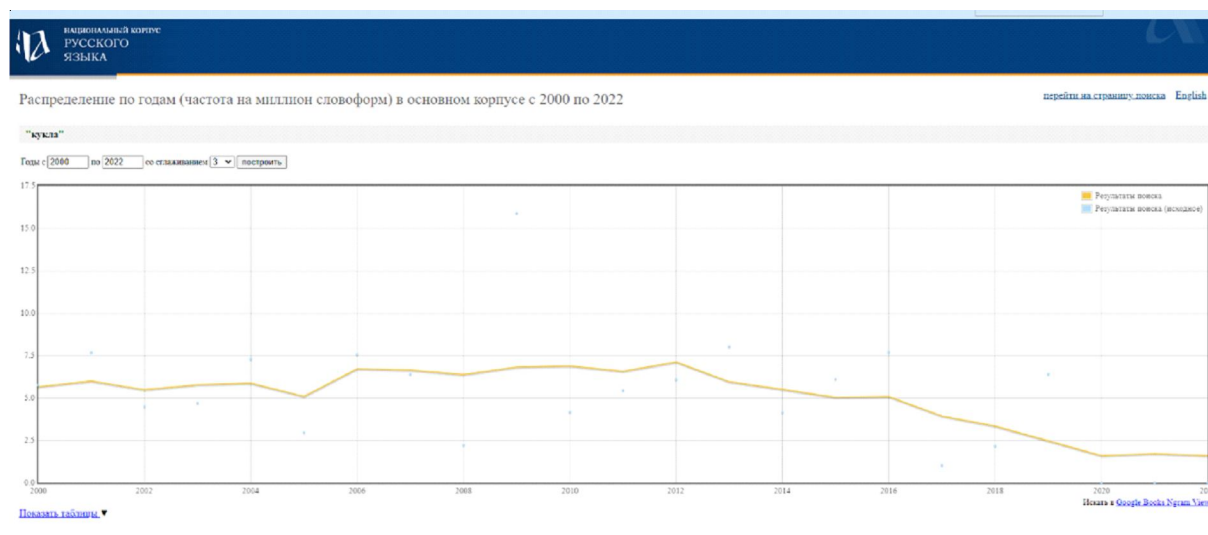

Рис. 2. Динамика употребления лексемы *кукла* в 2000–2021 гг. в НКРЯ

Fig. 2. Dynamics of the use of the lexeme *kukla* (doll) in 2000–2021 in the NCRL

го корпуса русского языка (далее – НКРЯ) ввиду того, что, на наш взгляд, НКРЯ является более сбалансированным и, в отличие от Google Ngram Viewer, содержит тексты не только произведений художественной литературы, но и средств массовой информации, а также записи устной речи, отражающие дискурсивную практику. Согласно данным НКРЯ, существительное *кукла* стало меньше использоваться в устной речи и в периодических изданиях, сохра-

нив устойчивые позиции по частоте употреблений в художественной и научно-популярной литературе.

В «Частотном словаре современного русского языка» О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова существительное *кукла* приводится с показателем частотности 25.3 (ipm) (Ляшевская, Шаров), что в целом свидетельствует о регулярном использовании анализируемого существительного и его устойчивой позиции в отечественной лингвокультуре.

**Характеристика
существительного кукла по данным
лингвистического эксперимента**

Отечественные и зарубежные лингвисты, работающие в разных исследовательских парадигмах, неоднократно обращали внимание на необходимость использования экспериментальных данных. Так, Л.В. Щерба справедливо указал на роль «принципа эксперимента» как фундамента, позволяющего глубже проникнуть в понимание речевой деятельности. Более того, исследователь, по мысли Л.В. Щербы, должен обращаться с вопросом о правильности или неправильности языкового материала прежде всего к самому носителю языка, не полагаясь только на свою интуицию. Носитель языка при этом рассматривается как объект эксперимента и информатор [Щерба, 1974, с. 34].

Указанный подход положен в основу метода анкетирования, направленного на выявление семантических, грамматических и синтаксических характеристик лексемы *кукла*. В опросе приняли участие 801 респондент – носителей русского языка, в том числе 92 % женщин и 8 % мужчин. Гендерный дисбаланс, на наш взгляд, может быть обусловлен предметом лингвистического эксперимента – кукла традиционно считается игрушкой для девочек, что и вызвало преимущественно интерес респондентов женского пола, поскольку участие в лингвистическом эксперименте было добровольным, и он проходил в онлайн-формате, в виде заполнения анкеты с вопросами, без предварительного отбора участников по какому-либо признаку. Возрастные категории участников разделились следующим образом: младше 18 лет – 0,4 % (3 ответа); 18–23 года – 1,8 % (14 ответов); 24–29 лет – 5,1 % (40 ответов); 30–39 лет – 27 % (215 ответов); 40–50 лет – 37,8 % (305 ответов); старше 50 лет – 28,1 % (224 ответа).

При анализе результатов эксперимента гендерные, возрастные и социальные характеристики респондентов не учитывались, поскольку полученные результаты не демонстрируют устойчивой зависимости от указанных особенностей респондентов. Это обусловлено количеством участников лингвистического эксперимента. Как отмечают специалисты в об-

ласти психолингвистики, основные релевантные ассоциативные реакции проявляются при наличии более 200 участников ассоциативного лингвистического эксперимента, а при наличии более 500 респондентов, по мнению Н.В. Уфимцевой, «можно говорить об ассоциативной норме языкового сознания» [Психолингвистика и лексикография, 2016, с. 7–8].

Результаты опроса

Ассоциации к существительному кукла

Семантические характеристики существительного *кукла* были выявлены путем сбора ассоциаций, связанных с указанной лексемой. Вопрос был сформулирован следующим образом: «Какая ассоциация со словом “кукла” первой приходит вам в голову (ответ может включать одно или несколько слов)?». Предложенные респондентами ассоциации представлены в таблице.

Доминирующие ассоциаты (как правило, это существительные), связанные с лексемой *кукла*, входят в тематическую группу «Детство» (более 39 %): *игрушка* (221), *детство* (89), *игра* (26), *любимая кукла, с которой играла в детстве*; *красивая игрушка* и др. Меньшее количество ассоциатов представлено ТГ «Признаки» (10,92 %), как правило, это прилагательные, называющие различные признаки куклы: *красивая* (38), *детская* (19), *любимая* (6), *глупая* (3). Следующие по частотности – ассоциаты, входящие в ТГ «Номинации человека» (релятивные существительные, термины родства и др.) (10,6 %): *девочка* (44), *ребенок* (17), *женщина* (3), *человек, не имеющий своей воли*; *маленькая красивая девочка*; *моя бабушка, произносящая это слово*; *слишком ухоженная женщина*; *кукла с глазами*. Еще менее частотны ассоциаты, которые входят в ТГ «Прецедентные феномены» (8,59 %): ср.: *Барби* (30), *Брац* (10), *«Кукла Маша, кукла Даша, просто дети стали старше»* (7), *Неваляшка* (4), *Мальвина* (4), *резиновая Зина*; *Чайковский «Болезнь куклы»*; *роман Б. Пруса* и др. Далее по частотности – ассоциаты ТГ «Материалы» (применительно к кукле как к игрушке) (8,06 %): *фарфоровая* (17), *тряпичная* (10), *пластмассовая* (8); *пластмассовая*

Ассоциаты к существительному *кукла*Associations with the noun *kukla* (*doll*)

№ п/п	Группы	Кол-во ответов	Доля ответов, %
1	Детство	370	39,24
2	Признаки куклы	103	10,92
3	Номинации человека	100	10,60
4	Прецедентные феномены	81	8,59
5	Материал	76	8,06
6	«Реализация», кукла как продукт (пупс, манекен)	48	5,09
7	Элементы внешнего облика	39	4,14
8	Имена	31	3,29
9	Аксессуары и одежда	26	2,76
10	Другие значение слова	24	2,55
11	Кукольный театр	12	1,27
12	Эмоции	11	1,17
13	Пачка денег, где настоящие только 2 банкноты	6	0,64
14	Действие (играть, укладывать спать)	11	1,17
15	Ужастик	5	0,53

кукла из советских времен; тряпичная кукла с оранжевыми волосами; фарфоровая кукла с большими ресницами на антресоли и др. Другие группы ассоциатов, которые составили 5 % и менее, также приведены в таблице.

Около половины предложенных респондентами ассоциатов связаны с традиционными представлениями о кукле как символе детства, красивого прошлого и радостных воспоминаний. Однако другая часть ассоциатов демонстрирует взгляд на куклу как феномен классических (*Неваляшка, резиновая Зина*) и новых прецедентных имен (*Барби, Брац*), а также представляет собой описание современной женщины, пользующейся современными beauty-услугами (*слишком ухоженная женщина; кукла с глазами*).

**Аксиологические характеристики
распространителей
существительного *кукла***

Ответы респондентов на вопрос «Какая кукла?» позволили выделить три группы определений с точки зрения аксиологической характеристики субъекта. Так, 355 ответов (47,8 %), можно квалифицировать как определения с нейтральным значением, включающие: 1) относительные прилагательные, имеющие отношение к материалу (*деревянная, резиновая*); указывающие на производителя (*немецкая, испанская, кубинская*); 2) качественные прилагательные, характеризующие размер (*большая, маленькая*) и оттенки цве-

та частей тела куклы (например, глаз: *голубоглазая*); 3) порядковые числительные (*первая, вторая*); 4) дескриптивные сочетания преимущественно синсемантического характера (*в голубом платье, с белыми / кудрявыми / длинными волосами*).

Меньше ответов – 346 (46,6 %) – содержали мелиоративные определения, к которым относятся, в первую очередь, качественные прилагательные: *милая, трогательная, родная, добрая*, а также существительные, обозначающие лиц женского пола *девушка, женщина: очаровательная, роскошная, удивительная, интересная* и др. Кукла воспринимается респондентами как лицо женского пола, как родственница, и это подчеркивается определениями.

Количество определений с пейоративной коннотацией невелико и составляет 41 ответ (5,5 %). Они характеризуют внешний вид куклы (*грязная, страшная, лохматая, безобразная*), ее возраст (*старая*), состояние (*поломанная, потрёпанная*), отношение владельца (*ненужная*), а также указывают на отсутствие у нее антропоцентрических признаков или человеческих качеств (*мёртвая, бесчувственная, чёрствая, мерзкая* и др.).

В ряде случаев аксиологическая характеристика куклы непредсказуема с учетом появления атрибутивных распространителей. Без более широкого контекста вряд ли возможно определить оценочное суждение говорящего, использующего следующие сочетания: *кукла из новой / старой коллекции; старинная кукла; живая (как живая) кукла* и др.

Частотность атрибутивных распространителей

Самые частотные определения лексемы *кукла*, полученные в ходе лингвистического эксперимента, распределились следующим образом: *красивая* (180), *большая* (56), *любимая* (54), *фарфоровая* (32). На рисунке 3 приводятся количественные данные по десяти наиболее частотным определениям. Девять из них относятся к группе согласованных определений и одно (*Барби*) – к приложениям. Подавляющее большинство частотных определений относится к мелиоративным или нейтральным единицам, а самым частотным ответом с пейоративной коннотацией является прилагательное *старая* (14 ответов). На основании полученных результатов можно сделать промежуточный вывод о том, что 95 % респондентов воспринимают куклу как мелиоративный объект – красивый и любимый.

Во многих ответах на вопрос «Какая кукла?» встретились определения, обычно относящиеся к субъекту, которого говорящий воспринимает как живого. В ответах наблюдаются варианты и с мелиоративной (*родная, добрая, счастливая*), и с пейоративной (*бесчувственная, черствая, тупая, глупая, мертвая, одинокая*) коннотацией.

Итак, большинство ассоциатов лексемы *кукла* обладают либо мелиоративной коннотацией, либо оценочно нейтральным значением. Это, на наш взгляд, может быть связано с тем, что кукла ассоциируется у респондентов с детством, которое принято вспоминать как счастливую пору. Пейоративная коннотация, как правило, связана с употреблением лексемы *кукла* в одном из переносных значений: «женщина с определенной внешностью и складом характера» (*женщина с мертвой душой, зависимое бездумное существо, пустая женщина-кукла*), «подделка, подлог» (*пачка денег, где настоящие только две банкноты; подлог; фальшивка*). Единичные ответы негативно характеризуют куклу как игрушку, что может быть связано с индивидуальными особенностями восприятия респондентов, давших указанные ответы (*страшная, старая пластиковая кукла, фальшь*).

Морфолого-синтаксические особенности атрибутивных распространителей

Для более полного анализа, который позволит определить морфолого-синтаксические характеристики атрибутивных распространителей лексемы *кукла*, нами были рассмотрены материалы НКРЯ.

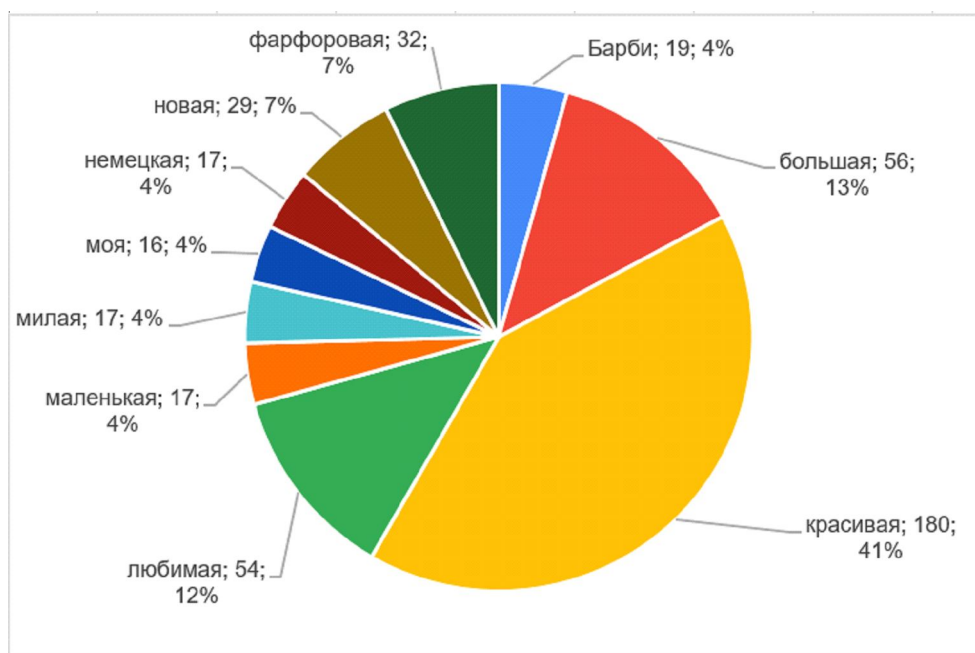

Рис 3. Наиболее частотные определения к лексеме *кукла*
Fig. 3. The most frequent definitions for the lexeme *kukla* (doll)

На основе морфолого-синтаксических характеристик выделим следующие типы атрибутивных распространителей:

I. Неособобленные атрибутивные распространители:

1) согласованные, выраженные: а) качественными прилагательными, обозначающими внешний вид (*красивая, нарядная*); антропоцентрические характеристики мелиоративного (*добрая*) и пейоративного (*некрасивая, грязная*) статуса; б) относительными прилагательными (*настоящая* и др.), в том числе с указанием особого статуса (*немецкая кукла*); в) притяжательными прилагательными, образованными от личных имен, а также номинаций, связанных со степенью родства или полоролевого статуса (*Машина, мамина, девочкина* и др.); г) местоимениями (*моя, наша*); д) порядковыми числительными (*первая*);

2) несогласованные, выраженные: а) существительными в форме родительного падежа (*кукла Маши, кукла Папы Карло*); б) словоформами: с + Твор. п.; в + Предл. п. (*кукла с синими глазами, женщина с мертвой душой, кукла в голубом платье*) автосемантического и синсемантического характера: *У девочки в руках тонкая кукла с разноцветными волосами* (М. Ахмедова. Сталинград); *Среди этого барахла хранилась кукла с турнюром* (К. Вагинов. Гарпагониада); *Скрипка и сломанная кукла в чемодане не понадобятся им там* (И. Глущенко. Старые вещи).

II. Обособленные атрибутивные распространители, выраженные:

1) причастными оборотами, ср.: *А Вася головой крутит, руками двигает – и все молча, как кукла, натрое разрубленная* (В. Муратханов. Божистика);

2) адъективными оборотами, ср.: *А сейчас в коляске лежит единственная кукла, тоже довольно старая, из моих, зовут Марина*. (М. Кучерская. Тетя Мотя).

Особенности управления в словосочетаниях с лексемой кукла

Отвечая на вопрос «Завершите словосочетание словом кукла: играть...», респонденты выбрали: 1) винительный падеж – 486 единиц (65,6 %): *играть в куклы* (459), *играть в*

куклу (24); *играть куклу Суок в театре* (3); 2) творительный падеж – 235 единиц (31,7 %): *играть с куклой в дочки-матери; играть куклой; играть с куклами одно удовольствие*; 3) родительный падеж – 20 единиц (2,7 %): *играть без куклы. Играть в бессердечные игры – это удел кукол*. Следует отметить, что пример, представляющий собой полное предложение, иллюстрирует креативность современной языковой личности – респондент переосмыслил задание таким образом, что вместо словосочетания сформулировал законченное высказывание, в котором существительное кукла используется в значении «бездушный, пустой человек».

Самый частотный ответ в виде словосочетания *играть в куклы*, может объясняться тем, что указанное выражение перешло в разряд устойчивых сочетаний, близких к фразеологическим (по аналогии со словосочетаниями типа *играть в казаки-разбойники, играть в шашки*), но сохранившим при этом конкретное значение.

Некоторые исследователи, в частности И. Атанасова, анализируя варианты для существительного кукла: *одевать кукол / куклы*, отмечает, что при глаголах, употребляющихся с одушевленными предметами, чаще встречается форма Вин. п. = Род. п.: *раздевать, наряжать, кормить кукол*, а при глаголах, употребляющихся с неодушевленными предметами – форма Вин. п. = Им. п.: *купить, шить, ломать куклы* [Атанасова, 2011, с. 36]. Вместе с тем в «Русской грамматике» 1980 г. упоминается слово кукла при перечислении существительных, которые являются неживыми согласно биологическим представлениям, но все-таки грамматически одушевленными [Русская грамматика, 1980, с. 461].

Выводы

Анализируемая лексема кукла представляет интерес как с собственно лингвистических, так и с экстралингвистических позиций. Анализ лексикографических источников показал расширение лексического значения существительного кукла: в лексикографических источниках XXI в. зафиксированы новые значения анализируемой лексики, а также наблюдается расширение стилисти-

ческого употребления и изменение некоторых стилистических характеристик, в частности, маркировки словосочетания *чертова кукла* как бранного (вместо просторечного, зафиксированного в лексикографических источниках XX в.).

Проведенный анализ значений существительного *кукла* подтвердил расширение его использования: помимо прямых значений в настоящее время существительное *кукла* используется в новых переносных значениях – «бездушный / безвольный человек», «пачка поддельных денег». Кроме того, вследствие метафорического переноса *куклой* все чаще называют женщину, как в мелиоративном (*красивая, милая, хорошенькая*), так и в пейоративном (*глупая, бездушная*, а также *слишком ухоженная*) контекстах. Указанные оттенки значения образовались вследствие актуализации разных семантических признаков: в первом случае за основу метафоры берется красота, совершенство, а во втором – искусственность, поддельность и отсутствие жизненности. Значение жаргонизма *кукла* – «фальшивка, пачка нарезанной бумаги, где деньгами являются только верхняя и нижняя банкноты», возникает как метафорический перенос, в основе которого лежат представления о фальши, обмане.

Результаты анализа семантических характеристик атрибутивных распространителей лексемы *кукла* позволили установить, что среди них преобладают прилагательные с мелиоративной коннотацией или оценочно нейтральные, атрибутивные распространители с пейоративной коннотацией связаны, как правило, с новыми переносными значениями этой лексемы.

На синтаксическом уровне следует отметить особенности управления в словосочетании существительного *кукла* с глаголом *играть*. Помимо самого частотного выбора – винительного падежа – респонденты использовали слово *кукла* в родительном и творительном падеже, а устойчивая форма *играть в куклы*, указанная 65 % респондентов, может иллюстрировать как морфологические характеристики лексемы, связанные с категорией одушевленности / неодушевленности, так и способ образования по модели «глагол *играть* + существительное в винительном

падеже с грамматическими характеристиками неодушевленности», ср.: *играть в шахматы, играть в слова, играть в казаки-разбойники* и т. п.

Таким образом, функционирование существительного *кукла* в русском языке XX и XXI вв. характеризуется возникновением новых переносных значений, изменением стилистических характеристик и расширением семантической сочетаемости, что может свидетельствовать о высоком экспрессивном потенциале указанной лексемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Атанасова И., 2011. Практическая морфология русского языка : пособие-справ. Велико-Тырново : Унив. изд-во им. Св. Кирилла и Мефодия. 306 с.
- Будник А. А. О., 2021. Кукла в русском песенном дискурсе: лингвистический аспект // Мир науки, культуры, образования. № 6 (91). С. 470–472.
- Гурова И. В., 2019. Лексикографическая презентация гейт-производных // Поволжский педагогический вестник. Т. 7, № 2 (23). С. 59–65.
- Коровникова Н. А., 2023. Наследие советской игровой культуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. № 5 (873). С. 160–167. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_5_873_160
- Пластинина Н. Е., 2023. Воспитательный потенциал традиционной народной куклы // Вестник науки. Т. 3, № 6 (63). С. 292–296.
- Психоллингвистика и лексикография : сб. науч. тр., 2016 / науч. ред. А. В. Рудакова. Воронеж : Истоки. Вып. 3. 245 с.
- Русская грамматика. В 2 т. Т. 1, 1980 / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука. 789 с.
- Фрумкина Р. М., 1990. Экспериментальные методы // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М. : Сов. энцикл., 1990.
- Щерба Л. В., 1974. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. М. : Наука. С. 24–39.

СЛОВАРИ

- БАС – Большой академический словарь русского языка. Т. 8. Каюта-Кюрины / авт.-сост. К. С. Горбачевич, А. С. Герд (гл. ред.) М. : Наука ; СПб. : Наука, 2007. 839 с.

- БТС* – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
- Ляшевская, Шаров* – Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М. : Азбуковник, 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>
- МАС* – Словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 / РАН, Ин-т лингвистич. иссл. ; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. 736 с.
- Ожегов, Шведова, 1994* – Ожегов С.И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М. : Азб. 1994. 907 с. URL: <https://tolkovyj-slovar-ozhegova.slovaronline.com>
- Ожегов, Шведова* – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <https://tolkovyj-slovar-ozhegova.slovaronline.com>
- Фасмер* – Фасмер М., 1986. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2. Е – Муж / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд. М. : Прогресс. 672 с.

REFERENCES

- Atanasova I., 2011. *Prakticheskaya morfologiya russkogo yazyka: posobie-sprav.* [Practical Morphology of the Russian Language. Reference Manual]. Veliko-Tyrnovo, Univ. izd-vo im. Sv. Kirilla i Mefodiya. 306 p.
- Budnik A.A.O., 2021. Kukla v russkom pesennom diskurse: lingvisticheskiy aspekt [Doll in the Russian Song Discourse: Linguistic Aspect]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education], no. 6 (91), pp. 470-472.
- Gurova I.V., 2019. Leksikograficheskaya prezentatsiya geyt-proizvodnykh [Lexicographical Presentation of Gate Derivatives]. *Povolzhskiy pedagogicheskiy vestnik* [Volga Pedagogical Bulletin], vol. 7, no. 2 (23), pp. 59-65.
- Korovnikova N.A., 2023. Nasledie sovetskoj igrovoy kultury [Legacy of Soviet Gaming Culture]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], no. 5 (873), pp. 160-167. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_5(873)_160
- Plastinina N.E., 2023. Vospitatelnyy potentsial traditsionnoy narodnoy kukly [Educational Potential of Traditional Folk Dolls]. *Vestnik nauki* [Bulletin of Science], vol. 3, no. 6 (63), pp. 292-296.
- Rudakova A.V., ed., 2016. *Psikholingvistika i leksikografiya: sb. nauch. tr.* [Psycholinguistics and Lexicography. Collection of Scientific Works]. Voronezh, Istoki Publ., iss. 3. 245 p.
- Shvedova N.Yu., ed., 1980. *Russkaya grammatika. V 2 t. T. 1* [Russian Grammar. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Nauka Publ. 789 p.
- Frumkina R.M., 1990. Eksperimentalnye metody [Experimental Methods]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sov. entsikl. Publ., 1990.
- Shcherba L.V., 1974. O troyakom aspekte yazykovykh yavleniy i ob eksperimente v yazykoznanii [About the Threefold Aspect of Linguistic Phenomena and About Experiment in Linguistics]. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatelnost* [Language System and Speech Activity]. Moscow, Nauka Publ., pp. 24-39.

DICTIONARIES

- Gorbachevich K.S., Gerd A.S., eds. *Bolshoy akademicheskii slovar russkogo yazyka. T. 8. Kayuta-Kyuriny* [Big Academic Dictionary of the Russian Language. Vol. 8. Kayuta-Kyuriny]. Moscow, Nauka Publ.; Saint Petersburg, Nauka Publ., 2007. 839 p.
- Kuznetsov S.A., ed. *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Great Dictionary of Russian Language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p.
- Lyashevskaya O.N., Sharov S.A. *Chastotnyy slovar sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsionalnogo korpusa russkogo yazyka)* [Frequency Dictionary of the Modern Russian Language (Based on Materials from the National Russian Language Corpus)]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>
- Evgenyeva A.P., ed. *Slovar russkogo yazyka. V 4 t. T. 2* [Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols. Vol. 2]. Moscow, Rus. yaz. Publ., Poligrafresursy Publ., 1999. 736 p.
- Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka*. [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Az Publ., 1994. 907 p. URL: <https://tolkovyj-slovar-ozhegova.slovaronline.com>
- Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. URL: <https://tolkovyj-slovar-ozhegova.slovaronline.com>
- Fasmer M., 1986. *Etimologicheskii slovar russkogo yazyka. V 4 t. T. 2. E – Muzh* [Etymological Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols. Vol. 2. E – Muzh]. Moscow, Progress Publ. 672 p.

Information About the Authors

Natalya V. Yudina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Prosp. Leningradskiy, 49/2, 125167 Moscow, Russia, dr.yudina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7305-6959>

Lyudmila V. Kotane, Postgraduate Student, Department of the Russian Language, Vladimir State University, Gorkogo St, 87, 600000, Vladimir, Russia; Head, Language School “Lingua Sphere”, Vizbulishu St, 1, LV-2101 Mezhares, Latvia, ludmila.kotane@yandex.com, <https://orcid.org/0009-0005-3247-7676>

Информация об авторах

Наталья Владимировна Юдина, доктор филологических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, просп. Ленинградский, 49/2, 125167 г. Москва, Россия, dr.yudina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7305-6959>

Людмила Викторовна Котане, аспирант кафедры русского языка, Владимирский государственный университет, ул. Горького, 87, 600000 г. Владимир, Россия; руководитель, Языковая школа «Lingua Sphere», ул. Визбулишу, 1, LV-2101 г. Межарес, Латвия, ludmila.kotane@yandex.com, <https://orcid.org/0009-0005-3247-7676>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.14>

UDC 811.161.1(091)
LBC 81.411.2-03

Submitted: 27.07.2022
Accepted: 10.05.2023

NOMINATIVUS ABSOLUTUS IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Boris V. Kunavin

North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia

Abstract. The article examines the structure, semantics, and functions of the *nominativus absolutus* structure, which is a predicative unit with the participial predicate having the subject of its own. The relevance of the work is explained by inconsistency in interpretation of the genesis, structural features and functions of this structure in the linguistic literature. The purpose of the article is to identify indicators of the grammatical dependence of *nominativus absolutus* on the verbal part, to prove its originality, to determine the dynamics of use, stylistic marking, and reasons for elimination. The article used the method of continuous sampling, descriptive, comparative historical and comparative typological methods. It has been proved that, despite the high degree of predicativity of the participle in this construction, it remains grammatically dependent on the verbal part. The markers of this dependency are revealed: the identity or co-reference of the subjects in *nominativus absolutus* and the verbal part; one subject denotes the whole, while the other nominates its part; the subject of one part represents a subject, while in the other part it is an object; the subject in *nominativus absolutus* possesses the item nominated in the verbal part. The constructive variety of the analyzed clause is investigated, the types of semantic relations between the subject in *nominativus absolutus* and the main part are characterized. The application of quantitative data analysis has enabled the author to study the dynamics of *nominativus absolutus* functioning in the written records of the 11th – 17th centuries, taking into account the development of the simple sentence structure and the category of a subordinate clause. The reasons for *nominativus absolutus* elimination are determined.

Key words: *nominativus absolutus*, *dativus absolutus*, secondary predicate, interposition, parataxis, hypotaxis, participle.

Citation. Kunavin B.V. *Nominativus Absolutus in the History of the Russian Language*. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 5, pp. 178-189. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.14>

УДК 811.161.1(091)
ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 27.07.2022
Дата принятия статьи: 10.05.2023

NOMINATIVUS ABSOLUTUS В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Борис Всеволодович Кунавин

Северо-Осетинский государственный университет, г. Владикавказ, Россия

Аннотация. В статье исследуются структура, семантика и функции конструкции *nominativus absolutus*, представляющей собой предикативную единицу, в которой причастное сказуемое имеет собственное подлежащее. Актуальность работы обусловлена противоречивостью толкования в существующей лингвистической литературе генезиса, структурных особенностей и функций этой конструкции. С применением сравнительно-исторического и сравнительно-типологического методов доказано, что, несмотря на высокую степень предикативности причастия в *nominativus absolutus*, оно остается в грамматической зависимости от

глагольной части. Установлены маркеры данной зависимости: тождественность или кореферентность подлежащих *nominativus absolutus* и глагольной части; одно подлежащее обозначает целое, а другое – его часть; подлежащее одной части обозначает субъект, а другой – объект; субъект *nominativus absolutus* – обладатель предмета, обозначенного в глагольной части. Представлено конструктивное многообразие анализируемой клаузы и охарактеризованы типы семантических отношений между подлежащими в *nominativus absolutus* и главном предложении. С привлечением количественных данных показана динамика функционирования *nominativus absolutus*, нашедшая отражение в памятниках письменности XI–XVII веков. С учетом развития строя простого предложения и категории придаточного предложения определены причины утраты конструкции *nominativus absolutus*.

Ключевые слова: *nominativus absolutus*, *dativus absolutus*, второстепенное сказуемое, интерпозиция, паратакис, гипотакис, причастие.

Цитирование. Кунавин Б. В. *Nominativus absolutus* в истории русского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 5. – С. 178–189. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.14>

Введение

Характерной особенностью древнерусского синтаксиса является наличие в нем абсолютных причастных оборотов: *nominativus absolutus*, *dativus absolutus*, *genetivus absolutus*. Конструкцию *nominativus absolutus*, представляющую собой сочетание именного действительного причастия в роли сказуемого при собственном подлежащем, в древнерусском языке впервые выделил А.А. Потебня, назвав ее «именительный самостоятельный» [Потебня, 1958, с. 197]. В дальнейшем суждение А.А. Потебни о данной синтаксической конструкции было поддержано многими филологами [Борковский, 1949, с. 210; Večerka, 1959, s. 38; Růžička, 1963, S. 227; Ferrand, 1983, p. 65; и др.].

Следует заметить, что некоторые исследователи, находясь под впечатлением современного языкового восприятия, определяли именительный самостоятельный (далее – ИС) в качестве анаколуфов с опущенным сказуемым [Кудрявский, 1916, с. 50–51]. Однако уже А.А. Потебня обоснованно предостерегал от подобного допущения [Потебня, 1958, с. 197–198]. С.Д. Никифоров считал, что в данных оборотах опущена глагольная связка при причастном предикативе [Никифоров, 1952, с. 202]. На неубедительность подобного суждения неоднократно указывалось многими исследователями [Кацнельсон, 1949, с. 352; Потебня, 1958, с. 202; и др.].

Все языковеды, считавшие ИС тождественным самому себе, указывали на высокую степень предикативной силы причастия в его составе [Потебня, 1958, с. 197; Večerka,

1959, s. 38; Růžička, 1963, S. 226; и др.]. Вместе с тем источники этой силы истолковываются по-разному. Некоторые исследователи объясняют данный факт тем, что в доисторическую эпоху ИС были именными предложениями [Эгипти, 2002; Zubaty, 1954, s. 106; Večerka, 1959, s. 37; Růžička, 1963, S. 227; Havránek, 1937, s. 115–117; Trávníček, 1956, s. 179–190; Barnet, 1965]. Согласно приведенному мнению, причастия в составе анализируемых оборотов в доисторическом прошлом представляли собой именное сказуемое, а после того, как были вовлечены в систему глагольных форм, преобразовались в причастные предикаты. Однако подобная траектория возникновения ИС не может быть принята в силу ее асистемности, поскольку в ней генезис ИС оторван от происхождения абсолютных косвенных падежей. Большинство ученых обоснованно утверждают, что последние восходят к зависимым косвенным падежам вследствие сдвига синтаксического членения, что повлекло «вычленение из структуры простого предложения зависимого падежа с причастием и его функциональное сближение с придаточным предложением» [Кунавин, 2008, с. 6] (ср. также: [Curtius, 1870, S. 202; Miklošich, 1883, S. 615; Потебня, 1958, с. 334–335; Kuehner, 1904, S. 79; Delbrueck, 1897, S. 494; Brugmann, 1904, S. 609; Vondrak, 1928, S. 403; Булаховский, 1958, с. 440–441]). Указанная точка зрения убедительна, поскольку учитывает динамику усложнения человеческой мысли и ее отражения в языке.

Превалирование паратакиса над гипотакисом в древних языках, недостаток

средств выражения подчинительной связи между частями сложного предложения способствовали закреплению в данной функции причастного предиката с собственным субъектом, поскольку такой предикат самой своей формой косвенного падежа служил выражению этой связи.

Однако генезис ИС, в котором причастное сказуемое и связанный с ним субъект стоят в форме прямого падежа, не может быть истолкован таким же способом. Вместе с тем важно учитывать, что ИС и дательный самостоятельный оборот (далее – ДС) в древнерусской синтаксической системе являлись книжными оборотами речи и представляли сущности одного порядка, но не следует к проблеме генезиса ИС подходить упрощенно, как это делают исследователи, считавшие ИС трансформировавшимся ДС [Miklošich, 1883, S. 837; Jagić, 1899, S. 72; Соболевский, 1907, с. 226]. Примечательно в этой связи противоположное суждение по данной проблеме Е.Ф. Будде, утверждавшего, что ДС – преобразованный ИС [Будде, 1917, с. 60].

Подобно ДС, ИС находился в зависимости от глагольной части предложения и появился, как и ДС, для выражения гипотактических отношений в условиях неразвитых средств выражения подчинительной связи, поэтому, по справедливому указанию Б. Дельбрюка, его возникновение нельзя относить к древнейшему периоду развития языка [Delbrueck, 1897, S. 493].

В отличие от ДС показателем зависимости ИС от глагольной части служили, с одной стороны, сама форма причастия, с другой – взаимная связь их субъектов. ИС всегда находился в зависимости от глагола-сказуемого и вне связи с ним не мог использоваться. Если учесть, что ДС в древнерусском языке, подобно *genetivus absolutus* в греческом, содержал указание на субъект, неупоминаемый в глагольной части, то следует признать несостоятельность объяснения генезиса ИС трансформировавшимся ДС. Появление ИС, как и ДС, было обусловлено необходимостью выражения зависимости одной части предложения от другой при недостаточном инвентаре средств выражения подчинительной связи, поскольку причастное сказуемое в ИС самой своей формой маркировало зависимый

характер ИС, на что указывал уже А.А. Потебня: «...личный глагол есть неперменное условие лишь полносильного, первостепенного сказуемого, а в сказуемых второстепенных, зависимых, причастие само по себе есть именно средство обозначения их зависимости» [Потебня, 1958, с. 221]. Недостаточное обоснование данного суждения специальными исследованиями конструкций ИС в истории русского языка привело к тому, что причастное сказуемое в нем стали приравнивать к предикату в *verbum finitum* [Георгиева, 1961, с. 159]. В доказательство этой точки зрения приводятся отдельные примеры, в которых причастное сказуемое является единственным (без глагольного) в простом предложении, а также в главной части сложноподчиненного предложения. В.Л. Георгиева полагает, что подобные факты свидетельствуют об усилении глагольности причастия в истории русского языка [Георгиева, 1968, с. 44]. Однако такое допущение с учетом трансформации именных действительных причастий в деепричастия представляется невероятным. А.В. Сахарова, ссылаясь на суждения о фоновой предикации П. Хоппера, С. Томпсона, С.Х. Дрю, [Hopper, 1979; Thompson, 1987; Dry, 1983], пытается рассмотреть предикативные свойства древнерусского причастия в ИС с прагматической точки зрения [Сахарова, 2007, с. 13–16]. Проведенные ею наблюдения свидетельствуют о сходстве предикации причастий в ИС и одноподлежащих конструкциях, что косвенно свидетельствует о происхождении ИС из одноподлежащих оборотов.

Таким образом, актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, большой значимостью ИС в системе древнерусского синтаксиса, выражающейся в свидетельстве о неразвитости в нем гипотаксиса, строя простого предложения и в превалировании паратаксиса, а с другой – невыясненным генезисом и грамматическим статусом ИС, неисследованным конструктивным многообразием, необходимостью объяснения редких случаев употребления в современном русском языке так называемого независимого деепричастного оборота, субъект которого не совпадает с субъектом глагольного сказуемого.

Для решения проблем генезиса и грамматического статуса ИС, стилистической маркированности, а также причин его развития и утраты необходимо изучение конструктивного многообразия ИС и динамики их использования на протяжении всей истории русского языка, что требует установления структурного отличия ИС от ДС, доказательства относительной грамматической самостоятельности ИС от глагольной части, выявления причин возникновения так называемых независимых ИС, определения частотности употребления ИС, их стилистической принадлежности и причин исчезновения.

Материал и методы исследования

В исследовании применены сравнительно-исторический, сопоставительно-типологический методы, а также прием количественной характеристики. Материалом исследования послужила личная картотека автора: 1227 конструкций с контекстами, содержащими ИС, извлеченными методом сплошной выборки из памятников письменности XI–XVII веков.

Результаты и обсуждение

Причастное сказуемое в ИС, так же как и в односубъектных конструкциях, выполняло роль второстепенного сказуемого и всегда было зависимо от сказуемого-глагола в финитной форме. Эта зависимость эксплицировалась путем раскрытия семантических отношений между субъектами ИС и глагольной части. Проанализированный материал позволил распределить указанные отношения следующим образом: 1) подлежащие ИС и глагольной части тождественны; 2) подлежащие кореферентны, то есть разнятся, но обозначают один и тот же субъект; 3) одно подлежащее обозначает целое, а другое – его часть; 4) подлежащее одной части обозначает субъект, а в другой – объект; 5) субъекту, указанному в ИС, принадлежит предмет, обозначенный в главной части.

ИС относительно глагольной части являются препозитивными и постпозитивными, причем преобладают препозитивные; соединяются с глагольной частью как посредством со-

чинительного союза, так и без него, союз обычно используется для связи препозитивного ИС с причастием в форме прошедшего времени, то есть отчетливо прослеживается полная аналогия с одноподлежащими оборотами. Таксисные отношения между причастным и глагольным действиями в составе исследуемых конструкций также аналогичны отношениям в конструкциях с одним подлежащим. Семантические типы причастий и динамика их употребления в ИС те же, что и в одноподлежащих конструкциях. Динамика употребления различных типов ИС по памятникам письменности XI–XVII вв. неодинакова.

ИС в качестве живой синтаксической конструкции просуществовал до XV в., хотя по традиции употреблялся до XVII в., а единично встречался в текстах XVIII в. и даже в современном языке, но подобные конструкции уже не были связаны с древнерусским ИС.

В начале письменной традиции ИС, видимо, уже представлял собой архаичный синтаксический оборот, а интенсификация его функционирования была обусловлена потребностью в выражении сложных мыслей в книжном языке при дефиците средств выражения подчинительных связей.

1. Обороты с идентичными подлежащими в ИС и глагольной части довольно редки (10 % от общего количества конструкций с ИС). Одинаковые подлежащие в частях исследуемого синтаксического построения служат их тесной связи. Такой конструктивный тип представляет собой древнейшее синтаксическое согласование протасиса и аподозиса сложного предложения, носящее «действительно элементарный, изобразительный, иконический характер» [Степанов, 1989, с. 72]. Подлежащие здесь обычно бывают выражены местоимением или именем существительным, другие части речи в такой функции редки. Особенностью таких конструкций является частое разделение ИС с глагольной частью придаточным предложением. При этом ИС обычно стоит в препозиции относительно части с *verbum finitum*, а причастия имеют значение чувственного или интеллектуального восприятия:

(1) Увѣдав же Ярославъ се, яко изъимани даницы, Ярославъ же стояше на Медвѣдици в сторожих (ПЛДР, вып. 1, с. 246).

В исследованных материалах имеют место и такие синтаксические обороты, в которых ИС и глагольная часть имеют общее подлежащее, однако в интерпозиции они далеко расположены друг от друга, что приводит к ослаблению связи между ними, и клауза с причастием в вершине рассматривается в качестве ИС:

(2) **Он же глаголаше** к ним: «Аще бысте человекѣи были, то въ дьне ходили бысте, а вы есте тма и въ тмѣ ходите», и **знаменався** крестом (ПЛДР, вып. 2, с. 612).

Впервые такие ИС выделил А.А. Потебня [Потебня, 1958, с. 199–200]. Есть все основания рассматривать данный конструктивный тип ИС в качестве наиболее архаичного, поскольку он вычленяется только на уровне синтагматики. Именно этот тип стал исходным для конструкций с идентичными подлежащими. Появление ИС рассматриваемого типа свидетельствует о том, что при условии ослабления связи между главным и второстепенным сказуемым из-за далекого их разнесения эта связь восстанавливается за счет повторного употребления подлежащего. Такой синтаксический прием установления связи между второстепенным и главным сказуемым в определенной мере компенсировал недостаточное развитие средств выражения подчинительных связей в древнерусском языке. В отличие от конструкции (2) обороты с контактным расположением ИС и глагольной части характеризуются более высоким уровнем грамматикализации, поскольку одинаковые подлежащие при ИС и глагольной части просто маркируют определенную независимость и автономность ИС:

(3) Тьгда **Антоний**, въ скърби велицѣ **бывъ** и въшедъ въ пещеру, **моляше** блаженааго **Антоний** (ПЛДР, вып. 1, с. 320).

В поздних памятниках письменности XVI–XVII вв. такие ИС единичны:

(4) «**Судиа** же **виде**, и **помысли**, что от другава суда други узел сулит злата, **глаголя** попу **судия**» (ПЛДР, вып. 11, с. 183).

Рассмотренные синтаксические построения характеризуются структурной близостью с одноподлежащими оборотами, в которые

легко трансформируются за счет опущения одного из подлежащих.

2. Обороты с разными подлежащими, обозначающими один и тот же субъект речи, составляют около 10 % от общего количества исследуемых конструкций. Наиболее часто в оборотах данного конструктивного типа в одной из частей подлежащее выражается существительным, а в другой – идентифицирующим его указательным или определительным местоимением:

(5) **Бѣша** же и **боляре** мнози присъли, и **ти** прѣдъ врагы **стояше** (ПЛДР, вып. 1, с. 390).

В приведенном примере ИС соединен с глагольной частью посредством сочинительного союза. Однако такую конструкцию не следует отождествлять со сложносочиненным предложением, как это делает В.И. Борковский, поскольку употребление союза здесь аналогично его использованию в оборотах типа *вставъ и рече*, а также в случаях соединения сочинительным союзом дательного самостоятельного с глагольной частью, придаточной части с главной в сложноподчиненном предложении. Приведенная конструкция только внешне кажется паратактической, фактически же она имеет гипотаксический характер (гипотаксические отношения выражены в ней специфическим для древнерусского синтаксиса способом).

В некоторых оборотах подлежащие глагольной части и подлежащие ИС, обозначая один и тот же субъект, называют его по-разному, представляя собой референциальное тождество:

(6) Не **разумѣв** же **Феодоръ** бѣса его суца, **мнѣвъ**, яко братъ ему сие глаголетъ, к нему же **отвѣща блаженный** (= Феодоръ. – Б. К.) (ПЛДР, вып. 2, с. 574).

В приведенном примере выступающее в глагольной части в роли подлежащего субстантивированное прилагательное *блаженный* в отличие от подлежащего ИС заключает в себе оценочный компонент. В данный конструктивный тип следует включить обороты, в которых однородные подлежащие одной части выражают субъекты, в сумме равные единому субъекту-подлежащему другой:

(7) **Отець** же его и **мати** разумь **имуша** святого писаниа не худѣ, и та (= отець + мати. – Б. К.) **поведаста** иерѣове (ПЛДР, вып. 4, с. 268).

Примечателен следующий пример, в котором однородные подлежащие при общем причастном предикате в ИС коррелируют в глагольной части с теми же подлежащими, но имеющими отдельные сказуемые в финитной форме:

(8) **Левкодушъ** же и **Врионушъ** листь матери своеи прочетше, **Левкодушъ** же матери своеи зазрѣвъ и **посмѣяся**, **Врионушъ** же зелие то возьмъ и **сохрани** (ПЛДР, вып. 5, с. 164).

Отношения между подлежащим ИС и глагольной части, подобные отношениям в конструкции (8), прослеживаются и в следующем примере:

(9) **Двѣ** убо **жабы** собою **сосѣдствующи**: паяху же ся едина убо в езерѣ, другая же близ пути, мало имущи воды (ПЛДР, вып. 11, с. 42).

Существенно, что Р. Ружичка приводит из евангельских текстов старославянского языка похожую конструкцию, калькированную с греческой: *Двѣ мелюшти въ жрънвахъ едина поемлетъ ся... и едина оставѣетъ ся*. Комментируя этот пример, Р. Ружичка ссылается на наблюдение Х. Ризенфельда, указывающего на употребление таких оборотов Гомером в древнегреческом языке [Ružička, 1963, S. 101]. Данный факт свидетельствует о недопустимости истолкования ИС как трансформированного ДС вследствие утраты именными действительными причастиями форм словоизменения.

Иногда встречаются такие конструкции, в которых субъект одной части предстает в другой в расширенном виде за счет дополнительного субъекта:

(10) И **слышав** же сие **король**, но яко князь великий грядетъ противу со мною силою и **начаста** (король + князь. – Б. К.) межъ себя послы ссылати (ПЛДР, вып. 5, с. 328).

В приведенном примере подлежащее в глагольной части не упомянуто, но о нем отчетливо сигнализирует форма двойственного числа третьего лица аориста, выступающая в роли сказуемого. В следующей конструкции, наоборот, контекстуально сигнализируемое

подлежащее, представляющее собой сумму субъектов глагольной части, опущено в ИС:

(11) **Александръ** же **сѣде** на великомъ на своем престоле, о правую же страну **сѣде** его мати **Алимпияда**, о левую же страну **сѣде** **Роксана**, жена его, и ту **веселящися** (Александръ + Алимпияда + Роксана. – Б. К.) много (ПЛДР, вып. 5, с. 162).

Форма множественного числа причастия в именительном падеже мужского рода *веселящися* свидетельствует о множественности субъектов в ИС, которые в данном случае опущены.

Причастие прошедшего времени в ИС в постпозитивном положении по отношению к глагольной части имеет результативное значение:

(12) А океанный **Магумет**, собравъ воин своих, **раздели** имъ мѣста къ приступу... сам же **безверный** **нарек** себя посреди их... и тако **урядив** **скверный** (ПЛДР, вып. 5, с. 246–248).

Причастные предикаты в обоих ИС имеют результативное значение, обозначая действие, следующее после действия, обозначенного глаголом *раздели* в форме аориста. И.Б. Кузьмина и Е.В. Немченко к подобным конструкциям возводят диалектный севернорусский перфект типа *онъ пришедши* [Кузьмина, Немченко, 1980, с. 158].

3. Значительно чаще, чем рассмотренные выше, встречаются конструкции, в которых субъекты глагольной части и ИС соотносятся как целое и его часть. Они составляют около 30 % от всего количества оборотов с ИС. Приведем пример такой конструкции:

(13) **Пришедше** (Василко и татары. – Б. К.) подъ городъ, и **нача** **молвити** **Василко** горожаномъ (ПЛДР, вып. 3, с. 350).

Приблизительно в таком же количестве встречаются конструкции, в которых субъект глагольной части складывается из субъекта и дополнения ИС, то есть подлежащее в глагольной части предстает в расширенном виде. При этом субъект при глаголе не получает грамматического выражения, о нем сигнализирует окончание множественного или двойственного числа данного глагола:

(14) **Мьстиславъ** же **сдумавъ** с новьгородци, и **послаша** (Мьстислав с новгородцами. – Б. К.)

Добрыню Рагуловича передь собою въ сторонѣ (ПЛДР, вып. 1, с. 246).

Необычайно редко такие обороты речи встречаются в позднейших памятниках с неизменяемой формой причастия:

(15) И **посидѣвъ** (родственники. – Б. К.), **учнеть говорить** от жениха **отець** или иной **сродственник** (ПЛДР, вып. 11, с. 278).

В следующем примере подлежащее ИС в глагольной части предстает в расширенном виде за счет использованного при нем зависимого члена:

(16) **Изяслав** же се **видѣвъ**, со **Всеволодомъ побегоста** з двора (ПЛДР, вып. 1, с. 184).

К таким конструкциям близки обороты, в ИС которых употреблены два однородных подлежащих, причем причастный предикат согласуется с ближайшим, а глагольное сказуемое – с обоими:

(17) Се **слышавъ Володарь** и Василко, **поидоста** противу, **вземша крест** (ПЛДР, вып. 1, с. 260).

4. До 30 % от общего количества ИС составляют обороты, в которых подлежащее ИС выступает в синтаксической роли дополнения в глагольной части или наоборот. В сравнении с рассмотренными типами отношений причастное сказуемое в таких конструкциях обладает более высокой предикативной силой, так как его субъект отличен от субъекта глагольной части:

(18) **Святополькъ** же **посла Путьяту**, воеводу своего, **Путьята** же с вои **пришедь** к Лучьску (ПЛДР, вып. 1, с. 26).

Примечательны конструкции, в которых дополнение глагольной части разделяется на дополнение и подлежащее в ИС:

(19) **Бъсть** же **страх на обоих** – **едини других боящихся** (ПЛДР, вып. 5, с. 516).

Такой тип связи частей предложения чрезвычайно древний, на что указывал еще Э. Швицер [Schwyzer, 1950, S. 6].

5. В исследованных материалах встречаются конструкции, в которых субъект ИС пред-

ставляет собой обладателя предмета, упомянутого в глагольной части, или наоборот:

(20) **Святослав** же **слышавъ** матери глаголы, **слез исполнистася очеса** его (ПЛДР, вып. 7, с. 284).

Семантически независимые субъекты ИС и глагольной части имели в древнерусском языке место лишь в том случае, если их предикаты либо находились в синонимических отношениях, либо были семантически тождественны:

(21) И абие **стратигъ** к лову **прихавъ**, а юноша к Девгению с вестью **приспе** (ПЛДР, вып. 3, с. 50).

Как показали проведенные наблюдения, важнейшим конститутивным признаком ИС является семантическая связь его субъекта с субъектом глагольной части или, реже, предиката с предикатом глагольной части. Однако важно подчеркнуть, что уже в начале письменной традиции исследованные обороты представлялись архаичными, утрачивающими свой дифференциальный признак, о чем свидетельствуют случаи употребления независимых ИС уже в ранних памятниках:

(22) Въ единъ бо днь **пришьдъши** **мати** ему (ПЛДР, вып. 1, с. 320).

Случаи такого употребления ИС и ДС приводятся разными исследователями [Георгиева, 1961, с. 159; Corin, 1995; и др.]. Однако количественный анализ показал, что в памятниках до XV в. независимые ИС составляют всего 10 % от их общего числа, в текстах же XVI в. – 80 %, а XVII в. – 90 %. Подобная динамика отражает не усиление предикативности именного действительного причастия, уже преобразовавшегося в деепричастие, а процесс ее ослабления. ИС, независимые от глагола в форме *verbum finitum*, свидетельствуют об их преобразовании из грамматического явления в своего рода стилистическое средство, усиливающее варьирование глагольных форм в функции предиката. Определенное влияние на распространение в поздних памятниках независимых ИС оказала утрата простых претеритов – имперфекта и аориста. Поскольку аорист и причастие прошедшего времени, видимо, совпали в сознании писца по

своему грамматическому значению (обозначали законченное действие), а имперфект и причастие настоящего времени выражали незаконченное действие, то они начинают смешиваться и на письме. Более того, именное действительное причастие настоящего времени мужского рода множественного числа в именительном падеже имело графическую форму, близкую форме имперфекта, что позже способствовало их смешению. Интересны в данном случае гиперпричастные формы, в которых контаминированы причастные и имперфектные суффиксы:

(23) Он же и до смерти глаголаше (ПлДР, вып. 11, с. 301).

По данному примеру трудно определить, какую из традиционных форм, уже исчезнувших в живом языке, намеревался использовать книжник: форму причастия настоящего времени множественного числа или форму имперфекта третьего лица единственного числа. Однако такие конструкции наглядно свидетельствуют об исчезновении как ИС, так и имперфекта.

В абсолютном исчислении динамика функционирования ИС в исследованных текстах выглядит следующим образом: XI в. – 72 конструкции; XII в. – 96; XIII в. – 121; XIV в. – 108; XV в. – 116; XVI в. – в среднем по 119 конструкций в томе. В памятниках XVII в. частотность употребления ИС такая же, что и в памятниках XVI века. Важно отметить, что в качестве «живого» явления ИС сохранялся только до XV века. В XVI–XVII вв. превалируют независимые ИС, свидетельствующие об исчезновении истинных *nominativus absolutus*, поскольку они утратили свои дифференциальные признаки, маркирующие зависимость от *verbum finitum*.

Представляя собой архаическую конструкцию, ИС в отличие от ДС, свойственного книжному языку, встречается в текстах с выраженными народными чертами:

(24) И приѣхав друшка к новобрачному, и они отпустят сваху в саях (ПлДР, вып. 11, с. 180).

В целом в силу своей архаичности ИС также был характерен и для памятников с

книжными чертами языка. В структурном отношении ИС резко отличался от ДС. Отношения между субъектами ИС и глагольной части, идентичные отношениям между субъектами ДС и глагольной части, редки. То, что ИС не может быть истолкован в качестве преобразованного ДС, хорошо подтверждается и так называемыми ИС-штампами и ДС-штампами [Кунавин, 2008]. Встретился единственный пример ИС-штампа из текста XVII в., совпадающий по структуре со ДС-штампом:

(25) И мало время минувше, укажет царь царевнину отцу и матере (ПлДР, вып. 11, с. 258).

При этом ДС-штамп *малу времени минушиу* в древнерусских текстах встречается очень часто. В конструкциях с ИС отсутствовали условия для развития грамматической категории деепричастия в силу относительной самостоятельности в нем причастного предиката. Примечательно, что в памятниках до XV в. встретились 21 анализируемая конструкция с несогласованным причастием, что представляет ничтожно малую величину. Причем большинство таких ИС являются независимыми, то есть уже утратившими свой конститутивный признак:

(26) И о воскресеньи рекъша Давыдъ (ПлДР, вып. 1, с. 116);

(27) Отвѣщав же имъ срацыняне (ПлДР, вып. 3, с. 30).

В памятниках после XV в. в исследованных оборотах причастия в неизменяемой форме встречаются чаще. Впрочем, книжники всегда стремились к употреблению в этих архаичных конструкциях правильно согласованных причастных форм.

Вследствие прямолинейного логического параллелизма, осуществляемого в книжном языке между местоименными и именными действительными причастиями, книжники искусственно в редчайших случаях использовали в ИС местоименные формы причастий:

(28) А глаголяй сице (ПлДР, вып. 2, с. 606);

(29) Не вѣдый диаволь, яко большю вѣнцю исходатай будет има (ПлДР, вып. 2, с. 580).

Искусственный характер подобного употребления полных форм причастий подтверждается и тем, что, как правило, они имеют место в независимых ИС.

В современном русском языке изредка встречаются, особенно в публицистических текстах, конструкции, в которых деепричастие не относится к субъекту действия главного сказуемого. П.Д. Богданов приводит примеры подобного употребления деепричастий из произведений русской классической литературы XIX в. таких крупнейших авторов, как Пушкин, Лермонтов, Толстой, Герцен и др.: *Бродя по улицам, мне наконец пришел в голову один приятель...* (Герц., Былое и думы, VIII) [Богданов, 1977, с. 126]. Следует заметить, что употребление таких оборотов речи вызывало протест уже у лингвистов XIX в., которые связывали их появление с французским влиянием [Давыдов, 1852, с. 355; Буслаев, 1959, с. 344]. Однако П.Д. Богданов, Г.В. Валимова полагают, что они являются продолжением древнерусских ИС [Богданов, 1977, с. 125; Валимова, 1945, с. 47]. Проведенные за древнерусскими ИС наблюдения противоречат подобному допущению, поскольку конструктивно такие современные обороты отличаются от ИС и, действительно, больше напоминают французские конструкции с герундием. Впрочем, обороты, в которых деепричастие имеет субъект действия, отличный от субъекта глагольного предиката, нередко встречаются в школьных сочинениях, что свидетельствует о недостаточном владении нормами литературного языка. Важно подчеркнуть, что разносубъектные конструкции с деепричастным оборотом затрудняют восприятие текста, искажают его смысл.

Заключение

Проведенное исследование показало, что ИС в древнерусском языке были оригинальными оборотами, которые отличались значительным конструктивным разнообразием и характеризовали определенное состояние древнерусского языка. В условиях неразвитого гипотаксиса, недостаточности инвентаря для выражения подчинительных связей в древнерусском языке ИС были удобным средством выражения зависимости одной части предло-

жения от другой. Однако конструкции с ИС не тождественны сложным предложениям по причине значительной зависимости ИС от глагольной части. В синтаксисе древнерусского языка они занимали промежуточное положение между сложными предложениями и одноподлежащими оборотами с именным действительным причастием. В силу конструктивных различий ИС не могут быть генетически возведены к преобразованному ДС. Вместе с тем наличие тесной семантической связи между субъектами ИС и глагольной части опровергает мнение тех исследователей, которые считают, что ИС генетически восходят к древнейшим самостоятельным именным предложениям. На основе полученных данных можно предположить, что ИС возникли в результате усложнения одноподлежащих глагольных конструкций с именным действительным причастием вследствие появления у последнего собственного подлежащего, семантически связанного с подлежащим глагольной части. Основной причиной утраты ИС следует признать развитие строя простого предложения, инвентаря средств выражения подчинительной связи (союзов, союзных слов), категории придаточных предложений, однозначно выражающих свою зависимость от главной части сложноподчиненного предложения.

Дальнейшая разработка проблем генезиса и функционирования ИС может пойти по пути установления семантико-функциональных различий между исследованными конструкциями и сложными предложениями, а также синтаксическими построениями с ДС, одноподлежащими оборотами с именным действительным причастием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богданов П. Д., 1977. Обособленные члены предложения в современном русском языке. Орджоникидзе : Изд-во Сев.-Осет. гос. ун-та. 226 с.
- Борковский В. И., 1949. Синтаксис древнерусских грамот. Львов : Изд-во Львов. гос. ун-та. 391 с.
- Будде Е. Ф., 1917. Вопросы методологии русского языкознания. Казань : Кн. магазин М.А. Голубева. 169 с.
- Булаховский Л. А., 1958. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев : Радянська школа. 488 с.

- Буслаев Ф. И., 1959. Историческая грамматика русского языка. М. : Учпедгиз. 623 с.
- Валимова Г. В., 1945. Особые случаи употребления деепричастий // Ученые записки Ростовского-на-Дону педагогического института. Вып. 3 (13). С. 32–70.
- Георгиева В. Л., 1961. Причастное сказуемое в истории русского языка (по памятникам XII–XVII вв.) // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Т. 225. С. 153–169.
- Георгиева В. Л., 1968. История синтаксических явлений русского языка. М. : Просвещение. 167 с.
- Давыдов И., 1852. Опыт общесравнительной грамматики русского языка. СПб. : Тип. Императ. Акад. наук. 462 с.
- Кацнельсон С. Д., 1949. Историко-грамматические исследования. 1. Из истории атрибутивных отношений. М. ; Л. : АН СССР. 384 с.
- Кудрявский Д. Н., 1916. К истории русских деепричастий. Деепричастия прошедшего времени // Ученые записки Юрьевского университета. Т. 10. С. 1–79.
- Кузьмина И. Б., Немченко Е. В., 1980. К истории кратких форм действительных причастий в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас. М. : Наука. С. 151–200.
- Кунавин Б. В., 2008. Причастные самостоятельные обороты в древнерусском языке. Владикавказ : Сев.-Осет. гос. ун-т. 104 с.
- Никифоров С. Д., 1952. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI в. М. : АН СССР. 344 с.
- Потебня А. А., 1958. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М. : Учпедгиз. 536 с.
- Сахарова А. В., 2007. Синтаксис и прагматика причастного оборота в древнерусской летописи : Критерии распределения предикаций на причастные и финитные в Комиссионном списке Новгородской первой летописи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 20 с.
- Соболевский А. И., 1907. Лекции по истории русского языка. М. : Унив. тип. 306 с.
- Степанов Ю. С., 1989. Индоевропейское предложение. М. : Наука. 248 с.
- Эгипти И. А., 2002. Свободные и несвободные причастные и деепричастные конструкции в русском литературном языке второй половины XVIII в. : дис. ... канд. филол. наук. М. 192 с.
- Barnet V., 1965. Vývoj systému participií aktivních v ruštině. Praha : Universita Karlova. 191 s.
- Brugmann K., 1904. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg : Karl J. Trübner. 777 S.
- Corin A., 1995. The Dative Absolute in Old Church Slavonic and Old East Slavic // Die Welt der Slaven. Bd. 42, № 1. P. 251–284.
- Curtius G., 1870. Erleuterungen zu meiner Griechischen Schulgrammaik. Zweite Auflage. Prag : Verlag Von F. Tempsky. 224 S.
- Delbrueck B., 1897. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bd. 4, Th. 2. Strassburg : Karl J. Trübner. 560 S.
- Dry H., 1983. The Movement of Narrative Time // Journal of Literary Semantics. Vol. 12, № 2. P. 19–53.
- Ferrand M., 1983. Le participe /gérondif/ apparement coordonné a son verbe principal et le même tour avec subordonnée en vieux russe et ailleurs en indo-européen // Revue des études slaves. T. 55, livr. 1. P. 43–55.
- Havránek B., 1937. Genera verbi v slovanských jazycich. Praha : Kr. Česká spol. nauk. 201 s.
- Hopper P. J., 1979. Aspect and Foregrounding in Discourse // Syntax and semantics. Vol. 12. Discourse and Syntax / ed. by T. Givón. N. Y. : Academic Press. P. 213–241.
- Jagič V., 1899. Beiträge zur slavischen Syntax // Denkschriften der keiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Classe. Bd. 46. Wien. 88 S.
- Kuehner R., 1904. Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache. 2 T. Satzlehre. Bd. 2. Dritte Auflage in zwei Bänden. In neuer Bearbeitung besorgt von Dr. Gerth. Hannover ; Leipzig : Hahnsche buchhandlung. 714 S.
- Miklošich F., 1883. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Bd. 4. Syntax. Wien : Wilhelm Braumüller. XII, 895 S.
- Růžička R., 1963. Das syntaktische System der altslavischen Partizipien und sein Verhaeltnis zum Griechischen. Berlin : Akademie-Verlag-Berlin. 395 S.
- Schwyzler E., 1950. Griechische Grammatik. 2 Band. Syntax und syntaktische Stilistik / Vervollständigt und herausgegeben von A. Debrunner. Muenchen : C.H. Beck. 714 S.
- Thompson S. A., 1987. “Subordination” and Narrative Event Structure // Coherence and Grounding in Discourse: Outcome of Symposium, Eugene, Oregon, June 1984. Typological Studies in Language. Vol. 11 / ed. by R. S. Tomlin. [S. L. : s. n.]. P. 435–454.
- Trávníček F., 1956. Historická mluvnice česka 3. Skladba. Praha : Státní pedagogické nakladatelství. 201 s.
- Večerka R., 1959. Ke genesi slovanských konstrukci participia praes. act. a praet. act. 1 // Sborník prací filosof. fak. Brnenske university. Ročník 8. Rady jazykovedne, vyd. A. 7. S. 37–49.
- Vondrak W., 1928. Vergleichende slavischen Grammatik Bd. 2. Formenlehre und Syntax. Goetingen : Vandenhoeck und Ruprecht. 584 S.

Zubaty I., 1954. K vykladu nekterých prislovci, zvláste slovenskych // Studie a články. Svazek 2. Praha : Česká akademie věd a umění. S. 106–161.

ИСТОЧНИК

ПДР – Памятники литературы Древней Руси : в 12 вып. / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев. М. : Худож. лит., 1978–1994. Вып. 1. 1978. 463 с. ; Вып. 2. 1980. 704 с. ; Вып. 3. 1981. 616 с. ; Вып. 4. 1981. 606 с. ; Вып. 5. 1982. 688 с. ; Вып. 7. 1985. 624 с. ; Вып. 11. 1989. 704 с.

REFERENCES

- Bogdanov P.D., 1977. *Obosoblennye chleny predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [Separate Members of a Sentence in Modern Russian]. Ordzhonikidze, Izd-vo Sev.-Oset. gos. un-ta. 226 p.
- Borkovskiy V.I., 1949. *Sintaksis drevnerusskikh gramot* [Syntax of Ancient Russian Letters]. Lvov, Izd-vo Lvov. gos. un-ta. 391 p.
- Budde E.F., 1917. *Voprosy metodologii russkogo yazykoznanija* [Questions of the Methodology of Russian Linguistics]. Kazan, Kn. mag. M.A. Golubeva. 169 p.
- Bulakhovskiy L.A., 1958. *Istoricheskij kommentarij k russkomu literaturnomu yazyku* [Historical Commentary on the Russian Literary Language]. Kiev, Radyanska shkola. 488 p.
- Buslaev F.I., 1959. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical Grammar of the Russian Language]. Moscow, Uchpedgiz Publ. 623 p.
- Valimova G.V., 1945. Osobyje sluchai upotrebleniya deeprichastij [Special Cases of the Use of Gerunds]. *Uchenye zapiski Rostovskogo-na-Donu pedagogicheskogo instituta* [Scientific Notes of the Rostov-on-Don Pedagogical Institute], iss. 3 (13), pp. 32-70.
- Georgieva V.L., 1961. Prichastnoe skazuemoe v istorii russkogo yazyka (po pamjatnikam XII–XVII vv.) [Participial Predicate in the History of the Russian Language (Based on Monuments of the 12th – 17th Centuries)]. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. A.I. Gercena* [Scientific Notes of the Leningrad State Pedagogical Institute Named After A.I. Herzen], vol. 225, pp. 153-169.
- Georgieva V.L., 1968. *Istoriya sintaksicheskikh javlenij russkogo yazyka* [The History of Syntactic Phenomena of the Russian Language]. Moscow, Prosveshcheniye Publ. 167 p.
- Davydov I., 1852. *Opyt obshchesravnitel'noj grammatiki russkogo yazyka* [The Experience of a General Comparative Grammar of the Russian Language]. Saint Petersburg, Tip. Imperat. Akad. nauk. 462 p.
- Kacnelson S.D., 1949. *Istoriko-grammaticheskie issledovaniya. 1. Iz istorii atributivnykh otnoshenij* [Historical and Grammatical Studies. 1. From the History of Attributive Relations]. Moscow, Leningrad, AN SSSR. 384 p.
- Kudryavskiy D.N., 1916. K istorii russkikh deeprichastij. Deeprichastiya proshedshego vremeni [On the history of Russian Participles. Past Participles]. *Uchenye zapiski Yurievskogo universiteta* [Scientific Notes Yurievsky University], vol. 10, pp. 1-79.
- Kuzmina I.B., Nemchenko E.V., 1980. K istorii kratkih form dejstvitelnykh prichastij v russkom yazyke [On the History of Short Forms of Real Participles in Russian]. *Obshch斯拉vianskij lingvisticheskij atlas* [All Slavic Linguistic Atlas]. Moscow, Nauka Publ., pp. 151-200.
- Kunavin B.V., 2008. *Prichastnye samostoyatelnye oboroty v drevnerusskom yazyke* [Participatory Independent Turns in the Old Russian Language]. Vladikavkaz, Sev.-Oset. gos. un-t. 104 p.
- Nikiforov S.D., 1952. *Glagol, ego kategorii i formy v russkoy pismennosti vtoroy poloviny XVI v.* [The Verb, Its Categories and Forms in the Russian Writing of the Second Half of the 16th Century]. Moscow, AN SSSR. 344 p.
- Potebnaya A.A., 1958. *Iz zapisok po russkoy grammatike. T. 1–2* [From Notes on Russian Grammar. Vol. 1–2]. Moscow, Uchpedgiz Publ. 536 p.
- Sakharova A.V., 2007. *Sintaksis i pragmatika prichastnogo oborota v drevnerusskoy letopisi: Kriterii raspredeleniya predikacij na prichastnye i finitnye v Komissionnom spiske Novgorodskoj pervoj letopisi: avtoref dis. ... kand. filol. nauk* [Syntax and Pragmatics of the Participial Turnover in the Old Russian Chronicle: Criteria for the Distribution of Predications into Participial and Finite in the Commission List of the Novgorod First Chronicle. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 20 p.
- Sobolevskij A.I., 1907. *Leksii po istorii russkogo yazyka* [Lectures on the History of the Russian Language]. Moscow, Univ. tip. 306 p.
- Stepanov Yu.S., 1989. *Indoevropskoe predlozhenie* [Indo-European Sentence]. Moscow, Nauka Publ. 248 p.

- Egipti I.A., 2002. *Svobodnye i nesvobodnye prichastnye i deepochastnye konstrukcii v ruskom literaturnom yazyke vtoroj poloviny XVIII v.: dis. ... kand. filol. nauk* [Free and Non-Free Participial and Participle Constructions in the Russian Literary Language of the Second Half of the 18th Century. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow. 192 p.
- Barnet V., 1965. *Vývoj systému participií aktivních v ruštině*. Praha, Univerzita Karlova. 191 s.
- Brugmann K., 1904 *Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen*. Strassburg, Karl J. Trübner. 777 S.
- Corin A., 1995. The Dative Absolute in Old Church Slavonic and Old East Slavic. *Die Welt der Slaven*, Bd. 42, no. 1, pp. 251-284.
- Curtius G., 1870. *Erleuterungen zu meiner Griechischen Schulgrammaik. Zwetite Auflage*. Prag, Verlag von F. Tempsky. 224 S.
- Delbrueck B., 1897. *Grundriss der fergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bd. 4, Th. 2*. Strassburg, Karl J. Trübner. 560 S.
- Dry H., 1983. The Movement of Narrative Time. *Journal of Literary Semantics*, vol. 12, no. 2, pp. 19-53.
- Ferrand M., 1983. Le participe /gérondif/ apparemment coordonné a son verbe principal et le même tour avec subordonnée en vieux russe et ailleurs en indo-européen. *Revue des études slaves*. T. 55, livr. 1, pp. 43-55.
- Havránek B., 1937. *Genera verbi v slovanských jazycich*. Praha, Kr. Česká spol. nauk. 201 s.
- Hopper P.J., 1979. Aspect and Foregrounding in Discourse. Givón T., ed. *Syntax and Semantics. Vol. 12. Discourse and Syntax*. New York, Academic Press, pp. 213-241.
- Jagič V., 1899. Beiträge zur slavischen Syntax. *Denkschriften der keiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Classe. Bd. 46*. Wien. 88 S.
- Kuehner R., 1904. *Ausfuehrliche Grammatik der griechischen Sprache. 2 T. Satzlehre. Bd. 2. Dritte Auflage in zwei Bänden. In neuer Bearbeitung besorgt von Dr. Gerth*. Hanover, Leipzig, Hahnsche buchhandlung. 714 S.
- Miklošich F., 1883. *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Bd. 4. Syntax*. Wien, Wilhelm Braumüller. XII, 895 S.
- Růžička R., 1963. *Das syntaktische System der altslavischen Partizipien und sein Verhaetlnis zum Griechischen*. Berlin, Akademia-Verlag-Berlin. 395 S.
- Schwyzler E., 1950. *Griechische Grammatik. 2 Band. Syntax und syntaktische Stilistik*. Muenchen, C.H. Beck Publ. 714 S.
- Thompson S.A., 1987. "Subordination" and Narrative Event Structure. Tomlin R.S., ed. *Coherence and Grounding in Discourse: Outcome of Symposium, Eugene, Oregon, June 1984. Typological Studies in Language. Vol. 11*. S.L., s.n., pp. 435-454.
- Trávníček F., 1956. *Historicka mluvnice česka 3. Skladba*. Praha, Státní pedagogické nakladatelství. 201 s.
- Veěerka R., 1959. Ke genesi slovanskich konstrukci participia praes. act. a praet. act. 1. *Sbornik praci filosof.fak. Brnenske university. Roènik 8. Rady jazykovedne, vyd. A. 7*. S. 37-49.
- Vondrak W., 1928. *Vergleichende slavischen Grammatik Bd. 2. Formenlehre und Syntax*. Goetingen, Vandenhoeck and Ruprecht. 584 S.
- Zubaty I., 1954. K vykladu nekterých prislovci, zvláste slovnskych. *Studie a články. Svazek 2*. Praha, Česká akademie věd a umění. S. 106-161

SOURCE

- Dmitriev L.A., Lihachev D.S., eds. *Pamyatniki literatury Drevnej Rusi: v 12 vyp.* [Monuments of Literature of Ancient Russia. In 12 Iss.]. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1978–1994, iss. 1, 1978. 463 p.; iss. 2, 1980. 704 p.; iss. 3, 1981. 616 p.; iss. 4, 1981. 606 p.; iss. 5, 1982. 688 p.; iss. 7, 1985. 624 p.; iss. 11, 1989. 704 p.

Information About the Author

Boris V. Kunavin, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language, North Ossetian State University, Vatutina St, 46, 362025 Vladikavkaz, Russia, vladraikun@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3951-0775>

Информация об авторе

Борис Всеволодович Кунавин, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Северо-Осетинский государственный университет, ул. Ватутина, 46, 362025 г. Владикавказ, Россия, vladraikun@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3951-0775>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.15>

UDC 81'22
LBC 81.002

Submitted: 30.11.2022
Accepted: 10.05.2023

THE TRANSFER OF CULTURAL FUNCTIONS INTO THE LINGUACULTURAL SYSTEM

Grigoriy V. Tokarev

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia

Abstract. The article is devoted to studying the transfer of cultural functions into the linguacultural system. The relevance of the conducted research is justified by the fragmentary understanding of this phenomenon. The study finds that the functions of culture reflect its intentions, which are determined by the needs of individuals and the society. The analysis of these functions has highlighted the following main intentions: to generate and accumulate meanings; to transmit knowledge; to unite fellow people; to protect; to regulate life processes. Based on these intentions, the following functions of culture have been proposed: conceptual, signifying, accumulating, communicative, integrating, preserving and regulating. The given set of functions has determined the scope of the signs of culture. Their important feature is that they are polyfunctional. It has been established that all cultural signs perform the functions of conceptualization, signification, accumulation, communication, integration. Regulatory and protective functions are classified as variant functions. The peculiarity of cultural signs is determined by the configuration of the functions that determine their meaning. The article reveals that a number of functions are identical for the culture and the language, such as conceptualization, signification, accumulation, communication and integration. The culture delegates the functions that are not inherent to the language to verbal means, which results in the formation of a distinctive linguacultural sign. The author notes that there is a functional recoding of the sign, as a result of which the main, nominative function of the verbal sign is replaced by the cultural one. Verbal tools (words, phrases, etc.) become the signs of culture. This refers to the regulatory function that ensures the stable, productive functioning of the society. This function is realized through the norms, prohibitions, rules and cultural attitudes. In the linguacultural system, it is carried out by symbols. The protective function is a consequence of the regulatory function. Its nature consists in preventing a person from the impact of negative factors. The means of implementation of this function is the linguistic protective charm.

Key words: language, culture, linguacultural system, linguacultural sign, function.

Citation. Tokarev G.V. The Transfer of Cultural Functions into the Linguacultural System. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 5, pp. 190-198. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.15>

УДК 81'22
ББК 81.002

Дата поступления статьи: 30.11.2022
Дата принятия статьи: 10.05.2023

ТРАНСФЕР ФУНКЦИЙ КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМУ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Григорий Валериевич Токарев

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению трансфера функций культуры в систему лингвокультуры. Актуальность исследования обусловлена фрагментарной изученностью данного явления. Установлено, что функции культуры отражают детерминированные потребностями человека и общества интенции: генерировать и накапливать смыслы; передавать знания; объединять своих; защищать; регулировать процессы жизнедеятельности. На основе данных интенций выделены функции культуры: концептуальная, сигнификативная, аккумулирующая, коммуникативная, интегрирующая, оберегающая, регулятивная. Они определяют состав знаков культуры. Их важная особенность состоит в полифункциональности. Все знаки культуры выполняют функции концептуализации, сигнификации, аккумуляции, коммуникации, интеграции. К вариативным отнесены регулятивная и оберегающая роли. Своеобразие культурных знаков определяется конфигура-

цией функций, детерминирующих их значение. Выявлено, что функции концептуализации, сигнификации, аккумуляции, коммуникации, интеграции идентичны для культуры и языка. Не присущие языку функции культура делегирует вербальным средствам, в результате чего формируется особый, лингвокультурный, знак. Показано, что в ходе такого функционального перекодирования основная, номинативная функция вербального знака замещается культурной. Регулятивная – обеспечивает стабильную, продуктивную жизнедеятельность общества. Реализация данной функции осуществляется с опорой на нормы, запреты, правила, культурные установки. В лингвокультурной системе ее берут на себя символы. Защитная функция становится следствием регулятивной и заключается в охране человека от воздействия негативных факторов. Основное средство реализации данной функции – языковой оберег.

Ключевые слова: язык, культура, система лингвокультуры, лингвокультурный знак, функция.

Цитирование. Токарев Г. В. Трансфер функций культуры в систему лингвокультуры // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 5. – С. 190–198. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.15>

Введение

Антропоцентрический вектор развития языкознания, интеграция наук обусловили появление лингвокультурологического направления, обоснованного в работе В.Н. Телия «Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты» [Телия, 1996]. Интеракция языка и культуры предполагает изоморфизм двух систем, а также трансфер знаний и функций. Х. Куссе отмечает: «Представить культуру без языка едва ли возможно, ведь язык является частью культуры. Это позволяет описывать культуру как языковой феномен, а язык – как культурный феномен» [Куссе, 2022, с. 11]. Семиологами было установлено, что системы не существуют в отрыве друг от друга, а формируют непрерывный континуум. Ю.С. Степанов указывал: «...знаковые системы в совокупности образуют непрерывный ряд явлений в объективной действительности» [Степанов, 1971, с. 82]. Смежные знаковые пространства в результате взаимодействия генерируют промежуточные уровни. Особенности их организации заключаются в том, что одна система выступает планом выражения для содержания другой. В результате интеграции языка и культуры вербальные знаки принимают роль репрезентантов ценностей. Данная проблема нашла освещение в трудах В.Н. Телия [Телия, 1996, 1999], В.В. Красных [2002], М.Л. Ковшовой [2012] и других исследователей, а также в ряде наших работ, например, [Токарев, 2022]. В задачи науки, изучающей интеракцию языка и культуры, вошло описание языка лингвокультуры, средств и способ вербальной презента-

ции ценностно маркированной информации. Требуется изучения феномен порождения лингвокультурных единиц. По нашему мнению, данный процесс связан с изменением функциональной сферы вербальных единиц. Цель настоящего исследования – изучение трансфера функций культуры в систему лингвокультуры. Актуальность исследования объясняется важностью изучения обыденной культуры как воплощения культурного кода, что подтверждают слова А.Я. Флиера: «Массовая культура, будучи одним из самых ярких проявлений социокультурного бытия современных развитых обществ, остается сравнительно малоосмысленным феноменом с точки зрения общей теории культуры» [Флиер, 2008, с. 245].

Материалы и методы

Достижение поставленной цели осуществлено на примере анализа функционально-семантических особенностей лингвокультурных единиц одной из региональных русских (тульской) субкультур с применением методов и приемов компонентного анализа значения, концептуального, дискурсивного анализа, лингвокультурологической интерпретации. Предложенный для анализа материал был получен в результате проведенного психолингвистического эксперимента и интервьюирования.

Результаты и обсуждение

Функции культуры

Культуру следует отнести к многоплановым системам, поскольку для выражения сво-

их смыслов она использует несколько языков. По этому поводу Ю.М. Лотман писал: «Языки эти как накладываются друг на друга, по-разному отражая одно и то же, так и располагаются в “одной плоскости”, образуя в ней внутренние границы» [Лотман, 2000, с. 13]. Из данного тезиса следует, что можно говорить о ментальном пространстве культуры [Степанов, 2001], представляющем собой иерархию концептов, и о ее семиотической сфере, которая представлена разнообразными текстами. С. Махлина подчеркивает: «Термин “текст” употребляется не только к сочинения языкового характера, но и ко всякой целостности, имеющей смысл... не все сочинения... являются текстами с точки зрения культуры, а только те, которые имеют определенную функцию и значение...» [Махлина, 2009, с. 315]. Если придерживаться такого понимания, то более точными дефинициями культуры будут те, в которых отражены оба аспекта. Например, определение, предложенное В.Н. Телия: «...культура – ...мировидение и миропонимание, обладающее семиотической природой» [Телия, 1996, с. 222]. А.Я. Флиер дефинирует культуру «как особую поведенческо-коммуникативную программу, обеспечивающую групповой (коллективный) характер человеческой жизнедеятельности» [Флиер, 2016, с. 2]. Данное определение интересно тем, что в нем акцентируется функциональный аспект культуры – выступать регулятором лингвокультурного сообщества. Исследователь отмечает: «Культура это определенная программа совместного выживания, заложенная в гены человека, которая стимулирует и организует его жизнь в окружении себе подобных, взаимодействие и взаимопонимание с ними» [Флиер, 2012, с. 21]. В данном утверждении подчеркивается архетипический регулятивный характер культуры.

Воплощение культурно маркированных знаний осуществляется посредством знаков культуры. Как и другие виды единиц, их определяют с опорой на функциональный признак. Рассмотрение знаков предполагает описание функций культуры. Проблема функций культуры была рассмотрена в трудах С.М. Толстой, А.Я. Флиера, В.А. Куца и др. Культура является результатом ценностно маркированной деятельности человека. Отсюда следует,

что вопрос о функциях знаков культуры может быть трактован следующим образом: какую роль данная материальная сущность играет в социуме. В.А. Куц отмечает: «Функции культуры это функции, которые культура в целом выполняет по отношению к обществу и членам этого общества, устанавливая тем самым связь между множеством предназначений, ролей и множеством членов общества (субъектов)» [Куц, 2015, с. 3]. По вопросу выполняемых культурой функций нет единства мнений. Так, В.А. Куц выделяет «адаптивную, аксиологическую (ценностную), гносеологическую (познавательную), защитную, коммуникативную, креативную (творческую, в том числе человекотворческую), нормативную (регулятивную), релаксационную (психоэмоциональной разрядки), семиотическую (сигнификативную, знаковую, информативную), функцию социализации (передачи социального опыта)» функции [Куц, 2015, с. 3]. Е.С. Бабунова говорит об «инструментальной (создание и преобразование окружающей среды); инкультурации (создание и преобразование самого человека); нормативной (система средств организации коллективной жизни); сигнификативной (знаковой, «означивание», благодаря которому осуществляются умственные и эмоциональные действия человека); познавательной (дает возможность создать картину мира); коммуникативной (обеспечивает передачу этнокультурной информации между поколениями)» функциях [Бабунова, 2009, с. 222]. В различных культурологических исследованиях набор ролей в целом повторяется с некоторыми изменениями их названий, продиктованными принципами их выделения. Функции культуры отражают ее интенции, «намерения, целеустановки» [Радбиль, 2006, с. 11], которые детерминированы потребностью человека и общества. Анализ ролей культуры позволил нам выделить ее следующие основные интенции:

- генерировать и накапливать смыслы;
- передавать знания;
- объединять своих;
- защищать;
- регулировать процессы жизнедеятельности.

На наш взгляд, данные установки порождают основные функции знаков культуры, ко-

торые, безусловно, могут уточняться более частными случаями. Итак, к ним мы относим:

- концептуальную функцию, заключающуюся в генерировании смыслов;
- сигнификативную функцию, состоящую в поиске адекватных средств выражения знаний;
- аккумулирующую функцию, состоящую в их накоплении;
- коммуникативную функцию, необходимую для передачи информации;
- интегрирующую функцию, проявляющуюся в объединении своих, формировании культурной идентичности, противопоставлении чужим;
- оберегающую функцию, выражающуюся в защите сообщества и его членов от негативных воздействий;
- регулятивную функцию, воплощенную в установлении и охране правил общежития.

Предложенный набор функций обуславливает состав знаков культуры. Их важной особенностью выступает то, что они полифункциональны, то есть одновременно играют несколько ролей. В данном аспекте можно выделить инвариантную интенциональную часть знаков культуры, в которую входят обязательные функции, и вариативную. Все знаки культуры выполняют функции концептуализации, сигнификации, аккумуляции, коммуникации, интеграции, поскольку они являются следствием порождения информации, ее обозначения, хранения и передачи. Тот факт, что любой знак культуры прочитывается своими, подтверждает обязательность интегративной функции. К вариативным следует отнести оберегающую и регулятивную функции. Культура располагает обширным числом средств различной знаковой природы, которые необходимы ей для репрезентации представлений о мире, принципов, установок, норм, стандартов. Своеобразие знаков детерминировано конфигурацией функций, детерминирующих их значение. В связи с представленной типологией можно выделить знаки информационного типа, регуляторы, обереги, интеграторы.

Лингвокультурные знаки

При сопоставлении функций языка и культуры нетрудно заметить, что ряд функций знаков культуры присущ и языку. Это касается

концептуализации, сигнификации, аккумуляции, коммуникации, интеграции, что, по-видимому, объясняется природой знакового средства вообще. Не присущие языку функции культуры делегирует вербальным средствам, в результате чего формируется особый, лингвокультурный знак [Токарев, 2022, с. 9]. При этом происходит функциональное перекодирование знака, в результате чего основная, номинативная функция вербального знака замещается культурной. Вербальные средства, слова, фразеологизмы и др., становятся знаками культуры.

Рассмотрим функциональные особенности данных единиц.

Функция концептуализации заключается в порождении ценностно маркированных смыслов. Е.С. Кубрякова предлагает понимать под концептуализацией «один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящей к образованию концептов...» [Краткий словарь..., 1996, с. 93]. В ядре культуры сосредотачиваются наивные представления о мире. Ю.Д. Апресян отмечает: «Они (наивные представления. – Г. Т.) отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в этот мир» [Апресян, 1995, с. 351]. Знания, генерируемые культурой, основаны на жизненном опыте, наблюдениях, приверженности традиции. Они не всегда получают объяснения, под них не подводится доказательная база, ввиду чего они носят характер не нуждающихся в аргументации прескрипций. Этим культура отличается от науки. А.Я. Флиер определяет обыденную культуру как «владение *обычаями* повседневной жизни социальной и национальной среды, в которой человек проживает и социально самореализуется» [Флиер, 2016, с. 246]. Таким образом, миссией лингвокультурных знаков становится презентация наивной картины мира. Концептуализация новых смыслов осуществляется в направлении наиболее важных для человека аспектов действительности.

Так, для унификации разнообразных признаков и свойств человека культурное сознание генерирует эталоны. Обращаясь к символике тульской культуры, можно привести

множество эталонов, сформированных на базе прецедентных для нее собственных имен. Так, *Демидов, Баташев, Лугинин, Мосолов* стали эталонами предприимчивости, деловой хватки. Каждое из этих имен отражает значимый для регионального сообщества сюжет, на основе которого стали выкристаллизовываться смыслы, впоследствии закрепленные значением знака. Никита Демидович Демидов актуализирует лингвокультурный сюжет о зарождении оружейного производства в Туле. Благодаря дружбе с Петром I Демидов получил у царя разрешение на строительство железодельного завода. Ларион Иванович Лугинин также был владельцем металлургических заводов, бумажных и полотняных фабрик. За хватку и предприимчивость Лугинина называли русским львом внешней торговли. Фамилия Баташевых актуализирует лингвокультурный сюжет о владельцах самой крупной в России самоварной фабрики. То же можно сказать о Мосоловых, которым принадлежало несколько металлургических заводов. Безусловно, эталоны формируются не только на основе имен реальных людей. Номинации литературных персонажей также могут встать на путь эталонизации, например *Левша, Тычка*. Концептуализация эталона связана с редукцией частных смыслов, деталей и актуализацией одного и нескольких признаков, которые эталонизируются и стандартизируются. В коллективном сознании смысл получает иную категоризацию. Так, с именем Лариона Лугинина связано множество знаний: первый градоначальник, жестокий отец, меценат и др., но именно предприимчивость становится категоризирующей чертой.

Потребность в параметризации действительности воплощается в наивных мерах (квазимерах). Так, на основе урбанонимов могут формироваться новые культурные смыслы. Например, *Глушанки, Криволучье, Мясново* в тульской культуре выступают мерами удаленности от центра, сложной транспортной доступности. В частности, это значение объективируется устойчивыми фразами в объявлениях о покупке или обмене квартиры: *Криволучье не предлагать* и формируется под влиянием представлений об устройстве города. Указанные локации, бывшие деревни, располагаются на окраинах Тулы. Таким об-

разом, функция концептуализации заключается в генерировании ценностно маркированных смыслов.

Функция сигнификации заключается в обозначении сгенерированных культурных смыслов. Как правило, для этого избираются прецедентные номинации, имеющие для лингвокультурной общности особое значение. Культурная семантика присоединяется к единице сначала в виде коннотации, которая впоследствии формирует новый сигнификат. Так, ключевой знак *политех*, обозначающий Тульский государственный политехнический университет сформировал семему 'самое крупное престижное учреждение высшего образования города, ориентированное на технические, в том числе военные специальности'.

Как видим, данная функция выражает себя по-иному, нежели у вербальных знаков. Это выражается в особой денотативной ориентированности лингвокультурных единиц, в частности на репрезентацию эталонов, мер.

Отдельная категория лингвокультурных знаков – эмблемы направлена на этикетирование культурных знаний, формирование на их основе визуальной презентации культуры. Так, образное представление Тулы объективировано знаками *пряник, самовар, Ясная Поляна* и др. В данном случае сигнификативная функция модифицируется, воплощаясь не столько в передаче культурных смыслов, сколько в порождении суггестивного образа.

Лингвокультурные знаки сохраняют культурную информацию, которая принимает форму лингвокультурных сюжетов и легенд. В этом заключается их аккумулярующая функция. Так, ключевой знак тульской культуры *памятник Пушкину* связан с сюжетом о том, что его создал тот же скульптор, что и памятник Петру Первому, установленный у центральных проходных Тульского оружейного завода, – Р.Р. Бах. Данный ключевой знак актуализирует легенду о похищении памятника, его потере и обретении. Аккумулярующая функция знака воплощается в коллективной культурной памяти – особой структуре общественного сознания, включающей значимые смыслы, образующие программу культуры и иерархию ее ценностей. Эти структуры объективируются прецедентными текстами и транслируются последующим поколениям, в чем на-

ходит свое воплощение коммуникативная функция лингвокультурных знаков. Характеризуя данную функцию, А.Я. Флиер отмечает: «Основная социальная функция символического производства и всей символической деятельности в наибольшей мере связана именно с коммуникацией, с обменом информацией между людьми (как между современниками, так и трансляцией социального опыта следующим поколениям) и передачей информации в отчужденном от источника и компактно “свернутом” виде» [Флиер, 2012, с. 22].

Ю.М. Лотман подчеркивал, что успешность коммуникации обусловлена тем, что участники диалога имеют общее информационное пространство: «...нормальной становится ситуация пересечения языкового пространства говорящего и слушающего...» [Лотман, 2000, с. 13]. Однако в то же время эффективность коммуникации зависит от объема знаний, которые не известны одному из членов коммуникативного процесса. Следует отметить, что лингвокультурную общность формирует именно инвариантная, ядерная часть знаний, представленных лингвокультурными знаками, которые прочитываются каждым представителем данного сообщества. Культурная коммуникация осуществляется как внутри лингвокультурной группы, так и между различными социальными объединениями. В первом случае происходит восполнение недостающей информации о своей культуре, в которой испытывает потребность тот или иной член сообщества. Во втором осуществляется внешний трансфер знаний. Лингвокультурной единицей, предназначенной для реализации этого процесса, выступает бренд. Так, *ТТ – Тульский Токарев* выступает в качестве бренда тульского оружия, *белевская пастила* – экологически чистых, приготовленных ручным способом кондитерских изделий.

Лингвокультурные знаки становятся маркерами членов лингвокультурной общности, поскольку они известны только им. Так, представителям иных региональных субкультур не понятны смыслы, стоящие за именами собственными *Белоусов, Смидович, Дрейер, Гумилевская*, тульских врачей, повлиявших на развитие города и оставшихся в памяти туляков как эталоны патриотов малой Родины.

Только туляк поймет, о чем идет речь, когда употребляют слово *светофор* (‘ковидный госпиталь, отличающихся от других высоким уровнем предоставления медицинских услуг’) или *ленинский хлеб* (‘хлебобулочный продукт, выпекаемый из пшеничной муки в виде высоких, «дышащих» буханок в поселке Барсуки Ленинского района Тульской области, мера высокого качества’). Таким образом, интерпретируемость символика культуры членами лингвокультурной общности становится воплощением функции интеграции лингвокультурных знаков, которые являются своеобразным паролем, фильтром. Следствием реализации данной функции выступает культурная идентификация людей, под которой мы, вслед за В.И. Карасиком, понимаем «осознание своей принадлежности к той или иной группе социума и вытекающие отсюда установки мировосприятия и коммуникативного поведения» [Карасик, 2020, с. 285].

Важнейшей функцией культуры является регулятивная. Такая ее оценка определена тем, что данная роль обеспечивает стабильную, продуктивную жизнедеятельность общества. А.Я. Флиер трактует ее сущность как «обучение людей “правильному” социальному поведению и постоянное психологическое стимулирование его» [Флиер, 2016, с. 3].

Реализация данной функции осуществляется с опорой на нормы, запреты, правила, культурные установки, то есть на все то, что отвечает предписаниям *так можно, так нужно, так нельзя*. Для ее воплощения культуре необходимы единицы, с помощью которых она моделировала бы поведение человека. В целях удовлетворения указанной потребности культуры людьми создан специальный вид знака культуры – символ. Н.Д. Арутюнова отмечала: «Стать символом значит приобрести определяющую жизнь человека или коллектива людей функцию, властно диктующую выбор жизненных путей и моделей поведения...» [Арутюнова, 1999, с. 338]. Данная функция была делегирована культурой и в лингвокультурную среду. Вербальная единица, будучи средством номинации, не предназначена выполнять культурно-символическую функцию, поэтому при ее трансфере в лингвокультуру был сформирован новый тип знака. В значении символа (квазисимвола) важную роль

играет прагматический компонент, который может формулироваться в виде императивов. Так, *завитай*, *засека* в тульской культуре символизируют обороноспособность, защиту города. Завитай и засека – вид укреплений рубежной черты. Завитай – искусственно созданный земляной вал, засека – непроходимая для конницы лесная полоса, образованная путем подсекания деревьев. Прагматическую составляющую данных символов представляет компонент «учти, что поселение крепко защищено», «будь уверен в своей безопасности». *Кузнецкая слобода* – символ мастерства туляков. Исторически Кузнецкая слобода представляла собой один из районов города, в котором жили оружейники. Прагматическим компонентом символа является императив «знай, что туляки мастерские люди». *Тульский рабочий полк* – символ защиты города. Формирование значения символа связано с историей создания народного ополчения в 1941 году. Символ воплощает императив «будь уверен, что жители всегда защитят свой город». *Мыльная Гора* – символ смерти, «того света». Его значение связано с названием локации, в которой находится самое крупное городское кладбище. Прагматическая составляющая символа представлена прескрипциями «помни, что жизнь не бесконечна», «береги жизнь». Таким образом, символы выступают в роли несанкционированных, неофициальных регуляторов общественной жизни.

Защитная функция является следствием регулятивной. Ее сущность заключается в предупреждении человека от воздействия негативных факторов. В.А. Куц пишет: «...защитную функцию культуры можно трактовать как способ осуществления индивидуальной и коллективной человеческой жизнедеятельности, препятствующий процессам возрастания энтропии защищаемой системы с помощью сигналов отрицательной обратной связи между выходом системы и входами подсистем, осуществляющих процессы саморегуляции, самоуправления и самоорганизации с целью обеспечения функционирования системы в нормальном режиме» [Куц, 2015, с. 8]. Средством реализации данной функции является оберег. Обереги репрезентируют опасения человека, к которым можно отнести

смерть, болезнь, неудачу и др., поэтому имеет более универсальный характер без яркой региональной специфики. Как и невербальный объект или практика, лингвокультурный оберег выступает в роли защищающего средства, то есть является перформативом: *не тут сказано; тьфу-тьфу-тьфу; не загадывая; помаленьку; дела у прокурора* и т. д. Обереги обладают яркой прагматической ориентированностью.

Заключение

Наблюдение за знаковыми множествами позволяет усмотреть важную системообразующую закономерность, проявляющуюся в том, что новые знаковые пространства возникают под влиянием функциональной потребности. Культура, представляющая собой огромный багаж обыденных знаний, нуждается в увеличении знаковых средств, которые могут их репрезентировать. Для поиска каналов передачи информации культура осваивает новые семиотические сферы. Этот процесс связан с трансфером функций знаков культуры новым материальным сущностям. Система естественного языка оказывается хорошо приспособленной для выполнения культурных функций. Во-первых, вербальные единицы выполняют отчасти те же роли: концептуализации, сигнификации, аккумуляции, коммуникации. Во-вторых, словесные знаки являются основным средством выражения наивных знаний. В-третьих, языковые единицы удобны в процессах обмена информацией. В-четвертых, знаки естественного языка потенциально готовы к полифункциональности, что позволяет экономно использовать семиотические средства.

В результате тесного взаимодействия с языком культура формирует особый, лингвокультурный уровень. Включенные в него вербальные единицы выполняют культурные функции, пополняя символарий культуры. Приписанные вербальным единицам функции культуры становятся причиной формирования лингвокультурных единиц: эталонов, мер, символов, брендов, оберегов. Вместе с новой функцией провербальный знак культуры меняет свою категориальную принадлежность и значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д., 1999. Язык и мир человека. М. : Яз. рус. культуры. 896 с.
- Апресян Ю. Д., 1995. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. М. : Шк. «Яз. рус. культуры». С. 348–374.
- Бабунова Е. С., 2009. Место культуры и ее этнических функций в этнокультурном образовании // Сибирский педагогический журнал. № 3. С. 221–228.
- Карасик В. И., 2020. Языковые картины бытия. М. : Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. 468 с.
- Ковшова М. Л., 2012. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. М. : Либроком. 456 с.
- Красных В. В., 2002. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М. : Гнозис. 283 с.
- Краткий словарь когнитивных терминов, 1997 / Е. С. Кубрякова [и др.]. М. : МГУ им. М.В. Ломоносова. 245 с.
- Куц В. А., 2015. Функции адаптации и защиты в культуре // Культура культуры. № 3 (7). 7 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23694799>
- Лотман Ю. М., 2000. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб. 704 с.
- Махлина С., 2009. Словарь по семиотике культуры. СПб. : Искусство-СПб. 751 с.
- Радбиль Т. Б., 2006. Человеческий фактор в языке: лингвистическая прагматика и теория речевых актов. Основные термины и понятия. Н. Новгород : Нижегород. гос. ун-т. 60 с.
- Степанов Ю. С., 1971. Семиотика. М. : Наука. 168 с.
- Телия В. Н., 1996. Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Шк. «Яз. рус. культуры». 284 с.
- Токарев Г. В., 2022. Вопросы изучения симболярия региональной идентичности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 21, № 6. С. 173–182. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.14>
- Токарев Г. В., 2022. Словарь лингвокультурологических терминов. Тула : ТППО. 57 с.
- Толстая С. М., 1994. К понятию функции в языке культуры // Славяноведение. № 5. С. 91–97.
- Флиер А. Я., 2008. Некультурные функции культуры. М. : МГУКИ. 340 с.
- Флиер А. Я., 2016. О функциях символа в культуре // Культура культуры. № 4 (12). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27185090>
- Флиер А. Я., 2012. Социальные функции культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. № 4 (48) С. 19–25.

REFERENCES

- Arutjunova N.D., 1999. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow, Yaz. rus. kultury Publ. 896 p.
- Apresyan Yu.D., 1995. *Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya* [The Image of a Person According to Language Data: An Attempt at a System Description]. *Izbrannye trudy. Integralnoe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected Works. Integral Description of Language and System Lexicography]. Moscow, Shk. «Yaz. rus. kultury», pp. 348-374.
- Babunova E.S., 2009. *Mesto kultury i eyo etnicheskikh funktsiy v etnokulturnom obrazovanii* [The Place of Culture and Its Ethnic Functions in Ethno-Cultural Education]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal], no. 3, pp. 221-228.
- Karasik V.I., 2020. *Yazykovye kartiny bytiya* [Linguistic Pictures of Being]. Moscow, In-t rus. yaz. im. A.S. Pushkina. 468 p.
- Kovshova M.L., 2012. *Lingvokulturologicheskiy metod vo frazeologii: kody kultury* [Linguoculturological Method in Phraseology: Codes of Culture]. Moscow, Librokom Publ. 456 p.
- Krasnykh V.V., 2002. *Etnopsikholingvistika i lingvokulturologiya* [Ethnopsycholinguistics and Linguoculturology]. Moscow, Gnozis Publ. 283 p.
- Kubryakova E.S., Demyankov V.Z., Pankrats Yu.G., Luzina L.G., 1997. *Kratkiy slovar kognitivnykh terminov* [A Concise Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow, MGU im. M.V. Lomonosova. 245 p.
- Kuts V.A., 2015. *Funktsii adaptatsii i zashchity v kulture* [Functions of Adaptation and Protection in Culture]. *Kultura kultury* [Culture of Culture], no. 3 (7). 7 p. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23694799>
- Lotman Yu.M. 2000. *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ. 704 p.
- Makhlina S., 2009. *Slovar po semiotike kultury* [Dictionary of Cultural Semiotics]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ. 751 p.
- Radbil T.B., 2006. *Chelovecheskiy faktor v yazyke: lingvisticheskaya pragmatika i teoriya rechevykh aktov. Osnovnye terminy i ponyatiya* [The Human Factor in Language: Linguistic Pragmatics and Theory of Speech Acts. Basic Terms and Concepts]. Nizhny Novgorod, Nizhegor. gos. un-t. 60 p.
- Stepanov Yu.S., 1971. *Semiotika* [Semiotics]. Moscow, Nauka Publ. 168 p.

- Teliya V.N., 1996. *Russkyja frazeologija: semantiko-pragmaticeskij i lingvokulturologičeskij aspekty* [Russian Phraseology: Semantic-Pragmatic and Linguoculturological Aspects]. Moscow, Shk. "Yaz. rus. kul'tury". 284 p.
- Tokarev G.V., 2022. Voprosy izučeniya simbolariya regionalnoy identičnosti [Symbolary of Regional Identity: Research Issues]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 21, no. 6, pp. 173-182. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.14>
- Tokarev G.V., 2022. *Slovar lingvokulturologičeskikh terminov* [Dictionary of Linguistic and Cultural Terms]. Tula, TPPO. 57 p.
- Tolstaya S.M., 1994. K ponyatiyu funktsii v yazyke kul'tury [To the Concept of Function in the Language of Culture]. *Slavjanovedenie*, no. 5, pp. 91-97.
- Flier A. Ya., 2008. *Nekulturnye funktsii kul'tury* [Non-Cultural Functions of Culture]. Moscow, MGUKI. 340 p.
- Flier A. Ya., 2016. O funktsiyakh simvola v kul'ture [About the Functions of the Symbol in Culture]. *Kultura kul'tury* [Culture of Culture], no. 4 (12). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27185090>
- Flier A. Ya., 2012. Sotsialnye funktsii kul'tury [Social Functions of Culture]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts], no. 4 (48), pp. 19-25.

Information About the Author

Grigoriy V. Tokarev, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Document Studies and Stylistics of the Russian Language, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Prosp. Lenina, 125, 300026 Tula, Russia, grig72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2362-0902>

Информация об авторе

Григорий Валериевич Токарев, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой документоведения и стилистики русского языка, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, просп. Ленина, 125, 300026 г. Тула, Россия, grig72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2362-0902>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» состоит в содействии развитию лингвистики посредством создания платформы для научной коммуникации представителей международного профессионального сообщества, открывающей широкому кругу читателей свободный доступ к достижениям национальных лингвистических школ и направлений.

Редакционная политика журнала направлена на решение следующих задач:

– комплексное представление достижений современной лингвистики посредством публикации результатов оригинальных исследований в области теории языка, прикладной и сравнительно-сопоставительной лингвистики, истории и современного состояния языков разных групп и семей; объединения в рамках одного номера статей схожей проблематики, авторы которых принадлежат разным научным школам, актуализируют традиционные и реализуют современные направления лингвистики, апробируют новые методы и концепции изучения языков, их функционирования в разных сферах (в том числе в интернет-коммуникации) и в разные периоды развития;

– поддержка исследований междисциплинарного характера в области компьютерной лингвистики, юридической лингвистики, социолингвистики, гендерной лингвистики, переводоведения, теолингвистики и др.;

– расширение международной аудитории журнала посредством привлечения к сотрудничеству зарубежных авторов, публикации на русском и английском языках научных обзоров современных теоретических и экспериментальных исследований, выполненных российскими и зарубежными учеными;

– повышение интереса зарубежных специалистов к российским исследованиям посредством перевода на английский язык русскоязычных статей, посвященных изучению славянских языков, в частности русского, и межкультурной коммуникации;

– поддержка интернациональных научных коллективов, объединенных сравнительно-сопоставительным изучением языков в рамках конкретных тем.

В качестве критериев отбора статей учитываются: обращение авторов к новым языковым явлениям и новым источникам, знание и использование авторами новейших отечественных и иностранных публикаций по теме исследования, научная объективность и качественный анализ фактов с применением соответствующих современному уровню развития методологии и методов научного исследования, дискуссионность. Поддерживая развитие научного взаимодействия, редакция приветствует статьи, написанные в соавторстве российскими и зарубежными исследователями в рамках международных проектов.

Уважаемые читатели!

Подписка на I полугодие 2024 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20986.

Стоимость подписки на I полугодие 2024 года
2624 руб. 40 коп.

Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

The mission of the *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* is to promote the development of linguistics by providing a platform for scientific communication between Russian linguists and the international scholarly community. The journal gives open access to the achievements of national schools of linguistics to a broad readership.

The editorial policy of the Journal is aimed at achieving the objectives set:

– comprehensive presentation of the achievements of modern linguistics through publishing the results of original research in language theory, applied and comparative linguistics, history, and the current state of languages of different groups and families; bringing together in a single issue articles on similar research topics conducted by authors belonging to different schools of thought, publishing manuscripts using traditional and contemporary trends in linguistics, and applying new methods, research designs, and concepts to investigate linguistic phenomena and functions of languages in different discourse domains (including Internet communication) in synchronic and diachronic perspectives;

– supporting interdisciplinary research in the fields of computational linguistics, legal linguistics, sociolinguistics, gender linguistics, translation studies, theolinguistics, etc.;

– expanding the journal's international readership by publishing high-quality manuscripts by foreign authors and reviews of current theoretical and experimental research carried out by Russian and foreign scientists in Russian and English;

– enhancing interest in Russian studies on behalf of foreign professional linguists by translating into English Russian-language articles on the issues of Slavic languages, in particular Russian, and intercultural communication;

– supporting international research projects dedicated to the comparative study of languages within the framework of specific topics.

The criteria for selecting the articles to be published are the following: the authors' appeal to new linguistic phenomena and new sources, the authors' familiarity with latest publications on the research topic carried out by domestic and foreign scholars and application of their results, scientific objectivity and thorough analysis of facts using the methods of scientific research that correspond to the current level of methodology development, and actual discussion potential. The Editorial Board promotes the development of scientific cooperation and welcomes the articles written in co-authorship by Russian and foreign researchers in the framework of international projects.

Dear readers!

Subscription for the 1st half of 2024 is carried out through “The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1. The subscription index is 20986.

The cost of subscription for the 1st half of 2024
is 2624.40 rubles.

Distribution of the journal is carried out through the address system.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik2@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik2@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание».

Редакционная коллегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://l.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik2@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **the Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik2@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* print periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://l.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics
is indexed by:

